

Е. Л. Ерзинкян

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ
ВЕЖЛИВОСТИ

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. Л. ЕРЗИНКЯН

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ:
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА**

ЕРЕВАН

Издательство ЕГУ

2018

УДК 81
ББК 81
Е 709

*Рекомендовано к печати Ученым советом
факультета романо-германской филологии ЕГУ*

Рецензенты: член-корр. НАН РА, доктор филол. наук,
профессор С.К. Гаспарян
доктор филол. наук, профессор А.А. Симонян

Ерзинкян Е.Л.

Е 709 Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика. – Ереван, Изд. ЕГУ, 2018. – 410 с.

Монография посвящена комплексному исследованию категории вежливости на материале английского языка. Лингвистическая категория вежливости рассматривается с точки зрения отражения сложного как в плане содержания, так и в плане выражения социального концепта, включающего два аспекта: динамический, где вежливость представляет собой принцип, регулирующий речевое поведение коммуникантов, и статический, где вежливость предстает как категория, включающая различные способы воплощения принципа вежливости в дискурсе. Устанавливаются существенные характеристики высказывания, способствующие регулированию межличностных отношений, выявляются средства и способы выражения категории вежливости, основанные на их семантической и прагматической интерпретации.

Книга адресована широкому кругу лингвистов и всем, кто интересуется проблемами интегральной науки о человеке.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-8084-2289-6

© Изд. ЕГУ, 2018
© Ерзинкян Е.Л., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	---

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

1.1 Антропоцентризм как одно из ведущих направлений научного знания.....	12
1.2 Концепт вежливости в свете теории речевых актов ..	27
1.3 Дискурс: когнитивно-функциональный аспект исследования.....	38

ГЛАВА 2

ТЕОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИС- ТИКЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1 Вежливость: к постановке проблемы	46
2.2 Теория социальной нормы.....	51
2.3 Теория максим речевого общения	55
2.4 Теория «сохранения лица»	66
2.5 Теория коммуникативного договора	84
2.6 Пост-классические теории (не)вежливости	87

ГЛАВА 3

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ КАК ОРГАНИЗОВАННАЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕ- СКАЯ СИСТЕМА

3.1 Концепт вежливости в английской лингвокультуре ..	109
3.2 Лексикографическое выражение концепта вежливости в английском языке	116
3.3 Категория вежливости в свете теории ФСП	121
3.4 Эксплицитная и имплицитная вежливость	128

3.5	Роль категории модальности в сфере вежливого общения	139
3.6	Сослагательное наклонение как одно из средств реализации принципа вежливости в английском языке	173
3.7	Модальное переосмысление видо-временных форм как средство снижения категоричности высказывания	180
3.8	Вежливость и коммуникативные типы предложений	185

ГЛАВА 4

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАЛОГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

4.1	Диалог: основные характеристики	213
4.2	Говорящий и слушающий как организующие центры диалога	217
4.3	Дейксис в диалогическом дискурсе	229
4.3.1	Категория дейксиса: общая характеристика	233
4.3.2	Дейксис как системообразующий компонент речевого взаимодействия	239
4.3.3	Говорящий человек как языковая личность	243
4.3.4	Местоимения как основной класс личного дейксиса: прагмасемантические особенности	247
4.3.5	Личные местоимения как индикаторы социальных отношений	254
4.3.6	Роль дейксиса в реализации категории вежливости	264
4.3.7	Дейксис как маркер категории «свой-чужой»	279
4.4	Категория вежливости в структуре косвенных речевых актов	301
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	329
	ЛИТЕРАТУРА	342

Вежливость – это первая добродетель
и, возможно, причина всех прочих.

Андре Конт-Спонвиль

ВВЕДЕНИЕ

Характерной особенностью современных лингвистических исследований является комплексный и многоаспектный подход к изучению объекта исследования, при котором система и строй языка рассматриваются в теснейшей связи с функционированием языковых единиц в речи. Это обусловлено тем, что функционально-семантические категории как языковые системы выполняют свою функцию только во взаимодействии с речевой средой, конкретной коммуникативной ситуацией, которая определяет специфику употребления языковых единиц в речи.

В настоящее время общепризнанным является тот факт, что вербальная коммуникация – это не только обмен информацией, но также и средство установления, поддержания и прекращения социальных отношений, демонстрация своего отношения к собеседнику. Это значит, что коммуникативный (речевой) акт не ограничивается лишь передачей семантической информации: необходимой его частью является передача иллюкутивного содержания. Это содержание предстает как

прагматическая информация высказывания, как интенция говорящего, определяемая как языковая фаза коммуникативного процесса, детерминирующая выбор и комбинацию языковых средств, которые соответствуют определенной ситуации общения и предопределяют общую коммуникативную тональность диалога. В этом контексте особую значимость приобретает изучение таких социально-обусловленных категорий, как вежливость, которая, являясь неотъемлемой частью речевого взаимодействия коммуникантов, призвана обеспечивать гармоничное, бесконфликтное общение между людьми, между говорящим и слушающим. Язык здесь играет исключительно важную роль и является одним из важнейших средств координации деятельности людей, средств регуляции человеческих взаимоотношений.

Данная работа посвящена изучению особенностей вербализации концепта вежливости в современном английском языке, а именно рассмотрению и систематизации возможного и допустимого репертуара языковых средств, имеющихся в распоряжении говорящего для создания вежливых высказываний применительно к различным ситуациям общения, что, в свою очередь, предполагает рассмотрение взаимозависимости и взаимодействия собственно семантики высказывания и его прагматических параметров при образовании общего смысла высказывания.

Учитывая, что смысл языковой формы в речи представляет собой единство ее системного значения и речевых функций, которые обусловлены собственно коммуникативно-прагматическими факторами, а именно тем, что говорящий выбирает определенное языковое средство для того, чтобы наиболее эффективно воздействовать на слушающего, представляется оправданным выбранный нами в работе комплексный когнитивно-прагматический подход к изучению категории вежливо-

сти, который обусловлен самой спецификой исследуемой категории.

Интегративный подход к изучению взаимоотношения семантики и прагматики представляется целесообразным и продуктивным, поскольку он позволяет преодолеть в определенной степени «идеальность, абстрактность и статичность» лингвистической семантики, что в конечном итоге имеет непосредственное отношение к решению практических задач обучения языку как средству общения, как средству реализации речевой деятельности человека. В такой тесной соотнесенности когнитивного и прагматического значений языковых знаков, в изучении последних в аспекте их речеактовых свойств, а также соотношения их прагматических и структурно-семантических особенностей можно усматривать проявление всеобщей связи и взаимообусловленности явлений в рассматриваемой языковой области действительности. Кроме того, такой подход к изучению категории вежливости, включающий лексико-грамматический, прагматический и социолингвистический анализ, позволяет в полной мере раскрыть сложность данного языкового явления и его функционирования в процессе коммуникации.

За последние три десятилетия появилось значительное количество работ по вопросам лингвистической вежливости. Большой интерес к данной проблематике вызван несколькими факторами, основным из которых является тенденция современного языкознания к расширению границ своих исследований путем их междисциплинарного преломления. Развитие лингвистической науки привело к осознанию того, что осуществление коммуникативных интенций и интерпретация воспринимаемых сообщений подвержены влиянию структур, определяемых культурой. Лингвисты пришли к пониманию необходимости учета имплицитных, психологических, нацио-

нально-культурных и социальных правил, определяющих не только форму, но и содержание речи человека в конкретных социальных ситуациях. Поэтому описание процесса категоризации и формирования концепта вежливости в человеческом сознании и описание средств, которыми категория вежливости эксплицируется в языке, представляет собой новый этап в изучении категории вежливости и картины мира человека, составной частью которой она является. Кроме того, интерес этот обусловлен теоретическими и практическими задачами современной лингвистики, среди которых важное место занимает изучение прагматического аспекта коммуникации, обеспечивающего речевое взаимодействие партнеров и их взаимопонимание в процессе общения. Необходимость же анализа социального и культурного аспектов речевой коммуникации обусловлена тем, что в процессе общения люди, как правило, воспринимают и оценивают друг друга с позиций собственной культуры и внутренних, присущих ей норм и стандартов, т.е. с позиций антропоцентризма. И стараясь предсказать коммуникативное поведение собеседника, они сознательно или бессознательно полагаются на свой предыдущий опыт общения.

Актуальность данного исследования определяется: а) общей направленностью современной лингвистики на исследование высказываний в процессе коммуникации; б) особой социальной значимостью категории вежливости в процессе межличностной коммуникации, в осуществлении взаимодействия между говорящим и слушающим и их воздействия друг на друга; в) необходимостью дальнейшего исследования соотношения структуры и семантики, формы и содержания единиц языка в речи. Актуальность избранного направления определяется также и тем, что исследования в русле теории вежливости отражают общие тенденции развития лингвистики на современном этапе: обращение к проблемам человека, изучение

языка на фоне широкого экстралингвистического контекста и сближение гуманитарных наук через общность предмета и задач. Это, в свою очередь, соответствует тенденции развития современной лингвистики, вырабатывающей новые формы взаимодействия с другими науками при изучении различных аспектов функционирования языка.

В этом контексте особую значимость приобретает изучение когнитивной репрезентации сферы вежливого общения, эксплицирование концепта вежливости с учетом достижений современной лингвистической мысли, выявление характерных особенностей средств, репрезентирующих феномен вежливого общения с различным фокусом личностной ориентации, а именно с учетом фактора говорящего и слушающего. В работе прагмалингвистическая категория вежливости подвергается исследованию с точки зрения как средств ее языкового выражения, так и роли и значимости в диалоговом взаимодействии коммуникантов.

Целью данного монографического исследования является выявление и многоаспектное изучение вежливых высказываний с учетом их структурных, функционально-семантических и коммуникативно-прагматических особенностей, которое предполагает определение основных смысловых компонентов понятия вежливости как особой коммуникативно-прагматической категории, систематизацию средств выражения категории вежливости в современном английском языке и выявление структуры данной категории с точки зрения ее полевой организации, описание косвенных способов реализации категории вежливости для решения прагматических задач общения, изучение особенностей функционирования вежливых высказываний, состоящее в выявлении возможных корреляций между языковыми формами, социолингвистическими и прагматическими функциями данных единиц повседневного дискурса, а

также раскрытие диалогической сущности вежливых высказываний и их ситуативно-прагматической обусловленности через выявление дейктических средств их выражения, учитывая, что отношения между говорящим и слушающим «регулируются» также и так называемыми антропологическими категориями, среди которых категория дейксиса занимает особое место, ибо она позволяет говорящему наиболее точно и адекватно ситуации общения выразить свои мысли и намерения. Кроме того, в реальной коммуникации дейктики различных типов, представляя ситуативные и социальные параметры речевой ситуации, выявляют характер взаимодействия между коммуникантами (говорящим и слушающим), поэтому в работе значительное внимание уделено исследованию дейктических языковых средств как специфических «проводников» категории вежливости.

По мере необходимости для решения поставленных в работе задач использовалось сочетание различных приемов анализа. Достоверность полученных результатов обеспечивается выбором методик, используемых в современных лингвистических изысканиях и адекватных предмету исследования. При общем индуктивно-дедуктивном подходе, включающем описательный метод, методы наблюдения, анализа, сравнения, интерпретации, был применен функциональный анализ лексико-грамматических средств, концептуальный анализ, контекстуально-ситуативный анализ, элементы компонентного, трансформационного и статистического анализа.

Материалом исследования послужили фрагменты текстов, представляющие в основном диалогические единства, извлеченные из произведений англоязычных авторов XX века, а также материал из справочных источников и из реального общения с носителями английского языка. Хотя существует мнение, что письменная форма разговорной речи, подвергаясь обработке, будучи производной, не является надежным источ-

ником для ее изучения, мы считаем, вслед за рядом лингвистов, что для ограниченных целей исследования речь персонажей художественной литературы является вполне адекватным материалом.

Как представляется, в теоретическом плане данное исследование, обобщая, систематизируя и развивая существующие знания о феномене языковой вежливости в русле таких современных лингвистических направлений, как коммуникативная и когнитивная лингвистика, может внести определенный вклад в лингвистические знания о прагматических аспектах вербальной коммуникации, нормативности и культуре речи и стимулировать дальнейшие исследования в сфере когнитивной теории дискурса. Антропоцентрическая направленность исследования может внести также вклад в изучение того, как образ мира формирует языковое сознание человека.

Общая методология настоящего исследования сложилась под влиянием классических и новейших работ в области когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Э.Р. Атаян, Э. Бенвенист, К. Бюлер, В.З. Демьянков, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лэнкер, Ч. Моррис, Ч. Пирс, А.А. Потебня и др.), коммуникативной теории языка Т. ван Дейк, О. Г. Почепцов, Г. Г. Почепцов, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Ч. Филлмор и др.), теории речевых актов и прагматической теории языка (А. Вежбицкая, З. Вендлер, Р. Лакофф, С. Левинсон, Л. Лински, Дж.Р. Серль, Дж. Остин, И.П. Сусов, П.Ф. Стросон, Е.В. Падучева и др.), теории коммуникативного поведения (Р.С. Столнейкер, И.А. Стернин и др.), теории коммуникативной нормы и этики речевого поведения (Н. И. Формановская, В. С. Храковский, И. Гофман, Г. Грайс, Дж. Лич и др.), теории лингвистической вежливости (Р. Лакофф, П. Браун и С. Левинсон, Б. Фрейзер, Дж. Иилин, Р. Уоттс, Дж. Калпепер, Т.В. Ларина, Ф. Коулмас и др.).

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ

1.1 Антропоцентризм как одно из ведущих направлений научного знания

Развитие языкознания XX в. привело в конце столетия к признанию приоритетного положения идеи антропоцентризма в изучении языка и в связи с этим к поиску следов деятельности человека, проявляющихся в языке. Антропоцентрический подход нацелен на изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью, что, в свою очередь, предполагает изучение взаимодействия и взаимовлияния человека и языка в процессе познания мира и творения языка.

В последнее время ведущими парадигмами, которые внесли наибольший вклад в становление новой мегапарадигмы, явились когнитивная и прагматическая. Связь между последними на протяжении ряда лет привлекает внимание многих лингвистов, и развитие мировой лингвистической науки на данном этапе в немалой степени базируется именно на когнитивно-коммуникативном подходе. И хотя в современной лингвистике по-прежнему актуальным остается вопрос о том, как язык связан с явлениями действительности, как языковые единицы репрезентируют объективные свойства явлений, особое

внимание в настоящее время уделяется тому, как соотносятся и как взаимодействуют когнитивные и коммуникативные факторы в языковой картине мира. При этом новая научная парадигма, объединяя когнитивный и коммуникативно-прагматический подходы к языку, стремится передать сложную природу языка как системы и языка как деятельности. И поскольку внеязыковая действительность отражается в языке сквозь призму ее интерпретации людьми, языковую онтологию определяет способ концептуализации и категоризации человеком объективной внеязыковой действительности.

На рубеже столетий в рамках новой парадигмы знаний многие понятия науки получили новую интерпретацию, что обогатило их новыми смыслами и значениями. Так, последние три десятилетия развития в области когнитивной лингвистики радикально изменили наше представление о семантике. Она стала когнитивно-реалистичной, основанной на необходимости подходить к изучению языковых категорий с учетом человеческого фактора, т.е. той доминирующей роли, которая принадлежит порождающему и интерпретирующему язык человеку, человеку мыслящему, человеку познающему и человеку говорящему. Когнитивная семантика стала рассматривать процессы категоризации языкового материала через призму его функционирования в протекающем дискурсе и в рамках коммуникативно-обоснованных систем представления знаний.

Признание ведущей роли человеческого фактора в коммуникации, рассмотрение языка в неразрывной связи с человеком как его неотъемлемой части, пронизывающей все сферы его деятельности и отражающей окружающую действительность такой, какой она преломляется через человеческое сознание, глубоко связано с концепциями таких классиков языкознания, как В. фон Гумбольдт, И.А. Бодуэн де Куртене, Г. Штейнталь, А.А. Потебня, Э. Бенвенист и др. Как отмеча-

лось выше, проблема человеческого начала в языке является одной из приоритетных принципов научного исследования и в современной лингвистической науке, которая на рубеже веков поставила в центр своих изысканий носителя языка, языковую личность и исследование ее роли в формировании языковой картины мира. «Человеческий фактор» в языке – это новое видение проблем взаимопроникновения лингвистики и других областей знаний, выразившееся, в частности, в проявлении понятия «языковая личность». В этой связи можно говорить о том, что происходит постепенное изменение лингвистической парадигмы в целом, вызванное осознанием того, что язык не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем. По словам Ю. Н. Караулова, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» /Караулов, 1987: 7/. Этим, в частности, объясняется все возрастающий интерес к исследованию прагматической составляющей, которой отводятся ключевые позиции при изучении речевой, мыслительной и познавательной деятельности человека.

Принцип антропоцентризма роднит лингвистику со многими другими областями знаний, так как интерес к человеку и его деятельности знаменует переориентацию, характерную для многих фундаментальных наук, а тенденция поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования обуславливает его специфический ракурс: «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» /Кубрякова, 1995/.

Следует отметить, что антропоцентрический принцип вызревал через осознание определяющей роли человеческого фак-

тора в *реальном функционировании языка*. Обращение к человеку явилось переходом от анализа стабильного значения слова к изучению изменчивого содержания высказывания: «Если логика, а также структурная лингвистика первой половины нашего века /XX века. – Е.Е./ стремились освободиться от говорящего субъекта и свести все свои содержательные категории к отношениям предложений к действительности и отношениям между предложениями, то начиная с середины века организующим центром «смыслового пространства» стал человек со всеми его «психологическими комплексами» /Арутюнова, Падучева, 1985/. Итак, стимулом к формированию антропоцентрической парадигмы в лингвистике послужило осознание необходимости разграничения двух аспектов рассмотрения фактов языка, обозначенных В.А. Звегинцевым как язык в его состоянии и язык в его деятельности /Звегинцев, 2001/. Новый ракурс рассмотрения языковых явлений был обозначен как «субъективность в языке», или «антропоцентрический принцип», исходным постулатом которого в лингвистических исследованиях является признание «способности говорящего присваивать себе язык в процессе его применения» (Э. Бенвенист).

Серии публикаций о человеческом факторе в языке, подготовленные развитием ономаσιологического направления и разработкой теории номинации во второй половине 70-х гг. прошлого столетия, означали поворот к изучению актов наречения мира как осуществляемых говорящим человеком в ходе его лингвокреативной деятельности и знаменовали исследование творческого начала в речи человека [1].

Принцип антропоцентризма проявляется в двух аспектах: «человек в языке», который выступает как форма сознания и транслятор культуры, и «язык в человеке», который является мерой всех вещей, в том числе языка и культуры /Кубрякова, 1995; Ольшанский, 2000/. В рамках первого аспекта формиру-

ется круг вопросов о том, как человек воздействует на используемый им язык, какова мера его возможного влияния на него, какие участки языковых систем открыты для его лингвокреативной деятельности и вообще зависят от человеческого фактора. В рамках второго аспекта («язык в человеке») формируется круг вопросов о том, какое воздействие оказывает сложившийся естественный язык на поведение и мышление человека и что дает в этом отношении существование у человека определенной «картины мира».

Положение об определяющей роли человека в лингвистике считается общепризнанным. Оно не только не подвергается сомнению, но и является тем основанием, на базе которого происходит слияние разных научных дисциплин, разрабатываемых человеком о человеке и ради человека. Именно человек выступает в роли субъекта и объекта современных научных изысканий. Иными словами, рассматривая язык уже не как абстрактную модель, существующую саму по себе, а как основу для коммуникативно-когнитивной практики субъекта, антропоцентризм служит «отправной точкой» теоретической и практической познавательной деятельности человека /Колшанский, 1990: 86/, а человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений.

Антропоцентрический принцип в языке оказывается связанным с исследованием широкого круга языковых явлений, которые отражаются в языковом сознании говорящих или отражают присутствие говорящего в акте речи. Наиболее полную природу человеческого фактора в языке раскрывает именно когнитивно-прагматическое направление в лингвистике, которое открывает новые значительные перспективы в изучении языковой личности, акцентируя внимание на ее отражении в языковых структурах.

В современных лингвистических исследованиях языковая личность/говорящий рассматривается не как пассивно воспри-

нимающий язык согласно определенным конвенциям и правилам, а как его субъект и создатель. Объектом пристального внимания исследователей становится проблема отношений между говорящим и его речевым поведением.

Таким образом, антропоцентрическая лингвистическая парадигма характеризуется смещением исследовательских интересов в сторону выявления законов функционирования языка, закономерностей употребления языковых единиц в соответствии с определенными целями говорящего. Последнее и обусловило теснейшую связь лингвистики с прагматикой, одной из основных задач которой является выявление закономерностей, определяющих адекватный выбор и употребление говорящим языковых единиц в процессе общения для достижения конечной цели коммуникации – воздействия на слушателя.

Антропологическая ориентация лингвистических изысканий является логическим продолжением предначертанных Ч. Моррисом и Ч. Пирсом кардинальных путей развития науки о языке по трем направлениям: 1) семантическому, исследующему значение языковых единиц; 2) синтаксическому, описывающему их связь и структуру; 3) прагматическому, выявляющему закономерности их функционирования в процессе использования человеком /Morris, 1938; Peirce, 1940; Моррис, 1983/. Представители прагмалингвистики на основе достижений в семантике и синтактике, признавая определяющую роль человеческого фактора в языке, вплотную занялись изучением механизмов речемыслительной и познавательной деятельности человека, что привело к неизбежности изучения говорящего и познающего Я на основе наблюдений коммуникативной деятельности индивидуума, а также диалогического взаимодействия говорящего и слушающего.

Итак, термин «прагматика» был введен в конце 30-х годов XX века Ч. Моррисом как название одного из разделов семио-

тики. Выделение и формирование прагматики как области лингвистических исследований, стимулированное идеями Ч. Пирса, началось в 60-х-70-х гг. прошлого столетия и происходило под влиянием логико-философских теорий речевых актов Дж. Остина, Дж. Р. Серля, З. Вендлера и др., а также прагматических теорий Л. Линского, Дж. Р. Серля, П. Ф. Стросона и др.

В зависимости от целей и методов конкретного направления исследования, понятие прагматики по-разному трактуется разными учеными. Так, Дж. Остин /Austin, 1962/, а вслед за ним и Дж. Серль /Searle, 1979/, разрабатывают теорию прагматических функций, в основе которой лежит идея о том, что «язык есть действие» (“Language is a variety of action.”). Дж. Серль, пытаясь выработать систему условий, достаточных для успешной реализации речевых актов разной направленности, сформировал их в виде правил (*felicity conditions*). Заметим, что некоторые авторы критикуют этот подход, считая его неперспективным, поскольку все реальное разнообразие речевых актов невозможно уложить даже в самую развернутую систему формальных правил. Это объясняется тем, что критерии, влияющие на восприятие и понимание речи, имеют и функциональный, и эмоциональный, и культурно-специфический характер, они связаны и с целями, и с причинами, и с условиями коммуникативного акта /Thomas, 1995: 37-40/.

Позднее, в 80-х гг. XX столетия, под прагматикой стали понимать значение в контексте (*meaning in context*) /Leech, 1983; Levinson, 1983/. По Дж. Личу, прагматика предполагает изучение значения в его отношении к речевым ситуациям (*the study of meaning in relation to speech situation*), а прагматическое значение определяется как намерение говорящего (адресанта). Коммуникативное намерение (или интенция) говорящего признается важнейшей характеристикой антропоцент-

ричности речи, согласно которой говорящий как субъект речи осуществляет выбор языковых и внеязыковых средств в контексте каждого высказывания. Интенциональный характер процессов порождения и понимания речевых произведений, лежащий в основе лингвистической прагматики, находит отражение в их поверхностных репрезентациях и, соответственно, в существовании самой возможности их адекватной интерпретации.

Ученые, разрабатывающие когнитивный подход к языку, уравнивают прагматику с «интерпретацией высказывания» с позиций адресата (*utterance interpretation*). Наиболее распространенным в настоящее время определением «прагматики» является «значение в использовании» (*meaning in use*) или «значение в контексте» (*meaning in context*). В некоторых современных исследованиях прагматика трактуется как «значение говорящего» (*speaker meaning*), «намерение говорящего» (*intended meaning*) или «интерпретация высказывания» (*utterance interpretation*). Эти дефиниции еще раз указывают на тот факт, что понимание прагматики остается очень широким и по-разному трактуется в зависимости от целей исследования. Более полным, как представляется, является определение прагматики как «значение в процессе интеракции или взаимодействия» (*meaning in interaction*), данное Дж. Томас, в котором исследователь пытается учесть все разнообразие факторов, влияющих на речепроизводство и речевосприятие. Это определение подводит нас к тому, что формирование значения речевого высказывания – это динамичный процесс, включающий обмен значениями между говорящим и слушающим (“*a dynamic process, involving the negotiation of meaning between speaker and hearer*”), контекст высказывания (физический, социальный, лингвистический) и прагматический потенциал высказывания (его пресуппозиции) /Thomas, 1995: 22/.

Совокупность факторов говорящего (адресанта) и слушающего (адресата), отношений между ними, ситуации обще-

ния образуют прагматический контекст, который связан с другим центральным для прагматики понятием – речевым актом. Взаимодействие речевого акта и контекста является основой многих прагматических исследований, а формулирование правил этого взаимодействия – главной задачей прагматики /Арутюнова, Падучева, 1985/.

Итак, содержание прагматики определяется двумя базовыми понятиями – «человек» и его «цели». Задача прагматики заключается прежде всего в том, «чтобы поставить в центр внимания деятельность общения, осуществляемую человеком в определенных социальных межличностных условиях, с определенной мотивацией и целями» /Сусов, 1983: 3/. И если семантика изучает значение преимущественно как бинарное отношение, то прагматика – как тернарное, в котором третий член представлен говорящим субъектом. Рассматривая вопрос о соотношении семантики, синтаксиса и прагматики, следует согласиться с мнением многих лингвистов о том, что они находятся в иерархических отношениях: синтаксис обусловлен семантикой, семантика прагматикой, и все три аспекта подчинены в их взаимозависимости структуре контекста, ситуации, т.е. предполагают примат прагматики /Сусов, 1983: 12/. Прагматика прежде всего ориентируется на субъекта языкового общения и рассматривает диалог как способ языкового взаимодействия. Она изучает условия, при которых человек пользуется языковыми знаками. При этом под условиями пользования понимаются условия адекватного выбора языковых единиц с целью воздействия на партнера, которое достигается при соответствии продукта акта речи контексту и ситуации. Прагматика уделяет большое внимание экстралингвистическим факторам общения, тому, что выходит за рамки словесных знаков. Однако основными в прагматической семантике являются «не отношения вне знака, а скорее преломление подоб-

ных интересов внутри знака, высказывания, т.е. не отношение человека к знаку, а модификация знака, высказывания под воздействием подобных отношений» /Почепцов, 1984: 30/. Таким образом, прагматика рассматривает язык как систему средств выражения, служащую какой-либо цели, и ее задачей является не исследование устройства языка как такового, а изучение его функционирования в конкретных условиях общения, а также разработка конвенций и правил, управляемых процессами языковой коммуникации.

В этом контексте исследование вежливости как коммуникативной категории, упорядочивающей знания человека об общении и нормах его осуществления, реализующейся в коммуникативном поведении интерактантов и определяющей эффективность межличностного общения, становится особенно актуальным. Изучая значение-намерение участников коммуникации, прагматика акцентирует внимание на взаимодействии говорящего и слушающего, что представляется наиболее приемлемым и необходимым при изучении такой категории, как вежливость. Как известно, основная цель вежливого поведения состоит в том, чтобы показать партнеру по коммуникации (слушающему) доброжелательное и уважительное отношение к нему и быть соответственно понятым.

Изучение значения говорящего (*speaker meaning*) предполагает такой взгляд на человеческую коммуникацию, который фокусируется на «намерении или преднамеренности». Намеренности, интенциональности речевых действий при этом отводится фундаментальная роль [2].

Необходимо подчеркнуть, что именно намерение говорящего определяет прагматическую функцию речевого акта: прагматическая функция высказывания состоит в целевом употреблении речевого акта, при котором прежде всего учитывается такой компонент прагматического значения данного

акта, как «значение говорящего». При этом функцию речевого акта, представленного единичным высказыванием, бывает достаточно трудно определить, так как может не быть прямого соответствия между формой высказывания и его функцией. Только при рассмотрении цельного речевого события, представляющего собой последовательность, состоящую из двух и более речевых актов, возможен полноценный анализ конкретного единичного речевого акта и его прагматической функции /Schiffirin, 1998/.

Итак, изучая статус, границы и задачи прагматики, многие авторы отмечают несколько разновидностей этого направления в современном языкознании и считают ее главной задачей разработку теории речевых интерпретаций. При этом основное внимание уделяется выявлению отношения, возникающего между говорящим и его высказыванием, т.е. интерпретируется намерение автора (значение говорящего), которое не всегда совпадает с буквальным значением выражения. Например, в высказывании «Здесь душно!» скрывается смысл «Открой окно!», в “It is cold in here.” скрывается смысл “Will you close the window?”, а в “She is ill.” – “She won’t come”.

Материалом для прагматического исследования служит практическая речь, изучаются правила и нормы речевого поведения, разрабатываются методы извлечения прагматического значения, определяется значимость контекста в интерпретации этого прагматического значения, выявляется роль неявных смыслов высказывания, presuppositions и других видов имплицитных значений, не выраженных эксплицитно в языковой форме. Основную заслугу прагматики можно видеть в том, что она ввела в научный обиход большое количество фактов обыденного общения, которые до недавнего времени не замечались либо вовсе отвергались лингвистикой. Именно прагматика придала этим фактам теоретический статус и позволила

отобрать из бесконечного числа явлений, представляемых науке жизнью, те, которые обладают действительной лингвистической ценностью. Для решения задач, поставленных в настоящем исследовании, выделим такие основные прагматические понятия, как, во-первых, значение говорящего (*speaker meaning*), во-вторых, прагматические функции речевого высказывания (*pragmatic function*), в-третьих, явность/косвенность (*directness/indirectness*) и вежливость/невежливость (*politeness/impoliteness*) речевого акта.

Обобщая, можно заключить, что определение «значения говорящего» как центрального понятия прагматики предполагает особый взгляд на человеческую коммуникацию. Значение говорящего, являясь составной частью *прагматического значения*, рождается в процессе речевого взаимодействия, возникает на базе «обмена значениями» между говорящим и слушающим и опирается на потенциальное, т.е. теоретически существующее, значение слов, фраз, предложений.

Разрабатывая понятие прагматического значения, Дж. Томас рассматривает значение на нескольких уровнях: абстрактное/виртуальное/языковое (*abstract meaning*), контекстуальное («значение высказывания», *contextual meaning, utterance meaning*) и значение, выражающее намерение говорящего («сила высказывания», *the force of an utterance*) /Thomas, 1995: 16-21/.

Абстрактное значение – теоретически существующее словарное значение слов, фраз, выражений. Контекстуальное значение слова, фразы, предложения является результатом сопряжения с контекстом, устанавливающим или ограничивающим это значение, а также указывающим на соотнесение именно с тем означаемым, которое имелось в виду автором/говорящим.

Контекстуальное значение рассматривается в качестве первого компонента «намерения говорящего» и обычно не

представляет сложности при интерпретации, потому что контекст конкретизирует высказывание, снимая его многозначность, двусмысленность. Вторым компонентом «намерения говорящего» является собственно коммуникативное намерение («сила высказывания», ‘the force of an utterance’, ‘the speaker’s communicative intention’, ‘intended speaker meaning’). Коммуникативное намерение высказывания основывается на том, что употребление конкретного определяется как действие намеренное, направленное на достижение определенных целей. Организующим центром речевого пространства при этом становится человек (субъект речи/говорящий) со всеми его социопсихологическими и личностными характеристиками, речевой компетенцией, фоновыми знаниями. Именно обращение прагматики к субъекту речи (автору высказывания) знаменовало собой переход от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания. Субъект использует язык в качестве одного из орудий человеческой деятельности и тщательно подходит к выбору конкретных языковых средств.

Как отмечается в ряде лингвистических работ, особенно в последнее время, не следует также преуменьшать роль адресата речи (слушающего) в процессе коммуникации, т.к. непонимание часто происходит из-за неправильной интерпретации намерения говорящего адресатом. Одно и то же высказывание в плане намерения может быть по-разному истолковано. Например, в ситуации, когда к вашей припаркованной машине подходит человек и спрашивает вас: *Is that your car?* Данное высказывание может выражать разные намерения, и слушающему бывает порой трудно правильно истолковать их. Это может быть восхищение автомобилем, равно как и пренебрежительная оценка, а также последующее требование штрафа за парковку в неполюженном месте, это может быть просьба при-

парковать машину в другом месте или подвезти в определенное место и т.д. Не вызывает сомнения тот факт, что только учет совокупности факторов говорящего/адресанта и слушающего/адресата может быть ключом к извлечению прагматического значения и адекватному пониманию высказывания: последнее является продуктом совместной эгоцентрической деятельности как говорящего, так и адресата высказывания. Поэтому в современную прагматику включается целый комплекс вопросов, связанных с ролью говорящего и слушающего в создании смысла речевого высказывания и его интерпретации, при этом принимаются во внимание отношения между участниками коммуникации и адаптация данного высказывания к контексту употребления и коммуникативной ситуации в целом.

Таким образом, воспринимая определенное речевое высказывание, слушающий обычно старается понять не столько то, что значат отдельные слова, сколько, главным образом, то, что говорящий хочет выразить этими словами в целом. Распознавание этого «невидимого» значения, т.е. намерения говорящего, во многом зависит от исходных предположений, а также правил и норм речевого взаимодействия.

Исходные предположения, или, иными словами, прагматические пресуппозиции (*pragmatic presuppositions*), лежат в основе создания любого речевого высказывания (по крайней мере, подавляющего их большинства) и предположительно являются знакомыми для обеих сторон коммуникативного акта [3]. Они позволяют делать вывод о том, следует ли воспринимать сказанное буквально или требуется более «глубокая» интерпретация. Как известно, основу прагматических пресуппозиций составляют знания языка, культуры, человеческих отношений, контекста и особенностей коммуникативных ситуаций в конкретной речевой деятельности. Часть этих знаний актуализируется и становится пресуппозициями высказыва-

ния. Набор пресуппозиций человека определяется на основании тех утверждений, которые говорящий произносит, вопросов, которые он задает, приказов, которые он отдает, и т.п. /Столнейкер, 1985/.

Прагматические пресуппозиции, имеющие большое влияние на формирование значения говорящего и определение типа высказывания, тесно связаны не только с контекстом высказывания, но и с правилами и нормами речевого взаимодействия. Традиционно овладение этими правилами и нормами входит (или должно входить) в систему воспитания, поэтому правила могут выполняться осознанно и неосознанно через вербальное и невербальное поведение. С правилами и нормами речевого взаимодействия тесно связан речевой этикет и культура речи.

Несмотря на многочисленные попытки универсализации правил коммуникации, правила взаимодействия должны, прежде всего, соответствовать целям коммуникативного события в определенном речевом сообществе и опираться на общие ценности данного речевого сообщества. Нарушение правил взаимодействия может привести к оценке поведения участника коммуникации как в какой-то степени «странного» или «невежливого». Так проявляется социальный аспект правил взаимодействия, который заключается в системе оценок речевого поведения коммуникантов, таких как «правильно-неправильно», «уместно-неуместно», «вежливо-невежливо» и т.п.

Таким образом, несмотря на то, что правила речевого взаимодействия основаны на прототипных правилах речевого поведения, в то же время довольно сложно установить и определить оптимальный вариант хотя бы для наиболее типичных ситуаций и рекомендовать их в качестве эталонного образца, так как в каждом конкретном случае ситуация общения связывает высказывание с меняющимися участниками коммуникации —

субъектом речи/говорящим и адресатом/слушающим, их фоновыми знаниями, а также экстралингвистической ситуацией, в которой осуществляется речевой акт.

Все перечисленные факторы образуют контекст в широком смысле этого слова, который играет одну из ведущих ролей в процессе общения, и находится в отношении дополнительности к центральному для прагматики понятию – речевому акту.

Итак, признание приоритетного положения идеи антропоцентризма в изучении языка активизировало выявление так называемых «антропологических категорий». К числу последних относится и исследуемая в настоящей работе такая категория сугубо антропоцентрического начала как вежливость, которая обнаруживает непосредственную глубокую связь с человеком, с субъектом речи.

1.2 Концепт вежливости в свете теории речевых актов

Вежливость как определенная стратегия коммуникативного поведения связана с прагматической теорией речевого общения. Рассмотрение речевой коммуникации как деятельности нашло свое выражение в разработке теории речевых актов (ТРА), которая сыграла значительную роль в исследовании лингвистической вежливости.

Интерес к речевому акту как минимальной единице речевой деятельности, как целенаправленному речевому действию, совершаемому в соответствии с существующими в данном обществе принципами и правилами речевого поведения, – есть одно из проявлений наблюдаемого сегодня общего поворота от изучения языка как идеальной, непротиворечивой системы,

которой пользуются идеальный говорящий и идеальный слушающий, к изучению языка как системы сложной и нередко непоследовательной, от исследования языка как системы в себе к исследованию языка как системы, функционирующей и изменяющейся в условиях и для целей общественного взаимодействия людей /Parret, 1974/.

ТРА можно рассматривать как один из способов осознания деятельностной природы языка. Данная теория раскрывает содержание речевых действий и направлена на выявление и систематизацию средств их выражения. Представители ТРА понимают под речевым действием или речевым актом «способ достижения человеком определенной цели...» /Кобозева, 1986а/, и эта коммуникативная цель (намерение, интенция) реализуется посредством иллокутивного акта, который рассматривается как единица нормативного социоречевого поведения в рамках определенной прагматической ситуации.

Речевое общение обычно определяется как сложное коммуникативное явление, включающее ситуационные, психологические, социальные факторы, которые определяют его содержание и понимание. Речевой акт – это целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами коммуникативного поведения, принятыми в каждом данном обществе. По Дж. Остину, выполнить речевой акт значит произнести членораздельные звуки, принадлежащие общепонятному звуковому коду, построить высказывание из слов данного языка по правилам грамматики, снабдить высказывание смыслом и референцией, то есть соотнести с действительностью, осуществив локуцию (locution), придать речевую целенаправленность, превращающую его в иллокутивный акт (illocutionary act), вызвать искомые последствия (perlocution), то есть воздействовать на сознание и поведение адресата /Остин, 1986/.

В современной лингвистической литературе широко представлены разнообразные таксономические попытки, в которых детальному анализу подвергаются различные классы (категории) речевых актов, такие, например, как утверждения, приказы, требования, просьбы, советы, предложения, приглашения, обещания, вопросы, убеждения и т.п.

У истоков классификационного описания РА лежит схема Дж. Остина, которую он разработал на основе эксплицитных перформативных глаголов, т.е. таких глаголов, которые определяют перформативный статус высказывания и его иллокутивную силу /Остин, 1986/. Эти глаголы способствуют выделению типов речевых действий (просьба, благодарность, приветствие и т.д.), которые ранее уже рассматривались в литературе по правилам хорошего тона как специфически вежливые. Перформативы, связанные в той или иной мере с реакцией на поведение и с поведением по отношению к другим людям, предназначены для выражения межличностных отношений и чувств.

С точки зрения их иллокутивной функции Дж. Остин разделил речевые акты на пять классов: *экспозитивы, вердиктивы, акты обязательства, акты побуждения и акты этикетного поведения*. Иллокутивная цель речевого акта этикетного поведения состоит в том, чтобы выразить отношение говорящего к поступкам или качествам слушающего – похвалу, порицание, благодарность, отвращение и т.д. Этикетные высказывания, так называемые *бегахбитивы* ('behabitives'), включают в себя понятия - реакции на поведение других людей, а также отношение к их поведению в прошлом или будущем и эксплицитное выражение этого отношения. Хотя бегахбитивы обнаруживают очевидную связь как с утверждением или описанием наших чувств, так и с их выражением (в смысле излияния эмоций), они все же отличаются от тех и других /Остин,

1986: 126/. По мнению некоторых исследователей, принципиальным недостатком позиции Дж. Остина в данном вопросе является то, что он не разграничивает понятия «иллокутивного акта» и «иллокутивного глагола» /см. подробнее об этом, например, Кобозева, 1986а: 14/.

Современная типология РА основана, в основном, на классификации Дж. Серля, который различает пять базисных типов иллокутивных актов: *репрезентативы*, *директивы*, *комиссивы*, *экспрессивы* и *декларативы* /Серль, 1986б: 181-188/. Следует заметить, что в настоящее время у исследователей отсутствует единая точка зрения по поводу отнесения того или иного РА к определенному прагматическому типу, и поэтому количество выделяемых типов РА в зависимости от иллокутивной функции варьирует.

Так, Г. Г. Почепцов выделяет следующие типы РА: *констатив*, *промиссив*, *менасив*, *директив*, *квеситив* /Почепцов, 1981: 271/. Как видно, выделенные РА приравниваются к прагматическим типам предложения. В другой классификации, приведенной В. В. Богдановым, выделяются 10 типов РА: *декларативы*, *интеррогативы*, *директивы*, *вердиктивы*, *промиссивы*, *пермиссивы*, *экзерситивы*, *комиссивы*, *экспозитивы*, *сатисфактивы*. Данный перечень иллокутивных актов предусматривает возможность дальнейшего деления установленных классов РА на подклассы: например, внутри *директивов* выделяются *инъюктивы*, *реквестивы* и т.д. /Богданов, 1990: 53-58/.

С точки зрения проблемы вежливости вызывают интерес и другие исследования в рамках ТРА. Так, восемь иллокутивных типов были предложены немецким исследователем Д. Вундерлихом: *директивы* (просьбы, приказы, требования, инструкции и т.п.); *комиссивы* (обещания, угрозы и т.п.); *эротетивы* (вопросы); *репрезентативы* (утверждения, сообщения и т.п.); *сатисфактивы* (извинения, пожелания и т.п.); *ретрактивы*

(отмены обещания, отказы от утверждения и т.п.); *декларации* (объявления, назначения и т.п.); *вокативы* (призывы, обращения и т.п.) /Wunderlich, 1976: 77/. Примечательно, что Д. Вундерлих подчеркивает особую роль в диалоговом взаимодействии коммуникантов тех иллокутивных типов, которые выполняют инициальную функцию, т.е. вызывают ответную реплику адресата, например, директивов и эротетивов. Особое внимание Д. Вундерлих уделяет изучению проблемы изменения иллокуции различными формальными средствами, не являющимися эксплицитными перформативами, и несовпадению языковой формы высказывания с его иллокутивной силой.

Следует отметить, что наряду с разными классификациями существуют также и расхождения в названиях РА. Так, один и тот же тип РА разными авторами именуется по-разному: *бехабитивом* /Остин, 1986/, *экспрессивом* /Серль, 1986/, *этикетным речевым действием* /Поспелова, 1992; Формановская, 1989/, *клише речевого этикета* /Ступин, Игнатъев, 1980/, *формулой речевого этикета* /Третьякова, 1995/.

Определенный интерес с точки зрения проблематики настоящей работы вызывает предложенная Дж. Личем классификация РА, в которой выделены четыре класса речевых актов «в соответствии с тем, как они связаны с социальной целью установления и поддержания вежливого контакта». Данная таксономия составлена по принципу соотношения иллокутивной силы РА и социальных целей установления и поддержания вежливого взаимодействия. В классификации Дж. Лича выделяются следующие классы РА:

1. «*Конкурирующие*» РА (competitive type): их иллокутивная цель не совпадает с социальными целями коммуникантов. К этим РА можно отнести почти все директивы.

2. «*Праздничные*» РА (convivial type): их иллокутивная цель полностью совпадает с социальными целями коммуни-

кантов. В эту группу входят формулы этикета и некоторые другие РА, например, предложения.

3. «Сотрудничающие» РА (collaborative type): иллюкутивная цель индифферентна к социальным целям. К этим РА причисляются репрезентативы и декларативы.

4. «Конфликтные» РА (conflictive type): иллюкутивная цель входит в конфликт с социальными целями. К ним относятся некоторые комиссивы /Leech, 1983: 104/.

В таксономии Дж. Лича категория вежливости непосредственно соотносится с первыми двумя группами РА – «конкурирующими» (побудительные РА) и «праздничными» (этикетные РА). Однако в этих группах РА принцип вежливости функционирует по-разному. Если в случае этикетных РА его соблюдение повышает степень вежливости общения, то в побудительных РА его задача сводится к «сглаживанию», «уменьшению их невежливости». В «сотрудничающих» РА функционирование принципа вежливости ограничено, а иллюкутивная цель «конфликтных» РА практически исключает соблюдение вежливости.

Очевидно, что приведенные выше классификации при различающейся терминологии и разной степени детализации обнаруживают ряд общих характеристик. Однако, несмотря на это, проблема типологии РА не получила до настоящего времени однозначного решения, и сегодня практически не существует единой общепринятой классификации РА.

Не ставя перед собой такой задачи, выделим лишь те типы РА, которые, как представляется, «реагируют» на вежливость. Это, в первую очередь, побудительные (или в другой терминологии «директивные») РА. На синтаксическом уровне они рассматриваются лингвистами как побудительные предложения. А речеактовая модель побудительных высказываний может быть представлена схемой, составленной на основе классифи-

каций речевых актов Дж. Серля /1986/, Г. Г. Почепцова /1981/, а также моделей директивных РА, выделенных А.В. Дорошенко /1986/ и Л. П. Чахоян /1988/ – это *собственно директивы*, которые, в свою очередь, распадаются на две подгруппы: а) инъюктивы (приказ, предписание, запрет), б) реквестивы (просьба, мольба), и *преддирективы* (предложение, приглашение, совет).

Остановимся подробнее на общей характеристике побудительных РА. Показательно, что побудительные речевые акты называют опасными коммуникативными действиями ('hazardous communicative activities'). Объясняется это следующим образом. Если вы отдаете кому-то приказ или обращаетесь с просьбой, вы рассчитываете на то, что адресат выполнит это. Значит, либо вы полагаете, что находитесь на более высокой социальной позиции, достаточной для того, чтобы заставить собеседника выполнить приказ или просьбу, либо степень вашей близости (солидарности) такова, что он (адресат) готов сделать это для вас. Если же ваши послышки неверны и собеседник не принимает ваше превосходство либо считает, что вашей близости недостаточно, он может отказаться выполнить ваш приказ или просьбу /Fasold, 1990: 58/.

Это объяснение показывает, что степень риска получить отказ зависит как от вертикальной дистанции (статусной), так и от горизонтальной (социальной). И поскольку в английской коммуникации социальная дистанция между коммуникантами исторически длинная и, следовательно, степень близости (солидарности) низка, то становится необходимым использование стратегий, минимизирующих импозицию, угрозу РА.

Исследователями неоднократно указывалось на множественность побудительных интенций в общении /см., например, Leech, 1983; Tsui, 1994; Дорошенко, 1986; Беляева, 1992; Формановская, 1998/. Так, прагматическое значение '*Я хочу, что-*

бы ты сделал это ('I want you to do X.') реализуется разными РА: это может быть команда, приказ, просьба, мольба, приглашение, совет, предложение и др. Ученые называют их по-разному и предлагают разные классификации. Б. Фрейзер, в частности, относит просьбу, команду, приказ, приглашение, инструкцию, мольбу к категории реквестивов, которые характеризуются как желания, обращенные в адрес слушающего совершить действие /Fraser, 1975: 192/. Дж. Серль включает просьбу в директивные РА наряду с приказом, требованием, мольбой, советом, предложением, приглашением, разрешением и другими, так как иллокуция всех этих РА состоит в попытке добиться от слушающего совершения действия ("The illocutionary point of these acts consists in the fact that they are attempts by the speaker to get the hearer to do something") /Searle, 1976: 11/. Таким образом, одни и те же РА объединяются под разными названиями – директивы или реквестивы.

Основная трудность классификации РА вызвана тем, что разные языковые единицы могут передавать одно и то же прагматическое значение, и наоборот, высказывания, имеющие одну и ту же языковую форму, одинаковое языковое оформление могут иметь разные иллокуции, выполнять разные прагматические функции, т.е. представлять собой разные РА. Именно поэтому можно, например, обращаться с просьбой, задавая вопрос, и отдавать приказ в форме предложения совершить действие.

Так, У. Лабов и Д. Фэншел включают в категорию *'просьба о действии'* приказ ('Come home!'), просьбу ('Will you please come home?'), предложение ('Isn't it about time you came home') и намек ('It's getting late!'), отмечая, что, несмотря на разное языковое оформление, в каждом из этих высказываний говорящий передает одно желание – побудить адресата вернуться домой /Labov&Fanshel, 1977/.

Противоположный пример приводит М. Гейс, демонстрируя, как высказывания, построенные по одной языковой модели, например, модели *Can you do that?*, могут быть просьбой, предложением (offer), приглашением и вопросом /Geis, 1995: 139/:

Can you reach that book? (просьба)

Can you eat more cake? (предложение)

Can you come over tonight? (приглашение)

Can you clean and jerk as Sandy? (вопрос)

Хотя в целом и прослеживается некоторая закреплённость языковых моделей за определёнными речевыми актами, языковой материал показывает, что часто форма и значение РА не совпадают.

Директивы, как правило, ассоциируются с приказом, реквестивы – с просьбой. Пытаясь различить приказ и просьбу, исследователи предлагают разные основания для этого. Так, Дж. Грин, например, приводит в качестве такого основания вежливость и почтение, рассматривая просьбу как вежливый способ заставить слушающего совершить действие /Green, 1975: 120-122/. Эта точка зрения нашла вполне убедительные возражения со стороны Дж. Лайонза, который, аргументируя свою позицию, утверждает, что просьба может быть невежливой, а невежливая просьба не являться приказом /Lyons, 1977: 748-749/. По мнению Дж. Серля, приказ отличается от просьбы тем, что содержит одно предварительное условие: говорящий должен обладать властью над слушающим /Серль, 1986/.

В предложенной Н. И. Формановской классификации побудительных РА, которая основана на параметре наличия/отсутствия высокого статуса и власти говорящего, выделяются *инъюнктивы*, основанные на таком статусе (приказ, команда, требование, распоряжение, предписание, разрешение и др.), и *нейнъюнктивы*, не имеющие такого основания /Формановская,

1998: 202/. Неинъюнктивы, в свою очередь, делятся на *реквестивы*, когда действие совершается в пользу говорящего (просьба, увещевание, мольба, заклинание и др.), и *адвисивы*, когда действие совершается в пользу адресата (совет, рекомендация, инструкция, предложение, приглашение и др.). Данная классификация представляется вполне логичной, но, поскольку статусная дистанция в разных культурах различна, предложенный критерий (высокий статус и власть говорящего) вряд ли может быть основанием для классификации побудительных РА в межкультурном контексте.

И. В. Головина, называя все побудительные акты *директивными*, предлагает выделить в них три основных типа: 1) *прескриптивные*, т.е. предписывающие действие (приказ, распоряжение и т.д.); 2) *реквестивные*, т.е. побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего (просьба, приглашение, собственно побуждение); 3) *суггестивные*, т.е. выражающие совет, предложение /Головина, 1997: 12-13/.

Ряд исследователей с некоторым пессимизмом относятся к возможности установления четких критериев для выделения разных типов реквестивных речевых актов. Так, Дж. Лич и Дж. Томас отмечают, что ни один формальный языковой критерий не может помочь отличить приказ от просьбы, хотя понимание социально-ролевых отношений, наряду с контекстуальными и паралингвистическими характеристиками могут сузить возможную интерпретацию этих понятий /Leech&Thomas, 1990: 196/. Известный шведский лингвист Карин Айджмер отмечает, что определить однозначно, что такое реквестив, представляется довольно сложной задачей /Aijmer, 1996: 130/, также как практически невозможно выявить все способы выражения реквестивов и используемые при этом стратегии. Аналогичную точку зрения высказывают Л.П. Ступин и К.С. Игнатъев, обращающие внимание на то, что деле-

ние высказываний, побуждающих собеседника к действию, является весьма условным, и для того чтобы определить, чем является та или иная реплика, необходимо знать ситуацию и подтекст диалога /Ступин, Игнатъев, 1980: 94/.

Р. Маркканен как автор кросс-культурного исследования выражения просьбы считает, что нет необходимости в разделении реквестивных РА на субкатегории, тем более что найти надежный критерий для такого разделения в двух языках очень сложно /Markkanen, 1985: 23/. Ученый предлагает отказаться от попытки классифицировать директивы и приходит к выводу о том, что лучший путь здесь – исследование способов выражения директивных речевых актов в целом.

Разделяя мнение авторов, считающих, что вряд ли возможно предложить четкую классификацию РА и выделить определенный критерий, который позволил бы однозначно охарактеризовать высказывание как тот или иной РА в силу того, что в этом участвует множество лингвистических и экстралингвистических факторов, мы, тем не менее, полагаем, что какая-то точка отсчета, какой-то хотя бы условный критерий необходим. Заметим, что это особенно важно для сопоставительных исследований, так как один и тот же РА может восприниматься неоднозначно в разных культурах.

Попытаемся противопоставить директивные и недирективные РА. Многие исследователи сходятся во мнении, что основное различие между приказом и просьбой состоит в том, что, обращаясь с просьбой, говорящий предлагает слушающему выбор – совершать действие или нет, в то время как в приказе такого выбора нет. Другими словами, в просьбе говорящий признает за адресатом право не совершать действие /Lyons, 1977: 749; Leech, 1983: 219; Tsui, 1994: 90/. Именно на основании наличия или отсутствия у адресата такого выбора А. Цуи считает целесообразным делить все РА, по-

буждающие к действию, на два основных класса – *реквестивы* и *директивы* /Tsui, 1994: 93/ – и среди них выделять подклассы. В целом можно говорить о том, что эти два класса речевых актов «наиболее признаны» в лингвистике и передают схожее прагматическое значение, хотя и фигурируют в разных классификациях под разными названиями.

Такова вкратце общая характеристика речевых актов, в той или иной степени «реагирующих» на вежливость, которая является важным в английском речевом этикете фактором, регулирующим коммуникативное поведение интерактантов при осуществлении директивных речевых актов в конкретных ситуациях общения.

1.3 Дискурс: когнитивно-функциональный аспект исследования

Учитывая, что в реальной коммуникации речевые акты погружены в контекст и взаимосвязаны, т.е. зависимые друг от друга высказывания образуют связный дискурс (от лат. *discursus* – ‘разговор’, ‘беседа’), а также то, что в понятии вежливость лингвистические, прагматические и социолингвистические «составляющие» взаимно обусловлены и эта взаимозависимость объективируется именно в дискурсе, в его лексико-структурных характеристиках, завершая главу, остановимся вкратце на трактовке данного понятия в лингвистике.

Итак, необходимость изучения живого повседневного общения людей привела к выделению нового объекта исследования – дискурса, характеризующегося функциональностью, динамичностью, интенцией. В течение нескольких десятилетий дискурс был и остается предметом теоретических изысканий для представителей различных школ и направлений в лингвистике.

тике. Даже традиционные исследования в настоящее время становятся дискурсивно-ориентированными.

Трактовка понятия дискурса значительно менялась на протяжении последних десятилетий. На первых порах, в 60-70-е годы прошлого столетия, употребление термина «дискурс» в англоязычной литературе связывалось со значением «речевая деятельность» или «коммуникативная деятельность», и дискурс понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов. Такое употребление термина особенно заметно проявляется в противопоставлении изолированного предложения предложению внутри связного текста. Введение понятия дискурс, как отмечает Е. С. Кубрякова, было реакцией на теорию автономного синтаксиса в генеративной грамматике, а потому было связано с отказом изучать семантику синтаксиса на материале изолированных предложений. Дискурсивное направление исследований появляется в противопоставлении функционализму и формализму, когда сталкиваются различные взгляды на природу языка и различные методологические принципы его исследования. Рождаясь в рамках этого противопоставления, дискурсивное направление оказывается «известным разумным компромиссом» между школами функционализма и формализма, поскольку дискурсивный анализ призван «интегрировать анализ формы и функций своего объекта». С этой точки зрения, как считает Е. С. Кубрякова, неприемлемы как чисто формальные определения дискурса, так и определения исключительно функциональные. Формальные подходы к дискурсу выявляются в тех случаях, когда в фокусе внимания ученых оказываются исключительно типы формальных отношений и конфигураций языковых элементов, наблюдаемых в относительно развернутых фрагментах текста или живой речи, и там, где исследователи абстрагируются от социально-культурологических и контекстно-обусловленных

особенностей использования определенных синтаксических единиц /Кубрякова, 2001: 8-11/.

Кроме формального и функционального подходов к дискурсу, возможен и третий подход, при котором изучается взаимодействие формы и функции, при этом анализу подвергается цепочка связанных между собой высказываний. Поскольку с помощью такой цепочки нередко определяется текст, то возникает вопрос об отграничении понятий «дискурс» и «текст». Считается, что текст состоит из последовательно расположенных предложений, в то время как дискурс делится скорее на высказывания. Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте речи, рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно» /Арутюнова, 2000/.

Связь дискурса с реальным бытием человека усматривается в трех аспектах. Во-первых, это связь дискурса с коммуникацией, с реальным речевым общением и его интеракционным характером. В этом отношении важно подчеркнуть, что дискурс – это «компонент, участвующий во взаимодействии людей», во взаимодействии слушающего и говорящего, и, следовательно, является событием интеракционным. Во-вторых, исследования дискурса сопряжены с выделением типов дискурса и классификацией этих типов, которые связаны с реально протекающей деятельностью людей. Изучая типы дискурса, исследователи анализируют тексты, но при этом сами тексты трактуются как источники сведений, выходящие за

пределы собственно языкового содержания. В-третьих, в проведении дискурсивных исследований делается попытка подробного описания отдельно взятых дискурсов.

Как отмечает Е.С. Кубрякова, в современной лингвистике дальнейшее обогащение понятия дискурса, особенно в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, происходит вследствие его включения в категориальный аппарат различных лингвистических парадигм (антропологической парадигмы, когнитивно-социальной психологии, функциональных парадигм и т.д.) /Кубрякова, 2000: 11-16/. Дискурс определяется также как языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах, как упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная ментальность /Чернявская, 2002: 230/.

В настоящее время вряд ли можно говорить о существовании общепринятого определения дискурса [4]. Не ставя перед собой цели более подробного рассмотрения данного понятия, ограничимся вышеизложенным и отметим, что в настоящей работе мы, вслед за Т.А. ван Дейком, под понятием дискурс будем понимать сложное «коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы, такие как знание о мире, установки говорящего и адресата, их социальный статус и т.д., необходимые для понимания текста», иначе будем рассматривать дискурс как особое коммуникативное событие, «сложное единство языковой формы, знаний и действий». При этом будем исходить из того, что «когнитивная обработка дискурса должна основываться на его представлении как о процессе организации знаний не как жестко алгоритмической, а как стратегической процедуре» /ван Дейк, 1989: 8, 121-122/.

Основной принцип стратегического подхода заключается в отборе наиболее значимой в данном контексте и для данных

коммуникантов информации. При этом стратегический подход ориентирован не на последовательный анализ отдельных уровней языка – от синтаксиса к прагматике, от понимания слов к последовательностям предложений, – а на комплексность их описания.

В широком смысле под стратегией понимается некая общая инструкция для каждой конкретной ситуации интерпретации. В современных исследованиях понятие стратегии используется на текстуальном и контекстуальном уровнях с целью учета связей внутренней и внешней информации. Различают также стратегии говорящего и адресата, социокультурные и коммуникативные, риторические, макро- и микростратегии, дискурсные и грамматические стратегии и т.д. Функциональная ориентированность, многоуровневость охвата и параллельность процессов обработки обеспечивают высокую эффективность, гибкость и динамизм стратегическому подходу /ван Дейк, 1989: 11/.

Итак, особенно важным для проводимого исследования является деятельностный подход к понятию дискурса, который восходит еще к взглядам М.М. Бахтина, и выделение того вида дискурса, который получил в лингвистике название диалогического. Под диалогическим дискурсом понимается выражение объединяемого общей темой и общим фондом знаний коммуникантов межличностного речевого взаимодействия, направленного на решение той или иной коммуникативной задачи на основе определенной стратегии общения либо подчиненных ей интерактивных или каких-либо других тактик /Поспелова, 2001/.

Закljučая, отметим, что значительные результаты в современных исследованиях языка могут быть получены путем изучения языковых явлений с учетом социального контекста их функционирования, целью которого может явиться объяснение

когнитивных и социально-культурных ограничений в процессе производства дискурса.

Рассмотренные выше положения служат теоретическими предпосылками предпринятого исследования и основанием для поиска специфических средств выражения и функционирования категории вежливости в английском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] См. серию работ в этой области: Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988; Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991; Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991; Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука 1992; Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол», 29 сент. – 1 окт. 2004 г., Екатеринбург. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004 и др.
- [2] Значение говорящего (speaker meaning) подробно рассмотрено Г. Грайсом в работе под заглавием “Meaning”. Автор выделяет естественное значение (natural meaning) как значение, лишённое какой-либо преднамеренности, умышленности, например: Those spots mean measles. Второй тип значения – это так называемое неестественное значение (non-natural meaning), которое почти приравнивается к преднамеренной коммуникации (intentional communication), например: Those three rings on the bell (of the bus) mean that ‘the bus is full’. Основной характеристикой этого типа значения является то, что его преднамеренность определенным образом распознается слушающим. Ученый следующим образом обобщает свою мысль: ‘A meant

(non-natural) something by X' is roughly equivalent to 'A intended the utterance of X to produce some effect on an audience by means of the recognition of this intention'. Связав категорию значения с говорящим и преднамеренностью речевого акта, Г. Грайс создает почву для формирования понятия, включающего разного рода контекстно-обусловленные и косвенные смыслы высказываний /Grice, 1957/.

- [3] Понятие «пресуппозиция» (от английского *presupposition* – ‘предположение’) изначально возникло в философской логике и связано с работами Г. Фреге, посвященными логической семантике. Сам же термин был введен П. Ф. Стросоном в 1950 г. в работе «О референции», посвященной критике теории дескрипций Б. Рассела /см.: Strawson, 1950/. Под пресуппозицией понимается имплицитный компонент смысла высказывания, являющийся фоновым знанием, без которого невозможно адекватное его восприятие. Понятие пресуппозиции включает в себя как собственно контекст, так и экстралингвистическую ситуацию, в которой произнесено высказывание. Пресуппозиция дополняет смысл высказывания, выраженный в его вербальной (языковой) структуре. В современной лингвистике термин «пресуппозиция» имеет различные интерпретации. Так, в понимании Г.В. Колшанского, лингвистическая пресуппозиция является «вспомогательным средством организации и восприятия текста на основе правильно построенных предпосылок о предмете коммуникации» /Колшанский, 1980/.

Обычно выделяются два вида лингвистической пресуппозиции: семантическая и прагматическая, разграничение между которыми довольно условно, так как семантические пресуппозиции не лишены прагматического аспекта. Семантическая пресуппозиция предполагает наличие возможности сделать вывод о ней на основе высказывания. В основе прагматической пресуппозиции (в другой терминологии «презюмции»), в первую очередь, лежит контекст высказывания. Первым на факт необходимости наличия некоего фонда общих знаний у участников речевого общения обратил внимание Р.С. Столнейкер в 1970 г. в работе “Pragmatics” /Stalnaker, 1970; Столнейкер, 1985/. При этом он подчеркивал, что наличие общих пресуппозиций у

коммуникантов является важнейшей составляющей контекста. Для успешной коммуникации высказывание должно быть не только истинно, но и известно адресату. Как пишет Г. В. Колшанский, «предварительное знание программирует однозначное понимание фразы коммуникантами» /Колшанский, 1980/. Н. Д. Арутюнова определяет прагматические (в ее терминологии «ситуативные») пресуппозиции как «предпосылки и предварительные условия, которые, не входя в языковое значение высказывания, создают почву для его употребления и позволяют достигнуть коммуникативной цели» /Арутюнова, 1973/.

В литературе имеются и другие определения прагматической пресуппозиции, которые можно объединить в следующие группы: первое направление обычно связывает прагматическую пресуппозицию с представлениями говорящего о контексте; второе – с понятием общих или фоновых знаний; третье соотносит эту категорию с условиями уместности и успешности высказывания ('appropriateness' / 'felicity conditions' – /Bach, Harnish 1979: 158-159/). В широком смысле прагматическую пресуппозицию принято понимать как отношение между говорящим и уместностью/успешностью высказывания в контексте /Keenan, 1971; Levinson, 1983: 177/. Прагматическая пресуппозиция, предопределяя успешность высказывания, опирается на данную в контексте и воспринятую коммуникантами информацию /ср.: 'given information' – Stalnaker, 1972; Quirk et al, 1985; 'common ground' – Werth, 1986; 'shared knowledge', 'background knowledge' – Gumperz, 1982; 'mutual knowledge' – Ballmer, 1982; Sperber, Wilson, 1982; 'mutual contextual beliefs' – Bach, Harnish, 1979/. Для того чтобы коммуникация состоялась, необходим общий когнитивный фонд, иначе говоря, у участников должен быть общий пресуппозиционный фонд, без которого их совместная деятельность порождения и понимания дискурса будет затруднена, порой даже просто невозможна из-за нарушения принципа *интерсубъективности* (термин М. М. Бахтина).

- [4] О различных аспектах изучения дискурса см.: Демьянков, 1982; 2005; Степанов, 1995; Кубрякова, 2000; Чернявская, 2001; Макаров, 2003; Карасик, 2004 и др.

ГЛАВА 2

ТЕОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1 Вежливость: к постановке проблемы

Вежливость – явление сложное и многогранное, представляющее собой неотъемлемую часть повседневной жизни людей и пронизывающее все человеческое взаимодействие. Неослабевающий интерес к изучению данного явления со стороны представителей разных областей знаний свидетельствует о важности этого вопроса в человеческих взаимоотношениях в целом и, в особенности, в межкультурном взаимодействии. Исследования в области вежливости с точки зрения прагматики проводились уже в начале 70-х годов прошлого столетия и восходят к работам Р. Лакоффа /Lakoff R., 1973/, П. Брауна и С. Левинсона /Brown&Levinson, 1978; 1987/ и Дж. Лича /Leech, 1983/. За последние десятилетия появилось большое количество статей и монографий по данной проблематике, в том числе в разных культурах /см. Литературу/ [1].

Однако, несмотря на многочисленные публикации, анализ существующих работ в данной области свидетельствует об отсутствии единства взглядов на то, что представляет собой феномен вежливости и что следует понимать под этой катего-

рией, какова ее природа и каковы механизмы ее действия в разных лингвокультурах.

Пытаясь как можно полнее описать категорию вежливости, исследователи предлагают различные подходы, разные модели изучения вежливости. Вежливость выделяется в отдельную проблему, к которой проявляют интерес специалисты ряда гуманитарных наук, таких как лингвистика, социология, психология, этнография, культурология, социальная антропология, лингвопрагматика, социолингвистика, психолингвистика, прикладная лингвистика и др. И это не случайно, так как категория вежливости как многоплановое и многоаспектное явление может рассматриваться только на междисциплинарном уровне, и только совместные усилия ученых смежных специальностей могут дать ответ на вопрос о том, что же такое общение в целом, и, в частности, что представляет собой вежливость как его неотъемлемая и особо значимая часть.

Проблема вежливости как предмет научного анализа непосредственно связана с культурой речи и речевым этикетом, которым традиционно уделяется большое внимание. Речевой этикет – это неотъемлемый элемент культуры общения. Среди многочисленных проявлений культуры культура общения занимает важное, если не ведущее, место в жизни общества, поскольку общение имеет объединяющую, воздействующую функцию в жизни людей, в общении реализуется взаимодействие партнеров по коммуникации для достижения как коммуникативных, так и внекоммуникативных целей. Очевидно, что общаться с адресатом следует так, чтобы не наносить ему ущерба своей речью. Вежливость и этикет как раз и выполняют эту миссию.

В конкретном акте коммуникации стремление собеседников нанести друг другу наименьший «ущерб» проявляется как расхождение между коммуникативной (высказываемой) и де-

нотативной (реальной) истиной, причем первая является более приятной для собеседника. Это достигается путем нейтрализации или повышения оценки денотативной ситуации, что формулируется как следующее правило этикета: «в разговоре старайся максимально улучшить позиции собеседника по всем параметрам» /Почепцов, 1981/.

Этикет – понятие философское, этическое. Этикет – это определенная система норм, совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям. Философско-этическое толкование этикета сводится к системе запретов и разрешений, в том числе и речевых, существующих в каждом данном обществе, в данной среде, в данном коллективе. По свидетельству Н.И. Формановской, «нормы речевого этикета пронизывают любой речевой акт. Этикет определяет все наше поведение. И то, что понимают под речевым этикетом, используется в речи каждого из нас ежедневно и многократно. Пожалуй, это самые употребительные выражения: мы по многу раз в день обращаемся к кому-то, приветствуем своих знакомых и незнакомых, прощаемся с людьми, кого-то благодарим, перед кем-то извиняемся, кого-то поздравляем, кому-то желаем удачи или делаем комплименты, кому-то соболезнуем, сочувствуем; мы советуем, просим, предлагаем, приглашаем, требуем... Речевой этикет представляет собой класс речевых актов со своими специфическими функциями и речевыми интенциями, вне которых и без которых общение грозит не стать успешным» /Формановская, 2002: 14/.

Тесная связь между категорией вежливости и речевого этикета очевидна. Однако, несмотря на это, категорию вежливости целесообразно отграничивать от понятия «речевого этикет», поскольку категория вежливости распространяется не только на устойчивые, регулярно повторяющиеся ритуализованные формулы типа приветствия, прощания, благодарности,

комплимента, приглашения и т.п., но и на более широкий круг разнообразных явлений. Важным для внесения ясности в этот вопрос представляется высказанное В.С. Храковским мнение о том, что выражение вежливости является факультативным, необязательным дополнением к обязательному этикетному обращению /Храковский, 1980/.

Исследователи, работающие в рамках теории лингвистической вежливости, по-разному подходят к тем или иным аспектам исследуемой категории, но все они единодушны в определении вежливости как линии поведения, направленной на поддержание социальной гармонии, и *не отождествляют* понятия «вежливость» и «этикет» (см., например, Brown&Levinson, 1994: 1, 51). Будучи непосредственно связанными, эти два явления не покрывают друг друга, и отношения между ними можно определить следующим образом: не все то вежливо, что этикетно, но все, что неэтикетно, невежливо /Формановская, 1998/. Этикетное поведение рассматривается в большинстве работ как составляющая явления вежливости. Как указывают теоретики лингвистической вежливости, «проявления вежливости уходят корнями в межличностное ритуальное общение»; в основе как вежливости, так и ритуального поведения лежит «контроль любой социальной группы над внутренней и внешней агрессией» в отношениях с другими социальными группами /Brown&Levinson, 1987/. Однако понятия «вежливость», «уважение», «почтительность», «такт» находятся на значительно более высоком социальном уровне, чем просто свод правил. И если этикет – это свод коммуникативных норм и правил, то вежливость – это система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на достижение гармонии и взаимопонимания. «Вежливость включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению, несмотря на тот факт, что какие-то из ее элементов могут не являться (на опре-

деленном этапе или в конкретной коммуникативной ситуации) нормой, закрепленной этикетом» /Ларина, 2003: 17/.

По определению Н.И. Формановской, лингвистическая категория вежливости относится к функционально-семантическим категориям с прагматическими функциями выражения отношения говорящего к слушающему, к важности дела, к ситуации в целом. Выступая как этическая категория, вежливость может или демонстрировать внешние нормы общения, пристойность поведения, или знаменовать доброжелательное личное отношение к адресату. Вежливое поведение может проявляться как искренность, а может быть маской, особенно в ролевом общении незнакомых партнеров /Формановская, 2002/.

В лингвистической литературе имеется целый ряд подходов к исследуемой проблеме. Среди всего разнообразия концепций и трактовок категории вежливости можно условно выделить следующие наиболее значимые направления исследования данной социально-прагматической категории: теория социальной нормы ('the social-norm view'), теория разговорных (речевых) максим ('the conversational-maxim view'), теория «сохранения лица» ('the face-saving view', или иначе 'face-management view'), теория коммуникативного (конверсационного) договора ('the conversational-contract view'), а также пост-классические теории, рассматривающие наряду с вежливостью понятие невежливости и включающие дискурсивный, или иначе «постмодернистский», подход ('discursive approach'), социологический (иначе «интеракционный») подход, теорию социального взаимодействия ('relational work theory'), теорию управления процессом взаимопонимания ('rapport management theory') и др.

Подробнее рассмотрим данные теории и модели вежливости ниже.

2.2 Теория социальной нормы

Рассмотрение категории вежливости как социальной нормы тесно связано с речевым этикетом, представляющим собой, как уже отмечалось, регулирующие правила речевого поведения, а также систему стереотипных, устойчивых формул общения.

Трактовка вежливости как социальной нормы отражает исторически сложившееся понимание вежливости в англоговорящих сообществах, согласно которому предполагается, что в каждом обществе есть некий набор социальных норм, предписывающих определенное поведение в конкретных ситуациях общения, она связана с коммуникативной этикой как национально-специфичной системой исторически сложившихся правил поведения, аккумулирующей человеческий опыт в области морали и этики общения и предписывающей нормы поведения в процессе коммуникации /Ларина, Козырева, Горностаева, 2012: 127; Kádár, Naugh, 2013: 67/.

Положительная оценка (вежливость) соотносится с ситуацией, где действия соответствуют принятым нормам, а отрицательная (невежливость, грубость, агрессивность) – где они расходятся /Fraser, 1990: 220/. В этом смысле вежливость ассоциируется с тем, что принято называть хорошими манерами, и таким образом попадает в сферу интересов этикета. Говоря о хороших манерах, мы подразумеваем умение человека вести себя соответственно обстоятельствам в любом окружении. За этим умением кроются все внешние формы поведения в обществе, в том числе и соблюдение норм речевого этикета.

Принято считать, что в своем становлении теория речевого этикета прошла три этапа. На первом этапе проблема этикета в чистом виде не рассматривалась: в общелингвистических исследованиях упоминались единицы, которые сейчас принято

называть единицами речевого этикета. Основная задача состояла в изучении и выявлении их собственно лингвистических характеристик и включение их в грамматическую классификацию.

На втором этапе большое внимание уделяется изучению экстралингвистических факторов, влияющих на речевой этикет. «Речевому этикету отводится роль формального вербального компонента ситуации общения в тематически обусловленных рамках: приветствия, прощания, поздравления, пожелания и пр.» /Соколова, 1991: 21/. К изучению феномена речевого этикета привлекаются данные смежных наук, таких как психология, социология, этнография, лингвострановедение, признается приоритет национально-культурной специфики речевого поведения, появляются подробные перечни устойчивых формул речевого общения (клише) для отдельных языков.

Третий этап в развитии теории речевого этикета связан, прежде всего, с работами Н.И. Формановской, которая определяет речевой этикет как «регулирующие правила речевого поведения, система национально-специфических, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» /Формановская, 1987: 9/. Тональность общения может быть немаркированной, нейтральной; выше нейтральной – торжественной или «холодной», натянутой; ниже нейтральной – дружеской, интимно-доверительной. Н.И. Формановской впервые были выделены специализированные функции речевого этикета как функциональной системы языковых единиц – это контактоустанавливающая (фатическая) функция, регулирующая функция, эмоционально-модальная функция и функция ориентации на адресата, т.е. демонстрация своего уважения к нему. Кроме них, также выделяется ряд других подфункций, такие

как апеллятивная подфункция, подфункции вежливости, волеизъявления и воздействия /Формановская, 1987: 15/.

Собранный исследователем фактический языковой материал охватывает единицы, которые тематически распределяются по следующим пятнадцати группам: 1) обращение, привлечение внимания; 2) приветствие; 3) знакомство; 4) приглашение; 5) просьба, совет, предложение; 6) согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение; 7) согласие и несогласие с мнением собеседника; 8) извинение; 9) жалоба; 10) утешение, сочувствие, соболезнование; 11) комплимент, одобрение; 12) неодобрение, упрек; 13) поздравление, пожелание; 14) благодарность; 15) прощание. В своих работах Н.И. Формановская выделяет также грамматические категории устойчивых формул общения: 1) синтаксическая модальность предложений-высказываний («сложный комплекс модальных отношений, сплетенных в диалектическое единство объективности/субъективности»); 2) синтаксическое время (синтаксически настоящее время и его перспектива); 3) синтаксическое лицо (1-е лицо адресанта и 2-е лицо адресата). При этом отмечается, что категории модальности, времени, лица в единицах речевого этикета «неварируемы и непарадигматичны». Выступая против утвердившегося мнения о том, что единицы речевого этикета семантически пусты, десемантизированы, автор выделяет шесть семантических элементов, составляющих структуру типизированной ситуации речевого этикета – адресант, адресат, темпоральность, модальность, установка и тема /Формановская, 1989: 47/.

Речевой этикет имеет двустороннюю природу: с одной стороны, он входит в систему языка, и его единицы подчиняются нормам языковой системы в целом, с другой, – речевой этикет выступает как вербальный компонент этикета поведения, и сущность его единиц оказывается тесно связанной с

особенностями этикета как семиотической системы /Цивьян, 1962; Гольдин, 1983/.

Вследствие своего двойственного характера речевой этикет обладает двойной социальной нормой, поскольку языковая система сама по себе есть «частный случай социальной нормы, обеспечивающей однообразие социального поведения членов группы» /Леонтьев А., 1974: 41/, а собственно этикетные нормы гарантируют надежность, предсказуемость, известную стандартность и общепринятость поведения. Регулирующая функция речевого этикета проявляется в том, что говорящий стремится выбрать социально корректную форму выражения своего коммуникативного намерения, адекватную параметрам ситуации общения. Посредством единиц речевого этикета адресант демонстрирует адресату символ социальных отношений, в структуре которых предполагается развернуть взаимодействие /Гарасов, 1979/.

Речевое поведение регулируется, таким образом, языковыми и коммуникативными нормами и правилами [2]. По определению А.Д. Швейцера, «норма – это набор правил, определяющих стратегию выбора одного из конкурирующих вариантов в зависимости от параметров социальной ситуации» /Швейцер, 1976: 197/. Естественно, что понятие языковой нормы тесно связано с категорией вежливости. Но если коммуникативная норма является неотъемлемым компонентом адекватного речевого поведения, без которого оно вообще не может состояться, то вежливость, как отмечалось выше, – это «факультативный элемент <...>, воплощение которого в значительной мере определяется желанием и волей говорящего» /Беляева, 1987: 270/. И если Н.И. Формановская отводит вежливости роль всего лишь одной из подфункций этикета, то другие исследователи считают, что вежливость является главным принципом пользования этикетными знаками.

Речевой этикет «как бы образует формальную поведенческую рамку, в которой развертывается деятельность (общение)» /Леонтьев А., 1974/. Очевидно, что это самостоятельный вид коммуникативной деятельности, так как имеет свои мотивы и цели: мотив связан с необходимостью соблюдать выработанные обществом нормы речевого поведения, а цель определяется потребностью создать адекватную акту взаимодействия, преимущественно благоприятную, тональность общения. Нормы эти отличаются выраженным национальным своеобразием, связанным с особой исторически сложившейся культурой народа, говорящего на данном языке.

2.3 Теория максим речевого общения

В раскрытии механизма успешной коммуникации большое значение имеет определение правил, регулирующих процесс коммуникации, ибо речевая деятельность, как правило, регламентируется определенными принципами, так называемыми речевыми максимами.

Определение вежливости через максимы речевого общения основывается, прежде всего, на теперь уже классической работе Г. Грайса «Логика и разговорное общение» /Grice, 1967; 1975/. Выдвинутое Г. Грайсом предположение о том, что в основе коммуникации должен лежать некий принцип, управляющий этим процессом и соблюдаемый всеми коммуникантами, послужило основой для выделения им Кооперативного Принципа, или Принципа Сотрудничества (Cooperative Principle).

Кооперативность участников коммуникации является главным условием, обеспечивающим саму возможность общения. Принцип Кооперации исходит из тезиса о том, что рече-

вое общение является видом человеческого взаимодействия и, следовательно, должно регулироваться теми же правилами, что и человеческое взаимодействие в целом. Оптимальное взаимодействие людей предполагает их кооперативное поведение, которое включает не только их совместный оптимальный вклад в общее дело и координацию усилий, но и соблюдение социально-этических норм сотрудничества: стремление к общей цели, взаимное уважение, доброжелательность и поддержка, отсутствие насилия, агрессии и покушения на чужие права и интересы. Нарушение норм социальной кооперации ведет к переходу от отношений сотрудничества к отношениям конфронтации или конфликта. Нарушение же максим кооперации в речевом общении вызывает не конфликт, а образование имплицатур дискурса, т.е. появление дополнительных, косвенных значений, которые могут быть обнаружены за прямым буквальным, эксплицитно выраженным значением высказывания [3].

Принцип Кооперации Г. Грайса заключается в совместных усилиях по достижению общей цели. Сам Г. Грайс описывает Принцип Кооперации следующим образом: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога». (Ср.: “Make your conversational contribution such as is required, at the stage at which it occurs, by the accepted purpose or direction of talk exchange in which you are engaged” /цит. по: Fraser, 1990/).

Это означает, что на каждой данной стадии речевого общения конкретный коммуникативный вклад говорящего должен соответствовать принятым целям речевого взаимодействия и общему направлению речевого обмена. Сформулированные Г. Грайсом в соответствии с четырьмя логическими функциями разума Иммануила Канта максимы направлены на пе-

передачу информации с первичной целью оптимального взаимодействия: «супермаксимы» количества, качества, отношения и способа конкретизируются в виде более частных максим. Категория Количества (требование оптимального объема информации) представлена максимами «Делай достаточно полные информативные сообщения» («Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется») и «Не делай чрезмерно информативных сообщений» («Твое высказывание должно содержать не больше информации, чем требуется»). Суть данных постулатов состоит в том, чтобы говорящий стремился сообщить именно необходимое собеседнику количество информации, ни больше, ни меньше. Категория Качества (требование искренности, достоверности информации) представлена следующими максимами: «Говори правду: не говори того, что считаешь ложным», «Не говори того, что не можешь подтвердить вескими доказательствами» и «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований». Категория Отношения (требование релевантности) представлена максимой «Говори то, что уместно, не отклоняйся от темы», «Будь релевантен». Категория Способа (требование ясности выражения) представлена максимами «Избегай непонятных/туманных выражений и двусмысленности/неоднозначности» и «Говори ясно, кратко и последовательно» /Grice, 1975: 45-47; Грайс, 1985: 220-222/. Этим максима́м должны следовать оба коммуниканта для успешной передачи когнитивной информации, так как они связаны с предметно-логическим аспектом речевого взаимодействия.

По мысли Г. Грайса, данные максимы необходимы и достаточны для наиболее эффективного достижения взаимопонимания. Однако, несмотря на кажущуюся четкость и ясность теории коммуникации Г. Грайса и его последователей, вышеуказанную теорию довольно сложно применять на практике,

так как при анализе реальных речевых высказываний порой невозможно определить и разграничить использование данных максим и постулатов, определить приоритетность их употребления или преднамеренность их нарушения. Кроме того, максимы и постулаты Грайса могут просто не вписываться в конкретный процесс коммуникации, т.е. не соблюдаться изначально, так как у коммуникантов могут быть свои собственные представления об организации процесса коммуникации и правил его проведения, соответствующие определенным целям, стоящим перед ними. Тогда соблюдение Принципа Кооперации, при всех его очевидных достоинствах, в реальной коммуникации может не привести к достижению намеченной коммуникативной цели, так как он не учитывает конкретные условия общения, т.е. прагматический аспект вербального взаимодействия.

Несмотря на то, что эти конституирующие правила партнерских отношений постулируют необходимость соразмерно-го вклада в диалог каждого из его участников, они явно вступают в противоречие с постоянно встречающимися в разговоре коммуникативными стратегиями, которые, вопреки максимам Грайса, сознательно осуществляются собеседниками косвенно, сознательно «неправдивы» или преднамеренно предлагают избыток или недостаток информации – факты, в большинстве случаев указывающие на вежливость (с ее нормами уважения к другим и самому себе) как единственную причину объяснения частого нарушения максим Грайса. Вопреки теории Грайса, при этом не возникает никаких трудностей во взаимопонимании. Напротив, не придерживаясь этих правил, часто удается избежать конфликтов. Именно этому противоречию и обязан феномен вежливости своей ролью в лингвистике.

Поскольку причиной нарушения максим является забота о коммуникативных отношениях, сам Г. Грайс предпринимает попытку преодолеть это противоречие и вводит дополнитель-

ную максимуму другого порядка: «Будь вежлив!». Вежливость, по его мнению, наряду с другими принципами ведения диалога, позволяет регулировать межличностное общение, то есть предоставляет говорящему возможность производить речевой акт, а адресату воспринимать его интенцию в соответствии с целью и спецификой диалога /Grice, 1975: 74/.

Вместе с тем следует отметить, что тем не менее существуют определенные ситуации, в которых общение должно вестись именно с соблюдением максим Грайса. Как указывают исследователи, это те ситуации, где важны, прежде всего, эффективность воздействия на собеседника и точность в передаче информации и где по той или иной причине коммуниканты могут пренебречь нормами сотрудничества, не опасаясь при этом возникновения конфликта /Kasper, 1990: 206; Brown&Levinson, 1994: 95-100/. Примером такого общения может служить язык военных команд и рапортов, которые являются максимально прямолинейными, краткими и однозначными, а также команды хирурга во время операции, то есть это, в первую очередь, экстремальные ситуации, когда «приказы» отдаются в условиях дефицита времени, и вежливость здесь просто неуместна: коммуниканты четко осознают, что в таких ситуациях вежливое обращение является недопустимой роскошью. Примером подобного общения могут служить и случаи, когда наличие помех в канале коммуникации делает излишним и неэффективным использование «вежливых» форм, а также при «очень близких отношениях между коммуникантами, полной зависимости слушающего от говорящего и в ситуациях, где ущерб «лицу» слушающего ничтожно мал» /Brown&Levinson, 1994: 85-88/. Вежливые формы не приняты также в инструктивном императиве (например, *Go straight, then take the first street on the left, etc.*).

Принцип Кооперации Г. Грайса послужил отправной точкой для поиска тех правил речевого взаимодействия, которые

аналогично социально-этическим нормам общения в целом позволяют коммуникантам поддерживать гармоничные отношения. Так, в рамках теории речевой коммуникации был предложен универсальный Принцип Вежливости, который играет не менее важную роль в регуляции речевого общения, чем Принцип Кооперации, поскольку «для большинства из нас в большинстве случаев значительную часть всего объема наших высказываний составляют усилия, направленные на соблюдение вежливости» /Brown&Levinson, 1994: 24/.

В литературе встречаем разные точки зрения о статусе Принципа Вежливости относительно Принципа Кооперации. В ряде работ Принцип Вежливости рассматривается как дополнение к Принципу Кооперации, и среди первых, кто использовал теорию Грайса применительно к феномену вежливости, была Робин Лакофф. Так, одна из наиболее ранних теорий вежливости, предложенная Р. Лакофф, представляет собой именно некоторый дополнительный свод правил поведения коммуникантов /Lakoff R., 1973/.

В статье “The Logic of Politeness: or Minding Your P’s and Q’s”, которая является одной из первых попыток рассмотрения вежливости в прагматическом плане, Р. Лакофф сформулировала три принципа речевого поведения, названных ею первоначально «Правила Вежливости» – ‘Politeness Rules’. (В более поздних работах автора они выступают под названием «Правила контакта/взаимопонимания» – ‘Rules of Rapport’). Предварительно Р. Лакофф формулирует два правила прагматической компетенции: 1. Выражайся ясно! (ср. максимы Грайса) и 2. Будь вежлив! Эти два правила находятся в оппозиции друг к другу, и вежливость обычно перевешивает, так как, по мнению Р. Лакофф, «передача важной информации вторична по отношению к утверждению и упрочению взаимоотношений» /Lakoff R., 1973: 298/. Правила Вежливости дополняются част-

ными максимумами вежливости, которые противодействуют максиме Грайса «Будь ясен!». Они ориентированы на отношения, обобщаются в максиме «Будь вежлив!» и содержат три правила:

(1) Не навязывай своего мнения! ('Don't impose. Remain aloof.' 'Don't intrude into other people's business.');

(2) Предоставляй собеседнику возможность выбора! ('Give options.' 'Let the addressee make his own decisions – leave his options to him.');

(3) Дай собеседнику почувствовать себя хорошо – будь дружелюбен/доброжелателен! ('Make the addressee feel good – be friendly!') /Lakoff R., 1973: 298/.

Каждое из этих правил касается либо количества и качества информации, либо способа ее изложения, либо требует введения добавлений к высказываниям, нерелевантных для темы разговора, т.е. соблюдение этих правил предполагает дополнительные действия, помимо тех, которые направлены на соблюдение Принципа Кооперации.

«Правила Вежливости» Р. Лакоффа могут быть поняты и как правила-рекомендации, если их принимать в совокупности, и как «вехи», обозначающие как бы отрезки непрерывной «шкалы» различных стратегий социального и коммуникативного поведения человека (в частности, в первую очередь, поведения речевого). Каждый может определить, к какому «полюсу» он обычно ближе или какой из них он предпочитает в конкретной ситуации общения. Если рассматривать «правила вежливости» как отрезки континуума речевого поведения, то каждый из принципов определяет одну из основных таких стратегий: предпочтение принципа (1) – «Не навязывай своего мнения!» – характеризует «стратегию дистанцирования», предпочтение принципа (3) – «Дай собеседнику почувствовать себя хорошо – будь дружелюбен/доброжелателен!» – характеризует противоположную ей стратегию близости, а предпочте-

ние принципа (2) – «Предоставляй собеседнику возможность выбора!» – подразумевает следование «промежуточной», «неопределенной», «выжидательной» коммуникативной стратегии, когда право выбора (определения) стратегии речевого общения предоставляется партнеру» /см.: Михальская, 1998: 355-366/.

Наиболее полно теория вежливости с позиции разговорных максим разработана в концепции Джеффри Лича. В целом поддерживая Г. Грайса, Дж. Лич, однако, указывает на то, что Принцип Кооперации сам по себе не дает объяснения: а) почему люди предпочитают «эксплуатировать» Принцип Кооперации и выражать свои намерения косвенно и б) какова связь между значением и иллокутивной силой в недекларативных высказываниях /Leech, 1983: 80/. Г. Грайс и его последователи, используя логический подход к языку, исходят прежде всего из истинности высказывания и поэтому больше сосредоточены на пропозиции, в то время как Дж. Лич предлагает более широкую, социально-психологическую трактовку принципа вежливости и тем самым делает решающий скачок от семантического к прагматическому взгляду на вежливость. Он вводит в научный обиход конкурирующий Принцип Вежливости ('Politeness Principle'), который является одним из основных прагматических принципов, регулирующих отношения между участниками коммуникативного акта и имеет приоритетное значение в повседневной коммуникации: 'Minimise (other things being equal) the expression of impolite beliefs'. Принцип Вежливости Дж. Лича имеет своей целью добиться максимальной эффективности социального взаимодействия за счет «соблюдения социального равновесия и дружественных отношений» /Leech, 1983: 81-82/.

Суть Принципа Вежливости как прагматического явления сводится к тому, что, направляя свои высказывания на достижение определенных целей, говорящий должен оформить их

так, как если бы он (говорящий) исходил из интересов собеседника (слушающего). Выделяя Принцип Вежливости, Дж. Лич, прежде всего, исходит из моральных и этических требований к коммуникантам. Как и у Г. Грайса, этот принцип должен соблюдаться обоими коммуникантами. Здесь существенно деление на *себя* ('self') и *других* ('others'), так как предполагается, что, следуя этому принципу, говорящий исходит из интересов слушающего /Leech, 1983: 80/. Отсюда и соответствующие максимы Принципа Вежливости:

1. Максима т а к т а: а) возможный моральный и эстетический ущерб для собеседника должен быть сведен к минимуму; б) польза для собеседника должна быть максимальной (Tact Maxim – a. Minimise cost to *other*; b. Maximise benefit to *other*). Поскольку любой процесс коммуникации затрагивает личные сферы как говорящего, так и слушающего, необходимо уважать границы личного пространства собеседника и соблюдать осторожность в выборе речевой стратегии, чтобы не задеть чужие интересы.

2. Максима в е л и к о д у ш и я / щедрости (иначе максима необременения собеседника): а) моральная и эстетическая выгода для себя должна быть сведена к минимуму; б) максимальный ущерб должен относиться к говорящему (Generosity Maxim – a. Minimise benefit to *self*; b. Maximise cost to *self*). Данная максима не позволяет никому из собеседников доминировать в разговоре над другим, навязывая ему свое мнение, свою позицию.

3. Максима о д о б р е н и я: а) возможное неодобрение действий (реплик) собеседника должно быть минимальным; б) одобрение и похвала собеседника должны быть максимальными (Approbation Maxim – a. Minimise dispraise to *other*; b. Maximise praise of *other*).

4. Максима с к р о м н о с т и: а) похвала в свой адрес должна быть минимальной; б) самокритика должна быть мак-

симальной (Modesty Maxim – a. Minimise praise of *self*; b. Maximise dispraise of *self*). Согласно данной максиме следует избегать завышения самооценки.

5. Максима с о г л а с и я: а) возможное несогласие с собеседником должно быть минимальным; б) согласие с собеседником должно быть максимальным (Agreement Maxim – a. Minimise disagreement between *self* and *other*; b. Maximise agreement between *self* and *other*). При возникших противоречиях следует их устранять совместными усилиями.

6. Максима с и м п а т и и: а) возможная антипатия к личности собеседника должна быть сведена к минимуму; б) симпатия к собеседнику должна быть максимально возможной (Sympathy Maxim – a. Minimise antipathy between *self* and *other*; b. Maximise sympathy between *self* and *other*) /Leech, 1983: 132/. В процессе коммуникации в любой ситуации собеседникам следует оставаться благожелательными друг к другу, не позволяя возникновения конфликтных ситуаций.

Как видно из вышеприведенного, первые четыре максимы образуют пары, так как основаны на биполярных шкалах: шкала пользы – ущерба (для максим такта и великодушия) и шкала одобрения и неодобрения (для максим одобрения и скромности). Две последние (непарные) максимы основаны на неполярных шкалах согласия и симпатии. По мнению Дж. Лича, не все максимы и субмаксимы одинаково важны. Так, из парных максим (1) – (4) максимы такта и великодушия обладают большей действующей силой в речевом поведении, чем максимы одобрения и скромности. Это является отражением общей закономерности: вежливость больше сфокусирована на *других*, чем на *себе*. Более того, внутри каждой максимы первая субмаксима важнее второй, что также указывает на общую закономерность: негативная вежливость (избежание разногласий) более значима, чем позитивная (стремление к согласию) /Leech, 1983: 133-134/.

Рассматривая вежливость как абсолютно универсальную величину, континуум между «вежливо» и «невежливо», Дж. Лич представляет ее как взаимный обмен товаром (goods). Это сравнение с экономическими факторами эксплицируется в прагматической шкале «затраты-выгоды» в отношениях между говорящим и слушающим. Согласно этой шкале, «уровень» вежливости постепенно увеличивается по мере увеличения «выгоды», которую требуемое действие может принести адресату, призванному это действие выполнить, и, наоборот, постепенно уменьшается с увеличением «затрат» /Leech, 1983: 123-124/.

Дж. Лич также подчеркивает, что вежливость по своей природе асимметрична: то, что вежливо по отношению к одному человеку, может быть невежливо по отношению к другому, то, что может быть вежливо в одной ситуации, может быть невежливо в другой. Это особенно наглядно проявляется в директивных речевых актах. Так, например, просьба, выраженная повелительным наклонением, считается вежливой (по крайней мере не невежливой), если она обращена к подчиненному или хорошо знакомому человеку, и невежливой, если она обращена к человеку, чей социальный статус выше социального статуса говорящего.

Необходимо отметить, что Принцип Вежливости в качестве универсальной максимы «Будь вежлив!» практически лишен содержания. Чтобы быть вежливым, следует знать, что и при каких обстоятельствах расценивается как вежливость. Принцип Вежливости будет «работать» только в том случае, если он наполнен определенным содержанием, в противном случае он не имеет никакой ценности для реального речевого акта и не в состоянии ничего объяснить.

Что касается статуса Принципа Вежливости по отношению к Принципу Кооперации, то для Дж. Лича эти принципы

действуют наравне, дополняя друг друга и таким образом координируя речевое взаимодействие: один не может существовать без другого, и каждый может быть нарушен под воздействием другого /Leech, 1983: 80-82/.

2.4 Теория «сохранения лица»

Теория речевых имплицатур Г. Грайса, основывающаяся на идее о природе коммуникативного процесса как «особом виде интенций говорящего, которые необходимо распознать адресатам», имела много последователей. В частности, близкое понимание вежливости отражено в теории П. Браун и С. Левинсона, созданной более 40 лет назад и ставшей уже классической. Их труд “Politeness: Some Universals in Language Usage” неоднократно переиздавался и оказал сильнейшее влияние на последующее развитие понимания вежливости в лингвистике.

В рамках этой теории П. Браун и С. Левинсон рассматривают категорию вежливости в трех неродственных языках (английском, тамильском и языке целтал) и описывают вежливость как результат использования некоторых специфических речевых стратегий [4].

В отличие от теоретических рассуждений Р. Лакофф и Дж. Лича, П. Браун и С. Левинсон занимаются изучением конкретного фактического материала, содержащего различные формы вежливости. Цель авторов состоит в том, чтобы на основе сравнительного анализа аутентичных данных исторически и культурно не связанных друг с другом языков, выработать универсальные стратегии языкового общения, объяснить их с точки зрения прагматических принципов и систематизировать.

Центральным в предложенной ими модели анализа речевого поведения коммуникантов является понятие «лицо» ('public self-image', 'face'), под которым подразумевается позитивная социальная ценность, которой обладает каждый член общества. П. Браун и С. Левинсон строят свою теорию лингвистической вежливости (ТЛВ), также известную как «теория сохранения лица» – face-saving theory, на понятии 'face'-концепта, заимствованного из социопсихологической теории американского социолога Ирвинга Гоффмана /Goffman, 1972/, от данных которой и отталкиваются П. Браун и С. Левинсон при описании оснований и механизмов феномена вежливости [5]. «Лицо» – не есть некая устоявшаяся категория, эта категория создается в процессе взаимодействия с другими участниками коммуникации при непосредственной (face-to-face) социальной интеракции [6]. По мнению П. Браун и С. Левинсона, общение протекает с большей гарантией успеха, если оба коммуниканта отдают должное внутренним потребностям партнера и взаимно, адекватно ситуации идут навстречу этим социальным ожиданиям. Вежливость в ТЛВ понимается как гарантия бесконфликтного общения, а вежливое речевое поведение предполагает такую линию поведения, которая максимально принимает во внимание желания, чувства и склонности партнеров по общению.

С концепцией Р. Лакофф и Дж. Лича эту теорию сближает понимание вежливости как генеральной стратегии учета интересов собеседника (его «лица»), проявляющейся в определенных ограничениях и требованиях к форме и содержанию любого высказывания. Однако, полемизируя с Р. Лакофф и Дж. Личем, авторы ТЛВ возражают против трактовки вежливости как «правил» /Brown&Levinson, 1994: 86/.

Теория П. Браун и С. Левинсона, как уже отмечалось, отталкивается от Принципа Кооперации Г. Грайса. Авторы тео-

рии указывают на то, что Принцип Кооперации имеет более высокий статус в регуляции речевого общения, чем Принцип Вежливости. Принцип Кооперации является, по мнению П. Браун и С. Левинсона, «немаркированной», «социально-нейтральной рамкой», организующей коммуникацию, и любое отклонение от максим кооперации свидетельствует о наличии дополнительных замечаний и должно иметь определенную причину. Требования вежливости как раз являются одной из возможных причин для их отклонения и несоблюдения. В отличие от Принципа Кооперации, Принцип Вежливости является социально-обусловленным, и, несмотря на свою универсальность (как ее характеризуют П. Браун и С. Левинсон), правила вежливости при их нарушении не свидетельствуют о появлении новых значений в высказывании, а лишь говорят об отсутствии вежливого отношения /Brown&Levinson, 1994: 5, 95/.

Приоритет аспекта межличностных отношений и конкретизация его через понятие «лицо» позволили рассматривать вежливость как самостоятельную область лингвистических исследований. Однако, следует еще раз отметить, что в целом изучение вежливости представляет собой образец междисциплинарного исследования, поскольку даже в рамках лингвистики встречаются совершенно разные аспекты и направления ее изучения – антропологические и этнолингвистические, социолингвистические и психолингвистические, лингвокультурологические и гендерные.

Природа сложного, многогранного и комплексного феномена вежливости, проявляющегося на всех уровнях в речевом общении, двойственна, противоречива. Сущность вежливости состоит в привычном, отработанном использовании сложившихся в той или иной культуре традиционных приемов, позволяющих уравновесить в каждом речевом акте такие противоположные тенденции общения, как: а) стремление проявить

дружелюбие, сблизиться с другими, а вместе с тем и б) стремление сохранить свою индивидуальность, «суверенитет», определенную дистанцию. В общении человеком движет как потребность получить одобрение со стороны окружающих, так и потребность не впасть от них в полную зависимость. Коммуниканты стремятся сохранить как свое лицо, так и лицо собеседника: без выполнения, без соблюдения этого условия невозможно нормальное, бесконфликтное общение. Поэтому считается, что и семантика вежливости имеет два главных аспекта – так называемые «положительный» и «отрицательный». Развивая идеи Ирвинга Гофмана, П. Браун и С. Левинсон вводят понятия *positive face* и *negative face* и соответствующие им понятия *positive politeness* («позитивная вежливость») и *negative politeness* («негативная вежливость») [7].

Позитивная вежливость использует арсенал всех принятых в данной речевой культуре приемов и способов проявления стремления к сближению с собеседником (средств соблюдения «позитивного лица»), свидетельствующих о доброжелательности и дружеских чувствах: обычно говорящий демонстрирует, что он учитывает (принимает во внимание), по крайней мере, часть притязаний адресата/слушающего; негативная вежливость – это система средств соблюдения нужной дистанции, подчеркивающих отсутствие давления на собеседника, проявление уважения его независимости, его личной автономии и пр., т.е. признание неравного статуса членов данной социальной группы. Эти системы называют двумя *стратегиями* вежливости, которые имеют разную направленность. Первая основана на сближении/солидарности (*approach-based*), вторая – на отдалении/дистанцировании (*avoidance-based*). Каждый из этих типов вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий, при помощи которых достигаются основные цели вежливого общения.

Демонстрация солидарности и сохранение дистанции, по утверждению П. Браун и С. Левинсона, составляют суть вежливого поведения, то есть быть вежливым можно в том случае, если ты демонстрируешь собеседнику свою солидарность и в то же время сохраняешь определенную дистанцию, выражая таким образом свое уважение к нему. При этом, с их точки зрения, негативная вежливость играет более важную роль, чем позитивная. Негативную вежливость они называют ядром вежливого поведения, в то время как позитивная вежливость менее очевидна и менее значима.

К стратегии позитивной вежливости относятся следующие ходы: проявление внимания к человеку, подчеркивание интереса к слушателю, вовлечение слушающего в деятельность (через, например, инклюзивное местоимение «мы», обоснование предложений и просьб как подчеркивание взаимодействия и сотрудничества, создание атмосферы внутригрупповой идентичности, использование диалекта, жаргона, обращения на «ты» и т.д.). Негативная вежливость реализуется посредством таких ходов, как использование косвенных речевых актов, формулирование высказываний в смягчающей (модальной) форме, имперсонализация участников общения, принятие на себя долга по отношению к адресату и т.д.

Таким образом, любое, даже самое элементарное, проявление вежливости направлено на учет потребностей позитивного или негативного лица собеседника. В терминах ТЛВ позитивное лицо – это стремление индивидуума к уважению, стремление быть принятым со стороны окружающих (“the want of every member that he wants be desirable to at least some others”), а негативное лицо – его желание быть свободным от принуждения, желание независимости, «неприкосновенности его территории – собственности, времени, усилий, мнений» и т.п. (“the want of every competent adult member that his actions be unimpeded by others”) /Brown&Levinson, 1994: 61-64/.

Позитивная вежливость, базирующаяся на понятии «солидарности» (solidarity), уменьшает различия между участниками коммуникативного акта, связанные с их социальным статусом, выражает понимание стремления адресата к согласию с говорящим, к объединению с ним, блокирует такие речевые акты, которые выражают безразличие, равнодушие к мнению и чувствам адресата. Негативная вежливость, базирующаяся на понятии «власти» (power), подчеркивает разницу между участниками коммуникации и служит для нейтрализации речевых актов, таящих в себе угрозу (face-threatening acts), посягательство на свободу действий адресата.

Как следует из вышесказанного, противопоставление позитивной и негативной вежливости может быть связано с социальным статусом и учитывать социальную/персональную дистанцию. Позитивная вежливость – это общение в среде «своих», негативная вежливость – общение среди «чужих». Общение на персональной дистанции требует искренности и допускает определенную спонтанность в проявлении желаний. Общение же на социальной дистанции требует формального соблюдения приличий и сдержанности. Очевидно поэтому Р. Патмайр называет негативную вежливость дистанцирующей (Distanzhoflichkeit), а позитивную – солидаризирующей (Solidaritatshoflichkeit) /Патмайр, 1997/.

Для обозначения названных типов вежливости в литературе встречаем и другие термины. Позитивная вежливость называется также 'solidarity politeness' (вежливость солидарности) /Scollon&Scollon 1983/, 'community' (общность) /Tannen, 1981/, 'involvement' (вовлеченность) /Scollon&Scollon, 2001/, «вежливость сближения» /Ларина, 2003/. Как видно, все эти термины раскрывают ее основную функцию – функцию сближения партнеров по коммуникации, их совместную деятельность. Негативная вежливость обозначается также терминами

‘deference politeness’ (вежливость почтения) /Scollon&Scollon, 1983/, ‘independence’ (независимость) /Tannen, 1981; Scollon&Scollon, 2001/, «вежливость отдаления» /Ларина, 2003/. В данном случае акцентируется почтение, ненавязчивость, уважение личной автономии собеседников, соблюдение формальности, дистанции.

Итак, в процессе общения участники коммуникации заинтересованы в сохранении как своего лица, так и лица партнера. При этом сохранение лица – это не цель коммуникации, а условие, без выполнения которого нормальное общение невозможно. Поэтому уметь выполнять это условие должен каждый член общества. По мнению авторов ТВЛ, лингвистическая вежливость выполняет коммуникативную функцию и несет в себе определенную информацию. Так, в высказывании “*I would really like it if you would shut the door.*” говорящий выражает не только просьбу, но и свое намерение быть вежливым, в то время как в высказывании “*Shut the door!*”, употребленном в тех же условиях общения, информация о таком намерении отсутствует.

Позитивная и негативная вежливость раскрывают *основной механизм* человеческих взаимоотношений, основанный на противоположных действиях, совершаемых коммуникантами в процессе общения – сближении и отдалении: вступая в контакт, необходимо приблизить собеседника, сократить разделяющую дистанцию и использовать стратегии позитивной вежливости, при этом нельзя заходить слишком далеко, поэтому для демонстрации своего взаимного почтения, уважения, независимости партнеры прибегают к стратегиям отдаления.

Стратегии позитивной и негативной вежливости охватывают основные приемы, используемые коммуникантами в повседневном общении, прежде всего, в фатической коммуникации, и наглядно показывают, как действует механизм челове-

ческих взаимоотношений. Взяв их за основу, можно предположить, что *вежливость* – это соблюдение баланса, равновесия между *солидарностью* и *дистантностью*. При этом точка этого равновесия варьирует не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом. Задача коммуникации состоит в оптимальном выборе стратегий вежливости в соответствии с социально-культурными нормами и ожиданиями партнера, с тем чтобы не оказаться ни чрезмерно формальным, ни слишком фамильярным. Именно поэтому, как отмечалось выше, вежливость представляет собой гибкую систему стратегий.

В ряде лингвистических работ отмечается также, что вежливость как желание быть приятным для других, т.е. мотив, который лежит в основе индивидуального лингвистического поведения, не следует смешивать с прагматическим понятием вежливости. Так, Дж. Томас полагает, что, хотя вежливость и уважительность/почтительность (*deference*) тесно взаимосвязаны, они представляют собой разные явления, разные понятия /Thomas, 1995: 150-151/. Уважительность/почтительность есть оппозиция фамильярности. В отношении к собеседникам старшего возраста уважительность отражена в грамматике таких языков, как корейский и японский, а также категоризирована в русском, армянском, французском и немецком языках через так называемую T/V категорию, представленную местоимениями второго лица: *ты/вы, я/и/я/и*, *tu/vous* в русском, армянском и французском соответственно, а в немецком – местоимениями *du/Sie*, где форма вежливости *Sie* (= Вы) совпадает с формой 3-го лица множественного числа. В английском языке существуют вежливые формы обращения, такие как (Doctor, Professor), и формы почтительного обращения (Sir, Madame). В этих целях также могут быть использованы личные имена (полные и уменьшительные).

Причина того, что большинство лингвистов не относит уважительность, почтительность к прагматической проблеме, состоит в следующем: говорящий не имеет выбора использовать или не использовать уважительную форму обращения, ибо ее употребление диктуется социолингвистическими параметрами, такими как возраст, пол, социальный статус. И только в том случае, если говорящий изначально отступает от поведенческих норм данного общества, уважительные и неуважительные формы начинают представлять интерес для прагматики. Хотя уважительность и вежливость взаимосвязаны, иногда можно проявить уважение, не используя в речи специальных лингвистических формул, и, наоборот, используя вежливое обращение, можно продемонстрировать неуважение к собеседнику.

Прагматический аспект вежливости является средством, демонстрирующим то, что говорящий воспринимает и осознает «лицо» своего собеседника. В связи с этим выделяются два вида речевых актов: речевые акты, несущие угрозу самосознанию (*self-image*) и лицу собеседника (*face-threatening acts*), и речевые акты, имеющие целью уменьшение угрозы самосознанию собеседника (*face-saving acts*).

Для рассматриваемой теории, кроме понятия «лицо», основополагающими являются понятия *self-image* – «самосознание», *face-threatening act* – «лицеущемляющий (ликоповреждающий) акт», *face-saving act* – «лицесохраняющий акт», *strategy* – «стратегия», *redressive action* – «компенсация», «компенсирующее действие», которые явились концептуальным аппаратом для более поздних исследований вежливости.

П. Браун и С. Левинсон разработали подробную классификацию лицеущемляющих актов (ЛУА). Первое деление они проводят между: а) действиями, ущемляющими позитивное лицо, и б) действиями, ущемляющими негативное лицо.

К первой группе авторы относят, например, выражения неодобрения, несогласия, критики, презрения, насмешку, жалобу, замечание, оскорбление и другие РА, совершая которые, говорящий выражает негативную оценку некоторых аспектов позитивного лица адресата. В эту группу входят и РА, которые не наносят ущерба позитивному лицу непосредственно, как перечисленные выше действия, а косвенно свидетельствуют о безразличии говорящего к потребностям позитивного лица адресата. Это такие действия, как бурное выражение эмоций, упоминание запретных или неуместных в данной ситуации тем, сообщение плохих вестей, хвастовство, демонстрация невнимания к собеседнику, прерывание речи партнера, употребление несоответствующих терминов обращения и статусно маркированных идентификаторов при первой встрече и др. /Brown&Levinson, 1994: 65-66/.

Ко второй группе ЛУА, ущемляющих негативное лицо, относятся все директивные РА, которые являются покушением на свободу действий собеседника: это приказы и просьбы, угрозы и предупреждения и т.п. В эту же группу входят советы и предложения, услуги, обещания, которые, хотя и предполагают «выгоду» для слушающего, тем не менее «покушаются» на его право принять или не принять их от говорящего. Эти действия, таким образом, могут быть потенциально проинтерпретированы как наносящие ущерб негативному лицу собеседника (слушающего) /Brown&Levinson, 1994: 66-67/.

Второе в классификации ЛУА – это деление на: а) действия, несущие угрозу лицу слушающего, и б) действия, несущие угрозу лицу самого говорящего.

Все действия, рассмотренные в предыдущей классификации, несут угрозу лицу слушающего. К действиям, повреждающим позитивное лицо говорящего, авторы теории относят следующие: принесение извинения, признание вины или ответственности, неудачная попытка сдержать эмоции (смех,

слезы), самокритика. Позитивное лицо говорящего задевают и высказывания, содержащие принятие комплимента или похвалы, в которых часто, в соответствии с максимой скромности, преуменьшается значение объекта, по поводу которого был сделан комплимент. К действиям, повреждающим негативное лицо говорящего, можно отнести следующие – это действия, совершая которые, говорящий ограничивает собственную свободу: это вынужденные обещания и предложения, а также выражение благодарности, принятие благодарности или извинений адресата /Brown&Levinson, 1994: 67-68/.

Следует, однако, заметить, что четкая классификация ЛУА по двум приведенным направлениям не всегда возможна. Так, многие РА несут угрозу как позитивному, так и негативному лицу (например, прерывание речи собеседника) и, с другой стороны, угрозу как лицу слушающего, так и лицу говорящего (например, обещание). Поэтому рассмотрение П. Браун и С. Левинсоном практически любого РА как ЛУА является той позицией их теории, которая вызывает значительное число споров. В частности, Дж. Лич указывает на то, что существуют РА, которые изначально выгодны для слушающего, т.е. это «ингерентно вежливые» акты: комплимент, благодарность, а также извинение /Leech, 1983: 132/, что исключает возможность их рассмотрения как ЛУА, несущего угрозу лицу слушающего. Представляется, что позиция Дж. Лича в этом вопросе менее уязвима, чем позиция П. Браун и С. Левинсона, поскольку она лишена этих крайностей в подходе, как, например, к акту обещания как изначально антагонистическому. Кроме того, мнение Дж. Лича в большей степени отражает необходимость учета намерений коммуникантов при оценке речевых действий как ЛУА.

Тем не менее данная классификация позволяет достаточно подробно проанализировать любой ЛУА с точки зрения его роли в регулировании отношений между говорящим и слу-

шающим. Итак, вежливое поведение, по П. Браун и С. Левинсону, предполагает стремление максимально избегать совершения ЛУА или же, если ЛУА неизбежен, облекать его в максимально мягкую форму. Достичь этого позволяет использование определенных *стратегий* совершения ЛУА, которые и являются механизмами вежливости.

Прежде чем перейти к рассмотрению механизмов совершения ЛУА, остановимся вкратце на одном из центральных концептов прагматики – на понятии «стратегия», которое связано, прежде всего, с идеей выбора. В целом, под стратегией понимается «цепочка решений, коммуникативных выборов тех или иных речевых действий и языковых средств», она трактуется также как «реализация набора целей в структуре общения» /Макаров, 2003: 47/. Иначе говоря, речевая стратегия – это комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели /Иссерс, 2008/. Т. ван Дейк выделяет стратегию вежливости как одну из глобальных стратегий общения, подчеркивая при этом динамичность и гибкость стратегий как таковых (в отличие от принципов и правил) /ван Дейк, 1989: 273/. При таком подходе стратегии совершения ЛУА относятся к более частным стратегиям, подчиненным глобальной стратегии вежливости.

В теории лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона выделяются пять основных стратегий совершения ЛУА, причем эти стратегии выстраиваются в определенном порядке, а именно относительно степени вероятности возникновения конфликта /Brown&Levinson, 1994: 68-70/:

1. отказ от совершения ЛУА (Don't do a FTA, avoid it.),
2. ЛУА в косвенной форме (Do a FTA indirectly, off-record.),
3. ЛУА в прямой форме с компенсацией негативному лицу (Do a FTA with negative politeness.),

4. ЛУА в прямой форме с компенсацией позитивному лицу (Do a FTA with positive politeness.),
5. ЛУА в прямой форме без компенсации (Do a FTA baldly, i.e. without redressive action, on record.).

Как видно, на одном полюсе находится отказ от совершения ЛУА, на другом – совершение ЛУА в явной, прямой, эксплицитной форме. Прежде всего, говорящий взвешивает необходимость совершения ЛУА и вероятность возникновения конфликта, который может быть вызван этим действием, и решает, возможно ли совершение ЛУА в данной ситуации. Если риск нанести ущерб лицу собеседника и тем самым вызвать конфликт слишком велик, говорящий может воздержаться от совершения ЛУА (отложить его и дождаться более благоприятных обстоятельств). Однако эта стратегия является исключительной мерой, так как в данном случае коммуникация не может состояться /Brown&Levinson, 1994: 72/.

Если же принято решение совершить ЛУА, то тогда решается вопрос, каким образом это должно быть сделано в сложившейся ситуации. Оценка говорящим ситуации с точки зрения социально-психологической дистанции, авторитета говорящего и степени его «внедрения» в личную сферу слушающего влияет на выбор наиболее подходящей линии поведения. Согласно П. Браун и С. Левинсону, говорящий выбирает либо прямую, открытую (on-record), либо косвенную, скрытую (off-record) форму осуществления перечисленных выше актов. Наиболее эффективной является стратегия совершения ЛУА в косвенной форме, когда РА строится таким образом, чтобы возможно было разное его толкование. Благодаря возможности различных интерпретаций, эта стратегия удовлетворяет потребностям негативного лица слушающего, оставляя за ним право выбора. Данная стратегия также снимает с говорящего ответственность за нанесение ущерба лицу слушающего, так

как невозможно доказать, что он (говорящий) имел в виду совершение именно этого ЛУА /Brown&Levinson, 1994: 69/.

Очевидно, что прямолинейные действия характеризуются наиболее четким, ясным, кратким и недвусмысленным способом выражения мысли. Последнее соответствует Принципу Кооперации Г. Грайса. Они уместны в случаях, когда риск нанесения ущерба лицу адресата невелик (например, в приглашениях) или если обстоятельства требуют пренебречь потребностями лица.

Характеристика предложенной П. Браун и С. Левинсоном стратегии off-record (смягчающие действия) близка к пониманию использования косвенного выражения иллокутивной силы в целях вежливости в концепции Дж. Лича. По Дж. Личу, цель вежливости – смягчить «невежливое» содержание определенных РА. Как и П. Браун и С. Левинсон, Дж. Лич признает, что невежливое содержание (угроза лицу) изначально присуще тем речевым актам, которые требуют затрат от адресата. Прежде всего, это директивные речевые акты. Косвенное выражение иллокутивного значения является, как по Дж. Личу, так и по П. Браун и С. Левинсону, наиболее вежливым, поскольку, как уже отмечалось, оно оставляет за слушающим право выбора реакции на РА. Причем чем выше степень косвенности, тем легче адресату уйти от требуемых от него затрат /Leech, 1983: 109/.

Если опасность нанести ущерб лицу слушающего достаточно велика и соответственно велик и риск возникновения конфликта, говорящий вынужден совершить так называемое компенсирующее действие (redressive action). В этом случае ЛУА совершается с такими модификациями, которые компенсируют угрозу лицу. Это компенсирующее действие может быть двух видов, в зависимости от того, удовлетворяет ли оно потребностям позитивного или негативного лица, проявляя соответственно позитивную или негативную вежливость.

Опираясь на принципы Г. Грайса, П. Браун и С. Левинсон предложили классификацию четырех категорий выражений, «ослабляющих непосредственность высказывания» в английском языке. Они используются тогда, когда:

а) в количественном аспекте – говорящий старается смягчить категоричность высказывания или пытается в смягченной форме передать партнеру свое недовольство его действиями и поступками;

б) в качественном аспекте – говорящий в вежливой форме выражает свое несогласие или свои сомнения относительно информации, переданной партнером;

в) в аспекте соотношения (реляции) – говорящий в вежливой форме предлагает изменить тему разговора (особое значение эти выражения имеют в построении диалога);

г) в модальном аспекте – говорящий, не соглашаясь с мнением партнера, использует вежливую форму, чтобы ему об этом сообщить /Brown & Levinson, 1978/.

Таким образом, социопрагматический принцип вежливости может быть определен как намерение «сохранить лицо» партнера по коммуникации, равно как и свое «лицо» и вытекающие стратегии речевой интерпретации, с учетом социальной дистанции, импозиции и роли коммуникантов.

В контексте настоящей работы представляет интерес и концепция языковых стратегий Хенка Хаверкейта /Haverkate, 1984/, которая во многом перекликается с теорией «сохранения лица» П. Браун и С. Левинсона. Не связывая напрямую стратегии с категорией вежливости, Х. Хаверкейт, тем не менее, указывает на определенную степень их вежливости. При этом, по его мнению, использование как глобальных, так и локальных стратегий диктуется, прежде всего, желанием говорящего создать и поддержать свой позитивный образ в глазах собеседника, то есть предстать перед ним как человек общительный, мыслящий и рациональный /Haverkate, 1984: 641/.

Если у П. Браун и С. Левинсона коммуникант исходит из потребностей позитивного или негативного лица адресата (слушающего), то у Х. Хаверкейта во главу угла ставится позитивное лицо самого говорящего. Что касается описываемых Х. Хаверкейтом стратегий, то они во многом перекликаются со стратегиями, рассмотренными выше, хотя им используется иной принцип классификации, который можно назвать функционально-грамматическим. Х. Хаверкейт рассматривает языковые стратегии, используя методику компонентного анализа речевых актов, и вводит понятие аллокутивного акта для обозначения выбора средств выражения говорящим иллокуции. При этом, по его мнению, выбор адекватного языкового средства в речевой ситуации обычно связан с градуированием иллокутивной силы речевого акта.

Обобщая этот раздел, заметим, что несмотря на то, что П. Браун и С. Левинсон признают, что вежливость может иметь культурные различия, они в большей степени акцентируют внимание на универсальности данного явления, что отражено в самом названии их труда – “Universals in language usage: politeness phenomenon”. Проведя исследование на материале трех языков (напомним, английского, тамильского и целтальского), авторы заявили об *универсальном* характере своей модели/теории, что стало причиной серьезных возражений со стороны ряда исследователей и послужило основным поводом для критики данной теории, которой она подвергается со стороны исследователей, изучающих вежливость, в частности, в межкультурном аспекте. Именно в этом с ними не соглашаются представители многих, в основном, не-европейских, культур, утверждая, что вежливость по-разному реализуется и воспринимается представителями разных культурных традиций и в различных обстоятельствах. То, что представляется вежливым в рамках одной культуры, может вызвать недо-

умение или даже неприятие у представителей других культур. В этих межкультурных исследованиях (это, в первую очередь, исследования по азиатским культурам – Китай, Япония, Корея, Таиланд) авторы пытаются доказать неполную состоятельность ТЛВ, так как она неприменима, в частности, к так называемым *коллективистским* культурам, в отличие от *индивидуалистических* европейских /см., например, об этом: Matsumoto, 1988, 1989; Gu Yueguo, 1990; Hill et al, 1986; Ide, 1989, Ide, Hill et al, 1992; Nwoye Og, 1992; Agha, 1994; Mao Lu Ming, 1994; Blum-Kulka, House, Kasper, 1989; Sifianou, 1992; Ervin-Tripp, Nakamura, 1995; Ji, 2000; Hong, 1998 и др./ [8].

Некоторые лингвисты, отмечая ограниченный характер ТЛВ, считают, что она представляет довольно узкую, упрощенную модель вежливости. С их точки зрения вежливость гораздо более сложное явление, чем показано П. Браун и С. Левинсоном (см. например: Kerbrat-Orecchioni, 1997: 13; Mills, 2003: 57-58 и др.). ТЛВ ограничивается рассмотрением лишь явления вежливости и вежливого поведения и игнорирует ситуации невежливого, грубого коммуникативного поведения. Особое внимание уделяя социальным лицам говорящих (адресантов), ТЛВ ориентируется только на интенции говорящего, при этом не учитывает фактор слушающего (адресата), оставляя его вне поля зрения, что свидетельствует о чрезмерной адресанто-центричности теории. И, наконец, слабым местом ТЛВ считают игнорирование факта ситуативной вариативности и контекстуальной обусловленности значений вежливости. Поэтому многие исследователи отмечают, что адекватное понимание лингвистической вежливости требует тщательного рассмотрения взаимоотношений языковых выражений в пределах определенного социального контекста, дискурса с учетом представлений говорящего и слушающего о вежливости и их понимания данного явления /Hymes, 1986; Blum-Kulka, 1987; Fraser, 1990; Eelen, 2014; Watts, 2003;

Locher&Watts, 2005; Watts, 2008; Kádár, Haugh, 2013; Locher, 2014; van der Bom, Mills, 2015 и др./

И тем не менее, несмотря на многочисленные споры, в настоящее время большинство исследований по данной проблематике опирается на описанные выше три базовые и ставшие уже классическими теории Р. Лакоффа, Дж. Лича, П. Браун и С. Левинсона, которые получили дальнейшее развитие в работах лингвистов, изучающих отдельные стороны вежливости и ее проявления в различных языках. Работы П. Браун и С. Левинсона, несмотря на критику в их адрес, по-прежнему остаются наиболее значимыми в данной области и дают исследователям эффективный инструмент, концептуальный аппарат для понимания коммуникативного поведения собеседников в процессе общения.

Теория лингвистической вежливости признается продуктивной не только в собственно лингвистических изысканиях, но и в междисциплинарных исследованиях, проводимых в пограничных сферах на стыке лингвистики, социологии и психологии. Так, М. Лохер и Р. Уоттс, признавая значимость ТЛВ для дальнейшего развития лингвистической прагматики, подчеркивают, что она «возвышается над большей частью других теорий, являясь путеводной звездой для ученых, отыскивающих феномен вежливости в примерах взаимодействия коммуникантов: она отличается широтой проникновения в сущность человеческого поведения, не характерной ни для какой другой теории вежливости» /Locher&Watts, 2005: 9-10, цит. по: Леонтьев В., 2016/. Одним словом, основная заслуга работы П. Браун и С. Левинсона, наряду со всеми другими, состоит в том, что она поместила в центр научных изысканий, в том числе междисциплинарных, феномен вежливости и стимулировала дальнейшее активное и всестороннее исследование этого явления.

2.5 Теория коммуникативного договора

Сторонники данного подхода к изучению вежливости в целом принимают Принцип Кооперации Г. Грайса и признают важность понятия «лица» в теории П. Браун и С. Левинсона, однако расходятся с этими и другими концепциями вежливости по ряду положений /см.: Fraser, 1990; Fraser&Nolen, 1981/.

Так, Б. Фрейзер, отказываясь от рассмотрения вежливости с позиции нормы, исходит из того, что нормы не могут быть определены в зависимости от ситуации, он критикует и подход с точки зрения речевых максим в связи с неопределенностью их взаимной иерархии. Б. Фрейзер также указывает на недостатки теории П. Браун и С. Левинсона, которая, как отмечалось, определяет вежливость как стратегию по избеганию или уменьшению ущерба имиджу, по минимизации потери «лица», и говорит об «игре с нулевой суммой», когда чем больше *вежливости*, тем ниже эффективность передачи информации в процессе общения /Fraser, 1990/.

В теории коммуникативного договора вежливость рассматривается как одна из конвенций, в соответствии с которой участники речевого общения должны строить высказывания для достижения своих коммуникативных целей. По мнению Б. Фрейзера и В. Нолена, вежливость это качество, связанное с добровольными действиями /Fraser&Nolen, 1981/. Согласно их теории, вежливость определяется условиями и требованиями определенного коммуникативного договора, «конверсационного контракта» ('conversational contract'), где «оговариваются» права и обязанности участников коммуникации, которым они, естественно, должны следовать при ведении диалога. Это предполагает, что собеседники, вступая в речевое взаимодействие и конструируя диалог, определяют границы общения, т.е. обозначают «права и обязанности» коммуникантов, кото-

рые и определяют рамки их взаимодействия. А это, в свою очередь, означает, что если ничто не предполагает обратного, то следует ожидать выполнения коммуникантами взятых на себя обязательств, что и является одной из конвенций общения. И тогда все, что будет в пределах данного договора, в рамках существующего конверсационного контракта будет вежливым, а то, что вне принятых правил, будет определяться как «невежливое». И поскольку всегда есть возможность договориться о новых условиях интеракции, то у собеседников всегда есть возможность быть вежливым в процессе взаимодействия. Поэтому Б. Фрейзер рассматривает вежливость как умение «достигать своих текущих целей, соглашаясь с договоренностями и условиями конверсационного контракта» /Fraser, 1990: 233/.

По мнению авторов этой теории, вежливость как таковая не может быть маркирована в речи, тем более в одном высказывании. Как правило, участники диалога не замечают, что кто-то был с ними вежлив, потому что вежливость считается нормой. В речи фиксируется только отсутствие вежливости, т.е. грубость, агрессивность, невежливость, так как последнее (отсутствие вежливости) воспринимается как отклонение от конверсационных ожиданий ('deviation from conversational expectations').

Б. Фрейзер и В. Нолен различают два типа условий конверсационного контракта: общие условия и особые условия. Общие условия регулируют обычные разговоры, подразумевающие культурно-специфические конвенции, например, правила смены реплик, объем высказывания, ясность речи, имплицатуры и пр. Особые условия вводятся участниками разговора и регулируют типы и содержание ожидаемых речевых действий в рамках данного конверсационного контракта. Второй тип условий, по мнению авторов, более важен, так как он

влияет на то, какие типы речевых актов рассматриваются как приемлемые, уместные при данном типе социальных отношений /Fraser&Nolen, 1981: 94/.

Вежливость как выполнение «конверсационного контракта» состоит, по мнению исследователей, в соблюдении коммуникантами действующего набора взаимных прав и обязанностей в *каждой конкретной ситуации* [9], при этом наряду с общими правилами (такими, например, как ‘не перебивать’, ‘говорить достаточно громко’, ‘использовать общий язык’ и т.д.) должны учитываться и специальные правила, такие как ‘тип допустимого речевого акта (приказ/просьба) и его допустимое содержание’, ‘позволительность говорить в библиотеке только шепотом’ и т.п. /Fraser&Nolen, 1981: 94/. Быть вежливым означает намеренное, интенциональное действие, а не неотъемлемое свойство какого-либо выражения, так как только *конкретные условия употребления*, зависящие единственно от коммуникантов и осуществляющиеся в определенном континууме, в конкретной ситуации позволяют отнести то или иное выражение к категории вежливых. Проявление уважения при этом охватывает статусный аспект вежливости, то есть относительный, соответствующий конверсационному контракту статусный порядок.

Такая теория, безусловно, имеет право на существование, однако, она, по мнению ряда исследователей, весьма схематична. Эту модель трудно применить эмпирически ввиду ее недостаточной разработанности. Она не дает объяснений, как компетентный носитель языка может не только отнести высказывание к вежливым или невежливым, но и оценить одно высказывание как более вежливое, чем другое, т.е. разместить их на шкале, на континууме, включающем все вербальное поведение. Кроме того, непонятно, какие социальные условия могут дать возможность договариваться о новых «правах и обя-

занностях». Также непонятна природа этих прав и условий. Более того, данный подход, не будучи основан на конкретной модели анализа, не позволяет оценивать его продуктивность /Thomas, 1995: 177/.

2.6 Пост-классические теории (не)вежливости

Пытаясь преодолеть «несовершенство» классических теорий вежливости, ряд лингвистов, социолингвистов и социологов вводят дополнительные уточняющие понятия, которые они развивают в своих моделях/теориях, значительно расширяя, по их мнению, «горизонты лингвистической вежливости». С этой целью, полагая, что для полного, адекватного и всеохватывающего освещения данного явления необходимо рассмотрение также и невежливых, грубых, агрессивных речевых действий коммуникантов, в научный обиход вводится довольно широко используемый в настоящее время в зарубежной лингвистике общий и, как принято сейчас говорить, зонтичный термин *«лингвистическая (не)вежливость»*, который применяется для обозначения градуированной шкалы оценочных значений, характерных для коммуникативного поведения говорящего во всем его разнообразии: от оценки данного поведения адресатом как тактичного, одобрительного, вежливого, уважительного, почтительного до его оценки как агрессивного, грубого, высокомерного, пренебрежительного.

Следует заметить, что лингвистическая невежливость относительно недавно стала предметом специального исследования. В большинстве работ общение рассматривается лишь как гармоничное, бесконфликтное поведение говорящего и слушающего. Однако в реальности это далеко не всегда так; люди, общаясь, нередко бывают грубы и невнимательны по

отношению друг к другу, порой даже агрессивны. По мнению многих ученых, невежливость, как и вежливость, есть сложное и многогранное явление и как область исследований должна стать предметом междисциплинарного анализа на стыке таких областей научного знания как психология, социология, конфликтология, социальная антропология, культурология, массовые коммуникации, история, поскольку каждая из этих областей знания может внести свой вклад в раскрытие данного сложного, многослойного и неоднозначного феномена.

Исходя из того, что само явление (не)вежливости универсально и присуще всем культурам, но конкретные ее проявления имеют выраженную национальную специфику и могут значительно варьировать в зависимости от культуры, в которой формировались и к которой принадлежат собеседники (т.е. определяются разными культурными ценностями и разными отношениями между людьми и при этом ситуационно маркированы), в литературе предлагаются альтернативные подходы к данной проблеме, обращается особое внимание на динамический характер понятия (не)вежливости, а также на то, как используется (не)вежливость в реальном, конкретном, повседневном коммуникативном общении. Последнее требует обязательного учета широкого коммуникативного контекста, ибо в реальной коммуникации высказывания погружены в контекст и взаимосвязаны, поэтому даже «самая вежливая фраза в определенных условиях может быть расценена как самая издевательская или саркастичная, а самый вульгарный мат можно использовать как комплимент» /Жельвис, 2011: 260/.

Среди целого ряда пост-классических подходов наибольшее распространение в исследовании лингвистической (не)вежливости получил так называемый *дискурсивный*, также известный как «постмодернистский», подход (*discursive approach to analysing politeness*), при котором вежливость рас-

сма­три­ва­ет­ся в кон­тек­сте *кон­крет­ных выс­ка­зы­ва­ний* че­рез ее *субъ­ек­тив­ное* вос­при­я­тие ком­му­ни­кан­та­ми /Eelen, 1999, 2014; Kienpointner, 2008; Locher, 2005, 2008, 2015; Mills, 2003, 2005, 2011; Watts, 2003, 2005, 2010 и др./.

Осо­бо под­чер­ки­вая со­ци­аль­ный (меж­лич­ност­ный) ха­рак­тер (не)веж­ли­во­сти, за­клю­чаю­щий­ся в ре­гу­ляр­ном пов­се­днев­ном вза­им­о­дей­ствии ком­му­ни­кан­тов, уче­ные рас­сма­три­ва­ют веж­ли­вость как ре­гу­ли­руе­мое оп­ре­де­лен­ным ви­дом дея­тель­но­сти дис­кур­сив­ное по­ня­тие, по­лу­чив­шее в те­о­рии Ри­чар­да Уот­тса и Ми­ри­ам Ло­хер на­зва­ние “relational work” и пред­по­ла­гаю­щее оп­ре­де­лен­ную ра­бо­ту ком­му­ни­кан­тов, оп­ре­де­лен­ный вклад го­во­ря­ще­го и слу­шаю­ще­го по соз­да­нию меж­лич­ност­ных от­но­ше­ний ме­жду со­бой [10]. Оно ох­ва­ты­ва­ет весь спек­тр вер­баль­но­го по­ве­де­ния ком­му­ни­кан­тов (от пря­мо­го, гру­бо­го, аг­рес­сив­но­го ре­че­во­го по­ве­де­ния в­плоть до веж­ли­во­го, ува­жи­тель­но­го, поч­ти­тель­но­го) /Watts, 2003; Locher&Watts, 2005, 2008/.

В от­ли­чие от клас­сиче­ских те­о­рий веж­ли­во­сти «пост­мо­дер­нист­ский» (дис­кур­сив­ный) под­ход раз­ли­ча­ет два ти­па, две «иде­о­ло­гии» веж­ли­во­сти: Politeness1 (Веж­ли­вость1 – В1) и Politeness2 (Веж­ли­вость2 – В2). Веж­ли­вость1 пред­по­ла­га­ет по­ни­ма­ние веж­ли­во­сти в обиход­ном смы­сле, т.е. по­ни­ма­ние на бы­то­вом уров­не ря­до­вы­ми но­си­те­ля­ми язы­ка то­го, что яв­ля­ет­ся веж­ли­вым и невеж­ли­вым (“the common-sense notion of politeness”). Веж­ли­вость1 вклю­ча­ет на­бор нор­м, со­глас­но ко­то­рым но­си­те­ли язы­ка дей­ст­вуют в пов­се­днев­ном об­ще­нии при оце­ни­ва­нии ре­че­во­го по­ве­де­ния парт­не­ра как веж­ли­во­го или невеж­ли­во­го. Веж­ли­вость2 есть на­уч­но обос­но­ван­ное те­о­ре­ти­че­ское по­ни­ма­ние дан­но­го яв­ле­ния (“the scientific conceptualisation of politeness”) как об­ла­сти зна­ний, опи­сы­ваю­щей при­ро­ду и ме­ха­низ­мы дей­ст­вия яв­ле­ния веж­ли­во­сти, а так­же прин­ци­пы, ре­гу­ли­рую­щие че­ло­вечес­кое об­ще­ние. В2 пред­по­ла­га­ет ин­тер­пре­та­цию веж­ли­во­сти как спе­ци­аль­но­го на­уч­но­го тер­

мина в теоретических изысканиях ученых /Eelen, 1999: 163-164; Eelen, 2014/. Другими словами, В2 описывает, как В1 «работает» в социальном общении, какова ее функция в обществе, в чем отличие вежливого поведения от невежливого, и в этом смысле можно говорить о том, что В2 есть теория В1. В отличие от В1, В2 охватывает весь спектр коммуникативного поведения от вежливого до невежливого, в то время как В1 ограничена лишь одним полюсом (полюсом «вежливое») на всем континууме значений «вежливое – невежливое».

Одной из основных характеристик В1 является оценочность. Причем ее оценочная природа проявляется как в поведении говорящего, так и, что особенно важно, в поведении слушающего, который интерпретирует (оценивает) поведение говорящего. В1 связана с принятыми в обществе социальными ценностями и нормами, которые, впрочем, не являются постоянными и неизменными, а рассматриваются как неустойчивые, варьирующие переменные, не обязательно воспринимаемые всеми членами данного коллектива, данного сообщества одинаково /Garcés-Conjeos Blitvich, 2013: 3/. Основываясь в своих трудах на теории французского социолога, этнолога и философа Пьера Бурдьё, теоретики дискурсивного подхода, и в частности Джино Иилин, отталкиваются от понятия «габитус» (“*habitus*”), заимствованного П. Бурдьё из медицины и являющегося одним из основных понятий его теории [11]. Под *habitus* понимается персонифицированная история, интериоризованная как вторая натура человека и уже не осознаваемая в качестве истории, а являющаяся активным проявлением настоящего, суммирующего в себе все прошлое человека /цит. по: Карасик, 2007: 355/.

По П. Бурдьё, понятие *habitus* используется для конструирования теоретической модели, в которой социально-культурное как основное понятие вежливости есть *результат* челове-

ческого общения, а не наоборот, а вежливость как «ожидаемый отклик» связана с национально-специфичной системой правил и норм поведения. По мнению Дж. Иилина, такой подход отличается динамичностью: он учитывает диспозицию адресата и его оценивание поведения адресанта, таким образом позволяя обеспечить биполярность процесса коммуникации «вежливое – невежливое», а также динамичность дихотомии «общественное – индивидуальное». При этом основной движущей силой, регулирующей всю систему взаимоотношений, являются социокультурные нормы. Эти нормы есть понятия культуры и частично социолингвистической системы, подсистемой и частью которой является лингвистическая вежливость. И «успех коммуникации зависит от того, насколько правильно, уместно и вовремя в каждом конкретном РА «используется» вежливость, которая определяется принятыми в обществе нормами, «предусматривающими и оговаривающими» применение последней (вежливости. – Е.Е.) в той или иной конкретной коммуникативной ситуации» /Eelen, 2014: 128). Таким образом, можно заключить, что лингвистическая (не)вежливость основывается на различиях в ценностях, социальных нормах и определяется в каждом конкретном речевом акте с учетом уникальности, неповторимости каждого из участников коммуникации, а также приобретаемых ими в процессе социализации знаний о правилах поведения, т.е. с учетом их личного социального опыта, говоря словами П. Бурдьё, их *габитуса* /Bourdieu, 1977; 1990/.

Близка к данному подходу теория (не)вежливости Ричарда Уоттса, который также предлагает рассматривать вежливость как категорию дискурса, имея в виду, что только «объект может оценить действия субъекта с точки зрения вежливости/невежливости», и высказывание вне контекста не может быть расценено с точки зрения сохранения гармонии в обще-

нии или ее нарушения. Р. Уоттс рассматривает вежливость как часть более широкого понятия социального взаимодействия и соотносит понятие “habitus” с понятием «благоразумного поведения» /Watts, 2003: 149/. Это социальное взаимодействие регулируется упомянутой выше реляционной работой (“relational work”), которая определяется как работа каждого из коммуникантов по конструированию, созданию межличностных отношений между собой, по развитию и улучшению взаимоотношений, это определенный вклад каждого из коммуникантов в установление и развитие отношений с другими. При этом подчеркивается, что вежливость как явление градуальное охватывает всю шкалу коммуникативного поведения, континуум, включающий все вербальное и невербальное поведение – от грубого, агрессивного, пренебрежительного, невежливого до уважительного, обходительного, почтительного, вежливого, – и составляет лишь относительно малую часть всего спектра межличностной деятельности коммуникантов, поэтому и должна анализироваться только во взаимодействии с другими видами этой деятельности. В этом и заключается смысл понятия “relational work” /см. Locher&Watts, 2005/.

В теории Ричарда Уоттса, также как и в теории Дж. Иилана, выделяются два типа вежливости, различающих два уровня понимания данного понятия: а) вежливость первого порядка (first-order politeness – P1) и б) вежливость второго порядка (second-order politeness – P2). P1 рассматривает вежливость в обиходном понимании, она реализуется посредством языка в повседневном общении и соотносится с нашими ожиданиями и представлениями о данном явлении, P1 основана на индивидуальном, субъективном восприятии понятия вежливости/невежливости коммуникантами и поэтому неоднозначна и порой весьма противоречива (*‘highly contested and controversial’*). P2 – это теоретический конструкт, который, по

Уоттсу, соотносится с общими универсальными характеристиками вежливости и зависит от социально-культурного контекста /Watts, 2003; 2005/. При этом исследователь предлагает не ограничиваться дихотомической оценкой коммуникативного поведения участников как вежливое или невежливое, а рассматривать его шире как вежливое (polite), невежливое (impolite) и приемлемое, т.е. социально допустимое (socially appropriate). Последнее он именуется термином *politic behaviour* и подводит под категорию P2.

Итак, разрабатывая свою теорию вежливости, Р. Уоттс вводит новый термин 'politic behaviour', которым именуется «обходительное, благоразумное» поведение, уместное в данной конкретной ситуации социального взаимодействия, и предлагает не отождествлять, а разграничивать это понятие от понятия вежливости /Watts, 2003: 257/. При этом Р. Уоттс утверждает, что это «уместное поведение» всегда вырабатывается *во время общения, во время коммуникативного акта*. Как участники постоянного вербального общения, регулярного социального взаимодействия, коммуниканты способны определить, какое поведение в тот или иной момент взаимодействия является уместным, подходящим, ожидаемым и благоразумным и воспроизводить его в нужном контексте и в нужное время.

Как становится очевидным из вышесказанного, рассмотренные модели (не)вежливости основываются на различиях в социальных ценностях и нормах, а само понятие (не)вежливости в каждом конкретном случае определяется и интерпретируется широким коммуникативным контекстом. Вот эта контекстная обусловленность высказываний и является одним из ключевых положений в рассматриваемом дискурсивном подходе к изучению феномена (не)вежливости.

Согласно теории Р. Уоттса, вежливость понятие не только социальное, которое конструируется в процессе социального

взаимодействия в реальном времени, но и когнитивное по своей сути, так как вовлечено в когнитивные процессы, имеющие место в сознании коммуникантов, а обозначаемая понятием “relational work” деятельность осуществляется посредством непрерывного создания и декодирования изменяющихся когнитивных пространств в сознании двух (или более) коммуникантов /Watts, 2008: 313/. Человек не рождается с представлениями о вежливости, а постигает ее через опыт, через наблюдение того, как люди «взаимодействуют в конкретных коммуникативных ситуациях», ибо анализируя «реляционную работу» разных коммуникантов возможно увидеть, узнать, «постичь», где они отклоняются от того, что является вежливым и невежливым, и понять, чем характеризуются и обусловлены эти отклонения /Watts, 2003/.

Как и другие представители «постмодернистского» подхода, Р. Уоттс полагает, что вежливость не универсальна, а создается под влиянием культурных ценностей и норм коммуникативного поведения и что это поведение может быть «расположено» на шкале и градуированно оценено с точки зрения вежливости. Согласно Р. Уоттсу и М. Лохер, вежливость/невежливость не являются полярными понятиями, и говорить о четких границах между ними не следует. Исследователи предлагают более точное, по их мнению, определение того или иного высказывания, конкретного коммуникативного поведения с помощью четырех основных категорий как манифестаций «реляционной работы»: а) невежливое поведение (impolite behaviour); б) поведение, никак не связанное с категорией вежливости, т.е. не имеющее к ней отношения (non-polite behaviour); в) вежливое поведение (polite behaviour) и г) чрезмерно, слишком вежливое поведение (over-polite behaviour) /Locher&Watts, 2005/.

Разработанная Э. Спенсер-Оути «теория управления процессом взаимопонимания» (“rapport management”) предлагает

свой подход к исследованию коммуникативного поведения и в определенном смысле перекликается с введенным Р. Уоттсом понятием “relational work”. Автор отрицает подход к вежливости, основанный на понятии негативного лица, в котором коммуникативное лицо рассматривается как независимый член общества. Данная теория рассматривает коммуникативное лицо как члена определенной группы, тем самым указывая на важность осознания им своей социальной и групповой идентичности и того, как к нему относятся другие члены общества или социальной группы. Это понимание «ассоциативного права» соотносится с пониманием социального взаимодействия как уместного и ожидаемого коммуникативного поведения и взаимопонимания, которое конструируется обоими коммуникантами согласно социокультурным ожиданиям и нормам, принятым в данном обществе, в данной культуре и соответствующим собственным представлениям о вежливости/невежливости самих коммуникантов. Вводя термин *rapport management* Э. Спенсер-Оути, во-первых, указывает на то, что он шире, чем понятие вежливости, так как охватывает не только бесконфликтное гармоничное общение, но и учитывает тот факт, что люди нередко «атакуют собеседников, а не поддерживают их» (“a limitation of the term politeness is that it emphasises the harmonious aspect of social relations <...>, however, people sometimes attack rather than support their interlocutors”), во-вторых, этим термином автор пытается сфокусировать внимание на взаимоотношениях между группой (социумом) и индивидуумом, а не на отдельно взятом лице, т.е. здесь в ожидаемом поведении проявляется забота не о личных интересах, а о групповых. Примечательно и введение Э. Спенсер-Оути понятия ‘*rights-threatening behaviour*’, которое дополняет широко используемое понятие ‘*face-threatening act*’. Этим также автор пытается избежать рассмотрения лица

изолированно, обособленно как некоего независимого члена общества /Spencer-Oatey, 2000; 2008/.

Можно заключить, что основной целью изучения вежливости на теоретическом уровне (ср. описанную выше идеологию Politeness2 в дискурсивном подходе), которая характерна и для *социологического* (иначе *интеракционного*) подхода является понимание того, как люди управляют межличностными отношениями для достижения личных и групповых интересов и в целом всем процессом взаимопонимания /Watts, Ide, Ehlich, 2005: 1/.

Социологическая (интеракционная) модель является основным инструментом исследования феномена вежливости в ряде работ, появившихся в течение последнего десятилетия: Arundale, 2006; O’Driscoll, 2007; Naugh, 2007; 2012; 2013; Grainger, 2011; Kádár, Naugh, 2013 и др. Согласно данной модели, значение высказывания конструируется совместно обоими коммуникантами, т.е. создается в динамике усилиями как адресанта, так и адресата, причем не только лингвистически, но и с учетом моральных норм поведения, которые «сближают» интерактантов в ходе самого процесса коммуникации, речевого общения /Grainger, 2011: 172, ср. также Kádár, Naugh, 2013: 6/. Специфика и «привлекательность» социологического (интеракционного) подхода состоит в том, что его положения опираются как на классические теории вежливости, так и на исследования в рамках дискурсивного направления в изучении лингвистической (не)вежливости. В отличие от последних социологический (интеракционный) подход предполагает рассмотрение (не)вежливости как социальной практики (“social practice”) /Kádár, Naugh, 2013: 73-74/, обращая особое внимание на необходимость учета роли обоих коммуникантов в оценке того или иного конкретного высказывания как вежливого или невежливого и имея в виду, что понимание всего

коммуникативного процесса «обеспечивается» совместными усилиями как адресата, так и адресанта. Как отмечает В. В. Леонтьев, «преимущество социологического (интеракционного) подхода в изучении лингвистической (не)вежливости по сравнению с классическим и дискурсивным подходами заключается в том, что он позволяет ученым предложить свою, выводимую опытным путем интерпретацию передаваемого значения (*negotiated meaning*), не прибегая к оценкам самих коммуникантов относительно «столкновений их социальных лиц» /Леонтьев В., 2016: 78-79/.

Тем не менее рассмотренные выше теории, хотя и вводят дополнительные понятия, позволяющие рассматривать вежливость с различных точек зрения, в разных ракурсах как градуальное явление, с неизбежностью включающее невежливость как продолжение градационной шкалы, также не дают четкого и однозначного определения понятия (не)вежливости и не предлагают продуктивную, «работающую» модель для анализа, на которой можно строить дальнейшие исследования. Поэтому, несмотря на то, что каждая новая модель, каждая новая теория, предлагая свои пути решения вопроса, пытается ближе подойти к решению данной проблемы и в некоторой степени знаменует определенный прогресс в понимании сущности лингвистической (не)вежливости, среди лингвистов нет единого мнения о самом понятии «вежливость», и точное определение данной категории и ее роли как одной из основных характеристик речевого поведения все еще носит дискуссионный характер. Заметим, что до сих пор нет и четкого различения понятия вежливости в обыденном, обиходном понимании от вежливости как теоретического конструкта, термина и научного понятия.

Что касается собственно понятия *невежливости*, то следует отметить, что в литературе имеются разные точки зрения

и разные его определения. Как было неоднократно отмечено выше и как отмечается практически во всех доступных нам словарях, вежливость определяется как *“courtesy, good manners, behaviour that is respectful or considerate of others”* (The Oxford English Dictionary, 2009, online). Но не так все просто обстоит дело с определением феномена невежливости. Лингвисты задаются вопросом: Как определить невежливость? Как прямо противоположное вежливости явление? В литературе нет единого мнения относительно данного вопроса. Так, например, Сара Миллз утверждает, что вежливость и невежливость не могут рассматриваться как полярные, противоположные понятия, поскольку «невежливость функционирует в совершенно иных специфических контекстных условиях» /Mills, 2003: 139/; исследователь определяет невежливость как «любое вербальное поведение, которое намеренно угрожает лицу слушающего или его социальной роли» и «нарушает нормы уместного и ожидаемого поведения» (“any type of linguistic behavior which is assessed as intending to threaten the hearer’s face or social identity”) /Mills, 2003: 268/. Примечательно, что Джулия Остин в своей диссертационной работе характеризует невежливость как «темную сторону вежливости» (“the dark side of politeness”) /Austin J.P.M., 1987: 14; см. также: Austin J.P.M., 1990/.

Существенный вклад в понимание сложности феномена коммуникативной невежливости внесли исследования, проводимые Джонатаном Калпепером. Приведем в оригинале высказывание лингвиста, представляющего его точку зрения: *“Impoliteness is a negative attitude towards specific behaviours occurring in specific contexts. It is sustained by expectations, desires and/or beliefs about social organization, including, in particular, how one person’s or group’s identities are mediated by others in interaction. Situated behaviours are viewed negatively*

when they conflict with how one expects them to be, how one wants them to be and/or how one thinks they ought to be. Such behaviours always have or are presumed to have emotional consequences for at least one participant, i.e. they cause or are presumed to cause offence. Various factors can exacerbate how offensive an impolite behaviour is taken to be, including for example whether one understands a behaviour to be strongly intentional or not” /Culpeper, 2011a: 23/. Как видно из вышесказанного, автор в данном определении отталкивается от двух основных моментов – намеренности/интенциональности действий, а также того, что невежливость, как и вежливость, проявляется во взаимодействии говорящего и слушающего.

Дж. Калпепером по образцу универсальной теории вежливости (ТЛВ) П. Браун и В. Левинсона разработана таксономия стратегий невежливого поведения. Исходя из того, что феномен невежливости связан с тем, как передается и воспринимается оскорбление (обида), Дж. Калпепер полагает, что «невежливость зарождается и имеет место тогда, когда: 1) говорящий/адресант намеренно «атакует» лицо адресата, т.е. намеренно совершает ликоугрожающий (лицеущемляющий) акт, 2) слушающий/адресат воспринимает, осознает и/или воссоздает, конструирует данное поведение как намеренно-угрожающее его лицу, 3) имеет место одновременное проявление обоих (первого и второго) действий» /Culpeper, 2005: 38/. Очевидно, что как вежливость, так и невежливость проявляются во взаимодействии говорящего и слушающего.

По аналогии с положениями теории лингвистической вежливости П. Браун и С. Левинсона, Дж. Калпепер разрабатывает и парадигму из 5 супер-стратегий *невежливости*, которые практически являются противоположными вежливости стратегиями; они направлены на нанесение определенного морального урона адресату высказывания, т.е. на ущемление его социального лица: 1) эксплицитная, явная, очевидная, недву-

смысленная невежливость, т.е. невежливость, угрожающая лицу адресата РА – ‘*bald on record impoliteness*’ (ср. ‘*bald on record politeness*’ в ТВЛ); 2) «позитивная» невежливость – ‘*positive impoliteness*’ (невежливость по отношению к позитивному лицу адресата); 3) «негативная» невежливость – ‘*negative impoliteness*’ (невежливость по отношению к негативному лицу адресата); 4) сарказм или неискренняя, притворная вежливость – ‘*sarcasm or mock politeness*’ и 5) «невысказанная» вежливость – ‘*withhold politeness*’, ‘*the absence of politeness work where it would be expected*’ (полное отсутствие проявления вежливости в случае «ожидания» ее одним из коммуникантов) /Culpeper, 1996: 356-357/. Каждая из этих супер-стратегий реализуется в речевом поведении отдельными стратегиями невежливости. Автор выделяет десять стратегий невежливости, направленных на позитивное лицо адресата и пять стратегий, направленных на негативное лицо адресата /см.: Culpeper, 1996: 357-358/.

Противопоставление вежливого поведения невежливому, а также рассмотрение их в тесной взаимосвязи как элементов единой бинарной системы с двумя полярными субкатегориями, естественно, значительно расширяют границы исследований по данной проблематике. Однако заметим, что исследование лингвистической *невежливости* все же еще делает свои самые первые шаги и требует тщательного анализа и теоретического осмысления на широком языковом материале в различных контекстах, как культурных, так и языковых.

В целом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в лингвистике ни один из подходов в исследовании лингвистической вежливости/невежливости так до конца и не раскрыл всю сложность этого многогранного, комплексного социально-культурного явления: все еще нет единой теории, работающей модели для проведения исследования в данной области знаний. И все новые попытки преодолеть «несовершен-

ство» классических теорий вежливости и дать четкое определение данного явления пока не увенчались успехом. Поэтому все больше ученых вновь и вновь возвращаются к классическим теориям вежливости, и, в первую очередь, теории П. Браун и С. Левинсона, и с некоторыми модификациями применяют ее при исследовании феномена вежливости в различных культурах.

Таким образом, анализ основных теоретических и практических работ по языковой вежливости показывает, что этот феномен рассматривается в лингвистике второй половины XX века – начале XXI века в рамках прагматического и социолингвистического подходов к исследованию языка, при этом акцентируется важность и необходимость учета широкого коммуникативного контекста, включающего все условия речевого акта. Понятие вежливости определяется как специфическая коммуникативно-прагматическая категория, регулирующая речевое поведение человека и как таковая определяющая эффективность общения.

Большое внимание уделяется коммуникативным (социальным) отношениям между говорящим/адресантом и слушающим/адресатом и их взаимодействию в ситуации общения. Важнейшей задачей коммуникантов признается осуществление языковой кооперации. При этом вежливость служит реализации межличностных отношений, на основе которых формируется высказывание: соблюдение принципа вежливости позволяет коммуникантам успешно общаться и поддерживать социальное равновесие. Иначе говоря, соблюдение принципа вежливости позволяет коммуникантам достичь цели, как коммуникативной, так и социальной. Через вежливость осуществляется функция воздействия на адресата. Предпосылкой успешного выполнения этой функции является осознанный и намеренный выбор языковых средств в соответствии с интенцией говорящего и желаемым прагматическим эффектом, а

также учет определенных нормативных рамок для упорядоченной социальной интеракции.

Категория вежливости является влиятельным регулятором речевого поведения, ибо соблюдение/нарушение правил вежливости является облеченным в форму речи сознательным действием говорящего, которое имеет определенную цель.

Лингвистическая вежливость – это целенаправленная деятельность, отображающая, формирующая, стимулирующая и регулирующая межличностное взаимодействие. Являясь неотъемлемой составляющей социального взаимодействия, вежливость как коммуникативная категория позволяет коммуникантам не только воздействовать друг на друга и регулировать межличностные отношения, но и ориентироваться в сложной иерархии общественных отношений.

Как нам представляется, в связи с поставленной в настоящей работе задачей особого внимания заслуживает соотношение семантического (пропозиционального) и ситуативного (прагматического) значения высказывания, в единстве и во взаимодействии которых выражается и проявляется актуальный смысл высказывания. Оба указанных типов значения могут находиться порой в своеобразном противоречии. Такое «рассогласованное» сочетание позволяет расширить арсенал выразительных средств языка в реализации исследуемой категории.

Вежливость, являясь сложным как в плане содержания, так и в плане выражения социальным концептом, включает два аспекта: динамический, где вежливость представляет собой принцип, регулирующий социальное, в том числе и речевое, общение, и статический, где вежливость предстает как языковая категория, включающая различные средства выражения и различные способы воплощения принципа вежливости в высказывании/дискурсе. Поэтому мы и перейдем к изучению материала исследования в следующем порядке: сначала

рассмотрим наиболее значимые языковые средства актуализации принципа вежливости в высказывании, затем обратимся к категории вежливости с точки зрения регулятора социальных отношений, и, в первую очередь, отношений между говорящим и слушающим, которые, как известно, воплощаются в языке, в основном, через категорию личного дейксиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] По свидетельству Ричарда Уоттса, к началу 21-го века было опубликовано около 1200 (!) работ по проблемам вежливости /Watts, 2003: xi/. Начало нового тысячелетия ознаменовалось публикацией новых фундаментальных трудов в этой области, посвященных анализу существующих концепций и дальнейшей разработке теории вежливости. Стали издаваться специализированные журналы: с 2005г. – “Journal of Politeness Research”, с 2013г. – “Journal of Language Aggression and Conflict”, в которых за эти годы было опубликовано более 200 статей по самым разным направлениям изучения категории вежливости. За последнее десятилетие количество публикаций еще более увеличилось, учитывая и периодически организуемые специальные симпозиумы, конференции, семинары по изучаемой проблематике. Все это свидетельствует об огромном интересе к данной проблеме, о ее важности в достижении гармонии и взаимопонимания при общении.
- [2] Языковая норма является центральным понятием культуры речи, она представляет собой сложную и многомерную проблему, определяемую не только собственно лингвистическими, но и историческими, а также культурно-социальными факторами. Чаще всего норма определяется как исторически принятый в данном речевом сообществе предпочтительный выбор реально использующихся в языке и речи лексем, словоформ, синтаксических конструкций. При этом указывается, что имеется социальный аспект нормативности, который проявляется

в регулировании речевого поведения представителей данного речевого сообщества путем его оценки (правильно/неправильно, уместно/неуместно и т.п.) /БЭС Языкознание, 1998: 337/. К понятию речевой нормы тесно примыкает понятие целесообразности. Если норма имеет достаточно жесткие рамки, налагаемые самой системой и структурой функционирующего языка и является обязательной для всех его носителей, то ее целесообразность проявляется в субъективных ощущениях говорящего (пишущего) и в понимании необходимости использовать тот или иной вариант языкового выражения. Целесообразность связана с функционированием языка, социальными характеристиками партнеров по коммуникации (статусными, возрастными, профессиональными и т.п.), условиями и задачами коммуникации. Таким образом, нормативность и целесообразность воспринимаются как неразрывное единство, обеспечивающее культуру речи и речевое поведение в целом.

- [3] Как известно, под понятием имплицатуры в речевой прагматике понимается компонент смыслового содержания высказывания, который отражает то, что подразумевается адресантом, но никак при этом явно, прямо, эксплицитно не выражено. Впервые термин «имплицатура» был введен Г. Грайсом в 1967г. /см.: Grice, 1967/. Теория имплицатур в понимании Г. Грайса – это определенного рода «механизм», помогающий осуществлять Принцип Кооперации на более глубоком уровне и обеспечивать понимание между коммуникантами не посредством прямого буквального значения слов, а через целый комплекс составляющих высказывание элементов, как собственно лингвистических (как, например, интонация), так и экстралингвистических (невербальных, например, жестикуляция, мимика), а также через те фоновые знания, которыми владеют оба участника коммуникации как представителя одного сообщества ('common ground', 'shared knowledge'). По Г. Грайсу, имплицатуры бывают двух типов: конвенциональные и коммуникативные. Для распознавания конвенциональных имплицатур не требуется какого-либо контекста: конвенциональная имплицатура – это дополнительное

значение, которое «сопутствует» слову на ассоциативном уровне, например, «Он англичанин, и поэтому он храбр». Для распознавания коммуникативных импликатур, напротив, требуется знание конкретного контекста, в котором было произнесено высказывание и имплицировано определенное значение. Согласно теории импликатур Грайса, коммуникативная импликатура должна быть *выводимой*, потому что если импликатура постигается интуитивно и не может быть выведена логически, то такая импликатура будет конвенциональной, а не коммуникативной, т. е. собеседник должен осознавать, что если Принцип Кооперации явно, эксплицитно не соблюдается, значит, нужно искать его на более глубоком уровне, а именно имплицитном, концентрируя внимание на ситуативном контексте высказывания, а также на целях и намерениях говорящего.

- [4] Тамильский язык принадлежит к дравидийской группе языков и является одним из 22 официальных языков современной Индии. Значительное число говорящих на тамильском языке проживает в Малайзии, в Индонезии, в Таиланде, на Мадагаскаре и в ряде государств Африки. На тамильском говорят около 66 миллионов человек по всему миру. Тамильский язык располагает богатой 2300-летней литературной историей и считается классическим языком. Язык целтал принадлежит к семье языков майя, на котором говорят в южных штатах Мексики. На языке целтал говорит более 372 тыс. человек.
- [5] Среди работ по психологии общения, представляющих интерес с точки зрения проблематики настоящей работы, можно выделить исследования Л. С. Выготского /Выготский, 1983/, И. С. Кона /Кон, 1978; 1990/, А. Б. Добровича /Добрович, 1987/, М. Аргайла /Argyle, 1979/, Э. Берна /Берн, 1992/ и др. Для лингвистики наиболее точным представляется определение общения, приведенное Л. С. Выготским: «общение – есть воплощенное в системе знаков межсубъектное взаимодействие» /Выготский, 1983: 146/. Исследования психологов показывают, что состояние общения – это постоянное состояние человека, и даже молчащий человек самим фактом своего мол-

чания подает определенный сигнал окружающим /Добрович, 1987: 9/, а находясь «наедине с собой, сохраняет функции общения» /Выготский, 1983: 146/. Индивид самореализуется в общении, регулирует совместную деятельность с другими людьми, определяет свое место среди них, познает себя и окружающий мир. При этом гармоничное, бесконфликтное общение является условием для комфортного самоощущения человека, личности.

- [6] Предлагая концепт 'face' для объяснения смысла социальной интеракции, И. Гофман определяет его как некую категорию, понимаемую как общественное представление о самом себе (public self-image), которым в результате социализации обладает каждый член сообщества и которое автоматически привносится в каждую интеракцию в форме притязаний на положительное представление о себе (positive public self-image), равно как и на его поддержание и сохранение. Во время социального взаимодействия, т.е. общения, эти представления о самих себе вступают в непрерывную конфронтацию друг с другом, что несет за собой опасность потери «позитивного лица» (positive face). Все рационально действующие члены сообщества принципиально стремятся иметь позитивный публичный «облик», взаимно сохранять представления о самих себе, признавать и поддерживать их. И. Гофман понимает совместные сознательные усилия коммуникантов, направленные на создание хороших коммуникативных отношений как работу по сохранению имиджа/лица ('face-work'), которая в основе своей должна быть ориентирована на сохранение социального мира и на пользу партнеру. Работа по созданию отношений состоит из постоянно повторяющихся моделей поведения, которые И. Гофман обозначает как интеракционные ритуалы и определяет как конвенционализированные действия взаимного уважения. Сформулированные И. Гофманом положения имели важнейшее значение для социологии и социолингвистики и легли в основу большинства современных работ по проблемам межличностной коммуникации /Goffman, 1967; 1972/.

- [7] Здесь следует оговорить, что термины «позитивная вежливость» и «негативная вежливость» имеют определенный недостаток, ибо они могут восприниматься как оценочные, хотя совершенно лишены оценочного значения. Понятие негативной вежливости, несмотря на употребляемый термин, не несет в себе отрицательной коннотации, а выражает понимание стремления адресата к сохранению своей независимости. Сравним также следующее замечание Р. Сколон и С. Сколон: “It is preferable to refer to such strategies as ‘involvement’ or ‘distancing strategies’ as this terminology avoids the implicit evaluation contained in Brown&Levinson’s terms” /Scollon& Scollon, 2001: 38/.
- [8] Деление национальных культур на индивидуалистические и коллективистские (individualist(ic) culture vs collectivist(ic) culture) было предложено Г. Хофстеде в 80-х гг. прошлого столетия в рамках разработанной им классификации /см.: Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2011, 2(1) // URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014/>. В настоящее время индивидуализм и коллективизм признаны фундаментальными характеристиками общества, которые широко используются в работах по межкультурной коммуникации и отражают степень интегрированности людей того или иного общества в группы. В индивидуалистических обществах подчеркивается индивидуалистическое начало, независимость членов общества, где конкуренция преобладает над сотрудничеством, а личные достижения, как правило, ценятся выше, чем групповые; в коллективистских обществах – групповое преобладает над индивидуальным, сотрудничество и групповые достижения ставятся выше, чем конкуренция и индивидуальные достижения, подчеркиваются взаимозависимость и взаимоотношения между членами общества.
- [9] Приведем в оригинале отрывок из работы Б. Фрейзера, в которой он представляет суть предложенной теории коммуникативного договора: “Upon entering into a given conversation, each party brings an understanding of some initial set of rights and

obligations that will determine, at least for the preliminary stages, what the participants can expect from the other(s). During the course of time, or because of a change in the context, there is always the possibility for a renegotiation of the conversational contract: the two parties may readjust just what rights and what obligations they hold towards each other” /Fraser, 1990: 232/.

- [10] “Relational work refers to the interpersonal level of communication, it is the ‘work’ that individuals invest in negotiating relationships with others” /Locher&Watts, 2008: 78/; it “comprises the entire continuum of verbal behaviour from direct, impolite, rude or aggressive interaction through to polite interaction” /Locher&Watts, 2005: 11/.
- [11] Cp.: “The habitus – embodied history, internalized as a second nature and so forgotten as history – is the active presence of the whole past of which it is the product” /Bourdieu, 1990: 56/.

ГЛАВА 3

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ КАК ОРГАНИЗОВАННАЯ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

3.1 Концепт вежливости в английской лингвокультуре

Прежде чем перейти непосредственно к анализу языкового материала, рассмотрим, что же представляет собой концепт «вежливость» и какую роль он играет в английской лингвокультуре. Под концептом мы, вслед за В.И. Карасиком, понимаем многомерное ментальное образование, включающее ценностную составляющую /Карасик, 2004: 6/. Под лингвокультурологическим концептом понимается «условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры» /Карасик, Слышкин, 2003: 50/.

В последнее время общепризнанным стало положение о том, что главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов, поэтому проблему межкультурного общения следует понимать как «проблему общения разных национальных сознаний» /Тарасов, 1996: 8/.

В основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стерео-

типов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа /Леонтьев А., 1993: 20/. Концептосфера каждого народа имеет свои особенности.

Как и коммуникативное сознание в целом, категория вежливости имеет национально-культурную специфику, и рассматривать ее можно только путем комплексного подхода к данной проблеме, а именно через тип культуры и структуру социальных отношений – к основным культурным ценностям и принятым нормам, правилам коммуникации. По свидетельству Э.С. Маркаряна, «этнические культуры представляют собой исторически выработанные способы деятельности, благодаря которым обеспечивалась и обеспечивается адаптация различных народов к условиям окружающей их природной и социальной среды» /Маркарян, 1983: 7/.

Нормы формируют определенную систему взаимоотношений, основанных на правах и обязанностях, систему социального взаимодействия, которая включает мотивы, цели, направленность субъектов действия, само действие, ожидания, оценку и средства. При этом норма – это не обязательно закон, подлежащий исполнению. (Ср. рассмотренную в предыдущей главе теорию вежливости как социальной нормы.) В зависимости от строгости их соблюдения выделяются привычки, обычаи, традиции, нравы, законы, табу (перечислены по нарастающей). В коммуникации принцип правильности не должен противоречить другому важнейшему лингво-коммуникативному принципу – принципу уместности /Орлов, 1991: 87/.

Для соблюдения норм в речевом общении существуют определенные стратегии, зафиксированные в сознании представителей конкретной лингвокультуры, которые регулируют их вербальное поведение в соответствии с коммуникативным

контекстом и ожиданиями партнера. Вежливость, как представляется, это прежде всего соблюдение норм общения путем использования культурно-специфических коммуникативных стратегий, которые отражают социально-культурные ценности и соответствуют коммуникативным ожиданиям партнера.

Итак, в каждой культуре существует свой концепт вежливости, соответствующий принятым в данном обществе нормам и правилам коммуникации. Каждая языковая культура обладает определенным набором специфических средств и методов вежливого/невежливого речевого поведения. Поэтому можно говорить о вежливости как о культурно обусловленном (culturally bound) феномене.

Культура общения и речевого поведения неизбежно связана с неповторимой национальной спецификой. Очевидно, что в этикетных стереотипах того или иного языка отражается специфика образа жизни, быта народа, его восприятие окружающего мира, поэтому можно сделать вывод, что в стереотипах речевого этикета запечатлены национальные языковые картины мира.

Опосредованный языком образ мира той или иной культуры составляет языковое сознание – «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» /Тарасов, 1996: 7/. В языковом сознании индивидов находит отражение тип культуры, к которому они принадлежат. Так, не случайно в ядре языкового сознания англичан, по данным английского ассоциативного словаря /Kiss et al., 1972/, на первом месте стоит слово 'me', на втором – 'man', а 'friend' находим на 73 месте, что свидетельствует о преобладании индивидуалистического начала в английском языковом сознании.

В этом контексте определенный интерес представляет проведенный И.М. Кобозевой эксперимент по выявлению представлений о национальном характере англичан /Кобозева, 1995/.

Положение о том, что в языке находит отражение «наивная» картина мира, позволяет выявить стереотипы национальных характеров, т.е. представлений о характере того или иного народа, входящих в языковую картину мира. По мнению И.М. Кобозевой, ключом к открытию стереотипов национальных характеров могут служить лексические коннотации, под которыми исследователь, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимает несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта и отражающие связанные со словом культурные представления и традиции. Они (коннотации), не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствием из него, объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, привычных метафорах и сравнениях, фраземах, полусвободных сочетаниях, производных словах /Апресян, 1988: 36-38/. И.М. Кобозева приходит к выводу о том, что задача выявления стереотипов национального характера может быть сведена к задаче выявления коннотаций у этнонимов, точнее тех несущественных семантических признаков, которые несут информацию о чертах характера /см. подробнее о методике проведения эксперимента в [1]/.

В результате проведенного эксперимента было составлено «досье» англичанина, где на первом месте среди десяти стоит дескриптор «вежливый» (с общим количеством реакций – 18, среди которых преобладает реакция «вежлив» - 11, далее «чопорен» - 5, «учтив» - 1 и «галантен» -1). В «досье» англичанина на втором месте – дескриптор «сдержанный», на третьем – «педантичный», на четвертом – «малообщительный». Отсюда делается вывод о том, что «именно в концепте вежливости» следует искать главное, что выделяется в национальном характере англичанина. Со «сдержанностью» и «малообщитель-

ностью» англичанина совместима только вежливость отстраненного типа /Lakoff R., 1973/. Выделенные Р. Лакофф два взаимоисключающих типа вежливости, которые условно можно назвать «отстраненной» и «товарищеской», имеют разную направленность. Первая направлена на поддержание дистанции между собой и партнером по общению, а вторая – на сокращение этой дистанции. Обратим внимание также на наличие реакции «чопорность» (вид вежливого поведения, абсолютно исключая товарищескую близость). Как видим, в коннотации вежливости, присущей англичанину, важен не столько аспект «следования правилу», который наблюдается в других культурах, сколько аспект «сохранения дистанции между собой и другими». А от этого, по мнению И.М. Кобозевой, легко перекинуть мостик к коннотации «невозмутимый». Отсюда делается вывод о том, что соблюдение такой дистанции наилучшим образом обеспечивает условия для сохранения эмоционального равновесия, внутреннего и внешнего спокойствия. Сохранение спокойствия, отсутствие изменений в личной сфере связано с коннотацией «консерватизм» (сохранение status quo в обществе), также выделяемой информантами в качестве характерной черты англичанина. Обобщая, автор заключает, что англичанин стремится, прежде всего, к сохранению покоя, равновесия и внутри, и вокруг себя – такая общая характеристика, которую можно считать ядром стереотипной национальной характеристики англичанина в русской наивной картине мира /Кобозева, 1995/. И хотя данные приведенного эксперимента характеризуют англичанина в восприятии русского человека, представляется, что они очень тонко и точно передают особенности национального характера англичан.

Как отмечалось в предыдущей главе, культуры различаются по своей ориентации на солидарность или дистанцию

/Scollon&Scollon, 1983/ и на позитивную и негативную вежливость /Brown&Levinson, 1994/. Указанные стратегии солидаризирующей/позитивной и дистанцирующей/негативной вежливости включают основные приемы, используемые коммуникантами в речевом общении, и показывают, как действует механизм человеческих взаимоотношений. Если взять эти взаимоотношения за основу, то можно предположить, что вежливость – это соблюдение равновесия между фамильярностью и дистантностью.

Британская культура, отличаясь обостренным вниманием к личной автономии, к независимости, а также выраженной «сдержанностью», в большей степени ориентируется на негативную вежливость, а это означает, что вежливость в англоязычном обществе понимается, главным образом, как отсутствие посягательства на свободу партнера.

В индивидуалистической английской культуре социальная дистанция между членами общества исторически длиннее (чем, скажем, в армянской или русской культурах, принадлежащих к коллективистскому типу, ярким проявлением которой является любовь к общению, являющемуся приоритетной формой проведения времени), каждый индивид имеет неотъемлемое право на свою автономию, это как бы зона его личной автономии, его личное пространство, для обозначения которого в английском языке существует даже специальная лексема – ‘privacy’.

Концепт ‘privacy’ играет очень важную роль в английском коммуникативном сознании: с его помощью можно объяснить многие особенности английского коммуникативного поведения. На важность концепта ‘privacy’ в английской культуре указывают многие лингвисты /Altman, 1977; Ter-Minasova, 2000; Ларина, 2003; Агапова, 2004 и др./ . Это как раз тот безэквивалентный концепт, который содержит важнейшую инфор-

мацию о коммуникативном сознании представителей этой культуры, о принятых в ней нормах и правилах коммуникации. Предлагаемые словарями армянский и русский переводы – «մենկրթուն», «առանձնացածություն», «մեկուսացածություն» /УՀԲ, 1991: 731/ и «уединение», «уединенность» /НБАРС, 1999: 770/ – не покрывают всей семантики данного слова.

Само существование в языке специальной лексемы для обозначения какого-либо концепта (в данном случае лексемы ‘privacy’) уже свидетельствует об особой значимости этого концепта для данной культуры [2].

Чтобы полнее и глубже понять содержание концепта ‘privacy’, приведем данные некоторых английских словарей. Толковые словари английского языка дают следующее определение лексемы ‘privacy’: ‘being alone and undisturbed: the right to this freedom from intrusion or public attention’ (OPED, 2000: 641); ‘the state of being able to be alone and not seen or heard by other people: the state of being free from public attention’ (LDCE, 1995: 1121); ‘the state of being alone and not watched or disturbed by other people; the state of being free from the attention of the public’ (OALD, 2005: 1200). Как видно, все приведенные дефиниции подчеркивают покой, право на свободу от посягательства на «личную автономию» и уважение ее окружающими.

Семантическое ядро данного концепта ярко раскрывается в надписи ‘Private’, которую часто можно увидеть на дверях, и ее армянском («Շրջմասկի անձանց մուտքը արգելվում է») и русском («Посторонним вход воспрещен») эквивалентах. Соответственно ‘privacy’ – это та зона личной автономии, в которую посторонним вход воспрещен. Существует даже такое понятие как ‘sense of privacy’, и это чувство является врожденным и свято оберегаемым: “He was conscious of her in every respect, yet she was not an intrusion on him or his *inbred sense of privacy*, no awkwardness between them” (Bradford).

Итак, для английской культуры ‘privacy’ является одним из основных концептов, одной из основных культурных ценностей, предопределяющей особенности быта, правила общения и, в целом, тип взаимоотношений между людьми.

3.2 Лексикографическое выражение концепта вежливости в английском языке

Рассмотрим, как представлен концепт вежливости в современных английских словарях. При этом будем исходить из того, что данные толковых словарей, кроме того, что дают надежную и объективную информацию о семантике слова, также «могут рассматриваться как адекватное отражение господствующей культуры» /Слышкин, 1996/.

Американские толковые словари определяют ‘polite’ («вежливый») как:

I. “refined, mannerly, and courteous” – утонченный, учтивый, обходительный;

II. 1. “polished; cultured; refined; correct” (отшлифованный; культурный; утонченный; правильный – соответствующий);

2. “having good manners; courteous” (имеющий хорошие манеры; обходительный) (WNWD).

Показательна этимология слова, приводимая там же: *polite* происходит от латинского *politus*, pp от глагола *polire* – *to polite*, то есть *полировать, шлифовать*. Отсюда вывод, что вежливость и хорошие манеры вырабатываются посредством многократных «шлифовок», тренировок.

Американский словарь проблемных слов и выражений Г. Шоу (DPWE) анализирует синонимы *polite* и *courteous*. *Polite* служит для характеристики человека воспитанного, умеющего вести себя, человека цивилизованного, стремящегося-

ся избежать конфликта: “A *polite* person shows good manners towards others in his speech and actions; he is well bred and gracious. A *polite* individual avoids being rude as a result and because he is aware of the demands and requirements of civil manners”. *Courteous* же характеризует человека, сознательно проявляющего доброе, уравновешенное, достойное и уважительное отношение к другим людям: “A *courteous* person is not only polite; he makes an active effort to be kindly, graceful, dignified, and poised.”

Признавая, что в большинстве случаев эти слова взаимозаменяемы, тем не менее, в словаре прямо указывается на разницу в их значениях: *polite* служит для отражения лишь внешней, этикетной стороны явления, в то время как *courteous* передает принципиально иное – доброе и уважительное отношение к партнеру по коммуникации: “In most instances, the two words are interchangeable, but *courteous* is a stronger word than *polite* and suggests a fundamental attitude towards others, whereas *polite* relates to surface manners only: It is *polite* to say “Good morning” to someone; it is *courteous* to treat others with respect and kindness”.

Сравним приведенные данные с информацией, которую находим в Словаре синонимов английского языка (WNDS): *polite* commonly implies thoughtfulness for the feelings of others, united with polish of manners and address (“Nothing was ever so serene as his countenance, so unembarrassed as his manner, so *polite* as his whole demeanor.” – Landor; “The Bishop seldom questioned Jacinto about his thoughts or beliefs. He didn’t think it *polite*.” – Cather). *Courteous* implies more considerate and dignified, more stately and ceremonious, observance of due civilities (“be *courteous* to all, but intimate with few” – Washington).

Сравним также наблюдения В.И. Карасика по этому поводу: «Вежливость по своей сути есть проявление уважения к другому человеку. Определение вежливости как хороших ма-

нер акцентирует процессуальную сторону (поведенческий, внешний план) этого явления. Внешняя сторона явления в известной мере автономна, и поэтому хорошие манеры могут сочетаться с низкими целями и отсутствием уважения к человеку. Это внутреннее напряжение в понятии «вежливость» находит в английском языке лексическое выражение: *polite* – «вежливый» и *courteous* – «вежливый, учтивый, обходительный» различаются тем, что первое слово в большей мере обозначает внешний аспект поведения, а второе слово – гармонию внешнего проявления и внутреннего доброго расположения к человеку» /Карасик. 2002/.

Проанализировав материал американских лексикографических источников, представляется возможным и правомерным сделать следующие выводы:

1) Инвариантным значением анализируемых синонимов *polite* и *courteous* является соблюдение приличий, умение вести себя, понимаемое как признак культуры, приобретаемой тренировкой (“a result of training”).

2) Разница между синонимами прослеживается по вектору: *polite* – *courteous* (politeness + respect) / вежливый – учтивый (вежливость + уважение).

3) Амбивалентность понятий в рассмотренных словарях не фиксируется, дериваты отсутствуют (WNWD).

Рассмотрим значение лексемы *polite* на материале британских толковых словарей. Британские толковые словари определяют *polite* как:

1) “of refined manners, courteous; well-bred; refined, elegant” – обладающий хорошими манерами, обходительный, воспитанный; утонченный, элегантный (CODCE);

2) “having, showing the possession of good manners and consideration of other people” – обладающий хорошими манерами, считающийся с другими людьми, принимающий во внимание их интересы, желания (OALD).

Толковый словарь современного английского языка Лонгман (LDCE) указывает на четыре значения слова *polite*:

1. умеющий вести себя и высказываться в соответствии с ситуацией общения, принимающий во внимание чувства и потребности других людей: “behaving or speaking in a way that is correct for the social situation you are in, and showing that you are careful to consider other people’s needs and feelings”;

2. соблюдающий нормы светского поведения, этикетные нормы, принятые в обществе: “polite conversation made because it is socially correct to do this: a few polite remarks about the weather”;

3. как синоним слова *культурный, цивилизованный* в словосочетаниях типа *polite society, polite circle, polite company*, часто с оттенком юмора (e.g. “You can use such words in polite company”);

4. соблюдающий внешние нормы и правила поведения только из приличия, часто скрывая свои истинные чувства и отношения: “just/only being polite - saying smth. you may not really believe (e.g. “He said he liked her singing, but I know he was just being polite.”).

Следует отметить, что ни в одном из проанализированных толковых словарей английского языка слово *politeness* не дефинируется, дается лишь указание на его существование в языке в качестве производного существительного от прилагательного *polite*, дериваты также отсутствуют.

Англо-русский синонимический словарь под редакцией А.И. Розенмана и Ю.Д. Апресяна (АРСС) определяет *polite* как «такой, который в общении с другими соблюдает внешние правила этикета и демонстрирует своими манерами уважительное отношение к партнеру по общению». *Courteous* же указывает не только на соблюдение предписываемых этикетом правил общения, но и на то, что субъект делает это с чувством собственного достоинства. При этом *courteous* подчеркивает

приветливость в общении, готовность помочь или оказать услугу. Подобно *polite* (но значительно реже), *courteous* может обозначать и чисто внешнюю любезность (АРСС).

Анализ лексикографического материала британских толковых словарей позволяет сделать следующие выводы:

1) Инвариантным значением понятия «вежливый» является «воспитанный, уважающий себя и других», причем существенным компонентом значения представляется социальная значимость корректного поведения (*socially correct*).

2) Амбивалентная природа, свойственная данному понятию, зафиксирована на уровне словарных дефиниций и находит лексическое выражение в синонимической паре *polite – courteous*.

3) Дериваты слова *polite* в рассмотренных британских словарях отсутствуют.

4) В словарных толкованиях синонимической пары *polite – courteous* выделяются два типа смысловых признаков, свойственных англоязычному концепту «вежливость»: положительные («воспитанность», «тактичность», «чувство собственного достоинства субъекта», «приветливость», «готовность помочь») и отрицательные («неискренность», «формальность»).

Таким образом, хотя «вежливость по своей сути есть проявление уважения к другому человеку», этому понятию в английском языке свойственно внутреннее напряжение. Тем не менее, общие признаки можно свести к следующим элементарным смыслам, семантическим компонентам, составляющим структуру значения исследуемых слов: 1) поведение человека; 2) положительное отношение человека к другому человеку; 3) демонстрация этого отношения с помощью принятых вербальных и невербальных способов выражения.

Итак, в английском языке концепт «вежливость» выражается при помощи двух базовых лексических единиц, отно-

шения между которыми носят характер очень близкого смыслового сходства: *polite – courteous* (ср. вежливый – учтивый). Поэтому представляется правомерным выделить в английском языке смысловую связь вежливости и этикетности, демонстрации хороших манер (хотя и не всегда искренних), с одной стороны, и связь вежливости и чувства собственного достоинства, а также тактичности, с другой. Здесь следует заметить, что соблюдение принципа вежливости при неформальном общении составляет важную лингвистическую и социальную характеристику речевого поведения англичан, что отмечается не только лингвистами, но и писателями и журналистами. Завершим параграф словами журналиста В. Овчинникова, обобщающего свои наблюдения над речевым этикетом англичан следующим высказыванием: «Английская вежливость вообще предписывает сдержанность в суждениях как знак уважения к собеседнику, который вправе придерживаться иного мнения. Отсюда склонность избегать категоричных утверждений или отрицаний, тяга к вставным оборотам вроде «мне кажется», «я думаю», «возможно, я не прав, но...», предназначенным выхолостить определенность и прямолинейность, способную привести к столкновению мнений» /цит. по: Кобозева, 1995: 110/.

3.3 Категория вежливости в свете теории ФСП

Разное содержание концепта вежливости находит свое отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических, дискурсивных особенностях.

В лингвистических исследованиях последних десятилетий весьма перспективным является выделение функционально-семантических полей (ФСП) и функционально-семантических

категорий (ФСК), использующих разноуровневые языковые средства для выражения определенного значения в разных коммуникативно-прагматических условиях. В контексте проблематики настоящей работы особый интерес представляет изучение интеграции функционально-семантического и прагматического подходов в комплексном исследовании языка, описание средств речевого общения и выявление прагматических значений, статуса, средств выражения категории вежливости и определенная систематизация последних.

Категория вежливости выступает в качестве особой категории речевого общения, которая, представляя собой обобщенную коммуникативно-прагматическую единицу, участвующую в организации и регулировании взаимоотношений между коммуникантами, имеет определенную структуру, собственное коммуникативное содержание и языковые средства выражения. В содержательном плане категория вежливости служит для передачи семантики уважительности, почтения, подчеркивания достоинств собеседника, его значительности в обществе и в социальной микросистеме. В плане выражения категория вежливости характеризуется набором языковых форм, которые в совокупности определяют специфику данной категории.

Очевидно, что в качестве вежливых могут использоваться средства разных языковых уровней: фонетические (интонация и просодика), лексико-семантические, морфологические, синтаксические. Разнохарактерность средств выражения вежливости в языке позволяет подходить к ней как к функционально-семантической категории, что предполагает выяснение положения о полевом принципе организации языковых категорий. В связи с этим представляет интерес определение соотношения этих средств в функционально-семантическом поле вежливости в современном английском языке. Поэтому

основополагающей для данной работы является разработанная рядом лингвистов теория функционально-семантического («полевого») подхода к явлениям языка, начало которой было положено в работах О. Есперсена, Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова. Последний, как известно, разрабатывал теорию понятийных категорий в языке [3].

Концепция понятийных категорий в последнее время развивается в двух основных направлениях: 1) понятийные категории, трактуемые как некоторые универсальные понятия, рассматриваются в типологическом и сопоставительном плане в качестве основания для сравнения различных способов их представления в языках разных типов; 2) понятийные категории, прежде всего в их языковом воплощении, рассматриваются как понятийная основа интеграции и функционального взаимодействия различных средств их выражения, образующих в данном языке особого рода функциональные единства, причем основным предметом исследования становится взаимодействие элементов разных уровней языка.

Опираясь на теорию понятийных категорий И.И. Мещанинова, А. В. Бондарко развивает идею «полевой» структуры языка и вводит понятие функционально-семантической категории, «которая выражается морфологическими, синтаксическими, словообразовательными и лексическими средствами языка, различными комбинациями средств контекста» /Бондарко, 1967: 21/. Критерием выделения функционально-семантической категории является общность семантической функции взаимодействующих элементов разных уровней языка, принадлежность к одной понятийной сфере, наличие общего содержания в дифференциальных семантических признаках этих средств. Такое понимание функционально-семантической категории перекликается с критериями вы-

деления лексических категорий А.И. Смирницким. Под последними ученый понимает «языковые единства наиболее общего характера, которые, проявляются в семантическом противопоставлении по определенному признаку двух или более слов, при том условии, что такое же противопоставление наблюдается и в других парах или больших группах слов и имеет систематическое выражение» /Смирницкий, 1959: 205/.

Как уже отмечалось выше, во всякой категории, в том числе и понятийной, выделяются формальная и смысловая стороны. «Смысловой аспект составляет внешний содержательный план категории, через него происходит ее включение в семантический процесс иного порядка или иной природы, который ее мотивирует <...>. Формальная сторона категориального значения – это его парадигматическая сторона, парадигматический вариант, то есть то, как синтетически мыслится категория в структуре языка. Смысловой аспект функционален, то есть это то же значение, но взятое синтагматически как кульминационный момент (или выражение) иного семантического процесса, с точки зрения которого и становится возможным аналитическое рассмотрение категорий. Следует особо отметить, что регулярность указанного семантического процесса – необходимое условие его категориальности» /Иванов Н., 1994: 90/.

В отличие от классических категорий, исследуемых часто лишь с формальной стороны, изучение таких категорий, как вежливость, должно происходить с точки зрения их функционирования. При этом не следует рассматривать функцию лишь как речевое проявление уже «готовой» языковой категории, ибо, как метко заметил Н.В. Иванов, «категории не «приносятся» в семантику высказывания, а вырастают из нее» /Иванов, 1994: 90/.

Рассматривая языковые значения, А.В. Бондарко исходит из того, что они включают, по крайней мере, две составляющие, а именно: *денотативно-понятийный* (отражательный) компонент, который отражает отношение единиц языковой системы к внешнему миру, к объективной действительности, и *интерпретационный*. Смысловая основа языковых значений и интерпретационный компонент – это разные аспекты единого целого. Содержание, выражаемое различными формальными средствами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации. «Источником и в то же время различными аспектами языковой семантической интерпретации смыслового содержания являются: избирательность языковых значений по отношению к признакам обозначаемых явлений; избыточность значений; различные сочетания денотативных и коннотативных компонентов содержания; различие дискретного и недискретного, эксплицитного и имплицитного представления элементов смыслового содержания; различные типы соотношений элементов языковой системы и ее среды, т.е. парадигматического и синтагматического окружения, во взаимодействии с которым система функционирует, сохраняется и развивается» /Бондарко, 1974: 27-28/.

Большое значение в лингвистике придается изучению языковой репрезентации категории вежливости. В частности, была даже предпринята попытка выделить единицы языковой вежливости, под которыми понимается «любое явление, функционирующее как средство вежливости и имеющее в языке различное уровневое выражение». При этом определяющим фактором, оказывающим влияние на выбор и использование единиц вежливости, считается тип коммуникативного акта. Вторым по важности фактором, влияющим на употребление единиц вежливости, является характер ситуации общения, в частности, таких ее параметров, как степень официальности,

социальный статус партнеров и степень их знакомства; тем самым подчеркивается прагматический характер категории /Грацианова, 1996: 33/. По мнению Т. П. Сонич, «возможность объединения определенных языковых средств, представленных на разных уровнях языка в единую систему на основе их общей прагматической функции, позволяет признать за вежливостью статус категории, носящей лингвопрагматический характер» /Сонич, 1987: 40/. По нашему мнению, здесь точнее было бы употребление термина *прагмасемантический*, который, как представляется, подчеркивает принадлежность категории вежливости к прагматическим функционально-семантическим категориям. Аналогичная точка зрения представлена в ряде лингвистических работ, где вежливость как прагмасемантическая категория рассматривается с точки зрения экстралингвистических постулатов общения (так называемых принципов/стратегий/максим вежливости) и как функционально-семантическое поле языковых единиц.

В связи с вышеизложенным необходимо подчеркнуть *открытость* исследуемой категории и соответственно ее большой потенциал. Категория вежливости строится из большого количества различных проявлений, языковых и неязыковых, которые взаимодействуют и взаимовлияют, и лишь в этом взаимодействии могут восприниматься как вежливые или невежливые. Причем при описании отдельных средств ее выражения необходимо учитывать то обстоятельство, что в сознании человека концепт вежливости/невежливости и возможности их языковой репрезентации скорее всего представлены языковыми единицами различной сложности, которые нельзя рассматривать ни как чисто грамматические, ни как исключительно лексические явления, хотя бы потому, что «в мозге нет противопоставления грамматики и лексики» /Иванов Вяч. Вс., 1978/. Искусственно разделенные для удобства описания лексика и грамматика представляют собой некий континуум зна-

ковых структур, служащих для передачи тех или иных значений, в том числе и категории вежливости.

Языковые средства выражения исследуемой категории в своей совокупности образуют Функционально-семантическое Поле Вежливости. При этом, используя определение Н.И. Формановской, еще раз подчеркнем, что «категория вежливости относится к функционально-семантическим с прагматическими функциями выражения отношения говорящего к партнеру, к важности дела, к ситуации в целом» /Формановская, 2003: 12/.

Итак, прагматическая ФСК вежливости – это сложная категория, которая характеризуется *полевой* структурой, со своим ядром и периферией. Данная категория – это система разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выражения категориального значения.

Как известно, описание ФСП предполагает, прежде всего, структурирование данного поля в системе языка. Структуру макрополя вежливости можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений: по горизонтали расположим микрополя Макрополя Вежливости (побуждение: просьба, совет, предложение), по вертикали – их конститuentы, языковые средства выражения. Если рассматривать структуру поперечного сечения Макрополя Вежливости, то следует выделить его ядро – *модальность* и *сослагательность*, за которыми следуют другие грамматические, лексические и лексико-грамматические средства.

Конститuentами ФСП Вежливости являются 1) семантика слова; 2) семантика фразеологизмов, устойчивых сочетаний, клише; 3) семантика морфологической формы; 4) семантика синтаксической конструкции. Таким образом, содержание Поля Вежливости проявляется в семантических категориях и выражается формальными средствами.

3.4 Эксплицитная и имплицитная вежливость

Точный выбор говорящим языкового средства является, бесспорно, необходимой предпосылкой успешной коммуникации. Поэтому весьма важным в теоретическом и практическом плане является осмысление выбора адресантом того или иного языкового средства для достижения своих целей.

В английском языке принцип вежливости по-разному реализуется в речевых актах. Говорящий (адресант), стремясь быть вежливым, для осуществления своих коммуникативных намерений использует различные языковые и неязыковые средства. Оценивая риск «потери лица» и решая совершать или нет речевой акт, говорящий выбирает форму выражения вежливости – явную, открытую, т.е. эксплицитированную или скрытую, неявную, т.е. имплицитированную.

Отсюда в ряде лингвистических работ предлагается различать два вида языковой вежливости: эксплицитную и имплицитную. Имплицитная вежливость с трудом поддается языковому описанию, так как любое высказывание, не имеющее никаких языковых маркеров вежливости может выполнять функции вежливости, если оно отвечает соответствующим интенциям говорящего. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «во многих случаях иллокутивная функция высказывания не маркируется никакими собственно языковыми средствами, а восстанавливается адресатом на основании экстралингвистических знаний об устройстве мира в целом, о текущей ситуации, о постулатах кооперативного общения» /Апресян, 1988: 12/. Поэтому при определении функции, выполняемой конкретным средством, необходимо учитывать следующие слагаемые общего смысла высказывания: 1) семантику самого высказывания, 2) его связь

с окружающими речевыми действиями, 3) конкретную коммуникативную ситуацию, отражаемую в микротексте, 4) иногда также и знания из более широкого контекста.

По определению Р. Ратмайр, эксплицитная вежливость – это нормальное, уместное в том или ином обществе (или в определенных его слоях) вербальное и невербальное поведение. Эксплицитная вежливость состоит в учете конверсационного контракта и других правил прагматического оформления, то есть может быть описана как соблюдение действующих норм. Адекватное ситуации языковое поведение является вежливым, отклонение от него – невежливым. Выражение эксплицитной вежливости определяется правилами этикета, которые, являясь стабилизирующей формой повседневного общения, позволяют стоящим на разных ступенях иерархии индивидуумам поддерживать контакт без потери «лица» /Rathmayr, 1996: 364-365/. Имплицитная вежливость, иначе индивидуальная или неформальная вежливость, – это осознанно применяемые стратегии, позволяющие говорящему избегать нанесения ущерба имиджу партнера по коммуникации, способствующие спонтанному поддержанию имиджа адресата и одновременно «самопредставлению» говорящего как тактичного и предупредительного члена общества. Это выражение вежливости является как признаком характеристики личности, так и стратегией, которая надиндивидуально, в зависимости от прагматических параметров различий в статусе, дистанции и т.д., становится релевантной для адресата /ср. Leech, 1977: 24/ и посредством заботы об уровне отношений способствует лучшему достижению коммуникативных целей. При таком выражении вежливости суть состоит в выборе между различными языковыми моделями выражений, которые в наибольшей степени соответствуют соблюдению максим вежливости Дж. Лича. Правила имплицитной вежливости не только трудно сформулировать, но

и непросто исследовать, их соблюдение не является обязательным, оно свободно, положительно маркировано и ассоциируется с такими качествами как любезность, дружелюбие, сердечность, такт, учтивость и т.д. Локализация языкового материала также не столь однозначна как при эксплицитной вежливости, связующим элементом обычно является косвенность /Rathmayr, 1996: 375-376/.

Имплицитность изменчива, так как зависит от ситуации, в то время как эксплицитность – это постоянное свойство структур, формализованных на уровне лексики, грамматики и синтаксиса. Следует заметить, что имплицитная и эксплицитная вежливость выполняют в коммуникации в целом одни и те же функции и отличаются (кроме форм выражения), пожалуй, только тем, как оцениваются самими коммуникантами.

В случае имплицитной вежливости говорящий полностью свободен в выборе средств и может использовать как конвенционализированные, так и неконвенционализированные (индивидуальные) средства и стратегии. Имплицитная вежливость характеризуется неформальностью, в то время как эксплицитная может быть как формальной, конвенционализованной, так и индивидуальной. В соответствии с этим эксплицитная вежливость расценивается как норма и одновременно как доказательство хорошего тона, а ее отсутствие – как невоспитанность или, образно говоря, «непринадлежность» говорящего к данной группе общества, к данному сообществу.

Средствами выражения эксплицитной вежливости являются рутинные формулы, клише, лексические и грамматические средства. Средства имплицитной вежливости дополняются стратегиями предупредительности и стратегиями по избеганию или ослаблению агрессии, они во многом соответствуют стратегиям дистанцирующей (негативной) и солидаризирующей (позитивной) вежливости. К эксплицитным средствам мы

относим также конвенциональные средства, которые используются при осуществлении косвенных побуждений или желания говорящего (например, косвенные вопросы с *Can...?*), и тем самым значительно сужаем группу имплицитных средств. Большинство языковых средств и способов репрезентации категории вежливости в английском языке, которые будут описаны ниже в настоящей главе, относятся к формам реализации эксплицитной вежливости.

В основном, для выражения вежливости/невежливости в английском языке (как и в других языках) имеются две группы средств: 1) универсальные средства выражения вежливости/невежливости (они маркированы по этому признаку), и 2) средства, получающие статус вежливых/невежливых в зависимости от ситуации общения, конкретного коммуникативного контекста.

В первом случае признак закреплен за формой – конвенциями языка, во втором случае важную роль играют речевые конвенции употребления. Универсальными маркерами вежливости для директивного РА являются, например, лексемы *please, kindly, possible*, специальные формулы вежливости, например, *'Would you mind ...?'; 'I would be much obliged if you do...'* и др.

Итак, в зависимости от того, в какой мере иллокутивная сила той или иной формы соответствует ее языковой семантике, различаются два класса средств выражения РА: неконвенциональные и конвенциональные /Беляева, 1992: 21/. Последний класс включает две разновидности: а) языковые конвенции и б) речевые конвенции. Языковыми конвенциями являются такие формы, иллокутивная сила которых соответствует их языковой системно-закрепленной семантике. Например, за формами повелительного наклонения в системе языка закреплено значение побуждения. Речевыми конвенциями являются

такие средства, иллокутивная сила которых не есть прямое следствие их языковой семантики, она закреплена за ними конвенцией употребления, в результате чего эти средства служат стандартными (т. е. конвенциональными) речевыми способами выражения определенной иллокутивной силы. Речевыми конвенциями выражения директивного акта служат косвенные высказывания. Они позволяют адресату выбрать дальнейшую линию поведения; при этом чем больше степень косвенности выражения, тем легче ему сказать «нет», избежать затрат и усилий. Иллокутивная сила неконвенциональных средств целиком определяется коммуникативной ситуацией.

Наблюдения показывают, что в английском языке категория вежливости наиболее ярко прослеживается: 1) в высказываниях с формулами вежливости и 2) в побудительных (директивных) высказываниях с интенциями просьбы, предложения и совета, которые особенно «реагируют» на вежливость.

Как пишет Н.И. Формановская, «социальная заданность речевого этикета, неотвратимость его исполнения (нельзя не поздороваться со знакомым, не извиниться за провинность, не поблагодарить за услугу и т.д.) связаны с его ритуализованной природой, возникшей на базе обычаев и традиций страны и народа». По мнению автора, у ритуала, по крайней мере, три функции: а) объединение круга «своих», б) отторжение «чужих», в) снятие агрессивности. Как и многие социокультурные компоненты общения, коммуникативного поведения, речевой этикет стереотипен и автоматизирован /Формановская, 2002: 9-10, 16/.

Р. Ратмайр подчеркивает еще два важных аспекта языкового ритуала: предсказуемость и обязательность. Стремление участников общения быть максимально вежливыми делает прагматические клише (формулы вежливости) высокочастотными и стереотипными высказываниями, и именно стереотип-

ность позволяет осуществлять коммуникацию без риска ошибиться в выборе формулировок, что немаловажно при формировании вежливых высказываний. Связь прагматических клише с категорией вежливости исследователь видит в том, что и адекватное употребление прагматических клише, и соблюдение правил вежливости являются нормой /Ратмайр, 1997: 19/.

В лингвистической литературе встречаем различные термины для обозначения формул вежливости, принадлежащих к небольшой группе выражений, где порядок слов, как и сам порядок употребления их в речи, является более или менее закрепленным: «прагматические клише» (Р. Ратмайр), «ритуальные обмены» (И. Гофман), «ритуальные формулы» (А.Д. Швейцер), «церемониальные формулы» (М. Глакман), «формулы вежливости» (Ч. Фергюсон), «речевые штампы» (А.В. Дорошенко), «речевые шаблоны» (Е.Ф. Тарасов), «фразеосхемы» (Д.Н. Шмелев), «фразовые штампы», «единицы устойчивого контекста» (Н.Н. Амосова), «устойчивые сочетания нефразеологического характера» (А.В. Кунин), «формы вежливости» (В.М. Алпатов) и др. Выбор того или иного термина в данном случае зависит, прежде всего, от широты рассматриваемого явления. И. Гофман признает, что термины «ритуальный» и «церемониальный» могут включать любой, обычно принятый в данном обществе, обмен выражений, закрепленный в данной ситуации, то есть эти выражения не должны быть обязательно вежливыми, в то время как у «вежливости» (как у термина) есть свои преимущества – он отграничивает определенный круг этикетных выражений и предполагает оппозицию «вежливый/невежливый» /Brown & Levinson, 1978: 75/.

Таким образом, не все клише и рутинные формулы могут быть отнесены к разряду вежливых, но использование большинства из них играет большую роль в сфере вежливого общения и речевого этикета.

К конвенциональным (клишированным) этикетным формулам вежливости традиционно относятся формулы обращения и приветствия, установления, поддержания и размыкания контакта, поздравления и пожелания, извинения и благодарности, смягчающие формулы, формулы конвенционального управления поведением и модализированные выражения, которые Ф. Кулмас определяет как «рамки косвенных речевых актов» /Coulmas, 1981b: 118/. Употребление большинства вежливых прагматических клише закреплено за определенными ситуациями, так что эти формулы являются частью когнитивной репрезентации этих ситуаций в сознании членов данного языкового сообщества.

Стереотипность прагматических клише следует рассматривать не как абсолютную величину, а как относительную, как некий континуум. Она определяется, главным образом, двумя параметрами: стиранием лексического значения составляющих его элементов и предсказуемостью употребления прагматических клише в стандартных ситуациях. Причем эта предсказуемость есть величина не статичная, а динамичная. Так, например, вопрос *'How do you do?'* когда-то был однозначным вопросом, на который ожидался вполне естественный ответ; в настоящее время этот вопрос является стандартной формой приветствия, не требующего никакого ответа (имеется в виду как на привычный вопрос). Кроме того, степень предсказуемости прагматических клише варьируется также и в синхронном плане как от одной культуры к другой, так и от одного социального слоя к другому (например, молодежь при встрече употребляет одни формулы, взрослые – другие). Заметим, что предсказуемость может варьироваться и в индивидуальном плане /см. об этом: Ратмайр, 1997: 18/. Как уже отмечалось, сфера употребления рутинных формул тесно связана с типизацией ситуативных рамок, так что говорящий зачастую

выражает лишь общепринятую интерпретацию ситуации. То есть суть прагматических клише в большинстве случаев заключается не в буквальном значении лексического состава, а в прагматической функции в конкретной ситуации общения. В подобных случаях данные способы выражения рассматриваются не с точки зрения содержания, а как конвенциональные индикаторы вежливости /Coulmas, 1981b: 99/.

Ряд других лингвистов также характеризуют доминирование прагматических функций над семантическими как особенность этикетных формул и других «языковых сигналов вежливости», например, *How are you?*. По их мнению, часто эта особенность рутинных формул способствует сохранению структурных типов и лексем, которые больше не встречаются в свободно формулируемых выражениях /см.: Алференко, Быкова, 1994/.

Речевые клише отличаются относительной устойчивостью своего лексико-комбинаторного состава и представляют собой законченные предложения. Речевые клише образуют наименее организованную в структурном отношении группу форм речи. Их лексический состав может подвергаться изменениям, в определенных пределах допускаются синонимические замены и синтаксические трансформации. Специфика речевых клише заключается в том, что передаваемая ими иллокутивная сила ассоциируется с действием (ситуацией) определенного рода. Главной отличительной чертой речевых клише следует считать то, что иллокутивная сила РА передается стереотипом в целом, а не его отдельными частями.

Однако, как уже отмечалось, категория вежливости распространяется не только на устойчивые, повторяющиеся ритуализованные формулы, но и на более широкий круг разнообразных явлений, которые вкуче образуют функционально-семантическое Поле Вежливости в английском языке.

Принцип вежливости, выражающийся в стремлении ненавязчиво передать свое мнение, соблюдается на всех уровнях речевого общения. Как известно, РА имеет следующую структуру: иллокуция – цель речи говорящего, локуция – произнесение высказывания, перлокуция – результат речевого воздействия на слушающего. Цель форм вежливости – внести такие элементы семантики в РА, которые гарантировали бы в перлокуции реализацию целевой установки (иллокуции). Категория вежливости входит в состав иллокуции, где обозначает заложенную в целевую установку направленность на вежливое общение. Категория вежливости входит в состав локуции через использование в высказывании форм вежливости. Категория вежливости в перлокуции служит средством доведения до максимального уровня возможности получения желаемого результата.

Разные типы стратегий, нацеленные на достижение гармоничного, бесконфликтного общения и соответствующие ожиданиям партнера, связаны с разными РА. Стратегии позитивной вежливости, которые направлены на сближение собеседников, демонстрацию взаимных симпатий, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношений и чувств говорящего к происходящему (это, в основном, клишированные выражения). Стратегии негативной вежливости, главная цель которых демонстрация уважения личной автономии адресата, связаны, прежде всего, с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника. Характеризуя данные типы вежливости, М. Сифианоу отмечает, что негативная вежливость минимизирует невежливость невежливых иллокуций, в то время как позитивная вежливость усиливает вежливость вежливых иллокуций /Sifianou, 1992: 29/. Таким образом, действие в языке принципа вежливости непо-

средственно связано с двумя группами речевых актов – этикетными и побудительными. В этикетных и побудительных РА принцип вежливости проявляется по-разному: перефразируя приведенное выше высказывание М. Сифианоу о позитивной и негативной вежливости, заметим, что если в случае этикетных РА соблюдение принципа вежливости повышает степень вежливости общения, то в побудительных РА, «реагирующих» на вежливость, его задача сводится к «сглаживанию» их «невежливости».

Степень вежливости напрямую связана с категоричностью побудительных высказываний. Речевые акты объединяются в класс побудительных на основе их способности выразить общую интенцию «заставить других совершить нечто...». Побудительные РА представляют угрозу для коммуникации в том смысле, что они связаны с оказанием воздействия на собеседника и направлены на то, чтобы побудить слушающего совершить действие. Поэтому, как пишет Н.И. Формановская, «вежливость, являясь необходимым условием общения, особенно важна для исполнения побуждения» /Формановская, 1998: 62/. В речевой практике побудительность реализуется в самых разнообразных вариантах: очевидным является тот факт, что высказывания, содержащие в себе интенцию «побуждения к действию», отнюдь не монолитная, однородная группа. Они различаются своими характеристиками, а также прагматическими составляющими, т.е. условиями реализации.

Так, в рамках общей совокупности побудительных высказываний могут быть выделены более конкретные типы побуждения (приказ, требование, просьба, предложение и т.п.), которые различаются по ряду параметров, таких как степень настоятельности побуждения, субординация участников акта коммуникации, приоритетность/неприоритетность позиции говорящего, бенефактивность/небенефактивность (выгодность/

невыгодность) действия для участников акта коммуникации, облигаторность/ необлигаторность (обязательность/необязательность) каузируемого действия (для адресата), спровоцированность/неспровоцированность акта побуждения, определенность/неопределенность референции и др. /см.: Дорошенко, 1986; Davis, 1979/.

Рассмотрение материала исследования с точки зрения указанных выше параметров позволяет выявить особенности их проявления в языковых способах выражения прагматического значения 'я хочу, чтобы ты сделал это' (*I want you to do X.*) и в стратегиях вежливости, которые используются в данных РА в английской коммуникации.

Определяя принцип вежливости в речевом общении как принцип социальной речевой интеракции, в основе которой лежит уважение к личности партнера/адресата, мы исходим из того, что действие принципа вежливости в речевых актах направлено на снижение интенсивности иллюкуции, смягчение коммуникативного намерения говорящего, которое осуществляется путем ослабления категоричности высказывания.

Смягчение утверждений является одним из неперменных условий вежливого общения: высказываемое мнение или критическое замечание, выражаемое отношение или совет, которые иначе могут прозвучать слишком категорично или показаться чересчур назидательными, необходимо облечь в соответствующую форму, чтобы не обидеть собеседника и обеспечить гармоничное, бесконфликтное общение. Участники речевого взаимодействия, будучи ориентированными на успех коммуникации, для реализации своего намерения отбирают соответствующие структурные языковые знаки. А выбор оптимальных языковых единиц делает речевое общение стратегическим процессом.

Средства и способы выражения побудительных РА, входящие в функционально-семантическое Поле Вежливости в английском языке, относятся к разным языковым уровням и включают: 1) лексико-грамматические средства – модальные слова-модификаторы, модальные глаголы, 2) формы сослагательного (условного) наклонения, 3) разные коммуникативные типы предложений – повествовательные, вопросительные, повелительные, 4) косвенные формы реализации побуждения, 5) интонационные средства [4]. Рассмотрим подробнее каждый из указанных способов по отдельности.

3.5 Роль категории модальности в сфере вежливого общения

Разные функционально-семантические категории в рамках каждого данного языка могут (но не обязательно должны) опираться на грамматическую или лексическую категорию, которая образует как бы ядро, центр функционально-семантической категории. По отношению к этому «центру» другие компоненты функционально-семантической категории представляют собой «периферию». Ядром макрополя вежливости является категория модальности, поскольку она сосредоточивает специальные средства выражения содержания, свойственного данной функционально-семантической категории. Маркеры вежливости могут выполнять как функцию снижения иллокутивной силы высказывания (в англоязычной литературе их называют ‘downgraders’), так и усиления (‘upgraders’). Для реализации стратегии дистанцирования, главным образом, привлекаются так называемые ‘downgraders’. Их основная функция состоит в смягчении категоричности высказывания. По определению М. Стабса,

смягчение (mitigation) – есть важнейшее средство взаимодействия в разговорной речи ('basic interactive dimension' of spoken language) /Stubbs, 1983: 183/.

Образно говоря, высказывание может иметь как «вежливое» содержание, так и «невежливое». Так, например, просьба имеет «невежливое» содержание, так как предполагает, что слушающий затрачивает усилия для осуществления коммуникации. И поскольку просьба изначально является лицеушечным актом (face-threatening act), в высказывании должны быть использованы лингвистические средства, позволяющие смягчить его содержание. Последние, как уже отмечалось, представлены в английском языке разнообразными формами.

Итак, одним из основных и наиболее значимых языковых средств выражения принципа вежливости в современном английском языке является категория модальности, которая играет важную роль в реализации негативной/дистанцирующей стратегии, или так называемой стратегии отдаления, столь характерной для английской лингвокультуры.

Проблема модальности неоднократно привлекала к себе внимание исследователей как в рамках лингвофилософского, так и прикладного подхода к анализу системности в языке и речи. Однако и сегодня все еще остается неоднозначным понимание данной проблемы и определение места модальных слов (в том числе и глаголов) в системе языка и их функционального назначения в дискурсе.

Грамматическая категория модальности была довольно подробно освещена в различных работах лингвистов (см.: известные труды В.В. Виноградова, Е.В. Гулыги, Е.И. Шендельс, О.И. Москальской, Т.В. Строевой, J. Bybee, R. Perkins, H. Narrog, W. Pagliuca, A. Kratzer, E. Traugott и многих др.), поэтому мы рассмотрим здесь лишь ту часть представляющих ее средств, которые наиболее ярко эксплицируют категорию

вежливости. С этой целью в настоящей работе предпринимается когнитивно-прагматический анализ значения категории модальности в английском языке.

Модальность, как известно, отражает взаимодействие между четырьмя факторами коммуникации – говорящим, слушающим, содержанием высказывания и действительностью. При этом важную роль играют как средства объективной модальности, которые выражают отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности (главным средством оформления модальности в этой функции является глагольное наклонение), так и разнообразные средства субъективной модальности, которые выражают отношение говорящего к сообщаемому, к содержанию высказывания. Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной модальности. Субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого и реализуется специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими им словосочетаниями и предложениями; эти средства обычно занимают в составе высказывания синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц /ЛЭС, 1990: 304/.

В современном английском языке имеется богатая система лексико-грамматических средств выражения модальных значений: модальные глаголы *can, could, may, might, must, ought to, will, would, shall, should* и так называемые квазимодальные глаголы *have (got) to, need to, had better*. Некоторые исследователи /например, Lyons, 1977; Hermeren, 1979; Perkins, 1983/ включают в этот класс единиц также модальные выражения типа *to be going to, to be able to*, «модальные» прилагательные и наречия *propable/probably, possible/possibly, perhaps, maybe* и

некоторые вводные конструкции (parentheticals), а также условное (сослагательное) наклонение.

Имея в своем распоряжении развитую систему модальных глаголов, наклонений, модальных слов и выражений, а также бурно развивающуюся систему эпистемического (вторичного) значения модальных глаголов, говорящий может по-разному выразить и обосновать свою мысль, например, сделать упор на внутреннюю убежденность, на неотвратимость действия, на давление чужой воли и т.д.

Как представляется, трудности при определении места единиц, реализующих категорию модальности в системе языка, возникают в связи с уникальной семантикой данных единиц. Говоря о единицах модальности, исследователи обращаются к группе модальных слов и, в первую очередь, модальных глаголов и их эквивалентов и отмечают, что модальность может быть факультативным элементом предикации и что группа модальных глаголов принципиально отличается от обычных глаголов. Модальные глаголы не выражают действия и по своей семантике выделяются тем, что имеют лишь отвлеченные значения возможности, долженствования, целесообразности, вероятности, желательности и т.п.

В современном английском языке предложения типа *She may/ might/ can't/ couldn't have done it* различаются не в грамматическом (временном) плане, а в семантическом, поскольку в них варьирует семантический компонент степени вероятности выражаемого предположения. А формы *could, might, would* чаще выражают не временную соотнесенность события, а иные значения.

В отличие от других лексических единиц языка, модальные слова и выражения могут выражать отношение говорящего к ситуации, означенной в предложении (предикации), тем самым усложняя объем когнитивной информации о ситуации.

Включение модальных единиц в состав предложения приводит не только к изменению семантики предикатной части предложения, но и иначе номинирует представленную в нем ситуацию. Данное значение категории модальности называется, как известно, эпистемической модальностью /Lyons, 1977: 793-809; Downing, Locke, 1992: 382-388/. Эпистемический статус подобных языковых единиц основывается на компоненте «вероятность», входящем в их семантику. В качестве эксплицитных средств выражения эпистемической модальности, кроме рассмотренных выше модальных глаголов, могут выступать также единицы большого подкласса частиц, получивших название показателей достоверности: *явно, бесспорно, очевидно, вероятно, видимо, возможно* и т.п., которые фигурируют в высказываниях с субъективным статусом и эксплицируют в тексте «качество и количество информации, на основе которой говорящий формирует высказывание» /Иоанесян, 1989: 116/.

Очевидно, что, когда делается утверждение типа '*He is coming*', интенцией говорящего является категоричное утверждение, и отсутствие модального элемента предикации свидетельствует о том, что он уверен в правдивости и достоверности данного утверждения. Если же говорящий употребляет в предложениях модальный глагол (например, *He must be/ can't be/ may be/ might be coming*), то с помощью последнего (модального глагола) он смягчает, уменьшает степень уверенности совершения действия, обозначенного основным глаголом, и тем самым выражает обязательность, обigatorность (necessity) или возможность, вероятность (possibility) этого действия по отношению ко всей ситуации. С подобным выбором говорящий сталкивается постоянно: в результате – мысль облекается либо в форму категоричного утверждения, либо утверждение приобретает оттенок уверенности/неуверенности. Таким образом, модальные глаголы можно рассматривать в

качестве одного из средств реализации категории уверенности/неуверенности в возможности осуществления обозначенного основным глаголом действия. Включение модального глагола в структуру предикации позволяет сознательно описать ситуацию с точки зрения говорящего, что предполагает наличие определенной когнитивной пресуппозиции (знание фона, знание о пространственно-временных рамках ситуации, знание прагматического/коммуникативного контекста и его компонентов). В данном случае говорящий как бы закладывает в подтекст, имплицитно вводит информацию об участниках речевого акта, информацию о сопутствующих обстоятельствах – о причинах уверенности/неуверенности в возможности/невозможности совершения действия. Сравним следующие предложения с модальным компонентом предикации:

She'll be there by now (prediction based on common sense);

She must be there by now (almost certainty based on deduction);

She is bound to be there (almost certainty followed by inevitability);

She has to be there by now (almost certainty based on objective reasons);

She is likely to be there (probability);

She should be there by now (reasonable inference);

She could be there by now (strong possibility);

She might be there by now (neutral possibility);

She may be there by now (soft possibility – reserve as to possibility).

Как видно из приведенных примеров, благодаря наличию богатого арсенала модальных глаголов, которыми располагает английский язык, говорящий имеет возможность дифференцировать разнообразные оттенки модальных значений. Следует еще раз отметить, что выбор модальной рамки не является

произвольным и во многом определяется общим информативным фоном высказывания.

Исследователи видят в модальных словах вообще и в модальных глаголах, в частности, основное средство смягчения иллюкуции, поскольку они осуществляют функцию прогнозирования различных типов логической и фактической возможности реализации события /см., например, Давиденко, 1984/.

Модальные глаголы употребляются в качестве средства смягчения категоричности высказывания в своей вторичной функции, что выражается в определенном разрыве между семантическим и прагматическим значением речевых формул. Так, модальный глагол *must* выражает логическое умозаключение, которое основано на конкретных фактах и может быть выведено в результате логических рассуждений, тогда как модальный глагол *should* означает предположение, основанное на ожидаемости определенного события, верификация которого возможна лишь в будущем. Поэтому высказывание '*John must be easy to talk to*' возможно в том случае, если говорящий видит, как Джон любезен в беседе, на основании чего и делает соответствующий логический вывод; высказывание '*John should be easy to talk to*' возможно, если говорящему известно, что Джон хочет завоевать репутацию общительного человека, на основании чего говорящий ожидает, что с Джоном будет легко разговаривать /Lakoff R., 1972: 233/. Модальный глагол *can* в значении предположения отражает возможность какого-либо события, основанную на внутренних свойствах самого предмета ('*The road can be blocked*' = '*It is possible to block the road*'). Модальный глагол *may* выражает возможность какого-либо события, основанную на субъективном предположении говорящего ('*The road may be blocked*' = '*It is possible that the road will be blocked*'). Данное семантическое различие может быть обозначено как различие между теоретической и фактической возможностью /Leech, 1974: 75-77/.

Широкий спектр модальных глаголов, используемый в высказываниях со значением просьбы (*can, could, may, might, will, would*), также позволяет передать разнообразные оттенки и разную степень вежливости высказываний. Ср.:

- May I ask you something?

- If you like.

- Can I... I mean... could I... no, might I have the next dance with you? (Hartley&Viney, Streamline English, 1996: 11)

В заключительном высказывании приведенного диалога употребление различных модальных глаголов в пределах одного и того же высказывания наглядно показывает разницу в передаваемых ими значениях и выводимую из контекста разную «степень вежливости» каждого из глаголов.

Второе значение модальности, которое трактуется как деонтическая модальность, проявляется в более сложных контекстах. Появление этого типа модальности связано с потребностью говорящего установить социальные отношения и социальный статус с помощью дискурса. Модальные единицы выступают как важнейшее средство языка, которое помогает достичь определенных стратегических целей: передать коммуникативное намерение говорящего не в прямой, а в несколько завуалированной, косвенной форме и тем самым снизить интенсивность иллокуции говорящего; выразить неуверенность в возможности осуществления названного действия; дистанцировать как слушающего, так и самого говорящего от побуждаемого действия, акцентируя, таким образом, нереальность его реализации; предоставить возможность выбора адресату и др.

Неудивительно, что в некоторых лингвистических исследованиях модальность называют межличностным аспектом грамматики, который является центральным как в устной, так и в письменной речи. В речевом дискурсе средства модальности служат для установления личных отношений и до некото-

рой степени определяют характер взаимоотношений между собеседниками /Carter&McCarthy, 1997: 18/. В своем поведении человек руководствуется убеждениями, взглядами, привычками. Поступки человека социально значимы: в них объективно или субъективно отражается его отношение к людям, к обществу в целом. В свою очередь, принятые в данном обществе нормы и правила коммуникации, базирующиеся на определенных культурных ценностях, имеющих особое значение для данного народа, во многом определяют поведение людей. Эти моральные нормы находят реализацию и на лингвистическом уровне. Повседневная деятельность людей воспроизводится силой традиции, социального влияния, определяя общественные модели поведения и сопровождающие их модели лингвистического дискурса. Ряд модальных единиц позволяет контролировать поведение и оказывать влияние на поведение окружающих – люди часто предлагают свою помощь или просят о помощи, дают или просят разрешения и т.п. Кроме того, на выбор модальной рамки предиката оказывает влияние ряд социальных факторов – ролевые и социальные отношения говорящих, векторная направленность коммуникации, дистанцированность говорящих, область персонального (личного) пространства, зона личной автономии, или, по Ю.Д. Апресяну, личная сфера говорящего. Данные параметры коммуникации разнятся и зависят от национально-культурных традиций.

Деонтические РА – это, в основном, побудительные РА, модальная природа которых состоит в том, что достоверность (истинность) пропозиции/высказывания рассматривается говорящим на основании его волеизъявления, а не в соответствии с действительностью.

Анализ побудительных контекстов выявил ряд типовых моделей вербализованного влияния на поведение окружающих, которые ассоциируются с типовыми (ритуальными) си-

туациями. Как уже отмечалось, под ритуальными ситуациями понимается наличие в рамках любой лингвокультуры своеобразных способов поведения в ряде типовых ситуаций социального взаимодействия, что находит реализацию в наборе стандартных речевых актов волеизъявления (просьб, советов, предложений, разрешений и т.п.) и соответствующих им «прагматических формул», среди которых далеко не последнее место занимают «формулы вежливости». Примером последних может служить ряд модальных конструкций, причем наиболее распространенными являются вопросительные предложения с модальными глаголами.

Следует отметить, что реквестивный (иначе интеррогативный) речевой акт очевидно является центром функционально-прагматического поля директивов и представляет собой побуждение адресата к действию, бенефактивному для адресанта. Просьба отличается наибольшей естественностью мотивации (заинтересованность говорящего в каузируемом действии), высокой частотностью в речи и обладает наибольшей вариантностью форм выражения /Беляева, 1992/. Итак, реквестивные РА отличаются от других побудительных РА неприоритетностью позиции говорящего, необязательностью выполнения действия для адресата, бенефактивностью искомого действия для адресанта. Реквестивы можно определить как «лицеущемляющие» РА как с точки зрения адресата, которого «заставляют» совершить действие в интересах говорящего, так и с точки зрения адресанта, которому могут отказать в просьбе, поэтому способ построения реквестивных РА определяется принципом вежливости /см.: Вежбицкая, 1985: 257; Leech, 1983: 104/.

В английском языке выделяются следующие основные модели реквестивных побудительных высказываний с модальным компонентом:

“Can (could) you + VP?”: например, *Can you spare me a few minutes?* (просьба о действии); *Can you come over today?* (приглашение). Следует отметить, что в просьбах, требующих больше усилий и времени, употребляется гипотетическая форма *could*, при этом часто добавляются прагматические маркеры вежливости типа *kindly*, *possibly* и т.п.: *“Could you + kindly/possibly + VP?”*. Как вариант этой модели довольно распространена форма *Could you do me a (big) favour?* (просьба с эксплицитным выражением коммуникативного намерения).

“Can’t (couldn’t) you + VP?”: Обратим внимание на то, что в английском языке более вежливыми считаются вопросительно-утвердительные высказывания, поскольку в вопросительно-отрицательных высказываниях содержится большее побуждение дать утвердительный ответ. Ср. *Could you do that?* и *Couldn’t you do that?* – в отрицательных высказываниях содержится также некоторый упрек в адрес слушающего: *“Mrs Mortar: ... Peggy, can’t you imagine yourself as Potia? Can’t you read the lines with some feeling, some pity?”*. Как нам представляется, степень вежливости вопросительно-отрицательных высказываний будет определяться в каждом конкретном случае их употребления в зависимости от широкого контекста, как семантического, так и прагматического.

“Will (would) you + VP?”: например, *Would you help me with this translation?* (вопрос-просьба о намерении, желании). Отметим, что, по Дж. Личу, модель *“Can you + VP?”* является более вежливой формой побуждения по сравнению с *“Will you + VP?”* на том основании, что отказ выполнить действие является более естественным по причине возможности/невозможности, чем по причине отсутствия желания /Leech, 1983: 120/.

“Won’t you + VP?”: например, *Won’t you listen to what I have to say?* Отрицательно-вопросительная форма просьбы обладает большей побудительной силой и употребляется в ситуации, где отсутствует готовность адресата выполнить каузи-

руемое действие, она предполагает только положительную реакцию на вопрос, поэтому и является менее вежливой, чем утвердительная форма (“*Will you + VP?*”). Вместе с тем употребление “*Won’t you + VP?*” в РА приглашения является весьма вежливой, поскольку «заставляет адресата совершить бенефактивное для него действие»: “*Won’t you come to our party tomorrow?*”

Далее следуют вопросы, ориентированные на говорящего, т.е. на самого себя, а они являются всегда более вежливыми, чем вопросы, направленные на собеседника.

“**Can (could) I + VP**”: например, *Can I take your pen?* (просьба-разрешение); *Can I help you?* (предложение).

“**May (might) I + VP**”: например, *May I come in?* (вопрос о разрешении); *May I have the bill?* (просьба). Ср. “Ben: That isn’t what Regina means. *May I interpret you, Regina?* / Rosalia: Please, Mrs. Mortar, *can I write that down?*” Следует отметить, что *May I...?* более вежливо, чем *Can I...?*: *may* выражает большее почтение к адресату. Различие между *can* и *may* при выражении РА разрешения заключается в коммуникативном контексте употребления: *may* чаще встречается в официальной обстановке общения при далекой социально-психологической дистанции между коммуникантами, *can* – обычная форма в нейтральной или непринужденной обстановке и при близкой социально-психологической дистанции между коммуникантами. Хотя следует также признать, что в настоящее время грань между *may* и *can* постепенно стирается.

Ниже приведены примеры развернутых высказываний с точки зрения структуры и субъектно-объектной ориентированности:

(просьба) “*Can I trouble you for + N?*”; “*Do you think you could + VP?*”; “*Would (will) you be so kind (good) as to + VP?*”; “*I’d be very much obliged if you + VP*” – *Do you think you could*

look after Angela while I'm away? / Mrs. Higgins: ... Mr. Doolittle, will you be so good as to step out on the balcony for a moment;

(вопрос-разрешение) Would you mind doing X?; "Would (do) you mind if I + VP" – Would you mind if I had the TV on?;

(приглашение) "May I (ask) you + Adv. P → to *dinner, supper, the party, etc.*?" – "Vicomte de Nanjac: May I have the pleasure of escorting you to the music-room, Mademoiselle? ... May I have the honour of taking you down to supper, Comtesse?" (O. Wilde);

(успокоение) "Don't let it + VP → *annoy, upset, worry you*";

(предложение) "Would you like + NP → *whisky, ale, tea, etc.*?".

Обратим внимание на то, что в последней группе моделей именная, глагольная или адвербиальная фразы ограничены определенной лексико-семантической группой.

Модальный элемент предикации способен оказывать влияние на ракурс оценки ситуации, который говорящий волен выбирать намеренно: он может явно выразить или скрыть истинные интенции и прагматические задачи высказывания. Так, например, форма *will* может быть интерпретирована как побудительный речевой акт в *Will you listen to me and stop interrupting?* и как вежливое предложение в *Will you have another slice of lemon?*

Таким образом, в приведенных выше типовых реквестивных (интеррогативных) моделях побудительных (директивных) РА принцип вежливости определяет поведение обоих коммуникантов, как адресанта (говорящего), так и адресата (слушающего): эти модели служат вежливой формой побуждения в силу того, что направлены на выяснение возможностей адресанта/адресата совершить каузируемое действие и тем самым демонстрируют уважительное отношение говорящего к личности адресата /Конрад, 1985/.

В рамках англоязычной культуры модальность можно отнести к числу весьма специфичных и знаковых элементов. Модальный глагол становится важной частью лингвистического события. Маркированные модальные структуры используются с различными иллокутивными задачами. В качестве примера здесь можно привести когнитивно-прагматический анализ использования синонимической группы модальных глаголов, выражающих значение обязанности, долга, необходимости (неизбежности) в формах *must*, *have (got) to*, *be to*, *shall*, а также более мягкие формы *should*, *ought*, *be supposed to*. Так, рассмотрим ряд предложений, в которых дифференцируются разные оттенки долженствования: *You must do it* (это твой долг); *You should do it/You ought to do it* (это было бы правильно с твоей стороны – выделяется модально-прагматическое значение желательности, граничащее с обязательностью); *You have to do it* (ты вынужден сделать это/ поступить так, так как нет иного выхода); *You are to do it* (ты должен сделать это/ поступить так по причине предварительной договоренности); *You are supposed to do it* (все этого ждут от тебя, по-другому быть не может, это необходимость, обусловленная существующими правилами и действующими в обществе нормами). В том случае, когда облигаторность направлена на объект коммуникации, наблюдается тенденция избегать употребления глагола *must* и отдавать предпочтение менее «сильным» глаголам либо ослаблять его облигаторность различными модификаторами, которые будут рассмотрены ниже. В отрицательной форме модальный глагол *must* имеет еще более сильное значение и выражает запрет. Сравним: *'You mustn't do it.'* и *'You shouldn't do it'*.

Итак, обязанность, выраженная в форме *must*, имеет иллокутивную силу директива с элементом субъективности и отражает преимущество авторитета говорящего в ситуации лич-

ного контакта – *You must do it again*, в то время как директивная форма *have to* опирается на объективную presupпозицию (*‘уного выхода нет’*). Следует особо выделить форму *shall*, которая отражает высшую степень настоятельности (например, *All participants in the Games shall wear a uniform.*), но она редко используется в устной речи, чаще – в письменных инструкциях и распоряжениях, в которых оговариваются важность и необходимость следования правилам. В случае отсутствия у говорящего статуса авторитетности или убежденности в англоязычном контексте используются формы *should* и *ought*. При этом использование этих форм может быть мотивировано не столько смысловым выбором говорящего, сколько такими прагматическими причинами, как желание быть тактичным и вежливым. Сравним предложения *‘Applicants must be RA citizens.’* и *‘Applicants must be state university graduates.’* с предложениями *‘Applicants should have knowledge of two foreign languages: one European, one Oriental.’* и *‘Applicants should have at least two years’ experience.’*, в которых выделяется модально-прагматическое значение желательности, граничащее с обязательностью.

Модальные глаголы *should* и *ought to* употребляются для дружеского совета (*You ought to see the doctor about that wound. / You should see the doctor about that wound.*), модальное выражение *you’d better* – для более сильного, настоятельного совета (*You’d better not go out, if you feel so tired; You’d better take your medicine*). Высказывания с *you’d better* содержат также оттенок предупреждения и необходимости следования данному совету: *You’d better be on time. / You’d better not be late (or I’ll be angry)* /Murphy, 2003: 70/. *Should* такого оттенка значения не содержит и означает *‘It’s a good thing to do’*.

Таким образом, внутри одного типа речевые акты также способны варьировать по степени интенсивности выражения иллюкутивной силы высказывания, и это движение «модально-

коммуникативного компонента» происходит между усиленными и смягченными вариантами выражения намерения /Спорные вопросы..., 1988: 133/. В современных исследованиях градуальному аспекту категории модальности уделяют большое внимание. На практике решение этой проблемы непосредственно связано с выявлением лексических, грамматических, интонационных средств усиления / смягчения иллокутивной силы высказывания.

Некоторые пути проведения исследований в этой области отмечает и Дж. Лайонз, когда рассматривает градуальность модального элемента иллокуции в утверждениях («категорическое утверждение – есть гипотетическое утверждение») и директивах («различие модального компонента в просьбах и приказах ведет к тому, что выполнение действия в просьбах необлигаторно») /Lyons, 1977/.

Помимо модальных глаголов, составляющих ядро Поля Модальности, в английском языке существует большое количество разнообразных языковых единиц, находящихся на его периферии, однако играющих не менее существенную роль в процессе коммуникации [5].

Важным средством избежания прямолинейности высказывания, смягчения его категоричности являются *модальные фразы-модификаторы*. Под модификаторами имеется в виду широкий спектр слов и выражений, смягчающих категоричную модальность и указывающих на субъективность мнения или на то, что высказывание истинно только в какой-то мере, при определенных условиях или относится только к части именной или глагольной группы.

Наиболее частотную и многочисленную группу средств смягчения категоричности высказывания, в частности, декларативного, составляют модальные фразы, выполняющие роль главного предложения, за которым следует придаточное изъяснительное, или роль вводного члена в срединной или конеч-

ной позиции. Они представляют собой эксплицитный и синтаксически несложный способ выражения отношения говорящего к высказыванию.

К лексико-синтаксическим модификаторам относятся модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности *think, believe, suppose, imagine, assume, presume, consider, guess* и др.; глагольно-именные сочетания *I'm afraid, I fear* и др.; устойчивые выражения *I mean, I dare say, I must confess, I say, to my mind, in my opinion/ view, from my point of view, as far as I know, as far as I'm concerned, as I see it, as for me* и т.п. На прагматическом уровне все эти единицы выполняют одинаковую функцию: они позволяют расставить акценты так, чтобы утверждение говорящего воспринималось просто как его личная точка зрения. С помощью таких вводных конструкций говорящий субъективизирует свое мнение и оценку и таким образом смягчает иллокутивную силу речевых актов, которые потенциально таят в себе угрозу конфликта в силу своего импозитивного характера. Следует отметить, что для англичан употребление средств субъективной модальности весьма характерно.

Примечательно в этом отношении следующее высказывание Дж. Саттона: «Английский язык, английский стиль мышления некоторыми тонкостями от русского языка очень отличается. Когда русский человек что-то утверждает категорично, англичанин это же самое выскажет с элементом сомнения: «Мне кажется...» /цит. по: Иванова, Чахоян, 1976 : 22/. То же самое можно сказать об армянском языке, в котором, также как и в русском, степень допустимой импозиции и воздействия на партнера по коммуникации намного выше. Соответственно здесь требование смягчения «категоричности» не столь релевантно, предпочтение отдается прямому выражению побуждения, часто в повелительной форме /Երգնլլւիւն, Մրրիւիւիւիւն, 2010ւ, 2010ր/. Последняя никак не воспринимается как нару-

шение коммуникативных норм поведения и, как правило, не приводит к конфликтным ситуациям, в то время как в английском языке часто повелительное наклонение, даже «смягченное» различными модификаторами (в частности, *please*), воспринимается как слишком прямое и категоричное.

В зависимости от семантики глагола модальные фразы выражают субъективную модальную оценку высказывания, смягчая его категоричность за счет сужения универсальности высказываемого мнения и ограничения его рамками личного опыта говорящего.

Лексико-синтаксические модификаторы с глаголами мышления с семантикой субъективности *I think, I believe, I guess, I suppose, I hope, I presume, etc.* (например, *Do you think I/you... ?; Don't you think...?* и т.п.) характерны для формул вежливого вопроса, просьбы, а также совета и предложения. В просьбе, совете данные единицы снижают степень воздействия на адресата, привносят долю сомнения в реальной возможности или необходимости называемого действия, в достоверности констатации факта. Ниже рассмотрим некоторые примеры:

“The fact is, *I suppose*, I'm too English” (S. Maugham). Говорящий здесь снижает категоричность констатации с помощью уточнения. Эта разновидность уточнений квалифицируется в лингвистике как корректирующее уточнение с импликационной связью между уточняемым и уточнением.

“*I believe* you're hiding something, Olven, and that isn't like you”. В данном случае говорящий, употребляя РА-предположение, на самом деле предлагает собеседнику рассказать о том, что он утаивает, апеллируя к тому, что скрывать что-либо не в его правилах.

“*I must confess* I find that sort of thing rather horrifying” (J. Osborne). В данном высказывании инициальное *I must confess* позволяет говорящему снизить категоричность суждения.

Одна из наиболее распространенных в этой группе модальная фраза с глаголом *think* употребляется в разных речевых актах и, в зависимости от функции, выступает в утвердительной, отрицательной или вопросительной форме.

Сравним:

I think you should go to see her there (совет);

I think you should be more careful when crossing the street (совет-замечание);

Do you think I could use your cell phone? (просьба-разрешение).

Рассмотрим подробнее весьма распространенную в английском языке модальную рамку '*Do you think I/ you could + VP?*'. Семантическое содержание данной модели складывается из следующих составляющих: *Do you think* (мнение адресата о возможности выполнения действия) + *I/ you could* (гипотетичность этой возможности) + *VP* (само действие)?. Причем *Do you think you could + VP?* является вопросом-побуждением, а *Do you think I could + VP?* – вопросом-разрешением. Вместе с тем, следует отметить, что в функциональном плане здесь не содержится собственно вопроса, и семантическое, и прагматическое значения высказываний расходятся. Так, упомянутое выше вопросительное по структуре предложение *Do you think you could look after Angela while I'm away?* вовсе не имеет целью получить в ответ мнение адресата, а представляет собой обращение с просьбой.

Следует особо выделить довольно распространенное в современной английской разговорной речи прямое обращение к мнению собеседника при помощи вопроса '*Don't you think (so)?*' Этим вопросом говорящий дает понять собеседнику, что он не намерен навязывать ему свое мнение и готов принять его точку зрения. Здесь смягчение коммуникативного намерения говорящего осуществляется косвенным РА, построенным в

виде вопроса-апелляции к мнению собеседника. Это средство смягчения связано с предварительным условием, допускающим возможность существования другого мнения по данному вопросу. Например: We must get the boat, *don't you think?* (I. Murdock)

Как уже отмечалось выше, характерной особенностью английской коммуникации является употребление единиц субъективной модальности при выражении *совета*, что смягчает его иллокутивную силу, побуждение, усиливает субъективность и указывает на необязательность следования ему, т.е. снижает обязательность, облигаторность его выполнения. Например,

You look tired. *I think* you should go to bed.

If you are fed up with your job, *I think* you should change it.

Снижение побудительности в подобных высказываниях приводит к тому, что они воспринимаются как мнение собеседника, а не как побуждение.

В случае необходимости возразить собеседнику, высказать свое несогласие с его мнением с целью смягчения категоричности высказывания широко используются следующие средства модификации – это уже приведенные выше *'I'm afraid'* / *'I fear'*, а также *'unfortunately'* / *'if I may'* / *'if you don't mind me/ my (saying so)'* / *'do (would) you mind if'* / *'if you please'* / *'if you mind'* и др. в форме вопросов или констатаций, причем как в пре-, так и в постпозиции.

Итак, к разряду модификаторов, хотя и с некоторой долей допущения, можно отнести и металингвистические средства, модифицирующие и смягчающие иллокутивную силу высказывания, в частности, категоричность констатации, просьбы или вопроса:

It was a late visit, *if I may ask?*

I want you to be with me up to the last moment, *if you don't mind.*

“There are some things I’m wondering about”, he said. “*If you don’t mind some questions*”.

If you don’t mind my saying so, your calculations are open to question.

Рассмотренные вводные прагматические клише представляют собой коммуникативные эквиваленты первичных модальных клише. Способом импликации иллокутивной силы в них выступает отношение говорящего к РА: *If you don’t mind it/ Would you mind doing the room after tea?* или *Well, put into it (the letter), would you?* Вводные прагматические клише часто используют для модификации иллокутивной силы в этикетных целях.

Для вопросительных и контактоустанавливающих высказываний выбор смягчающих средств весьма ограничен: чаще всего они встречаются в форме косвенных вопросов, имеющих форму констатации (*I wonder if you could do that.*), или собственно вопросов, включенных в другой вопрос с просьбой разрешить его задать (*Could I ask where have you seen a photograph of me?*).

Модальные фразы могут предварять известие, которое может быть неприятным для собеседника. Отметим, что *I’m afraid, I fear, unfortunately* вносят в высказывание семантический оттенок извинения, сожаления:

I’m afraid I can’t completely agree with you. (Ср. редкое ‘I flatly disagree with you’.)

Unfortunately, my calculations do not agree with yours.

Характерной чертой *I’m afraid* является его употребление в широких контекстах со значением сомнения, неуверенности, сожаления.

Сравним:

– I’d like to speak to Mr. Smith, please.

– *I'm afraid* he's not in here at the moment (возможно, сомнение);

а также:

– I don't suppose you're familiar with Professor Brown.

– *I'm afraid not* (неуверенность);

или

– This is a very bad line, *I'm afraid*. Can I ring you back? (сожаление).

Модальными модификаторами являются и так называемые *семантические минимизаторы импозиции*, которые как бы «уменьшают» цену услуги или совершаемого в пользу говорящего действия и таким образом снижают степень воздействия на адресата. В английском языке к ним относятся такие лексические единицы, которые содержат сему малого количества или размера: *little, a little, a spot, just a second, a bit, few, a few, small, some, quite*. Например, “Then get me *some* more coffee, would you, Parker?”; “Do me a *small* favour, sugar.”; “There are *some* things I'm wondering about”, he said.

Аналогичную функцию выполняют так называемые *деинтенсификаторы* оценочных конструкций. Если понимать деинтенсификацию как уменьшение количественных характеристик предмета речи, то в содержательном плане ослабление нужно рассматривать как количественную градацию какого-либо признака объекта номинации в сторону его уменьшения, то есть как определенный вид и способ *оценивания* этого объекта номинации. В процессе коммуникации человек не только передает информацию об окружающей действительности, но и оценивает ее, выражая свое отношение к «ценности» предмета сообщения и тем самым в некоторой мере предписывая желаемое поведение слушающему. Оценочное отношение субъекта оценки к объекту является одним из видов модальности, выражающей отношение говорящего ко всему, что представ-

ляется как объективное, независимое от субъекта. Оценочная модальность – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией коммуникантов (говорящего и слушающего) и обозначаемой реалией, оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому и т.п.) в соответствии со «стандартом» бытия вещей или положением дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки. Одной из основных особенностей оценочной модальности является «ее неприязненное отношение к категоричным, беспелляционным оценкам» /Вольф, 1985: 108/.

Итак, для ослабления категоричности оценочных высказываний в языке имеются специальные средства – деинтенсификаторы. Говорящий, давая деинтенсифицированную характеристику предмета речи, доверяет способности адресата адекватно интерпретировать сдержанность оценок. Примером подобных деинтенсификаторов могут служить наречия степени *rather, pretty, fairly, quite, just*, а также *a bit, sort of*, которые модифицируют прилагательное или существительное, входящее в состав именного сказуемого. Наиболее частотными из этих наречий являются наречие *rather*, употребление которого не имеет ограничений, а также наречие *pretty*, характерное для речи равных по возрасту или положению собеседников в непринужденной обстановке общения. Например:

(1) You see, I'm *pretty* dependent on the old boy.

(2) I've waited for him for years, and that gives me *a sort of* right, doesn't it?

(3) The food is wonderful but it's *a little bit* expensive.

(4) I *rather* think it's hopeless./ It's *rather* pleasant to do

(5) When Sarah stepped outside, she noticed that the weather seemed just *a bit* chilly.

Следование принципу вежливости обязывает говорящего избегать в общении отрицательных характеристик адресата

или объектов, связанных с ним. Если же выражение отрицательных характеристик составляет иллокутивную силу данного высказывания, то говорящий стремится изменить интенсивность этой силы, то есть ослабить ее, как это имеет место в следующем примере:

Mrs Conway: ... Robin, you've always been selfish and weak and *a bit* of a good-for-nothing (Priestly).

Миссис Конуэй высказывает достаточно резкую критику в адрес своей собеседницы, употребляя оценочные прилагательные отрицательной семантики *selfish* и *weak*. В ее словах чувствуется даже раздражение от поведения Робин. Но употребление модификатора – семантического минимизатора *a bit of* в оценочной конструкции говорит о том, что миссис Конуэй пытается сдержать свои чувства, снизить экспрессивность своей отрицательной оценки. И, как справедливо замечает В.И. Карасик, «эффективность воздействия критики не зависит от резкости выражений: благожелательная критика часто оказывается более действенной» /Карасик, 1989: 47/.

Рассмотрим другой пример:

Bradly: And I'm quite agreeable (S. Maugham).

Принцип вежливости, в частности, выделенная Дж. Личем максима скромности детерминирует деинтенсификацию в речевых актах, содержащих положительную оценку говорящим самого себя, так как она обязывает быть сдержанным в выражении похвалы в свой адрес. Заявить о себе, что ты «милый», «приятный» и т.п., по меньшей мере, нескромно. И чтобы слегка снизить интенсивность положительной оценки своей персоны, в приведенном выше примере Брэдли употребляет модификатор-деинтенсификатор *quite (quite agreeable)*.

Часто в диалогах, в частности, оценочных, с целью создания общего эмоционального фона имеет место апелляция к адресату, чем подчеркивается важность мнения собеседника

для адресанта. Следующий пример представляет собой такой оценочный диалог:

Princess: How *very* early in life you young people settle things in America!

Flemming: *Perhaps* it was *rather* silly and childish (S. Maugham).

Принцесса, используя в начале высказывания интенсифицированную конструкцию (*very*), довольно эмоционально критикует образ жизни молодых людей в Америке. В ее словах чувствуется неодобрение. А Флеминг, желая быть приятным собеседником и разделить точку зрения дамы, употребляет деинтенсифицированную конструкцию, выражающую отрицательную оценку и содержащую умеренный ослабитель *rather*. Но присутствие вводного слова *perhaps* дает понять, что молодой человек не полностью разделяет мнение собеседницы.

Анализируя высказывания, содержащие оценочную нейтрализацию, Г.Г. Почепцов, отмечает, что порядок разрешенной/запрещенной нейтрализации вполне адекватно регулируется общим этикетным принципом, формулируемым следующим образом: речевой облик коммуникантов должен быть сугубо положительным. Однако там, где говорящий немного «обгоняет» собеседника, ему лучше сократить этот «отрыв». В общении имеет место постоянная нейтрализация, чтобы не «обидеть» собеседника. Плохое в адресате нейтрализуется, чтобы поддержать его /Почепцов, 1987: 98-101/.

Распространенным способом смягчения категоричности высказывания является *переключение ее модальной характеристики из действительной в предположительную*. Независимо от того, какой оттенок предположения выражается в высказывании, модальность предположительности служит более тактичной формой выражения мысли, чем модальность действительности. Разумеется, речь идет о тех случаях, когда говорящий использует смену модальной рамки в прагматических

целях, и модальное различие высказываний в данном случае является прагматическим, а не семантическим.

Модальность действительности в прагматических целях заменяется модальностью предположительности с помощью модальных слов-модификаторов (прагматических маркеров) *perhaps, probably, possibly, maybe, by (any) chance* со значением сомнения, предположительности, вероятности. Наиболее частотным в этой группе является модальное слово *perhaps*. Как известно, для *perhaps* и *maybe* характерно, в основном, употребление в начальной позиции, для *probably* и *possibly* – срединная позиция после подлежащего и перед или в составе составного глагольного сказуемого. Слова эти часто употребляются при выражении вежливого совета или просьбы:

Perhaps you ought to talk to Ann about it.

Perhaps you might kindly call me and tell me where Ann is.

Could you *possibly* show me how it works?

Could you *possibly* give me a lift?

Could you *perhaps* say a few words about your new project?

Maybe we should ask Tom for his opinion.

Maybe you could phone me later this afternoon.

Have you got an extra copy of this article *by any chance*?

Hello, is Helen there *by any chance*.

Употребление данных языковых единиц в побудительных РА привносит в высказывание элемент сомнения в реальной возможности (в РА просьбы) или необходимости (в РА совета) реализации побуждаемого действия и снижает степень воздействия на адресата. Причем чем больше доля сомнения, тем выше степень вежливости высказывания.

Оттенок неуверенности вносят в высказывание и наречия *hardly* и *scarcely*, которые могут рассматриваться как выразители субъективной модальности, поскольку вносят в предложение различные смысловые оттенки, а также выражают отношение и чувства говорящего к сообщаемому. Например:

‘Even you could *hardly* drop a thing like that.’

‘We can *scarcely* afford the rent.’

‘I *scarcely* know him.’

Hardly и *scarcely* употребляются в функции семантического отрицания, которое имеет более вежливый характер по сравнению с полным, категоричным, прямым и эксплицитно выраженным отрицанием.

Особенностью употребления рассмотренных выше модальных фраз с глаголами речемыслительной деятельности *say, think, suppose, guess* и др. является возможность использования форм сослагательного наклонения в придаточном изъяснительном, что придает высказыванию еще больший оттенок проблематичности. Например,

I don't think *I'd have* courage to live on my own again – in spite of everything (J. Osborne).

Синтаксическая конструкция *Nominative + Infinitive* также смягчает категоричность высказывания за счет привнесения в него семантического компонента, выражающего субъективную оценку действительности говорящим и тем самым ограничивающего значимость высказываемой мысли или суждения рамками личного опыта. Например, I say, I *seem to have plunged* into the middle of quite a young dinner party (P. Wodehouse). Следует обратить внимание и на ту роль, которую играет здесь глагол *seem* с семантикой неопределенности.

Аналогичную функцию выполняет оборот ‘*it looks as if/ as though*’, за которым следует придаточное сравнение с глаголом в сослагательном и реже в изъявительном (индикативном) наклонении. Например: It looks to me *as though you have saved* the old home. / It looks *as if they've had* a shock.

Что касается глаголов речемыслительной деятельности, столь активных в сфере вежливого общения, то они сами тоже могут стоять в форме сослагательного наклонения. Например:

(1) The damage was mostly internal, *I should think*. (K. Amis)

(2) This, *I would say*, is my work. (Sheridan).

Функцией подобных модальных фраз является парентетическая (parenthetical): субъектом таких вводных предикативных единиц является сам говорящий ('I'), а предикатом – сочетание *should/would + Infinitive*, где инфинитив принадлежит к разряду глаголов речемыслительной деятельности.

Высокая частотность употребления модальных вводных конструкций этого типа привела к тому, что модальный глагол в них подвергся стяжению, а сами они приобрели клишированный характер: *I'd say, I'd think*. Как и вводные предикативные единицы других разновидностей, они характеризуются позиционной подвижностью в составе всего высказывания. В начальной позиции они служат предваряющим сигналом для основного сообщения; в середине высказывания они способны выступать заполнителями паузы, когда идет процесс формирования мысли говорящего и ему нужно выиграть время. И, что особенно важно в контексте настоящей работы, подобно другим средствам предположения, они образуют предположительно-подтвердительные высказывания за счет семантики составляющих их элементов: личного местоимения первого лица и глагола речемыслительной деятельности с семантикой субъективности, которые подчеркивают субъективное мнение говорящего и тем самым снижают степень категоричности всего высказывания.

Органически связана с категорией модальности и частица *please*, которая, подобно словам *kindly, cordially, sweetly* и т.п., способствует повышению вежливости высказывания. Ее уместное употребление помогает поддерживать общение в желаемой тональности. В лингвистической литературе встречаем разные термины, квалифицирующие *please* с разных сторон: специализированный актуализатор вежливости /Форманов-

ская, 1976/, стабилизатор языковых прагмем /Киселева, 1978/, маркер вежливости /‘markers of courtesy’ – Quirk et al, 1972/, специализированное этикетное средство /Гольдин, 1986/, усиленно-императивная частица /Зэгиймаа, 1998/. Ряд лингвистов указывает на лексему please как на своеобразный индикатор побудительности /Lakoff, 1971; Sadock, 1974/. Несмотря на такое терминологическое разнообразие, лингвисты сходятся во мнении, что лексема please служит, в основном, для смягчения иллокутивной силы директива, для придания ему более вежливой формы. Если в высказывании она занимает начальную позицию, то это предложение независимо от его «поверхностного» оформления имеет значение просьбы (Please, sit down). В конечном положении please, присоединяясь к любому высказыванию, имеющему логическую структуру директивного типа, также будет сигнализировать о реализуемом значении просьбы (Sit down, please). Примечательно, что если лексема please ставится перед императивом, то она имеет более сильное значение, чем когда стоит в постпозиции. Следует иметь в виду, что даже в директивных речевых актах англичане отдают предпочтение косвенному выражению побуждения. Поэтому императивные конструкции используются значительно реже. Даже модификатор please не смягчает императив в полной мере, и высказывания типа ‘Bring me the menu, please’; ‘Give me a pint of lager, please’ воспринимаются порой как приказ. Интересно отметить, что в английских справочниках по этикету особо отмечается, что к официантам нужно обращаться в вежливой форме: «они не слуги, а профессионалы» /Hunter, 1994: 108/. Поэтому в сфере обслуживания намного чаще употребляются вопросительные конструкции. Так, вопросительные конструкции являются единственно возможным способом выражения побуждения при обращении к обслуживающему персоналу (‘Could I have a pint of lager,

please?’). Обратим внимание на то, что эти конструкции направлены на субъект, а не на объект: *‘Could I have the menu, please?’*. Кроме того, употребление модификатора *please* в вопросительной конструкции также способствует адекватному восприятию косвенного (вежливого) побуждения.

Рассмотрим, как толкуют значение этой лексемы лексикографические источники. Толковые словари современного английского языка отмечают, что *please* «употребляется в качестве вежливого обращения при выражении просьбы», для придания вежливого характера побуждению к какому-либо действию. Согласно словарям, *please* восходит к императивно-оптативной форме *please you*, значение которой первоначально трактовалось как *‘may it (or let it) please you’*.

Современное значение лексемы определяется в целом как *‘be pleased’* or *‘if you please’*. Следует отметить, что в теоретической литературе не находим однозначной интерпретации значения *please*: так, например: Quirk et al /1972: 471/ определяют ее, как *‘please me by...’*. Для сравнения приведем определение, данное S.K.J. Guekens в работе /Guekens, 1978/: “*please* has a conditional meaning, that is in fact a lexicalization of an underlying conditional sentence (e.g. ‘if you don’t mind’), and moreover, if added to a request, it makes the fulfillment of the request depend on the (good) will of the listener”

В словаре Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English находим следующее определение лексемы:

please interj. 1. used as a polite request or giving an order: *Could I have two cups of coffee and a tea, please?*; *Please remember to close the windows before you leave*; 2. used to add force to a request or statement: *Please, don’t leave me here alone*; *Oh, please. Do shut up!*; 3. ...; 4. used when accepting something politely or enthusiastically: “*More potatoes?*” – “*Yes, please.*”; “*May I bring my husband?*” –

“*Please do.*”; if you please (fml or dated) used to make a request more polite: *Take your seats, ladies and gentlemen, if you please.*

Обратим внимание на то, что лексема *please* в данном словаре определяется (см.: ЛСВ 2) как усилитель значения не только просьбы, но и настоятельности требования (*Oh, please. Do shut up!*), и в обоих случаях она служит интенсификатором иллокутивной силы высказывания. И хотя Б. Фрейзер /Fraser, 1978: 11/ считает, что *please* не может употребляться в РА требования (‘an act which surely borders on being inherently impolite’), все же в английском языке возможны высказывания типа ‘*Shut up, please*’, произнесенные с соответствующей интонацией. В таких случаях, присоединяясь к высказыванию, *please* скорее усиливает значение побудительности, делая требование более настоятельным, чем смягчает ее категоричность.

Показательно, что *please* не имеет ограничений на употребление с точки зрения прагматического-коммуникативного контекста: она является регулярным средством выражения вежливого отношения любого говорящего к любому слушающему вне зависимости от социального статуса. Иными словами, говорящий может употребить *please* при обращении к слушающему, который по положению выше его, ниже его или равен ему. Вместе с тем наличие в императивной конструкции частицы *please* не всегда отражается на ее семантической экстраполяции. Так, если начальник отдает приказ подчиненному, то частица *please* не превращает приказ в просьбу.

Известны ситуации речевого общения, в которых вежливая форма обращения с частицей *please* предпочтительна, например, при обращении к незнакомому человеку. Коммуниканты обычно интуитивно сознают, что обращение без *please* в подобных ситуациях является нарушением принятой нормы общения.

Обычно в литературе выделяются две синтаксические функции *please*: так называемые ‘a sentence-adverbial function’

и ‘a free-standing please’, которое само по себе уже выражает просьбу (“is a request by itself”). Примером первой является *Please, get me a drink*, примером второй – *Please. It’s cold in here* /Sadock, 1974/. Но очевидно, что такой однозначной интерпретации не может быть, ибо нередки случаи типа ‘Please, Sir, did you call?’, которые свидетельствуют о том, что синтаксический критерий не всегда однозначен.

Интерес представляют наблюдения над языковым материалом, приведенные С.Г. Тер-Минасовой. Автор пишет, что «подчеркнуто вежливое обращение к адресату, форма личной вежливой просьбы – эти приемы весьма распространены в английском языке. Изучение призывов со словом please или без него показало, что все виды информации (и предупреждения, и инструкции, и запреты) могут иметь форму вежливой просьбы, подчеркнутой словом please. Особенно это принято в тех случаях, когда людей призывают отказаться от своих удобств ради других людей. Например: Please give us this seat if an elderly or handicapped person needs it (Пожалуйста, уступайте свои места, если они понадобятся пожилым или инвалидам.); Please offer this seat to an elderly or disabled passenger (Пожалуйста, оставьте это место для пожилого или больного пассажира.); Won’t you please give this seat to the elderly or handicapped (Уступите, пожалуйста, это место пожилым или инвалидам.); Please take all your litter away with you (Пожалуйста, уносите с собой весь свой мусор.); Please remember to take all your belongings with you when you leave the train (Выходя из поезда, пожалуйста, не забывайте свои вещи.); Please keep clear the gate (Пожалуйста, не заслоняйте дверь.). В этих призывах-просьбах выбор слов «политически корректен»: the elderly (пожилой) звучит гораздо мягче и тактичнее, чем the old (старый), хотя по значению эти слова синонимичны. Слово invalid (инвалид) практически вышло из употребления, его заменило вначале handicapped (с физическими/умственными недостат-

ками), затем – disabled (покалеченный) /Тер-Минасова, 2000: 240-241/. Наличие в структуре предложения лексемы please сигнализирует о директивном (побудительном) характере предложения. Это положение дает основание считать наличие/отсутствие please релевантным признаком при разграничении косвенных побудительных высказываний (вопросительных по форме) и высказываний, служащих для запроса информации /Гордон, Лакофф, 1985: 290-291/. Но не следует забывать, что лексема please употребляется и в прямых директивах, а многие косвенные директивы, в свою очередь, употребляются без нее. Поэтому, не абсолютизируя значение лексемы please для разграничения косвенных и прямых высказываний, следует помнить, что она может служить индикатором, способствующим правильной интерпретации косвенных высказываний. Так, в диалоге – Ruth: *Norman, can we talk quietly, please?* – Norman: *I doubt it.* – косвенная просьба ‘Can we talk quietly, please?’ является таковой только в данном контексте. Прямое значение – запрос информации – не устраняется полностью (скорее, является ведущим), и доказательством этого может служить ответная реплика собеседника (‘I doubt it.’) как ответ на прямое значение. Вместе с тем лексема please и весь контекст указывают на директивную функцию данного высказывания. Неадекватная реакция собеседника, таким образом, может расцениваться как намеренное нарушение принципа сотрудничества.

Итак, одним из наиболее распространенных употреблений please является его употребление в побудительных РА. Please один из тех типичных слов, анализ которого практически невозможен без учета контекста, как собственно лингвистического, так и прагматического/ситуативного.

Все перечисленные выше способы реализации принципа вежливости в высказываниях могут употребляться как изолированно, так и совместно с другими в пределах одного и того

же высказывания. Так, с целью максимального смягчения категоричности суждения возможно одновременное употребление нескольких средств модальности, например: *Do you think you could possibly do me a big favour?*

Благодаря богатой системе средств выражения модальности, одна и та же интенция может быть выражена в английском языке многообразными речевыми формулами, которых чаще всего бывает несколько. Так, в приведенном выше предложении просьба выражается косвенно при помощи следующих средств модальности: вопрос, модальный глагол, сослагательное наклонение, единицы субъективной модальности *do you think* и *possibly*, и, наконец, эксплицитный показатель просьбы с «ценой» услуги – *a big favour*. Иллюстрацией вышесказанного могут служить и следующие высказывания:

(1) *'Do you think you could possibly make a little less noise?'*

(2) *'If you could kindly leave a note on his door to explain this. Thanks'*.

Последний пример созвучен тому, о чем пишет С.Г. Тер-Минасова в своей работе «Язык и межкультурная коммуникация»: «В английском языке вежливая просьба может иметь и еще более изысканно-хитрую форму: *Thank you for not smoking; Thank you for bringing your tray to the point*. Такого типа объявления, по свидетельству информантов, работают (*"They are making you feel bad if you do not bring this tray"*). Распространенный вариант вежливых форм обращения – подчеркнутая, усиленная вежливость. Скопление разных форм вежливого обращения в одном тексте способствует более эффективному выполнению просьбы: это может быть либо одновременное использование *please* и *thank you*, либо двух разных форм вежливой просьбы: *please* и *would you not*. <...> Особое внимание надо обратить и на то, кто и где дает указания. Так, например, блистательный замок Варвик и в просьбах-приказах подчеркнуто, вдвойне вежлив – это тоже способ создания атмосферы

рыцарства, куртуазности, средневековой учтивости: *Please close the door. Thank you.*» /Гер-Минасова, 2000: 240-241/.

Итак, смягчение категоричности высказывания является той основной формой, в которой конститuentы поля модальности реализуют принцип вежливости в побудительных (директивных), реквестивных (интеррогативных) и декларативных речевых актах.

Категория модальности и лексико-грамматическое поле модальности со всей своей сложной структурой и «сложным взаимодействием конститuentов» входят в состав лингвопрагматической категории вежливости, образуя ядро функционально-семантического Поля Вежливости.

Приведенные выше результаты анализа свидетельствуют о наличии особых компонентов значения в семантике модальных глаголов, модальных слов и фраз, которые можно определить как когнитивно-прагматические. Их роль в структуре модальной предикации и в высказывании вкратце состоит в следующем: *модальные единицы языка придают высказыванию меньшую категоричность*. Они могут рассматриваться как формы, расположенные градуально по степени интенсивности выражения иллокутивной силы и определяющие в конечном итоге степень вежливости высказывания.

3.6 Сослагательное наклонение как одно из средств реализации принципа вежливости в английском языке

Не менее важным способом смягчения категоричности высказывания, наряду с модальными средствами, служат формы сослагательного (условного) наклонения, представляющие события как гипотетические, не существующие в действительности. Например, *She took her things and a lot of mine as well. You just wouldn't recognize the bedroom* (I. Murdock).

Мысль о роли сослагательного наклонения в реализации принципа вежливости была высказана Ю. Д. Апресяном в статье «Прагматическая информация для толкового словаря», где он пишет, что различия между высказываниями «*Я прошу Вас выйти.*», «*Я попрошу Вас выйти.*», «*Я просил бы Вас выйти.*» и «*Я попросил бы Вас выйти.*» лежат не в области семантики вида, времени, наклонения, а в области прагматики и сводятся к различиям в степени вежливости: сослагательное наклонение самая вежливая форма просьбы, а простое будущее – самая жесткая. В других отношениях высказывания синонимичны /Апресян, 1988: 27/.

Сослагательность в сочетании с модальностью, употребленные в информативном высказывании, придают речи говорящего особую интенциональную направленность. Так, *'Could you be more specific?'* и *'There's more in the pantry. Would you get it for me?'* приобретают функцию просьбы, в функциональном плане оставаясь информативными. Данные структуры настолько конвенциализированы, что иногда употребляются без вопросительного знака *'Would you please explain'*.

Глагол в сослагательном наклонении увеличивает степень вежливости высказывания, поскольку условное наклонение выражает предположительность, гипотетичность со стороны говорящего, которая отсутствует в глаголах в индикативном наклонении, и таким образом снижает прямолинейность высказывания. Адресату предоставляется возможность выбора, а говорящий при этом выражает долю сомнения в возможности или желании адресата совершить действие.

Сослагательное наклонение широко используется в высказываниях, содержащих просьбу. Вопросы с *could* и *would*, которые выступают в качестве дистанцирующих средств и позволяют избежать прямолинейности высказывания, звучат более вежливо, чем с *can* и *will*, поскольку в них выражается еще большая доля сомнения в возможности или желании адресата

совершить действие, в результате чего ему предоставляется еще бóльшая возможность выбора. Таким образом, уменьшается степень воздействия на адресата.

Сравним:

‘*Can you help me to set up this projector?*’ и

‘*Could you help me to set up this projector?*’;

а также

‘*Will you do some shopping for me?*’ и

‘*Would you do some shopping for me?*’.

По мнению Е. И. Беляевой, употребление вопросительных предложений, которые как бы перемещают желаемую ситуацию в один из возможных миров, придает директивному высказыванию менее категоричный характер /Беляева, 1985/.

Заметим, что в теоретической грамматике английского языка трудно найти более дискуссионную категорию, чем сослагательное наклонение. Эта дискуссионность объясняется рядом причин, среди которых и вопрос о статусе модальных глаголов, участвующих в построении аналитических форм сослагательного наклонения.

Как известно, в английском языке вспомогательные глаголы, участвующие в образовании аналитических форм, десемантизируются, что обеспечивает их универсальную сочетаемость со всеми словами данного класса /Иванова, Чахоян, 1976: 164/. Однако это утверждение вряд ли можно распространить на модальные глаголы в составе аналитических форм сослагательного наклонения. Так, если глагол *to have* полностью утратил значение possessивности в перфектных формах, то глаголы *should, would, could, might*, участвующие в образовании аналитических форм сослагательного наклонения, такой связи с собственно модальными глаголами не утратили. Об этом свидетельствует их употребление подобно следующим:

(1) *I demand that he should know the truth.*

(2) *She moved forward so that she could see everything better.*

При анализе таких случаев представляется правомерным говорить не о вспомогательных глаголах (в принятом смысле), а об особой функции модальных глаголов при образовании форм сослагательного наклонения. Вот что пишет Е.А. Зверева в этой связи: «Выполняя одну и ту же синтаксическую функцию – первого члена составного глагольного сказуемого, модальные глаголы выступают в двух различных функциях с точки зрения направленности выражаемого ими модального значения. В своей основной, первичной функции модальные глаголы выражают отношение между субъектом действия и действием: необходимость, возможность или желательность действия для субъекта. Во вторичной функции модальные глаголы выражают отношение говорящего к содержанию всего предложения в плане степени его соответствия действительности» /Зверева, 1983: 84/. В терминологии И.Б. Хлебниковой такие случаи есть «морфологические варианты»: они стоят на периферии сослагательного наклонения и обслуживают конкретные модальные значения, которые входят в сферу выражения действий нереализованных /Хлебникова, 1971: 15/.

Возможность вовлечения модальных глаголов в систему аналитических форм сослагательного наклонения была обусловлена их общим значением потенциальности действия, его гипотетичности, которое может быть представлено такими частными значениями, как долженствование (*must, should, ought*), возможность (*can – could*), вероятность (*may – might*) и другие. Однако в грамматическом контексте сослагательного наклонения эти частные значения отступают на второй план и ведущей функцией сочетаний «модальный глагол + инфинитив» становится именно выражение нереализованного действия. При этом границы между первичной, собственно модальной, и вторичной, грамматической, функцией модальных глаголов в составе аналитической формы недостаточно четки, поэтому счи-

таем необходимым остановиться более подробно на критериях их разграничения.

Самым важным из этих критериев является *временная соотнесенность* содержания всего высказывания. Для глаголов *should, would, could* и *might* в составе сослагательного наклонения характерна соотнесенность с *настоящим* временем, несмотря на их формальную принадлежность к прошедшему времени. В этой связи заслуживает внимания высказывание М. Джуса, который, во-первых, называет модальные глаголы в сослагательном наклонении «remote modals», подчеркивая ослабленность их первичного значения, а, во-вторых, отмечает специфику их временной соотнесенности. Как пишет автор: «...the remote modals, should, would, could, might more often have unreal contemporary than real past meaning» /Joos, 1968: 123/. Действительно, высказывание “*You might be more laconic.*” никак не связано с прошлым, но служит намеком собеседнику быть менее многословным. Аналогичное высказывание находим у Д. Койке, который замечает, что “... the conditional which is linked to the past is semantically oriented to the present coding time of the speech act. Thus, there is a conflict between the temporal frame and use of a mood which is not usually used in that frame”. Д. Койке идет дальше и характеризует сослагательное наклонение как маркированную с точки зрения вежливости форму: “This disordering may be one reason for using the conditional in such contexts as a special, marked form denoting politeness” /Koike, 1989: 193/.

Второй критерий носит *формально-грамматический* характер – перфектный инфинитив, следующий за модальным глаголом, является маркером нереализованного действия: “*I shouted ‘help’... I could have drowned*”.

И, наконец, третий критерий носит *семантический* характер – здесь учитывается значение глагола-инфинитива, стоящего за модальным глаголом. Вероятность реализации сочета-

ния как формы сослагательного наклонения возрастает, если основной глагол номинирует практически невыполнимое действие: “*O Lord! I could leap over the moon!*” (Sheridan)

Учет этих критериев позволяет достаточно четко разграничивать собственно модальное значение анализируемых глаголов от их употребления как компонентов аналитической формы сослагательного наклонения.

Языковой материал свидетельствует о том, что, помимо передачи общекатегориального значения нереальности, свойственного сослагательному наклонению, его аналитические формы, построенные с помощью модальных глаголов, выполняют в речи ряд важных прагматических функций. Так, говоря словами Ю. В. Сердечного, высказывания с модальным глаголом «обладают определенными иллокутивно-перлокутивными характеристиками, цель которых состоит в воздействии говорящего на поведение, в том числе речевое, мышление и эмоции слушателя» /Сердечный, 1989: 73/.

Как отмечается в ряде лингвистических работ, а также в справочной литературе, среди всех сочетаний модальных глаголов с инфинитивом наиболее частотной является группа *would* + *Infinitive*, а ее ведущей функцией является волеизъявление/побуждение самого адресанта либо запрос о волеизъявлении собеседника или третьего лица:

(1) Another worker: Now look! *I would support* the women’s demand for equal pay. I really would.

(2) Amanda: Why, what *would you do*?

(3) Chief: Do you think *he’d drink* it?

Среди различных функций аналитических форм сослагательного наклонения выделим наиболее релевантную для нашей работы функцию – это участие в оформлении побудительных речевых актов, представленных в нашем материале двумя разновидностями – просьбой и советом. Формы сослагательного наклонения, причем, в основном, в вопросительной

форме, придают побуждению вежливый характер, особенно в предложениях с присоединительной вопросительной частью (Close the door after me, would you?). Итак, для выражения просьбы используются сочетания, отмеченные выше при перечислении моделей, *would + Infinitive* и *could + Infinitive*:

(1) Arne: *Would you exhort me about the floor?*

(2) Isaac: *Could you favour me with a song?*

Побуждение собеседника к выполнению действия может быть выражено и с помощью императивной конструкции, однако, в этом случае оно превращается в приказ, тогда как оформление побуждения с помощью глагола в сослагательном наклонении делает его максимально деликатным и намного повышает вероятность выполнения действия адресатом. Это различие между императивом и сослагательным наклонением сохраняется и при выражении совета. В последнем случае совет носит настолько деликатный и ненавязчивый характер, что скорее напоминает рассуждение вслух, а не побуждение адресата к действию: Louise: *Your father's right, a walk in the fresh air would do you a lot of good.*

Сослагательное наклонение в английской разговорной речи выполняет также апеллятивную функцию, оформляя высказывания, содержащие какое-либо предложение адресату, либо запрос его мнения о каком-либо действии или событии. Здесь также используется сочетание *would + Infinitive*. Например:

(1) Joan: *Would you like some tea, Maureen?*

(2) Authority: *How would you see his prospects for future?*

Сослагательное наклонение участвует также в передаче такого важного модального значения, как предположение, которое определяется как «проблематичное или нереальное» /Зверева, 1983: 105/. Например,

(1) *One drop would save my soul, half a drop! Ah, my Christ!*

(2) *The interest on this could go towards the support of the child as long as we live together.*

Заметим, что формы сослагательного наклонения со значением предположительности в английской речи отмечены высокой частотностью, что очевидно объясняется их ролью в создании общей некатегоричной, доброжелательной тональности диалога, в реализации принципа вежливости как одного из ведущих для обеспечения успешного вербального сотрудничества вообще. В английской же речи его значимость возрастает в силу национально-психологических особенностей англичан.

Итак, можно констатировать, что аналитические формы сослагательного наклонения, построенные на основе модальных глаголов, играют большую роль в создании экспрессивной тональности как отдельного высказывания, так и диалога в целом. Они непосредственно участвуют в реализации принципа вежливости в таких побудительных речевых актах, как совет, просьба, предложение.

3.7 Модальное переосмысление видо-временных форм как средство снижения категоричности высказывания

Как уже отмечалось выше, смещение временного плана высказывания является средством снижения прямолинейности высказывания. Наблюдения над языковым материалом показывают, что часто семантическое варьирование видо-временных форм английского глагола бывает обусловлено факторами прагматического характера.

Поэтому перейдем к рассмотрению некоторых видо-временных форм глагола английского языка в аспекте их прагматического варьирования и выделим основные случаи взаимодействия семантических компонентов видо-временных форм с различными показателями коммуникативной интенции говорящего, которые У. Вейнрейх называет «форматорами прагматических категорий» /Вейнрейх, 1970/.

Так, в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего способность длительных форм выражать отсутствие категоричности (нерешительность, неуверенность в совершении действия) может быть использована в прагматических целях, а именно для передачи таких составляющих прагматического смысла высказывания и таких оттенков значения как вежливость, тактичность, учтивость и т.п. Например:

Gregory: Hello.

Sheila: *Are you – er...?*

Gregory: I beg your pardon?

Sheila: *Were you wanting to see someone?* (A. Aycckbourn)

Формы простого прошедшего, транспонированные в настоящее, также довольно часто употребляются для придания высказыванию вежливой формы: *Do you want to see someone?* звучит грубовато, вежливее спросить *Did you want to see someone?* или *Were you wanting to see someone?* с длительным прошедшим, как в приведенном выше примере. Такова цель употребления прошедшего времени и в нижеследующих предложениях:

Gregory: So if it fits with your plans I *thought* we'd get married some time after Christmas (A. Aycckbourn)

Ср. также:

(1) I *wonder* if you are free tonight.

I *wondered* if you were free tonight.

(2) How many days *do you intend* to stay?

How many days *did you intend* to stay?

(3) I *think* it will be nice to have a picnic.

I *thought* it would be nice to have a picnic.

Понятно, что формы длительного прошедшего, транспонированные в настоящее, выражают еще бóльшую степень вежливости по сравнению с транспонированными формами простого прошедшего:

- (1) “I *was thinking* of coming to New York this afternoon”.
- (2) “*Were you planning* on going somewhere else later? ”
- (3) “Mrs. Vadance, I *was wondering* if I could speak with you”.

Ср. также:

- (1) I *look* forward to seeing you again.
- (2) I *am looking* forward to seeing you again.
- (3) I *was looking* forward to seeing you again.

Очевидно, что здесь наибольшей степенью вежливости отличается последнее (3) высказывание, с длительным прошедшим, где оба средства комбинируются. Как видим, в английском языке формы прошедшего времени, транспонированные в настоящее, являются более вежливыми, кроме того, оттенок вежливости (неуверенности) передается еще и длительной формой глагола-сказуемого.

Обратим внимание на то, что формы длительного прошедшего, как свидетельствует материал исследования, чаще используются в ситуациях, предполагающих наличие официальных отношений между говорящими, например, «преподаватель-студент».

Сравним два высказывания: в первом из них приглашение обращено к официальному лицу:

(1) Professor Harkings, we *were thinking* of going to the theatre tonight and we were wondering if you possibly might like to join us;

во втором – к другу:

(2) What *are you doing* tonight? ... If you're not *doing* anything why don't we go down to the centre and check out the new production of Madam Butterfly?

Средством снижения прямолинейности просьбы, а, следовательно, и повышения степени вежливости высказывания, может служить также и употребление будущего времени вместо настоящего. Например, I'll *have* to ask you to wait a minute.

Употребление прошедшего или будущего времени вместо настоящего делает высказывание менее прямолинейным. Происходит разрыв между действием, обозначенным в высказывании, и действительностью. В результате интенция говорящего теряет актуальность, а действие, к которому он побуждает, – обязательность исполнения.

Таким образом, среди модальных оттенков значения, передаваемых видо-временными формами, следует разграничивать, с одной стороны, собственно информативные, т.е. «предназначенные для констатации фактов и информирования, осведомления адресата о чем-то без расчета на его ответную поведенческую реакцию», с другой стороны, оттенки значений, обладающие прагматической заданностью, т.е. «предназначенные для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата» /Киселева, 1978: 13-14/. Последние реализуются на уровне высказывания при взаимодействии семантических компонентов видо-временных форм с показателями прагматических категорий – коммуникативными интенциями говорящего.

Следует выделить также случаи модального переосмысления видо-временных форм в составе вопросительных по структуре предложений, подвергающихся прагматической транспозиции. Имеется в виду транспонирование в побудительные высказывания вопросительно-отрицательных предложений, вводимых *Why ...? (Why not ...?)* с формами простого настоящего, а также *What about...?* и *How about...?* Например:

Why not + VP?

Pablo: Why don't somebody go to the Chinaman's and bring back a load of chop suey? (совет);

“Why don't you ask him to come and spend his holiday with us?” (предложение-совет)

Why don't you go to the dentist? (совет)

Why don't you join us? (приглашение в форме предложения)

Why not come for tea at say about five? (приглашение)

Why don't you just tell her the truth? (совет)

What about + N/Ger?

What about having a cup of tea?

(предложение/приглашение)

What about going there together? (предложение)

How about + N/Ger?

How about closing the door? (просьба)

How about going there together? (предложение)

Ассоциация с определенной интенцией для таких выражений «держится» на пресуппозициях вопроса. Например, вопрос *Why don't you do (smth)?* предполагает, что адресат не делает то, что представляется говорящему наиболее уместным в данной ситуации. В вопросе, таким образом, содержится презумпция бенефактивности действия для адресата; этим обусловлена иллюкутивная сила предложения-совета.

Аналогичное транспонирование в побудительное высказывание наблюдается и в вопросительных предложениях с формами простого будущего, подлежащее которых выражено местоимением первого лица множественного лица: '*Shall we go to the cinema on Monday?*' со значением предложения-приглашения.

Итак, можно заключить, что семантическое варьирование грамматических форм обуславливается не только факторами синтаксического уровня языка, но и, в определенной степени, факторами уровня прагматического. В большинстве случаев последние играют второстепенную роль, актуализируя семантический потенциал грамматической формы. Однако в определенных типах прагматических транспозиций они выступают на первый план, придавая форме изначально несвойственные ей значения. Поэтому можно констатировать, что содержание всякой грамматической формы в речи в конечном итоге опре-

деляется коммуникативной интенцией говорящего, ибо выбор говорящим адекватных своим намерениям языковых средств во многом предопределяет успех коммуникации, т.е. выполнение адресатом побуждаемого действия.

3.8 Вежливость и коммуникативные типы предложений

В английском языке принцип вежливости, выражающийся в стремлении ненавязчиво передать свое мнение, реализуется по-разному в речевых актах. Речевой акт, в свою очередь, структурируется разными способами, включая разные коммуникативные типы предложений: повествовательные, повелительные, вопросительные, каждое из которых имеет свою особую семантику и прагматику.

Изучение предложений в аспекте речеактовых свойств, а также соотношения их прагматических и структурно-семантических особенностей представляет особый интерес, поскольку, как нам представляется, должно существовать определенное соответствие между актами речи и языковыми характеристиками предложений. Таким образом, коммуникативно-содержательный аспект предложений оказывается двухплановым: с одной стороны, это общекоммуникативное содержание предложения, выраженное в понятиях «повествовательность», «побудительность», «вопросительность», находящееся в однозначных соответствиях с синтаксической формой предложения, с другой стороны, это возможное речеактовое содержание коммуникативных типов предложения, такое как совет, просьба, предложение, приглашение и т.п.

Исходя из того, что «между актами речи и языковыми характеристиками предложений, служащих средством выраже-

ния речевых актов, должны существовать системные отношения во всей совокупности показателей речеактовых характеристик предложений» /Почепцов, 1985: 14/, представляется целесообразным и важным для выявления особенностей «английской вежливости» рассмотрение средств смягчения категоричности высказывания в каждом из коммуникативных типов предложений. При этом, как и выше, в основном будут рассмотрены «реагирующие» на вежливость побудительные РА – просьба, совет, предложение.

Считается, что наиболее эффективным способом передачи содержания РА является прямая стратегия без компенсирующих действий (*bald on record*), а также известно, что при этом велик «повреждающий» эффект. И вполне естественно, что говорящий (адресант) в побудительных высказываниях как наиболее угрожающих лицу слушающего (адресата) речевых актах будет всеми способами стремиться избежать использования этой «опасной» формы, выражающей, прежде всего, прямое воздействие на собеседника. Не составляют исключения здесь и английские коммуниканты.

Исследователи отмечают, что повелительное наклонение является грамматическим средством, употребление которого может самым разным образом влиять на распределение ролей коммуникантов и их взаимоотношений, и предупреждают, что его следует употреблять с максимальной осторожностью, обращая внимание на то, чтобы был сохранен статус каждого из коммуникантов, так как, употребляя повелительное наклонение, говорящий изначально ставит себя выше своего собеседника, «опуская его на более низкую статусную позицию» /Cheepen&Monaghan, 1990: 71-72/. Поэтому прямой стратегией рекомендуется пользоваться либо когда обстоятельства таковы, что в интересах дела можно пренебречь соображениями вежливости, либо если показатели социальной дистанции и

степень импозиции невелики, либо если влияние адресанта, наоборот, велика.

Ядром поля побудительности является повелительное наклонение: непосредственное побуждение, обращенное к собеседнику, выражается при помощи глагола в повелительном наклонении. Этим достигается эксплицитное, прямое указание как на само действие, так и на его исполнителя.

Итак, прямая стратегия для побудительных РА, для просьбы, например, это употребление глагола в повелительном наклонении (*Give me that book. / Lend me your pencil for a moment.*) или перформатив (*I want you to do this. / I ask you to do this. – “He’s my brother, Adam. I want you to meet my brother.”*). Синтаксис приказов практически такой же, как и у просьб (повелительное наклонение или перформатив), поэтому здесь лишь наличие аргументации (*“To speed up processing of your claim, complete and mail this form today.”*) или незначительность импозиции (когда действие не требует от адресанта больших затрат – *“Hand me a beer.” / “Hand me the newspaper.”*) свидетельствуют о том, что это просьба, а не приказ.

Прямая стратегия для совета дается либо в виде утверждения, либо так же глаголом в повелительном наклонении: *“You need to be working, doing something that’ll make you feel useful again.”*; *“...but you need to be talking to a therapist, not to me.”*; *“Take this prescription to the chemist’s and then go straight to bed.”*

Без модификаторов, императив встречается в английской коммуникации крайне редко. Употребление императива для выражения просьбы допускается в неформальном общении при очень близких отношениях (среди друзей и членов семьи). Часто он сопровождается модификаторами. Приведем следующие примеры:

Hang on a minute, *please*.
Shut the door, *please*.
Pass me my bag, *dear*.
Just keep in touch.
Have a drink, *why don't you*.
Come across and see me on Sunday, *OK/all right*.
Do come early and we can have a drink.
Give me a hand *if you can*.
Hey, put some more ice in my drink, *will you?*
For Christ's sake, hang on a minute, *will you?*
Turn the music down a bit, *will you?*
Sit down, *would you*.
Open the window, *would you*.

В высказываниях последнего типа, которые похожи по форме на разделительный вопрос, конечное '..., *will you?*' / '..., *would you?*' утратило значение вопроса и стало маркером вежливости, приблизившись по значению к слову *please*. Об этом свидетельствует и тот факт, что после подобных высказываний ответная реакция часто отсутствует и даже не предполагается. (Как уже отмечалось, в таких случаях не всегда ставится вопросительный знак). Для сравнения рассмотрим высказывания *Leave alone, can't you?* и *Sit down, won't you?* Как представляется, в этих высказываниях с отрицательным конечным элементом выражается некоторое нетерпение, настоятельная просьба к собеседнику совершить каузируемое действие, чего нельзя сказать о рассмотренных выше и похожих по форме высказываниях.

В качестве структурных разновидностей английских императивных конструкций выделяются следующие: 1) именные, наречные и другие эллиптические конструкции типа '*Me too, Sue*'. – «Мне тоже, пожалуйста.» (просьба налить кофе); 2) императивные конструкции с местоимением второго лица в препозиции '*You stay here*'. – «Ты оставайся здесь.»; 3) импе-

ративные конструкции, образованные при помощи английского глагола 'let': 'Let me have a look'. – «Дай-ка взглянуть.»; 4) эмфатические императивные конструкции ('Do say something' – «Да скажите же что-нибудь.»). Подобные структуры можно рассматривать как случаи внутренней модификации основной императивной модели в целях *смягчения/усиления* просьбы /см. об этом: Егорова, 1995: 23-24/. В целом, «смягченный» императив ассоциируется с фамильярностью и неформальным дискурсом /Aijmer, 1996: 141/. Причем отмеченное значение императивных высказываний создается многими ситуативными факторами, важнейшую роль при этом играет интонация.

По свидетельству А. Вежбицкой, ограничения на употребление чистого императива в английской коммуникации касаются не только вежливого общения, но даже и не очень вежливого. Исследователь дает следующее объяснение этому явлению: каждый человек имеет право на свои собственные мнения, чувства, желания, и если он хочет выразить их, в этом нет ничего плохого; но если он хочет повлиять на действия других людей, то надо осознавать, что у них тоже могут быть свои мнения, чувства, желания, и они не обязательно должны совпадать. Поэтому даже демонстрация отрицательных эмоций в обществе, где сдержанность и самоконтроль являются одними из основных ценностей, является меньшим злом, чем нарушение права личной автономии. Отсюда А. Вежбицкая делает предположение о том, что «употребление чистого императива является для собеседников более оскорбительным, чем употребление сквернословий» /Wierzbicka, 1991: 36/. Поэтому часто, избегая употребления повелительного наклонения, коммуниканты стремятся смягчить свое воздействие на адресата, даже находясь в состоянии раздражения. Например:

“Would you stop.” Father Mulcahy turned angrily on his companion (Johnston);

“You still there, Barnett?” Slade sounded angry now as well as impatient. “Get off my doorstep, will you?” (Goddart).

Следует отметить, что не только повелительное наклонение, но даже перформативные глаголы в декларативных предложениях представляются слишком прямыми в английской коммуникации. Так, использование прямого перформатива (*I ask you + V*) выступает как завуалированное требование. В самом деле, как правило, это выражение применяется либо в официальной обстановке, что предусматривает более высокий, чем у адресата, статус говорящего, либо со стороны старшего по положению по отношению к младшему. Прямое лексическое обозначение, название речевой интенции (*I ask you...*) не частотно в ситуации обиходно-нейтральной и дружеской просьбы /Чойдон, 1998: 227/. Для сравнения приведем высказывание Н.И. Формановской относительно употребления перформативов в русском языке: «реальная модальность речевого акта («здесь» и «сейчас») сопутствует формулам с *бы* – «*Я просил(а) бы вас сделать это.*», имеет оттенок категоричности и также погранично с требованием, в отличие от значительно смягченной, вежливой «*Я хотел(а) бы попросить вас...*» /Формановская, 1994: 36; ср. также: Апресян, 1988: 27/.

Итак, прямые декларативы со значением побуждения очень близки к императивам. В них говорящий также прямо говорит о своем желании, намерении, не принимая во внимание желания и возможности собеседника, то есть ставит свои интересы выше интересов партнера по коммуникации, адресата.

На это обращает внимание Дж. Томас, отмечая, что собеседники стараются избегать употребления эксплицитных перформативов, поскольку при многих обстоятельствах они подразумевают разную степень власти в отношениях собеседников и наделяют говорящего особым набором прав. Именно поэтому обычно предпочтение отдается имплицитным перфор-

мативам, и только в случаях крайней необходимости употребляются эксплицитные /Thomas, 1995: 48/.

Из этого следует, что даже такие «безобидные» с точки зрения других культур (как уже отмечалось, в армянской и русской лингвокультурной традиции предпочтение отдается прямому побуждению с прямыми экспликаторами иллокутивных сил (функций) высказывания) фразы – прямые перформативы *I invite you..., I advise you..., I ask you..., I wish you..., I congratulate you...* – в английской коммуникации рассматриваются как слишком «навязчивые» (*'intrusive'* в терминологии Дж. Томас), и вместо них (прямых перформативов), как правило, употребляются пассивный залог или сослагательное наклонение: *You are invited..., I'd like to invite you..., I'd like to ask you...* и т.д.

Конструкции с оптативным компонентом, описывающим желание (*want, wish, would like*) или потребность (*need*), в сравнительно малой степени отражают желательность просьбы, поскольку модальные элементы, соединенные с глаголом *ask*, не переводят фокус внимания с собственно просьбы. Суть высказываний с модальным элементом состоит: а) в большей (по сравнению с *I ask...*) вежливости – «*Я не прямо прошу, а лишь хочу сделать это*», как бы отводя от глагола *ask* зону ближайшего будущего, на самом же деле совершая действие просьбы «здесь» и «сейчас»; б) в большей ориентированности на важность дела: вряд ли при просьбе о малой услуге мы выбираем эти структуры, напротив, они употребительны при просьбе о важном деле (*I would like to ask you to give your presentation earlier than scheduled.* – /Blum-Kulka et al, 1989/). Вместе с тем следует иметь в виду, что степень большей или меньшей важности дела зависит нередко от субъективной оценки говорящего.

В перформативных высказываниях наличие перформативного глагола эксплицитно описывает авторскую интенцию по-

буждения. Помимо интенции побуждения, в структуре перформативного высказывания эксплицитное выражение получает также искомое действие, его объект (если таковой имеется) и исполнитель действия – адресат, в силу чего данная модель может быть охарактеризована как наиболее эксплицитный и прямой способ реализации побуждения как в интенциональном, так и в пропозициональном плане. Например:

(1) I want you to send her an invitation for our party tonight
(O. Wilde);

(2) Gertrude, I wish you would speak to Tommy Trafford
(O. Wilde)

Ср. также:

(3) Supposing I asked you for a permanent job = Supposing I asked you to give me a permanent job (D. Lodge).

Выражаясь императивной конструкцией, все типы побуждения могут сигнализироваться интонацией, лексическим значением составляющих императивные формы слов и выражений, а также контекстом и ситуацией высказывания; они не имеют специальных грамматических средств для своего выражения:

Have a nice day. / Enjoy your holidays. / Take care. (пожелание-предложение)

Help yourself to some more salad. (предложение)

Try some of this pie. (предложение)

Have another piece of cake. (предложение)

Let's have a party. (предложение)

Sit still. / Sit down. / Stand still. (команда)

Look out! Be careful! Mind your steps! (предостережение)

Don't touch! (запрет)

Help! (мольба)

Take the first street on the right. (инструкция)

Как видно из приведенных примеров, в действительности императив, будучи употреблен в побудительных высказыва-

ниях, может формировать самые разные иллокутивные значения, т.е. употребляться для различных коммуникативных целей, таких как предложение, предостережение, пожелание, просьба, инструкция, команда и т.п.

Побуждение может облекать в форму приказа или распоряжения лишь тот, кто обладает соответствующим статусом. Если это условие не выполняется, то побуждение в форме повелительного наклонения в английском языке вызывает отрицательную реакцию, интенсивность которой зависит от темперамента и воспитанности адресата. Следует отметить, что форма побуждения зависит не только от степени официальности ситуации или степени близости коммуникантов, но и от других факторов. Например, при наличии опасности *'Don't touch that!'* или при дефиците времени (например, команды хирурга или военные приказы-команды) носители английского языка употребляют в побудительных высказываниях формы повелительного наклонения, которые, как уже отмечалось, при других обстоятельствах считались бы невежливыми. Выбор формы побудительного высказывания зависит также и от психологических факторов, т.е. чем значительнее одолжение, о котором просит говорящий, даже при обращении к близким ему людям, тем вежливее форма побуждения. Ср.: 1) *Can I borrow your pen?* и 2) *Nigel, do you think it'll be all right to borrow your car? I want to go to town.*

И, тем не менее, хотя считается, что в английском языке отсутствует вежливая форма повелительного наклонения, иллокутивная сила даже чистого императива может быть разной. Употребление повелительного наклонения допускается (и при этом является «вежливым»), когда говорящий уверен, что от действия выиграет адресат, т.е. что он «заставляет адресата совершить бенефактивное для него действие», действие в своих собственных интересах. Например, предложение войти,

сесть и т.п.: *Come in; Sit down; Have some more salad*. В таких ситуациях говорящий может позволить себе оказать давление на адресата. Как отмечает Дж. Лич, это свидетельствует о том, что говорящий *искренне желает*, чтобы его предложение или приглашение было принято адресатом /Leech, 1983: 109/. При этом, как уже отмечалось, очень часто императив смягчается модификатором *please*, который ставится перед императивом и имеет более сильное значение, чем когда стоит в постпозиции: *Please, sit down*. Ср.: *Sit down, please*. Еще одной ситуацией, когда употребление повелительного наклонения имеет «вежливое» значение, являются пожелания: *Have a nice day; Enjoy yourself; Take care; Enjoy your weekend* и т.п. Эти действия направлены на благо адресата, и называемое императивом действие отвечает интересам последнего.

Императив может иметь вежливое звучание еще при одном условии: когда отношения между коммуникантами характеризуются таким устойчивым уровнем солидарности, что нет необходимости в ее специальном поддержании, т.е. при достаточно близких отношениях между коммуникантами, близкой дистанции между ними /Cheepen&Monaghan, 1990: 72/. Более того, при общении близких людей более вежливые формы могут быть просто неуместными. Так, в ситуации общения близких друзей вряд ли уместно употребление следующих предложений: *Will you be kind enough to tell me what time it is?* или *If you would be so kind as to speed up a little*. В определенных ситуациях чрезмерно вежливые выражения выражают сарказм, иронию или досаду:

(1) *I was wondering, Tom, whether it might be possible for you to help do the dishes occasionally?* (просьба к другу);

(2) *Mary, I wonder if I might ask you to turn your eyes in this direction.* (обращение учителя к ученице)

В целом, можно заключить, что в большинстве случаев в силу своего импозитивного характера императивные (повели-

тельные) предложения являются в английской коммуникации опасной грамматической формой, и поэтому наблюдается тенденция избегать их употребления в разных коммуникативных ситуациях. Хотя и при определенных условиях, а именно при выгоде адресата от совершаемого им действия и при близости отношений участников коммуникации, предложение в повелительном наклонении может иметь «вежливое» звучание.

Приведем еще одно наблюдение: анализ форм повелительного наклонения подтверждает правомерность утверждения о зависимости их употребления от контекста. Как подчеркивает Е.И. Шендельс, «... из всех видов целевой установки <...> наиболее чувствительным к коммуникативным условиям оказывается побуждение, ибо оно обладает наибольшим прагматическим воздействием. Побуждение должно быть сформировано так, чтобы оно оказывало свое влияние реципиента, а это зависит от того, к кому, где и как обращается говорящий. <...> Некоторые грамматические явления можно понять лишь в границах целого текста или части текста» /Шендельс, 1982: 7-8/.

В литературе часто встречается мысль о том, что вежливые побудительные высказывания имеют форму *вопроса*. И.В. Арнольд, в частности, пишет, что «вежливая просьба *требует* (подчеркнуто нами. – Е.Е.) вопросительной конструкции...» /Арнольд, 1981: 169/. Так, в нижеследующем примере в вопросительном высказывании фактически выражается интенция просьбы:

Lord Darlington: And what a wonderful fan! *May I look at it?*
(O. Wilde)

В сфере реальной коммуникации вопросительные высказывания данного типа функционируют в качестве наиболее клишированных (конвенциональных) единиц выражения «вежливой просьбы». А. Г. Поспелова называет такие речевые конструкции «просьбами о разрешении» и видит их главное

назначение в актуализации «желания говорящего в отношении действий собеседника» /Поспелова, 1992: 78/:

Lord Augustus: Dear Lady, I am in such suspense! *May I not have an answer to my request?* (O. Wilde)

Наиболее распространенными в сфере вежливого общения являются вопросительные высказывания с модальными глаголами *will/ would, can/ could*. Так, вопросительное предложение '*Will/ Would you check the drinks?*' может быть интерпретировано как вопрос о желании адресата совершить действие. Это такие речевые конструкции, которые квалифицируются как квазивопросы (этот термин, как представляется, наиболее приближается к английскому термину *whimperatives*, указывающему на побудительные вопросительные предложения /Green, 1975/). Поскольку *will* употребляется также для образования будущего простого, часто, чтобы подчеркнуть коммуникативную интенцию говорящего, в английском языке квазивопрос содержит глагол в сослагательном наклонении: *Would/ Could you help me set up this projector?* При этом допускается употребление последних как в утвердительной, так и в отрицательной форме, а также с актуализатором вежливости *please*:

- (1) *Would you now go and register, please?*
- (2) *Could you put me through to Mrs. Helen Millmoss, please?*
- (3) *Couldn't you try to see it that way?*
- (4) *Wouldn't you say in a sentence?*

Следует отметить, что модальные глаголы *may/might* не могут употребляться в квазивопросах, ни в утвердительной, ни в отрицательной форме. Так, следующие предложения не могут быть причислены к разряду побудительных/директивных:

- May/ Might you close the door?*
Mayn't/ Mightn't you close the door?

Единственным исключением из этого правила могут быть предложения/ вопросы-просьбы о разрешении, подобно следующему: *May I have my drink, please?*

Вместе с тем мысль о том, что этот коммуникативный тип предложения уже предполагает вежливость, представляется нам спорной и неоднозначной. Об этом свидетельствуют и данные некоторых исследований, согласно которым вопросительные конструкции, являясь наиболее частотными при выражении просьбы, характеризуются различной степенью вежливости – от низкой до высокой /см. подробнее: Rintell, 1981/.

При исследовании вопросительных предложений в качестве побудительных высказываний необходимо выяснить, всегда ли более вежливо задать вопрос, чем прибегнуть непосредственно к требованию или просьбе. То есть можно ли, например, принять в качестве правила вежливости, что вопросительное предложение всегда вежливо в противоположность императиву. Казалось бы, исходя из того, что вопросительные предложения предоставляют адресату более благоприятные возможности для продолжения общения, это предположение верно. Однако, как представляется, далеко не при всех обстоятельствах считается вежливым задать вопрос, и не всегда это соответствует условиям успешности речевого акта. Вежливость, очевидно, определяется не тем, что высказывание принимает форму вопроса, а тем, к чему этот вопрос относится, по поводу чего и в какой ситуации задается. Кроме того, существует много случаев, когда задается вопрос вместо прямой просьбы об услуге не столько из соображений вежливости, сколько потому, что имеет место реальное состояние незнания, неуверенности, когда говорящему неизвестно, будет ли его прямая просьба успешной, т.е. выполнена, удовлетворена. В подобных случаях различие между вопросительным предложением и императивом не может интерпретироваться как различие в степени вежливости.

Кроме того, известно, что вопросы типа *Will you go to London tomorrow?* часто интерпретируются как побуждение, поэтому носители английского языка, желая избежать прагматической неоднозначности таких высказываний и подчеркнуть, что задается именно вопрос, меняют *will* на *shall* – *Shall you go to London tomorrow?* /Partridge, 1971: 288/ (ср. описанный выше случай прагматической транспозиции в вопросительном по структуре предложении: *Shall we go to the cinema on Sunday?*) – или же употребляют длительную форму будущего времени *Will you be going to London tomorrow?* /Leech, 1974: 63/.

Таким образом, отождествление вопроса с вежливостью не столь однозначно, хотя и следует признать, что наиболее распространенными в сфере вежливости являются вопросительные предложения.

Употребление квазивопросов, или так называемых интеррогативов/квеситивов, в речи говорящего возлагает на адресата ряд обязанностей, от выполнения которых зависит успешное осуществление данного типа речевого акта. На долю адресата выпадает задача выполнения побуждения-просьбы, имеющего целью побудить адресата к действию, необходимому для говорящего. На первый взгляд, кажется, что выполнить данную задачу несложно: говорящий спрашивает – слушающий отвечает. Однако, как показывает анализ фактического материала, не всякий ответ является таким, каким хотел бы его видеть говорящий. Зачастую в процессе повседневного межличностного общения слушающий реагирует на вопросительные реплики говорящего, однако, данные реакции нельзя назвать ответом на вопрос (в узком смысле этого слова): это может быть уход от ответа при помощи пустых фраз, молчания, имитации незнания, ссылки на забывчивость и т.д. Подобные ответные действия адресата, речевые манипуляции, рассматриваются в лингвистике как коммуникативные неудачи

(communicative failure), так как адресат (отвечающий) не выполняет побуждения, не отвечает на просьбу говорящего (спрашивающего), и последний (говорящий) в конечном итоге не достигает поставленной цели.

Поэтому, принимая во внимание, что вопрос – это «вторжение в личную сферу собеседника», очень важно уметь так задать вопрос, чтобы получить максимально исчерпывающий ответ на него. При этом принцип вежливости приобретает особую значимость, а употребление маркеров вежливости в вопросительных конструкциях способствует достижению положительного коммуникативного эффекта.

Существуют различные варианты для вежливой постановки вопроса. Начиная от употребления вежливой восходящей интонации и заканчивая сложными этикетными конструкциями типа *'I hope you don't mind my asking...'* или *'May I ask you if you don't mind...'* и т.д.

Лингвистический анализ материала показывает, что в вопросительных высказываниях вежливость передается за счет целого ряда маркеров. Это, в первую очередь, те вежливые слова и этикетные модальные обороты, модели которых были описаны в начале данной главы, а также сослагательность в сочетании с модальностью, которая также входит в состав ядра функционально-семантического Поля Вежливости. Кроме указанных, в английском языке имеется ряд других вежливых выражений, облекаемых в форму вопроса.

Так, говорящий может спросить о желании/намерении адресата не только через модальный глагол, но и через такие глаголы желания, как *like, care* в сочетании с *would*:

Would you like something to eat?

Would you like to join me?

Would you care to amplify that?

Wouldn't you care to amplify that?

Нередко встречается прямой порядок слов и употребление косвенных вопросительных конструкций. Например,

A: So your factory in Britain is new? (прямой порядок слов)

B: Yes, that's right.

Нет сомнения, что (А) – это вопрос, поскольку за ним следует ответ (В). Такие вопросительные высказывания в лингвистике называются «формальными невопросами». Сема вопросительности, а вместе с ней и сема побудительности выражены в таких высказываниях очень слабо. Именно поэтому они относятся к вежливым формам вопросительных высказываний. Вопрос распознается здесь, как правило, в силу конвенциональности общения /Волкова, 1998/.

В языковом материале отмечены также случаи «двойного» вопроса, т.е. *вопроса в вопросе*. Например, *Can you give me an idea what you might be interested in buying from us?* В приведенном примере присутствует еще один маркер вежливости – *might*.

Следует обратить внимание также на то, что такие высказывания как *Do you mind if I ask you a few questions?* или *Do you mind if I ask how much you pay per month?*, хотя и являются менее импозитивными по сравнению с прямым побуждением и более вежливыми по форме, все же не дают возможности адресату/слушающему уйти от ответа и ставят партнера по коммуникации в затруднительное положение особенно в тех случаях, когда последний не желает делиться известной ему информацией и отвечать на вопрос.

Выше уже отмечалось, что усеченные вопросительные предложения '*What/ How about ... questions*' также служат маркерами вежливости. Эта форма вопросительного высказывания является крайне «удобной» для вежливого общения. С одной стороны, этим вопросом мы не ставим партнера по коммуникации в жесткие рамки ответа, с другой – эта форма явля-

ется одновременно конкретной, лаконичной и достаточно корректной:

Colonel: What about your case, Helena? If you care to tell me where it is, I'll take it down with this one (J. Osborne).

Очень распространены так называемые *'long distance questions'* (вопросы, выражаемые в контексте ситуации). Отмечается несколько разновидностей такого вопроса:

1. Говорящий объясняет ситуацию, как бы настраивает собеседника на вопрос, разъясняет причину вопроса и т.д. Затем следует сам вопрос-просьба:

Mabel Chiltern: Is it morbid to have a desire for food? *I have a great desire for food*, Lord Goring. *Will you give me some supper?* (O.Wilde)

В рассматриваемом примере герой (Mabel Chiltern) сначала выражает свою просьбу в достаточно завуалированной форме (констатирует желание: *I have a great desire for food*), а затем раскрывает его в вопросе-побуждении: *Will you give me some supper?*

2. Говорящий эксплицитно через прямой перформатив передает свое желание, а потом выражает его в вопросе-просьбе:

Mrs. Erlynne: But there is a little thing I would like you to do for me. *I want a photograph of you*, Lady Windermere – *would you give me one?* (O.Wilde)

Эксплицитная формула просьбы (прямой перформатив с оптативным компонентом) *want you to do X* предстает в данном примере в расчлененном виде: побуждаемое действие, т.е. действие, в отношении которого выражается просьба, выносятся за рамки данной структуры и номинируется в вопросе (*would you give me one?*).

3. Говорящий сам сообщает информацию, затем требует подтверждения ее достоверности. Эта разновидность вопроса схожа с разделительными вопросительными высказываниями/предложениями. Например,

A: And now you have only two exams left, *is that right?*

B: Yes, was twenty.

Следует отметить, что, кроме существования определенных правил и тактических приемов для реализации принципа вежливости в речи, в английской коммуникативной культуре существуют тематические табу. Так, вежливость предписывает также соблюдение определенных ограничений на тематическое содержание вопроса, например, известно, что не принято задавать вопросы личного характера, касающиеся семьи, зарплаты, отношений, покупок – всего того, что входит в так называемую «личную сферу» собеседника и касается только его. Подобного рода вопросы воспринимаются как излишнее любопытство, вторжение в частную жизнь и нарушение коммуникативных норм и, одним словом, выражаясь терминологией, принятой в ГЛВ, представляют угрозу лицу адресата, вторгаясь в зону его личной автономии ('privacy').

Форма разделительного вопроса является наиболее частотной синтаксической структурой, реализующей принцип вежливости в декларативных высказываниях, которая придает высказываемому мнению некатегоричный, проблематичный характер и одновременно вовлекает собеседника в обсуждение, давая ему возможность высказать свою точку зрения, а говорящему скорректировать свое мнение. Доказательством того, что данная форма не выполняет функции собственно вопроса, является нисходящий интонационный рисунок, необязательность информативного ответа и возможное отсутствие на письме вопросительного знака.

Структурные и коммуникативные характеристики разделительных вопросов свидетельствуют о том, что они имеют «инвариантное контактное значение» /Пересада, 1984: 93/. Данные конструкции функционируют без специальной информации как средство вызова ответной реакции по стереоти-

пу. Они способны служить особым приемом ведения беседы, диалога, а иногда и сами выступать в роли стереотипной реакции на предыдущую реплику, при этом, как уже отмечалось, интонация понижается:

(1) “You don’t seem to have any special interest in it, do you?”
– Dixon tried to laugh.

“No, I don’t, do I?” (K. Amis)

(2) “Lovely day, isn’t it? Isn’t it beautiful?” I mean he hasn’t been feeling the strain of things a bit, has he? He seemed rather strange in his manner just now. (O. Wilde)

(3) We have got to say to each other, haven’t we? (K. Amis)

(4) The old hopeless passion, isn’t it? (K. Amis)

Разделительный вопрос часто встречается в смягчении категоричности высказывания в английской *разговорной речи* и является ее специфической чертой: *You are his wife, aren’t you?* (J. Osborne).

Эта конструкция передает иллюкутивную силу просьбы в предложениях с *will* и *won’t*: ‘*You won’t ... , will you?*’; ‘*You will ... , won’t you?*’ Например, Lady Chiltern: ... You will write, won’t you, to Mrs Cheveley and tell her that you cannot support this scandalous scheme of hers? (O. Wilde)

Одной из типичных для английского языка выражений является косвенно-вопросительная конструкция с ‘*I wonder*’, в которой наблюдается еще бóльшая некатегоричность высказывания за счет смещения акцента с адресата на самого говорящего: *I wonder whether you could give me this book.*; *I wondered if you could possibly lend me your bicycle.*; *I was wondering if you were interested in having a dinner with me.* Заметим, что, например, при общении равных по возрасту или/и положению коммуникантов форма косвенного вопроса при выражении просьбы расценивается информантами-англичанами как более вежливая по сравнению с нормативной для

данного коммуникативного контекста формой вопроса-побуждения. Ср: *Can you help me with this work today?* и *I wonder if you can help me with this work today.*

Итак, повествовательные (декларативные) предложения также отмечены в сфере выражения побудительности. Это, в основном, указания на будущее действие адресата: *'You will get up quietly then'*; *'You will not say this!'*. Как видно из приведенных примеров, а также описанных выше прямых перформативных высказываний (*I ask you to ...; I want you to...*), «степень вежливости» подобных высказываний довольно низка. Поэтому с целью повышения «степени их вежливости», при формальном общении употребляются структуры *'I would be grateful if...'*, *'I would be much obliged if...'*, которые, однако, звучат чересчур официально и имеют соответственные ограничения на употребление.

Среди декларативных побудительных высказываний более употребительны высказывания с лексико-грамматической структурой *'had better do...'*, семантика которого при соотнесенности с личным местоимением 'I' имеет значение предложения совершить какое-либо действие: Colonel (crossing and picking up the suitcase): *Well, I'd better put this in the car then* (J. Osborne), а при соотнесенности с личным местоимением 'you' может выражать совет и даже требование в зависимости от контекста: *'You'd better go and apologize'*; *'You'd better hear her side of the story'*; *'You'd better be on time'*, etc.

В целом, описанные выше варианты побудительных высказываний, выраженные повествовательными предложениями, создают шкалу интенсивности от «осторожной» просьбы до «требовательного» побуждения, в зависимости от того, какой способ манифестации своей интенции выбирает говорящий, исходя из коммуникативной ситуации.

В заключение главы приведем следующие высказывания, которые наглядно показывают, как с помощью различных лек-

сических и грамматических средств можно, варьируя степень вежливости высказывания, по-разному выразить одну и ту же просьбу:

(1) *I want you to close the door. Close the door, will you? //..., won't you?*

I'd be much obliged if you'd close the door.

(2) *Can you close the door?*

Are you able by any chance to close the door?

(3) *Would you close the door?*

Won't you close the door?

(4) *Would you mind closing the door?*

Would you be willing to close the door?

(5) *You ought to close the door.*

It might help to close the door.

Hadn't you better close the door?

(6) *May I ask you to close the door?*

Would you mind awfully if I was to ask you to close the door?

I am sorry to have to tell you, please close the door.

(7) *Did I forget the door?*

Do us a favour with the door, love.

How about a bit less breeze? и т.д.

В целом, можем еще раз отметить, что «самыми вежливыми» в английском языке являются вопросительные предложения с модальными глаголами в прошедшем времени, которые реализуют отрицательную вежливость.

Итак, можно заключить, что все три коммуникативных типа предложения (повествовательные, вопросительные, повелительные) отмечены в сфере вежливого общения, хотя и в разной степени. Наиболее распространенными в сфере вежливости являются вопросительные предложения, которые «смягчают» давление говорящего на слушающего, связанное с выражением собственного желания побудить его совершить оп-

ределенное действие через признание «опции» слушателя, т.е. предоставление последнему возможности выбора.

Формирование высказываний различной степени вежливости и их функционирование определяются следующими правилами: во-первых, это правила этикета и нормы речевого поведения; во-вторых, это прагматическая уместность и правильность употребления различных языковых средств, которые регулируются языковой нормой и могут быть описаны с точки зрения грамматики, лексики и стилистики; в-третьих, это парадигматические и синтагматические правила, диктуемые соответствующей языковой системой. Следование этим правилам и правильное употребление средств эксплицитной вежливости является нормированным, ожидаемым, часто конвенциональным и поэтому обязательным.

Языковая категория вежливости представляет собой организованную структурно-семантическую систему, которая охватывает различные средства языка и проявляется на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Разнохарактерность средств выражения рассматриваемой категории позволяет рассматривать ее как функционально-семантическую категорию. Причем функционально-семантическую категорию особого порядка: будучи ориентирована на регулирование взаимоотношений между коммуникантами, она является *коммуникативно-прагматической функционально-семантической категорией*.

Языковые средства выражения категории вежливости в своей совокупности образуют Функционально-семантическое Поле Вежливости. ФСК вежливости – это сложная категория, которая характеризуется *полевой* структурой, со своим ядром и периферией, представляющих систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выражения категориального значения.

Структуру Макрополя Вежливости образуют микрополя побуждения: побуждение-просьба, побуждение-совет, побуждение-предложение.

Действие принципа вежливости в побудительных речевых актах направлено на снижение интенсивности иллокутивной силы высказывания, а основной формой ее реализации является смягчение коммуникативного намерения говорящего, которое осуществляется путем ослабления категоричности высказывания через выбор говорящим адекватных ситуации речи языковых средств выражения своей интенции. Формулы вежливой просьбы, совета, предложения строятся на использовании целого ряда смягчающих средств, которые можно варьировать, соответственно требованиям конкретной речевой ситуации.

Острые углы в разговоре англичане сглаживают различными способами: значительный эффект достигается при помощи стратегии *дистанцирования*. Этот прием предполагает использование целого ряда языковых средств и структур: модальные глаголы, сослагательное наклонение, определенные видо-временные глагольные формы, модальные слова и выражения, так называемые модификаторы-маркеры – актуализаторы вежливости, которые придают высказываниям некую кажущуюся удаленность от реальности, определенную неуверенность (и делают их тем самым менее категоричными и соответственно более вежливыми), а также обеспечивают удобное для собеседников умозрительное расстояние, позволяющее чувствовать комфортность при общении.

Категория модальности и лексико-грамматическое поле модальности со всей своей сложной структурой и «сложным взаимодействием конstituентов» входят в состав лингвопрагматической категории вежливости, образуя ядро Поля Вежливости. Распространенным способом смягчения категоричности высказывания является переключение ее модальной характе-

ристики из действительной в предположительную, гипотетическую.

Одним из важнейших средств выражения гипотетичности в английском языке является сослагательное наклонение, которое в силу общекатегориального значения нереальности и своих семантических особенностей повышает степень вежливости высказывания, выражая предположительность, гипотетичность со стороны говорящего и таким образом снижая прямолинейность высказывания, его категоричность. Слушающему предоставляется возможность выбора, а говорящий при этом выражает долю сомнения, неуверенности в возможности или желании адресата совершить действие.

Формы сослагательного наклонения, построенные на основе модальных глаголов, выражающих намерение говорящего, играют важную роль в создании общей некатегоричной, доброжелательной экспрессивной тональности высказывания.

Модальное переосмысление видо-временных форм в результате прагматической транспозиции предложения также является действенным способом снижения категоричности высказывания.

Итак, целью языковых форм вежливости является внесение таких элементов семантики в речевой акт, в высказывание, которые будут способствовать передаче и осуществлению коммуникативного намерения говорящего и гарантировать в перлокуции реализацию его целевой установки.

Учитывая и обобщая все вышесказанное, определим коммуникативно-прагматические функции языковых маркеров вежливости:

– *контактоустанавливающая функция, или функция регулятора межличностных отношений* (с целью создания, поддержания и сохранения определенной благоприятной атмосферы общения, способствующей реализации интенций собеседников);

– функция контроля возможного непонимания и агрессии между говорящим и слушающим (с целью избежания возможного, потенциального конфликта);

– функция иллюкутивного ослабления, или функция снижения категоричности высказывания (с целью предоставления адресату возможности выбора и формирования собственного отношения к побуждаемому действию);

– функция воздействия на адресата, или манипулятивная функция (осуществляемая с помощью последовательного осознанного выбора говорящим языковых средств с целью достижения желаемого прагматического/перлокутивного эффекта).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цель предлагаемой И.М. Кобозевой /Кобозева, 1995/ экспериментальной лингвистической методики заключается в выявлении представлений носителей русского языка о национальном характере русских, немцев, англичан и французов. Поскольку в настоящем исследовании мы имеем дело с английской лингвокультурой, здесь представлены только данные эксперимента, относящиеся к исследуемой области. Для данной части эксперимента была выбрана для начала лексема «англичанин» и проведены два теста.

Тест № 1 представлял собой свободную интерпретацию псевдотавтологий. Информанту предъявлялась фраза типа «англичанин есть англичанин» и давалась инструкция ответить на вопрос «если бы вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по вашему, он имел в виду?»

Тест № 2 представлял собой заполнение пропуска в одной из диагностических конструкций: а) с производным от этнонима наречием («по-английски») типа «он по-английски...»; б) со сравнительным оборотом типа «как истинный англичанин, он...»; в) с союзом «но»: «англичанин, но он...». Инструкция

информанту формулировалась так: заполните пропуск в следующем предложении, подставив любое выражение, обозначающее свойство характера.

Для установления единообразия реакций, чтобы их можно было считать стереотипом сознания, учитывались реакции не только на поверхностном, лексическом уровне, но и на уровне семантических компонентов. На первом этапе устанавливался единый дескриптор для одного ряда (квази)синонимов. На втором этапе проводилась лексическая декомпозиция слов-дескрипторов с целью выявления общих для них сем (для ряда лексем выделялся интегральный компонент со значительной частотой от общего числа полученных реакций). В результате получилась такая степень единообразия, которую можно считать надежным свидетельством для определения черты национального характера.

- [2] Примечательно в этом отношении высказывание Г. Триандиса: “For important values all cultures have one word. When you see that many words are needed to express an idea in one language while only one word is used in another, you can bet that the idea is indigenous to the one-word culture” /Triandis, 1994: 6/. Аналогичную мысль высказывают З.Д. Попова и И.А. Стернин, предлагая различать устойчивые и неустойчивые концепты /Попова, Стернин, 2001: 39/. Первые имеют закрепленные за ними языковые средства вербализации, вторые редко вербализуются или практически не вербализуются. Самые важные, релевантные для национального общения концепты кодируются языком и имеют устойчивое языковое выражение. Таким концептом в английской культуре является ‘privacy’. Данное слово не имеет эквивалента ни в армянском, ни в русском. Ю.Ф. Сорокин считает лакуны, в том числе языковые, сигналом специфики лингвокультурной общности /Сорокин, 1981: 93-101/. Вместе с тем, по мнению А. Вежбицкой, отсутствие в языке некоторого слова не указывает на отсутствие соответствующего концепта /Wierzbicka, 1992: 21/. Находятся другие слова и выражения, при помощи которых оказывается возможным, хотя бы приблизительно, передать соответствующее значение. Однако на-

личие специального слова в языке свидетельствует об особой значимости этого концепта для данной культуры.

- [3] Среди теорий функционально-семантического (полевого) подхода к языковым явлениям особо следует выделить теорию понятийных категорий И.И. Мещанинова, выявляемых в разных языках в семантике слова, морфологической структуре слова и синтаксических построениях. Указывая на двойственный характер понятийных категорий, И.И. Мещанинов подчеркивал их языковую природу: «Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя и неграмматическою формою грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий» /Мещанинов, 1945а: 197-198/. И.И. Мещанинов отмечал также очень тесную связь семантической и формальной сторон. Те понятийные категории, которые в языке выражаются морфологическими и синтаксическими средствами, становятся грамматическими понятиями. Различного рода отношения между явлениями объективной действительности, а также между явлениями и говорящим могут, однако, выражаться не только грамматической формой слова и синтаксической структурой, но и единицами лексического уровня через семантику слов. Действительно, одно и то же значение в одном языке выражается грамматически, а в другом – лексически, в ряде же языков имеются и те, и другие способы выражения одного и того же значения.
- [4] Следует оговорить, что интонация наряду с некоторыми паралингвистическими средствами является основным форматорм прагматического смысла высказывания. Расхождение между коммуникативной интенцией говорящего и эффектом, который его высказывание производит на слушающего, в немалой степени зависит от интонационных особенностей речи. Однако в настоящей работе, где объектом исследования является письменный текст, не представляется возможным исчерпывающее освещение интонационного рисунка высказывания. Кроме того, просодические, в частности интонационные, характеристики

высказывания, как представляется, заслуживают отдельного внимания и могут стать предметом специального исследования. Заметим, что уже имеются некоторые изыскания в этой области, среди которых отметим работу В. И. Волковой, посвященную интонационным характеристикам вежливого вопросительного высказывания /Волкова, 1998/.

- [5] Исследование взаимодействия между центром и периферией поля во многом способствует раскрытию сложной динамики процессов, происходящих в языке и речи. Важным фактором, характеризующим поле как открытую, динамическую систему, является такое особое и своеобразное взаимодействие между его компонентами в языке, когда ядро выступает как центр притяжения для периферийных элементов. Полевой принцип лингвистического анализа убедительно демонстрирует относительность противопоставления функционального и системно-структурного подходов, подчеркивая, что структуризацию системы средств выражения определенного значения можно раскрыть только через анализ процесса коммуникации.

ГЛАВА 4

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИАЛОГОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Существенные результаты в современных исследованиях
вряд ли могут быть получены путем изучения чисто
языковых явлений. Только тщательно и детально
исследуя социальный контекст функционирования
языка, мы можем надеяться узнать о нем
что-то действительно новое.*

Ван Дейк

4.1 Диалог: основные характеристики

В основу работы на данном этапе легла гипотеза о том, что прагмалингвистическая категория вежливости является действенным инструментом, регулирующим *диалоговое* взаимодействие коммуникантов посредством выбора наиболее уместной формы реализации речевой интенции.

Как известно, «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (Л. В. Щерба). Диалог, будучи одной из форм существования языка, связанной с его социальной природой, является важнейшей сферой проявления языковых закономерностей и основной формой речевого общения. По мнению Н.Д. Арутюновой, диалог наиболее нормирован. В его контексте хорошо заметны отклонения от нормы /Арутюнова, 2000: 423/.

Нормальный ход диалога предполагает согласование иллюкутивных намерений участников, которое заключается в удовлетворении их взаимных претензий. Участник диалога вынужден выполнять разнообразные речевые действия и побуждать партнера определенным образом реагировать на них. Каждое такое речевое вынуждение получает ответную реакцию со стороны другого участника, ибо «всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер; всякое понимание чреват ответом и в той или иной форме обязательно его порождает» /Бахтин, 1986: 260/.

При анализе диалогических структур исследователи исходят из необходимости рассматривать в единстве реплику-стимул и реплику-реакцию, и, как отмечают многие лингвисты, изучавшие особенности диалога, тип реакции в большей или меньшей степени задается самим речевым стимулом, программируется им. При этом отмечается, что целесообразно различать: 1) собственно связность диалога, понимаемую как соответствие реакции диалогическому стимулу, «согласование реплик по иллюкутивной функции», при котором за вопросом должен следовать ответ, за упреком – оправдание, за комплиментом – благодарность и т.п.; соотношение реплик в этом случае соответствует программе диалога; и 2) связность, понимаемую в широком смысле, т.е. смысловую соотнесенность реплик при том, что диалогическая реакция не удовлетворяет коммуникативному запросу собеседника, нарушая программу диалога; таковы реплики, ориентированные на пресуппозиции высказывания, словоупотребление, тон речи, прагматические условия речевого акта и т.п. /Падучева, 1982: 306, 311-312/. В идеальной форме обычного диалога два участника общения олицетворяют собой паритетные начала при переменной роли в речевой деятельности и в восприятии текста. Отбор языковых средств для них, в известной мере, не свободен: он струк-

турно, содержательно и экспрессивно определен составом предыдущей реплики. Как отмечает В.Д. Девкин, в диалоге частично нарушается одно из основных свойств предложения – его законченность: «реплика ориентирована на контекст и выступает неотъемлемой его частью» /Девкин, 1981: 27/.

Механизмы речевого взаимодействия тесно связаны с конкретными формами диалога. Последние же зависят от целого ряда факторов: от тематики общения, состава участников коммуникации, их статуса и социальных ролей, намерений, представлений партнеров друг о друге, знаний о мире, ценностных ориентаций и т.д. В качестве формальной экспликации связи между репликами А. А. Баранов и Г. Е. Крейдлин предлагают термин «иллокутивное вынуждение» /Баранов, Крейдлин, 1992: 86/. Иллокутивно-независимый речевой акт – это речевой акт, иллокутивное значение которого на данном этапе определяется исключительно интенциями говорящего, а назначение иллокутивно-зависимого речевого акта определяется иллокутивным назначением какой-либо предшествующей реплики.

От характера высказывания зависит степень запрограммированности диалогических реакций, устанавливаемая иллокутивной силой. Предшествующий РА задает контекст, в котором происходит оценка последнего РА. Предшествующие РА могут играть просто вспомогательную роль, т.е. делать РА возможным относительно предыдущего РА или нести в себе большую прогнозирующую силу, делая последующий РА вероятным или даже необходимым, как это бывает во всех ритуализированных высказываниях-последовательностях. «Наиболее недвусмысленный речевой стимул содержится в вопросительных и директивных РА. Однако уже обычное повествовательное предложение часто содержит весьма слабый и неоднозначный речевой стимул» /Арутюнова, 1986: 63/.

В теории речевых актов принято рассматривать преимущественно независимые акты вместе с их условиями успешности (“felicity conditions” – J. L. Austin). Эти условия успешности определяются самим речевым актом, т.е. их источник – его семантика и прагматика. В то же время условия успешности зависимого РА формируются не только на основе его прагматики и семантики, но и испытывают существенное влияние иллокутивного назначения «вынуждающего» речевого акта. Вынуждение, действуя на пространстве диалога, находится под воздействием общих законов функционирования диалога, среди которых немалую роль играют социально-обусловленные законы. Говорящий ставит перед адресатом некоторую задачу, которую тот должен решить. По мнению А.А. Леонтьева, процесс решения коммуникативной задачи очень сложен и многогранен, он распадается на несколько последовательных этапов /Леонтьев, 1974: 32/. И очень трудно предугадать, как будет решена эта задача и на каком из этапов могут произойти сбои. Для диалога как функциональной системы исходным фактором выступает результат. Коммуникативная цель диалога – это некоторый желаемый результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные речевые действия со стороны инициатора общения (говорящего). Научный анализ позволяет в каждом акте речевого общения увидеть процесс достижения некоторой цели. Произнося высказывание, говорящий рассчитывает на его определенную интерпретацию слушающим и на его последующую реакцию. Это ожидание говорящего, в первую очередь, связано с его умением прогнозировать. Под субъективным прогнозом понимается «способность человека оценивать вероятные характеристики предстоящих событий на основании накопленных в его прошлом опыте сведений» /Фрумкина, 1971: 3/. Однако ожидания говорящего не всегда оказываются верными, и тогда имеет место коммуникативный сбой в общении (communicative failure), при

котором речевое действие не выполняет своей функциональной предназначенности и не ведет к достижению желаемого результата, коммуникативной цели диалога.

Сбой в общении может быть вызван причинами различного характера: психологического, этического, социального, ситуативного, и, не в последнюю очередь, культурного, этнического. Данное обстоятельство особенно важно при межкультурной коммуникации, когда имеет место наложение разных «ценностей» и возникает необходимость преодоления их столкновения во избежание возникновения конфликта при общении.

Проблемы, связанные с диалогом, практически исчерпаемы. Поэтому рассмотрение их всех в рамках настоящей работы не представляется возможным. Далее перейдем непосредственно к вопросам, связанным с особенностями реализации категории вежливости в диалоге, и рассмотрим их с точки зрения межличностных отношений коммуникантов.

4.2 Говорящий и слушающий как организующие центры диалога

Как известно, язык является специализированной формой общения, то есть передачи информации от человека к человеку, регулирования отношений между людьми и разных форм вербального воздействия одного человека на другого. «Для всего человечества первичным средством коммуникации является язык», – писал Р. Якобсон, назвавший в числе других функций языка фатическую и определивший ее место в иерархии языковых функций /Якобсон, 1985/ [1]. Фатическая функция языка находит свою реализацию в диалогической активности говорящей личности, обусловленной в значительной сте-

пени функциональной целеустремленностью речевого действия на адресата (слушающего).

При обозначении объектов действительности говорящий выбирает из языковой системы определенные средства, языковые знаки для выражения своих мыслей и намерений при общении в коммуникативном акте. Эти знаки способны вызывать определенное оценочное отношение, которое связано, прямо или косвенно, с их отношением к обозначаемым объектам действительности. Хотя такое отношение по своей природе субъективно, оно объективируется тем, что закрепляется за знаком как единое для всего общества – говорящего коллектива, и, превращаясь в свойство знака выражать определенное отношение, становится частью информации, репрезентируемой знаком, частью его смыслового содержания. Подобным образом объективированные прагматические отношения языкового знака приобретают как интеллектуальный, так и эмоциональный характер. Они осознаются носителем языка, «извлекаются» им из значения знака, наряду с другой содержащейся в нем информацией. Эта часть значения слова (как и прагматический эффект, иллюкутивная сила знака, то есть его реальное воздействие на пользующегося языком) остается потенциальной.

Картина прагматических отношений значительно осложняется, когда языковые знаки актуализируются в речевой цепи, в конкретной коммуникативной ситуации, в которой протекает речевая деятельность и которая обуславливает характер речевых действий коммуникантов и способствует реализации их целей и намерений. Здесь приходится учитывать отношения к передаваемому сообщению и друг к другу, которые устанавливаются между участниками коммуникации.

Традиционно при описании акта коммуникации с позиции антропоцентризма, выделяют лицо, совершающее речевое действие (говорящий/адресант), и лицо, на которое это дейст-

вие направлено (слушающий/адресат). Адресант (говорящий) является главным лицом в акте коммуникации, поскольку в значительной степени интенции и личностные характеристики адресанта определяют форму и содержание высказывания. Но, несомненно, важен и фактор адресата – лица, которому адресовано высказывание. Личностные характеристики (статус, социальная роль, профессиональная принадлежность и т.п.) коммуникантов имеют определенное влияние на выбор ими адекватных конкретной ситуации общения языковых средств, а также общей стратегии и тактики речевого поведения, от которых в целом зависит успех коммуникации.

Понятия адресант и адресат – взаимопеременные величины диалога: в процессе коммуникации собеседники меняются ролями, выступая поочередно то в роли адресанта, то в роли адресата, поэтому целесообразно говорить об адресанте и адресате только отдельно взятого высказывания, выделенного из дискурса. (Следует заметить, что смена роли может произойти и в пределах одного высказывания, когда реплика коммуниканта фактически делится на две части: инициирующую и реагирующую.)

Наибольшее внимание в лингвистической литературе, посвященной проблеме общения, уделялось роли говорящего. И в теории речевых актов в качестве основного фактора, способствующего успешной коммуникации, считается фактор говорящего. Именно он строит свое высказывание в соответствии с имеющейся у него целью, отбирает те или иные языковые средства для реализации своей интенции, активизирует с их помощью в мозгу адресата соответствующую информацию и придает высказыванию определенную иллокутивную силу, нацеленную на оказание определенного последующего воздействия на чувства, мысли и поступки слушающего /Остин, 1986/. Со стороны же слушающего, по мнению П. Ф. Стросона, должно возникнуть понимание значения и силы иллоку-

ции. На говорящего возлагается общая ответственность за содержание своего намерения оказать определенный, целенаправленный перлокутивный эффект на слушающего /Стросон, 1986: 141/.

Однако, как нам представляется, в ходе организации высказывания коммуникативную ответственность несет не только говорящий, но и адресат, ибо специфичность вербального общения как особого вида человеческой деятельности заключается именно в том, что это сложная деятельность по крайней мере двух субъектов, партнеров по коммуникации, т.е. оно всегда интерсубъективно, и высказывание представляет собой продукт совместной эгоцентрической деятельности как говорящего, так и адресата высказывания [2]. Поэтому вполне справедливо звучит мысль о том, что общение реально в том случае, когда говорящий субъект ориентируется на своего партнера именно как на партнера по совместной деятельности, т.е. как на такого же субъекта, а не как на объект /Каган, 1988/.

Адресат – это отнюдь не пассивный воспринимающий объект, он может значительно повлиять на эффективность коммуникации. Именно в силу деятельностного участия в речевой коммуникации адресат (слушающий) расценивается как активный субъект общения. Активная роль адресата в процессах речевой деятельности выражается в том, что содержательная и прагматическая природа высказывания детерминируется в определенной степени непосредственным участием адресата в коммуникации. Говоря словами О. Есперсена, «сущностью языка является человеческая деятельность – деятельность одного индивида, направленная на передачу его мыслей другому индивиду, и деятельность этого другого, направленная на понимание мыслей первого. Поэтому для понимания природы языка мы должны учитывать *«говорящего» слушающего* (выделено нами. – Е.Е.), т.е. производящего и воспринимающего речь» /Есперсен, 1958: 305/.

Коммуникативная деятельность отправителя сообщения находится под влиянием последующей деятельности получателя, поэтому он, строя и употребляя речевые высказывания, учитывает фактор адресата, его компетенцию, пресуппозиции, осуществляет не только ретроспективную и текущую, но и перспективную оценку данного высказывания /Арутюнова, 1981/. Заметим, что в теории лингвистической вежливости в центре внимания находится не столько говорящий субъект, сколько взаимодействие двух (и более) коммуникантов, выражаясь терминологией П. Браун и С. Левинсона, «диада вербального взаимодействия» /Brown&Levinson, 1994: 2/.

Любое высказывание содержит информацию о некотором фрагменте реальной или воображаемой действительности, осмысливаемой говорящим. Причем эта информация о внеязыковой действительности, отражаемая в семантике используемых языковых единиц, неотделима от личности, сознания и воли говорящего. Его речевая деятельность состоит не только в творческом осмыслении действительности, «но и в творческом преобразовании континуального многомерного представления о действительности в его дискретный двухмерный (линеаризованный) образ – текст. Механизм компоновки, «упаковки» информации требует учета многих факторов, в частности, квалификации событий по важности, новизне, желательности, близости и т.п. как в отношении *себя*, так и в отношении *слушающего*» (подчеркнуто нами. – Е. Е.). Наконец, необходимым условием успешного речевого акта является «актуализация в мозгу слушающего той модели действительности, которую имеет в виду говорящий» /Кибрик, 1980: 326/.

Это означает, что автор высказывания (говорящий, адресант), производя его, должен соотносить свою речевую деятельность с вероятной речевой деятельностью слушающего (адресата высказывания). Как подчеркивает М.М. Бахтин, «яв-

ление понимания предполагает два сознания, два субъекта, понимание всегда в какой-то мере диалогично». Ученый полагает, что ответное понимание адресата предвосхищается автором высказывания. Другими словами, соотношение «коммуникативных деятельностей» партнеров по общению в речевом акте есть не что иное, как координация: «ни одно словесное высказывание вообще не может быть отнесено на счет одного только высказавшего его: оно продукт взаимодействия говорящих, и шире – продукт всей той сложной социальной ситуации, в которой высказывание возникло» /Бахтин, 1995: 78/.

Предпосылкой адекватной интерпретации информации слушающим является не только его полная степень владения языком, но и наличие определенных фоновых знаний, определенного общего когнитивного пространства с говорящим. Используя терминологию М.М. Бахтина /Бахтин, 1998: 361/, Б.Б. Гудков называет коммуникацию взаимодействием «говорящих сознаний», подчеркивая при этом, что для возможности этого взаимодействия, необходимо пересечение когнитивных пространств общающихся; при этом чем больше зона этого пересечения, тем адекватнее будет коммуникация /Гудков, 2003: 10, 23/. Суть коммуникации при таком подходе состоит в построении в когнитивной системе получателя таких «моделей мира», которые соотносятся с «моделями мира» говорящего. Кроме того, необходимо, чтобы слушающий правильно идентифицировал референты слов, время и место описываемого события, совместив описание этого события с системой координат, в центре которой находится сам акт речи.

Таким образом, когнитивная сторона общения должна рассматриваться в плане эквивалентности тезаурусов коммуникантов [3], которая, в свою очередь, предполагает не только равную языковую компетентность, но и общие рамки общеисторической и культурной компетентности, а также общего

восприятия экстралингвистической ситуации. В этом плане можно говорить о том, что успешность коммуникативного акта зависит зачастую и от неязыковой компетентности.

В контексте вышесказанного особенно значим когнитивный статус дейктических языковых единиц, поскольку их функционирование требует от участников коммуникации осуществления сложных мыслительных процессов, нацеленных на восприятие экстралингвистической ситуации, в которой имеет место акт речи. Дейктическая номинация, понимаемая как такой способ подачи информации и ее оформления в высказывании, при котором обозначаемые фрагменты внеязыковой действительности соотносятся с определенными реалиями экстралингвистической ситуации, повышает информативный и эмоциональный заряд высказывания как коммуникативной единицы. Для реализации этого используется дейктическая лексика, интерпретация которой связана с декодированием в сознании слушателя содержащейся в ней ориентационной личностно-пространственно-временной информации, ключом к пониманию которой выступают адекватное восприятие и соответствующая интерпретация *точки отсчета* (*das Origo* в терминологии К. Бюлера) как ключевого прагматического компонента системы дейктических координат, необходимого для выявления и декодирования семантики дейктического слова слушающим /см. подробнее: Ерзинкян, 2013: 102-103/. Употребление говорящим дейктических языковых единиц в высказывании предполагает его уверенность в том, что адресат обладает теми же ситуационными знаниями, которые необходимы для адекватной интерпретации данных единиц. При дейктическом использовании языковых единиц происходит когнитивная обработка денотата и сигнификата, результатом которой является декодирование информации о референте. (*О роли и значимости дейктических языковых знаков в организации вежливого высказывания речь пойдет ниже*).

Говорящий строит свою речь с опорой на свои пресуппозиции, на свою оценку ситуации и партнера по общению. В основе оппозиции «говорящий – адресат», возникающей в коммуникативном процессе, лежит отношение одного индивида к другому: образование данной оппозиции предполагает конструирование «я-субъектом» внешнего по отношению к себе «ты-субъекта», т.е. «другого», представляющего собой своеобразное отражение «я»-говорящего. Поэтому эти отношения можно охарактеризовать как конверсные и взаимобратимые.

Как правило, при очном общении (face-to-face) говорящий и слушающий «соотнесены» одной и той же экстралингвистической ситуацией, однако при этом эта ситуация преломляется у каждого по-своему и отражает видение каждого из участников коммуникации по-своему. Поэтому естественно говорить о том, что в акте речевого общения прагматика говорящего/адресанта как «источника» информации (отправителя сообщения) отлична от прагматики слушающего/адресата как «рецептора» информации (получателя). Говорящий как бы вступает в два ряда прагматических отношений: *с описываемыми событиями и со слушающим*. В первом случае он выражает свое отношение к этим событиям, используя для этого в сообщении языковые знаки, которые обладают необходимыми прагматическими значениями. Заметим, что здесь роль дейктических словесных знаков как наиболее действенных (поскольку имеют непосредственную тесную связь с ситуацией речи) и в то же время наиболее лаконичных (поскольку не требуют подробного и исчерпывающего описания обозначаемого явления) чрезвычайно велика. Во втором случае говорящий выражает в речевом высказывании свое отношение к слушающему или стремится оказать на него определенное воздействие, при этом демонстрируя экономное и эффектив-

ное использование языка для координации деятельности партнера в коммуникативном акте.

Адресат высказывания – это, как правило, лицо, на которое в процессе общения пытается воздействовать адресант (говорящий). Целью этого воздействия может быть само сообщение партнеру по коммуникации (слушающему) каких-либо сведений, информации, знаний, стремление побудить его разделить отношение говорящего к описываемому или добиться от него определенной реакции, каких-то поступков, действий. Для достижения своей цели говорящий также отбирает необходимый языковой способ описания ситуации. Поэтому можно утверждать, что за выбором слов в речи, осознанным или неосознанным, стоят прагматические факторы и, прежде всего, фактор адресата /Арутюнова, 1981/.

Уместность употребления тех или иных языковых единиц, использование возможностей лексико-семантической сочетаемости слов определяется ситуацией общения, целями, к достижению которых стремится говорящий. Вместе с тем в плане воздействия на слушающего не меньшее значение имеет выбор говорящим самой формы сообщения, которая, совместно с его содержанием, и должна вызвать у слушающего определенную реакцию или побудить его к определенным действиям. Таким образом, носителем прагматического воздействия является не только то, *что* сказано, но и то, *как* это сказано.

Итак, межличностные отношения коммуникантов подвергаются в процессе общения целенаправленному воздействию со стороны участников речевого акта. Интересы коммуникантов направляют их деятельность в определенное русло, вызывая у партнеров поведение определенного типа. Целенаправленное воздействие коммуникантов друг на друга является актом регулирования межличностных отношений. Говорящий, руководствуясь определенным отношением к партнеру по

коммуникации, обусловленным его действиями, а также в целом всей экстралингвистической ситуацией, в которой имеет место акт речи, осуществляет соответствующий речевой акт для того, чтобы добиться таких изменений в положении дел, которые отвечали бы его интересам. Заметим, что воздействие коммуникантов в повседневном общении может быть и манипулятивным, адресант может манипулировать адресатом, т.е. скрыто, в неявно выраженной форме воздействовать на собеседника с целью формирования его мнения и управления его поведением в своих личных интересах.

Прагматика, усложняя знаково-коммуникативную ситуацию введением слушающего в качестве *обязательного* его компонента и делая упор на воздействии языковых знаков на реципиента (получателя сообщения), коммуникативная роль которого включает восприятие чужой речи и реакцию на нее, развивает мысль о том, что в речевом поведении говорящего главным является поиск общего языка со слушающим (адресатом). При этом результат речевого взаимодействия зависит от адресата, так как «осуществление им коммуникативной роли и есть подтверждение готовности к общению, т.е. к взаимодействию» /Винокур, 1993: 91/. Речевой акт считается успешно состоявшимся в том случае, если воспринимающий речь адекватно декодирует иллокутивную силу обращенного к нему высказывания. Цель говорящего – сделать свое намерение (иллокутивную силу) явным и однозначным. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании, – задача нелегкая, и не всегда она решается однозначно.

Итак, наиболее важным компонентом при образовании коммуникативного содержания высказывания является интенция говорящего. Однако эта интенция говорящего не является фактом одностороннего действия, ибо говорящий, формируя высказывание, не преследует цели совершения речевого дей-

ствия, связанного с намерением простого описания события. Акт описания, так же, как и акты спрашивания и побуждения, является лишь исходным моментом процесса речепорождения, главным же в этом процессе является выражение конечной интенции и достижение преследуемой цели /Почепцов, 1986/. Поскольку тот или иной тип высказывания в зависимости от конкретных условий коммуникации может иметь в дискурсе неоднозначное целевое назначение, то для конкретного выражения взаимосвязи иллокутивного акта с перлокутивным эффектом следует специфицировать целевое назначение данного высказывания посредством указания на интеракционный контекст его функционирования. Так, например, в диалогическом единстве “*What about having a cup of coffee?*” – “*Isn't it late?*” адресант, произнеся высказывание, обладающее структурно-семантическими параметрами вопросительного предложения, стремится не только узнать желание адресата, но и осуществить акт приглашения. Контекстуально дискурсивная обусловленность прагматического содержания подобного типа высказываний проявляется еще и в том, что они в иных речевых ситуациях могут обладать другими дополнительными значениями.

Специфика иллокутивного потенциала высказывания теснейшим образом связана с главной функцией речи, суть которой заключается в том, чтобы служить организации *совместной* деятельности общающихся по преобразованию бытия или, по крайней мере, служить изменению информационного состояния партнеров по общению /Сусов, 1986: 8/.

Именно характер совместной *кооперативной деятельности между говорящим и слушающим* способствует декодированию целевого назначения высказывания. Поэтому особое значение в исследовании отводится выявлению системы показателей партнеров, которые имеют социально-психологичес-

кую природу и, как правило, обусловлены социально-ролевыми отношениями участников общения. Ролевой статус общающихся лиц, интерактантов, с одной стороны, может отражаться в социально-дейктической информации, содержащейся в структуре дискурсивных высказываний, с другой стороны, он может способствовать определению коммуникативно-прагматической функции этих высказываний.

Поскольку общение – это сложная деятельность, по крайней мере, двух партнеров, то первым условием подлинного общения есть учет не только собственных интересов говорящего, но и постоянное внимание к собеседнику, к его особенностям и нуждам. Залогом успешности, эффективности и полноценности общения является вежливое, доброжелательное отношение к партнеру в любой ситуации межличностных контактов, которые, как известно, регулируются принципом вежливости, по мнению Е.А. Земской, «распространяющимся «только на отношения ‘говорящий-адресат’» /Земская, 1994: 132/. Вежливые отношения между собеседниками устанавливаются благодаря коммуникативному намерению говорящего (иллокуции), проявляющемуся в правильном (адекватном ситуации общения) выборе языковых средств речевого этикета и реализации этих средств в процессе говорения (локуции).

В контексте вышесказанного наиболее полным определением прагматического явления вежливости является определение Дж. Томас, рассматривающей вежливость как тесную взаимосвязь лингвистической формы, контекста высказывания и отношений *между говорящим и слушающим*. Под вежливостью понимается стратегия или серия стратегий, применяемая говорящим для достижения разнообразных целей, таких как создание, поддержание или сохранение гармоничных отношений при речевом взаимодействии. Эти стратегии могут ис-

пользовать для своей реализации как стереотипные лингвистические формы вежливости, так и широкий диапазон нетрадиционных для вежливого регистра индивидуальных лингвистических средств /Thomas, 1995: 157/.

4.3 Дейксис в диалогическом дискурсе

Усложняющаяся человеческая мысль и, как следствие, усложняющиеся человеческие отношения для своего выражения находят различные формы, которые дают возможность говорящему более тонко реагировать на меняющиеся прагматические параметры ситуации, отразить в языковых структурах и себя как личность, и личность своего собеседника.

Изучение категории вежливости с точки зрения взаимобусловленности и взаимозависимости лингвистических, прагматических и социолингвистических параметров, которые объективируются в дискурсе, с неизбежностью приводит к рассмотрению смежных языковых категорий, в которых тесно переплетаются вышеназванные характеристики и которые непосредственно связаны с регулированием межличностных отношений коммуникантов.

В этом контексте роль категории дейксиса как указания на компоненты экстралингвистической ситуации (лицо, место и время), в которой осуществляется РА, становится особенно актуальной, ибо, как известно, в дискурсе (диалоге) дейктики различных типов и категорий репрезентируют ситуативные и социальные параметры речевой ситуации, характер взаимодействия между говорящим и слушающим и их отношение с окружающей действительностью и обществом.

Дейксис как способ номинации возникает в процессе речевой коммуникации и является важнейшим его элементом.

Уже простейший акт коммуникации включает номинацию и предполагает ее наличие, ибо номинация есть «первичный процесс познания вещей, явлений и их означаемых, без которого, естественно, не может функционировать понятийная система человека», а «именование вещей есть ступень в оформлении элементарной ячейки коммуникации» /Колшанский, 1984: 38-39/.

Сами акты номинации представляют собой сложное речемыслительное действие, и без осуществления этих актов невозможно ни одно высказывание. Мысль не только творится в слове, она начинается со слова, как только мы хотим сделать ее достоянием другого человека. Номинация и коммуникация, являясь двумя сторонами единого речемыслительного процесса, представляют взаимосвязанные понятия и нередко одно обуславливает другое. Е.С. Кубрякова, подчеркивая речемыслительный характер процесса номинации и его последствий, замечает, что в не меньшей мере акт номинации зависит и от коммуникативных факторов, т.е. от того, в какой роли мыслится его результат как единица дискурса. Иными словами, новые обозначения создаются не только для того, чтобы фиксировать результаты познавательной и эмоциональной деятельности человека, но и для того, чтобы сделать эти результаты достоянием других людей /Кубрякова, 2004: 63/. Поэтому можно утверждать, что в акте номинации всегда прослеживается его прагматическая направленность – желание что-то объяснить своему собеседнику, связать свои интенции со знанием адресата и его личностными характеристиками, эмоциями.

С наибольшей силой вышесказанное выражено именно в дейктических словесных знаках. Представляется, что в доисторическое время коммуникация и номинация вообще были нераздельны. Чтобы сообщить что-то о чем-то, необходимо было

выделить эти обозначаемые явления, свойства, предметы в окружающей действительности, а это возможно только тогда, когда эти явления обозначены, названы; но и сами названия рождаются не в процессе пассивного созерцания и размышления, они рождаются в трудовой практике, в трудовой деятельности, с неизбежностью предполагающей общение, диалог. Только тогда оказывается возможным выделение какого-либо явления из ряда окружающих.

Возможно, дейктическая номинация была первоначальной, так как она не предполагала знания явления, выделения его сущностных характеристик, признаков или хотя бы бросающегося в глаза признака, а предполагала только осознание связи с ситуацией общения, с говорящим (я – не-я), местом (здесь – не-здесь), временем (сейчас – не-сейчас) речевого акта. При этом «не-я» возможно впоследствии было разделено на участвующих в общении, но не говорящих (собеседник) и не участвующих (3 лицо), «не-здесь» было разделено на «близко к говорящему» и «далеко от говорящего», а «не-сейчас» – на «до момента речи» и «после момента речи».

Заметим, что в лингвистике существует и другая точка зрения, согласно которой дейктические элементы формируются на базе назывных слов в результате постепенного переосмысления последних и превращения их в местоимения, которые характеризуются свойством «не называть лицо, предмет или явление, а лишь отсылать к ним, указывать на них». Не вдаваясь в подробности вопросов генезиса местоименных слов (как известно, существуют гипотезы раннего и позднего онтогенеза, в частности, личных местоимений), отметим, что для настоящей работы важным является то, что категория дейксиса, будучи одним из основных способов языковой номинации, относится также к важнейшим категориям языковой коммуникации. Дейксис текста/дискурса является референциальным

свойством, условием связности текста на основе соотнесения языковых факторов с внеязыковыми объектами /Падучева, 1996: 244/.

Дейксис как универсальное средство референции универсален также и в коммуникативном аспекте. Последнее заключается в том, что речевой процесс не может иметь место без дейктических единиц: высказывание не может быть осуществлено вне указания на координаты речевой ситуации – лицо, место и время. Кроме того, антропоцентрическая парадигма современной лингвистики позволяет рассматривать дейксис как своеобразное естественное проявление языкового эгоцентризма, так как любое высказывание есть речевое «порождение» говорящего, есть продукт его коммуникативно-когнитивной деятельности.

Дейктические компоненты высказывания, определяющие прагматические координаты ситуации речи *«я-здесь-сейчас»*, служат средствами связи дискурса с экстралингвистической действительностью, обеспечивают субъективность, индивидуальность высказывания.

Важным в понятии дейксиса является и то, что он обеспечивает эффективность акта коммуникации, основанную на наличии у коммуникантов общего пресуппозиционального фонда, тех общих «фоновых» знаний о правилах и социальных нормах поведения, принятых в данной культуре, о традициях, реалиях национальной культуры, а также о личностных характеристиках собеседника, особенностях его менталитета и т.п., которые способствуют адекватному, «качественному» взаимопониманию. Выбор дейктических элементов при этом субъективен и определяется интенцией говорящего.

4.3.1 Категория дейксиса: общая характеристика

Исследования по лингвистической прагматике показывают, что понимание языка в условиях реального его функционирования в конкретной речевой ситуации отнюдь не обеспечивается лишь знанием языка, оно требует определенных навыков обращения с языком, т.е. определенных представлений о том, как можно «настроить» внимание слушающих на необходимое участнику диалога дальнейшее его развитие. Для этого в распоряжении говорящего имеются определенные единицы языкового кода, сигнализирующие о его коммуникативных намерениях, интенциях и позволяющие донести их до слушателя. Такими единицами, наряду с другими, являются дейктические языковые знаки (слова и выражения), которые занимают особое место среди маркеров категории вежливости.

Дейктические словесные знаки – это тот класс слов, в котором особенно, как-то по-своему, своеобразно, переплетаются семантика и прагматика.

Специфика дейксиса как особого способа номинации через указание на определенный предмет с целью выделения его из массы ему подобных обусловлена тесной связью с речевой ситуацией, коммуникативным актом. Очевидно, что важнейшие функции дейктического слова связаны с его участием в речевой деятельности, коммуникации, построении высказывания и дискурса, ибо коммуникативный акт наполняет дейктики реальным содержанием. Дейксис как прагмасемантическая категория позволяет представить обозначаемое действие, явление, событие объективной действительности не отвлеченно, а соотнося его с ситуацией речи, с основными координатами РА.

В *актуальной речи* в процессе коммуникации обозначение объекту референции дает говорящий, однако выбор им способа номинации зависит от различных факторов, в том числе от

отношений между говорящим и слушающим, отношения говорящего к объекту, равно как и от отношения адресата к объекту. Имея в своем распоряжении развитую систему дейктических слов, а также довольно *разнообразную* систему вторичного значения дейктиков, говорящий может не только по-разному выражать свою мысль, при этом привязывая последнюю к месту и времени актуального речевого акта, но и более точно, экономно и, главное, эффективно с точки зрения воздействия на партнера ее выразить.

Несмотря на то, что категория вежливости как коммуникативная категория по определению не служит целям идентификации предметов, действий, явлений, событий, и, таким образом, строго говоря, как бы выпадает из определения дейксиса как способа номинации, она все же оказывается тесно и неразрывно связанной с дейктическими элементами, и без их привлечения нерационально и нецелесообразно рассматривать особенности функционирования категории вежливости в языке /Гак, 1977/. И поскольку использование той или иной формы вежливости имеет определенную коммуникативную направленность и зависит от целей коммуникации участников речевого общения, то используемые ими дейктические средства с неизбежностью должны быть подчинены задаче координации деятельности коммуникантов. Иными словами, употребление дейктических средств в вежливых высказываниях прагматически маркировано и коммуникативно значимо.

Значимость дейксиса как языковой категории заключается в том, что речевой процесс, как уже отмечалось, невозможно представить без дейктических единиц, ориентированных на говорящего и слушающего, высказывание не может быть построено без указания на пространство и время, а тем более и на лицо, осуществляющее речевой акт, и поэтому их важность в интерпретации общего прагматического значения высказы-

вания, включающего также и вежливость как неотъемлемый компонент культуры общения, трудно переоценить.

Уникальная природа дейксиса как лингвистического явления проявляется в том, что в каждом дейктическом слове, кроме собственно семантической, закодирована прагматическая информация, актуализируемая в коммуникативных процессах, в речевой деятельности и выявляемая в результате привлечения в ономасиологические и лингвопрагматические исследования понятий языковая личность, человек, индивид, и, в первую очередь, говорящего и слушающего. В отличие от других единиц языка дейктические словесные знаки могут выражать отношение говорящего к ситуации, означенной в высказывании, тем самым усложняя объем когнитивной информации об этой ситуации. Включение дейктических единиц в состав предложения означает, что в обозначаемую ситуацию включен субъект, а это приводит не только к изменению семантики предложения, но и иначе номинирует представленную в нем ситуацию. Точка зрения познающего, мыслящего и говорящего субъекта оказывается определяющей в референциальном отношении единиц данной языковой категории.

Дейктические словесные знаки – это прагматически необходимые человеку языковые средства личностно-пространственно-временной характеристики объектов действительности, средства структурирования окружающего мира, а также, добавим, средства конструирования диалога между говорящим и слушающим.

Поскольку прагматические факторы, характеризующие речевую ситуацию, влияют на перцептивную (когнитивную) деятельность человека, вследствие чего он по-разному категоризирует окружающие его фрагменты действительности, выбор языковых дейктических средств зависит от ситуации, в которой протекает речевой акт, и от восприятия говорящим и слу-

шающим этой ситуации, что делает возможным выделение двух основных групп языковых средств выражения дейксиса: ситуативно-неограниченный (объективный дейксис), ситуативно-ограниченный (субъективный дейксис) /см. подробнее: Ерзинкян, 2013/.

Дейктические языковые единицы, локализуя предметы, явления, события, действия и самого субъекта во времени и пространстве, задают нам наиболее общие универсальные рамки концептуальной системы, ее исходные концепты. Эти исходные концепты характеризуются первичной субъективностью, так как их выражение в языке предполагает наличие некоторой «перспективы», «точки зрения», «точки отсчета». Референтом дейктических словесных знаков являются отношения (личностные, пространственные, временные).

Дейксис концептуализируется в идеальной когнитивной модели, согласно которой дейктическое выражение образует некое ментальное пространство, в котором, как правило, сосуществуют (точнее соприсутствуют) говорящий и слушающий в определенный момент времени в определенном месте. Это ментальное пространство, образованное дейктическим знаком, с неизбежностью включает концептуализацию дейктического центра, некоторой точки отсчета, служащей основанием для выделения объекта номинации, его обозначения и закрепления в семантике дейктического слова /Ерзинкян, 2013: 421/.

Актуализируя определенную реакцию человека на явления окружающей действительности, в частности, на ситуацию общения, категория дейксиса наиболее ярко проявляет себя в диалогической речи, где особенно заметны те изменения, которые происходят в выборе говорящим под влиянием меняющихся условий языковых средств общения и их «отношений» к точке отсчета. Эта коммуникативная направленность значения дейктических знаков, проявляемая через точку отсчета, и

составляет прагматический аспект их содержания, проявляющийся при реализации категории вежливости в речи.

Итак, система дейктической лексики в составе ее компонентов и в отношениях между ними обнаруживает обязательную ориентацию на определенную точку отсчета, на дейктический центр, заключенный в построении данной системы. Каждая дейктическая единица несет в своем категориальном значении определенное отношение к этому дейктическому центру. Отношение это может быть обобщенно выражено через основную дейктическую оппозицию близость/дальность к точке отсчета, которая в дейктических словах разных категорий может быть модифицирована.

Языковой антропоцентризм особенно четко проявляется и в довольно вариативной гамме пространственных и временных дейктических выражений, ибо характеризующие действительность и воспринимаемые человеком пространственно-временные отношения всегда ориентированы на субъекта восприятия как точку отсчета. Поэтому фактор личности говорящего (как субъекта восприятия и субъекта речи) занимает особое место при анализе основ дейктической репрезентации концептов лица, места и времени в языке. Исходя из этого, с учетом личностной характеристики дейксиса через соотнесение его с определенным типом точки отсчета и соответственно говорящего и «интенсивностью» его воздействия на адресата, категорию дейктичности можно отнести к функционально-семантическим с коммуникативно-прагматическими функциями выражения отношения говорящего к слушающему и к речевой ситуации в целом и соотнести с ним все остальные ориентиры, служащие точкой отсчета для кодирования дейктических отношений в языке.

Составляющие значение дейктического слова семантические и прагматические параметры находятся в отношениях до-

полнительности и взаимозависимости. Любое дейктическое слово коммуникативно заряжено и прагматически маркировано. Прагматическая информация входит в качестве компонента совокупного значения дейктического слова.

Отсюда одной из фундаментальных особенностей дейктического значения мы считаем его многослойность, причем – что особенно важно, поскольку именно это отличает дейктики от других словесных знаков – составляющие значение дейктиков «слои» разнородны, гетерогенны: сюда входят как семантические, так и прагматические характеристики. Собственно семантический пласт, указывает на обобщенное лицо, место и время, а прагматический слой, который «состоит» из условий, при которых совершается акт речи, включает как часть значения слова точку отсчета, относительно которой имеет место указание на объект номинации. И хотя прагматический, коммуникативный, аспект значения дейктиков доминирует над функцией репрезентации элементов реального мира, каждый из этих слоев вносит свою «лепту» в совокупную семантику дейктического слова и определяет степень его дейктичности.

Имея определенный статус в самой системе языка (статус однозначной лексической единицы), дейктические слова, благодаря прагматической составляющей своего значения, являются одной из основных категорий, которые с необходимостью используются в процессе конструирования предложения и для «подготовки» его к «переводу» в речевое высказывание: они служат связующим звеном между языком и речью, обращая виртуальные словесные знаки в актуальные. Дейксис является важным механизмом, при помощи которого говорящий оперирует «референтами» в высказывании. Примечательно, что именно на этот класс языковых единиц опирается вся собственно языковая система сообщения, общая типология языковых ситуаций, ибо без дейктических языковых единиц невозможен ни один акт коммуникации.

4.3.2 Дейксис как системообразующий компонент речевого взаимодействия

Дейктики лица, места и времени, вскрывая отражаемые в сознании человека существенные связи объективной действительности, играют важную роль в организации диалога как совокупности речевых стратегий, направленных на обеспечение эффективного взаимодействия коммуникантов.

Отличие диалога от других сфер функционирования языка заключается, прежде всего, в сложной картине взаимодействия *говорящего и слушающего*. В этом процессе ключевую роль играет дейксис как одна из основных категорий, соотносящих выраженную в высказывании денотативную ситуацию (т.е. то, о чем говорится в высказывании) с прагматической ситуацией (т.е. известной коммуникантам конкретной речевой ситуацией, экстралингвистическим контекстом) и позволяющих говорящему и слушающему осуществлять свои коммуникативные интенции.

Как известно, любому дискурсу, как монологическому, так и диалогическому, свойственна ситуативность – соотнесенность с конкретной ситуацией, в которой имеет место РА, что и делает возможным использование дейктических элементов, заменяющих прямые именованные и обеспечивающих, реализующих соотнесенность дискурса с контекстом.

Рассматривая вежливость как коммуникативную категорию, включающую различные способы воплощения принципа вежливости в высказывании, и определяя последний как принцип социальной речевой интеракции, в основе которого лежит уважение к личности партнера, мы, в первую очередь, должны обратиться к категории личного (ролевого) дейксиса как указания на параметры ситуативного и социального контекста.

Слова категории личного дейксиса играют особую роль среди средств обозначения говорящего и слушающего в вы-

сказывании, что наиболее ярко выражено в наличии в языке противопоставления, с одной стороны, личных местоимений «я» и «ты», обозначающих участников коммуникации, говорящего и слушающего, а, с другой стороны, противопоставления участвующих в речевом акте «я» и «ты» некоему объекту, находящемуся вне этого акта – «он/она».

Поскольку 'I' и 'you' являются единственным средством *указания* (в терминологическом смысле) на говорящего и слушающего, значение этих словесных знаков может быть установлено исключительно прагматически, то есть из ситуации речевого акта. Э. Бенвенист пишет: «Личное местоимение «я» имеет референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего», <...> «я – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы я; ты – индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы ты» /Бенвенист, 1974: 285, 287/. Первая оппозиция личных местоимений, представленная формами первого и второго лица (I–you), выделяет коммуникативные лица в отличие от некоммуникативных (he/she/it), разграничивая при этом коммуникативные лица по той роли, которую они играют в речевом акте (говорящий/слушающий). Следует подчеркнуть здесь особый статус личного местоимения 3-го лица в плане дейксиса [4]. Категория лица, как отмечалось выше, в значительной мере зависит от участия/неучастия в акте речи и основывается, прежде всего, на противопоставлении форм первого и второго лица личных местоимений местоименным формам третьего лица как на противопоставлении коммуникативных лиц лицам некоммуникативным, т.е. лицам, не участвующим в акте коммуникации. Только говорящий и адресат, т.е. первое и второе лицо, являются истинными участниками речевого акта, третье

лицо может получить только отрицательное определение в этом аспекте как лицо, не являющееся ни говорящим, ни слушающим, т.е. не участвующим в речевом общении. Ср. “It is important to note that third person is quite unlike first and second person, in that it does not correspond to any specific participant-role in the speech event” /Levinson, 1983: 69; Lyons, 1977: 638/.

Заметим, что многочисленные и разнообразные языковые средства, группирующиеся вокруг основной дейктической оси *я – здесь – сейчас*, занимают нетождественное место в этой системе. Так, в системе личного дейксиса различна их ролевая распределенность. Местоимение Я является центром координат речевого акта: все остальные параметры речевой ситуации – слушающий (адресат), актуальный момент речи, местоположение лиц, объектов в конкретной канонической ситуации высказывания – определяются исключительно относительно субъекта речи; ты-адресат воспринимается говорящим как несколько более отдаленная проекция тех же трех координат: *ты – около тебя – теперь*. Адекватная их интерпретация как лексических единиц должна получить определение, исходящее из места этих слов в микромире других слов, из их отношений к другим словам, входящим в ближайшее окружение, в «малый лексический класс», каковым является система личных местоимений в целом. Так, в семантике I заключена идея средоточия отношения лица к you и he/she/it (а также к we, you и they), централизация этих отношений в одном-единственном лице, самим языком противопоставляемом всем другим лицам, его окружающим /ср. Шведова, 2000: 259/. Иными словами, все эти формы получают свою значимость благодаря тому, что они принадлежат высказыванию, произносимому каким-либо Я.

О зависимости всего класса дейктиков от Я говорит и Е.В. Падучева, рассматривающая слова «я» и «сейчас» как «основные прагматические переменные, а «ты» (тот, к кому говорящий «я» обращает свое высказывание в момент «сейчас») и «здесь» (в том месте, где говорящий делает свое высказывание в момент «сейчас») как зависимые прагматические переменные высказывания» /Падучева, 1985: 39-40/. Последние названы так ввиду того, что они зависят от значений основных прагматических переменных. Это означает, что значение «ты» зависимо от значения «я»: «ты» – это тот, к кому говорящий обращает свое высказывание.

Осознать себя как Я говорящий может только в противопоставлении, в силу чего Я конституирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к Я, предстает как Ты. Оба эти термина находятся в отношениях взаимодополнительности и взаимообратимости, и именно в реальности их диалектического единства кроется языковое основание субъективности. Таким образом, опорной точкой субъективности в языке и главной сферой ее проявления являются личные местоимения Я и Ты. От этих местоимений «зависят» другие классы указательных слов, указательные местоимения, наречия, прилагательные, которые организуют пространственные и временные отношения вокруг «субъекта», принятого за ориентир. При этом «здесь» и «сейчас» ограничивают непосредственно данные пространство и время, тождественные по положению в пространстве и во времени с речевым актом, содержащим «я» /Бенвенист, 1974: 237/.

4.3.3 Говорящий человек как языковая личность

Основной точкой отсчета в описании речевого общения на любом языке является субъект речи – говорящий человек (*homo loquens*), без которого, как отмечалось выше, не может иметь место ни один речевой акт [5].

Поскольку Я – это основное обозначение говорящего в языке и центр всей дейктической системы языка, остановимся подробнее на общей характеристике данной языковой категории и той ее экспликации, которая непосредственно связана с исследуемой в настоящей работе категорией вежливости.

Говорящий человек Я как языковая личность и автор высказывания рассматривается в лингвистике как уникальный субъект, сочетающий в себе все аспекты антропологического подхода к языку. Языковая личность, воспринимаемая как лицо, индивид, реализует себя в языковой деятельности, имеющей целью концептуализацию окружающей действительности и передачу ее результатов через коммуникацию адресату ТЫ (*alter ego*). В языковой деятельности выявляются, в частности, основные закономерности построения когнитивно-коммуникативных стратегий говорящего, лежащие в основе передачи им индивидуального знания, а также диапазон семантико-функционального варьирования местоимений как основных средств личного дейксиса в процессе их употребления.

Роль субъекта в процессе познания и коммуникации чрезвычайно велика и общепризнанна. Субъект одновременно может познавать окружающую действительность и быть объектом собственного познания. Творческая активность субъекта проявляется не только в том, что он по-разному репрезентирует реальную действительность, но и в том, что он может при этом выполнять различные функции, выступая в разных ролях, разных ипостасях, из которых выделим следующие: роль

субъекта познания, субъекта речи, субъекта сознания, субъекта восприятия и субъекта дейксиса, наконец. Так, говорящий субъект Я объективируется и в языке, и вне его, отражая мир и одновременно творя его для себя и для «другого» (слушающего, собеседника). Вместе с тем, располагая всеми ресурсами языка, говорящий субъект Я каждый раз в единовременном, конкретном речевом акте сверяет свое отношение с реальностью «я - здесь - сейчас» как некоторой системой координат и таким образом актуализирует свое положение в пространстве и во времени. Формируя свой собственный мир, вовлекая в него в процессе общения других лиц и, в первую очередь, слушающего – ТЫ как «другое Я» (alter ego), говорящий субъект Я как языковая личность создает необходимые условия для реализации своих коммуникативных намерений.

Дейксис как универсальное средство референции является основой формирования интенциональных миров и служит основанием для интерпретации всех других ипостасей говорящего субъекта. Как уже отмечалось, дейктики, локализуя лица, предметы, события, явления, действия во времени и пространстве, задают исходные рамки концептуальной системы. В этом процессе роль всех дейктических языковых средств и, в частности, личного местоимения «я» как основного средства аутореферентной номинации трудно переоценить. Говорящий Я, будучи центром функционально-семантической категории персональности, выступает абсолютным содержательным центром данной системы и исходной точкой отсчета, по отношению к которой определяются все остальные «персональные» значения.

О роли субъекта в языке отмечается во многих лингвистических работах. Наиболее выразительными в этом отношении представляются следующие высказывания лингвистов, занимающихся, в частности, и проблемами изучения человеческого

фактора в языке в разных аспектах. Если «исследование может быть посвящено одному слову и вместе с тем отражать широкие системы и их многоаспектные комплексы, представленные в данной ‘точке’» /Бондарко, 1991: 33/, то этим словом в таком языке будет «я» – первая и главная координата говорящего, позволяющая построить высказывание здесь и сейчас и создать один из возможных миров: интенциональный мир Я, мир пропозициональных установок говорящего субъекта Я. Это мир, в котором любой носитель языка имеет «возможность наблюдать говорение и общение других носителей со стороны – это в зародыше явление метаязыка, связанное с ‘пропозициональными установками’ и с ‘прагматикой’ в целом» /Степанов, 1985: 308-309/. Реальность, действенность этого интенционального мира Я, о котором говорится выше, дана нам в речевых актах, в тех речевых действиях, которые объединяют интенцию и конвенцию и происходят при непосредственном интерактивном взаимодействии участников коммуникации и речевого акта – Я и Ты.

Как уже отмечалось, категория личного дейксиса представлена в языке словами, характеризующими лица по той роли, которую они выполняют в речевом акте: говорящий (субъект речи), слушающий (адресат) и лицо, не участвующее в акте речи (ср. термин «не-лицо» Э. Бенвениста). При этом заметим, что обозначение участника речевого акта возможно лишь с одновременным указанием его роли в речевом акте. Указание на лицо образует в языках самые разные структуры. В сфере личного дейксиса универсалией, видимо, можно считать противопоставление личных местоимений, указывающих на говорящего и слушающего. Значимость данного противопоставления для человеческого языка трудно переоценить. Как пишет Н.А. Слюсарева, «в наличии диады «я–ты» получает наиболее абстрактное выражение главнейшая, коммуникатив-

ная функция языка, так как эта диада представляет собой ячейку, с которой начинается общение, круговорот речи, осуществляется использование системы языка в живой речи. Само собой разумеется, что эта диада рассматривается как порожденная обществом и существующая в его пределах» /Слюсарева, 1986: 96-97/ [6].

В ходе беседы, в процессе речевого акта роль говорящего переходит от одного участника к другому, при этом I употребляется каждым говорящим по отношению к самому себе, а you – по отношению к слушающему. По мере включения в разговор разных собеседников при переходе роли говорящего от одного участника речевой ситуации к другому, каждый раз меняется, смещается центр пространственно-временной координации ситуации общения, центр дейктической системы. Так, категория лица «оказывается в наибольшей степени зависящей от выбора говорящего, точнее воплощающей этот самовыбор самим фактом существования говорящего и произносимой им речи» /Слюсарева, 1986: 9/. В подтверждение вышесказанного приведем высказывание Дж. Лайонза по этому поводу: “The canonical situation-of-utterance is egocentric in the sense that the speaker by virtue of being the speaker, casts himself in the role of ego and relates everything to his viewpoint. He is at the zero-point of the spatio-temporal co-ordinates. Egocentricity is temporal as well as spatial...” /Lyons, 1977: 638/.

Закljučая, еще раз подчеркнем, что личный дейксис есть, прежде всего, указание на непосредственных участников речевого акта – говорящего и слушающего, т.е. указание на коммуникативное лицо, от «видения» которыми речевой ситуации во многом зависит успех коммуникации.

4.3.4 Местоимения как основной класс личного дейксиса: прагмасемантические особенности

Поскольку местоимения являются основным средством выражения личного дейксиса, т.е. основным классом слов, отражающим указание на лицо и играющим значительную роль в когнитивной системе языка и реализации им коммуникативной функции, остановимся подробнее на их когнитивно-семантических и коммуникативно-прагматических особенностях.

Обзор лингвистической литературы свидетельствует о том, что местоимения рассматривались на материале различных языков в самых разных аспектах: семиологическом (Метакса, 1972; Уфимцева, 1974 и др.), семантическом (Ревзина, Членова, 1971; Васильева, 1984; Волков, 1985; Селиверстова, 1988; Ерзинкян, 1988; Шведова, 1998; Тонян, 2007 и др.), морфологическом (Устинова, 1951; Бурлакова, 1988 и др.), синтаксическом (Федоровская, 1977 и др.), стилистическом (Арнольд, 2010 и др.), функциональном (Вольф, 1974; Селиверстова, 1988 и др.), коммуникативном (Петрова, 1995; Курбакова, 2009 и др.), когнитивно-прагматическом (Кибрик, 1987; Кравченко, 1992; Татарина, 1999; Ерзинкян, 2013 и др.), типологическом (Майтинская, 1969; Рахимов, 1989 и др.) и т.д.

Как видно из приведенного выше перечня работ, местоимения, представляющие собой одну из самых ярких языковых универсалий и привлекавшие к себе внимание на всем протяжении развития научной мысли о языке, продолжают оставаться одним из центральных объектов исследования в современной лингвистике. Неослабевающий интерес к этому классу слов обусловлен когнитивно-семантической и прагматической специфичностью понятия местоименной указательности, не получившей еще исчерпывающего определения в лингвистике, понятия, которое позволяет отразить чрезвычай-

но важные черты местоименной семантики. Между тем установление когнитивно-прагматических закономерностей языкового обозначения «Я-субъекта» с учетом человеческого фактора меняет сложившееся представление об особенностях функционирования данного класса слов.

Заметим, что перспективность исследования класса местоимений с позиций когнитивной лингвистики трудно переоценить, ввиду их непосредственной связи с речевой ситуацией и человеком как центром коммуникации. Когнитивная парадигма позволяет с достаточной полнотой раскрыть ценность деятельностного подхода к мышлению и знанию, которая заключается в том, что знание человека рассматривается как продукт мыслительной деятельности осваивающего бытие конкретного *индивида* и позволяет ему создать свою собственную картину мира /Леонтьев, 1975; Штеллинг, 1996 и др./. В рамках прагматической парадигмы значительный интерес представляет изучение семантико-функциональной специфики личных местоимений. Свойством, обуславливающим обоснованность их рассмотрения в рамках прагматической парадигмы, является присущее им значение указательности, в основе которой, как известно, лежит дейктическая оппозиция «близость/отдаленность» к коммуникативному лицу, причем, что особенно важно для настоящей работы, не только физическая, но и *умозрительная* [7].

Местоимения и в коммуникативно-функциональном аспекте ведут себя как своеобразный класс слов. Будучи тесно связаны с ситуацией речи, они противостоят другим частям речи по основной своей функции – дейктической. С их помощью выделяется сфера говорящего лица как индивида, личности. Соотносясь способом указания с человеком говорящим, (личные) местоимения представляют в языке человеческое существо, индивида, личность в процессе осмысления мира и

самого себя в этом мире, образуя центр понятийной сферы персональности и ее опорной точки – субъективности /Бенвенист, 1974: 257-328/. Система местоимений в этой связи рассматривается лингвистами как «исход смыслового строения языка и его смысловых категорий» /Шведова, Белоусова, 1995/, а личные местоимения – как языковая подсистема, в которой заложена понятийная основа лингвистической модели человека как личности /Цивьян, 1990/.

Прежде чем перейти к рассмотрению семантики местоимений, определим их место в одной из подсистем языка. Категория личного дейксиса является частью функционально-семантического поля персональности. ФСП персональности является одним из самых сложных семантических полей, в котором проявляются два глобальных свойства языка – его эгоцентричность и антропоцентричность. Понятийную основу персональности составляет основная фигура коммуникативной деятельности – говорящий Я. Персональность обнаруживает тесную связь с такими явлениями, как непосредственное восприятие человеком коммуникативной ситуации, ориентация человека в пространстве и во времени, структурирование речевого акта и его интерсубъективность. Отсюда и прямой выход персональности в сферу дейксиса, в которой ей отводится главная роль. При этом «я-субъект» является не только ориентационным центром дейктического пространства, но и организующим центром всего семантического пространства персональности, темпоральности и локальности. Этим и определяется эгоцентричность и антропоцентричность всего поля дейктичности с составляющими его микрополями лица, места и времени.

Местоимения – один из самых своеобразных в *семантическом* отношении классов слов в языке. Они имеют свое собственное сложно структурированное означае-

мое, состоящее из компонентов значения, дифференциальных признаков разного характера: собственно семантических и прагматически ориентированных. Класс местоимений по своей функциональной значимости занимает особое место среди всех лексических единиц. По определению Н.Ю. Шведовой, местоименное слово существует как полифункциональная единица, обращенная одновременно как в область высших абстракций, так и в мир бесчисленных единичных сущностей /Шведова, 1998/.

Присущие местоимению семантические признаки характеризуют его роль в языке как «дейктического слова» (К. Бругман, К. Бюлер), «подвижного определителя»-«шифтера» (О. Есперсен, Р. Якобсон), «слова, обращенного в знак» (Г. Рейхенбах), «актуализатора, функция которого заключается в переводе виртуальных знаков в актуальные (Ш. Балли). Согласно последнему определению, данному Ш. Балли в рамках предложенной им теории актуализации, главным свойством местоименных слов является «отсылка к акту речи» [8].

В рамках когнитивно-коммуникативного подхода проблема значения местоимений решается с учетом этого прагматического фактора. Особая роль личных местоимений заключается в указании на непосредственную отнесенность своих референтов к речевой ситуации, поэтому анализ семантики личных местоимений невозможен без анализа ситуации общения, центром которой является познающий мир субъект – говорящий-наблюдатель. Основной функцией дейктических местоимений является указание на объекты окружающего мира именно с позиции говорящего-наблюдателя, который категоризирует их по отношению к речевой ситуации.

Переходя к характеристике лингвистического аспекта проблемы определения семантической специфики личных местоимений как номинативных единиц, регулярно употреб-

ляющихся в функции индивидуализации, подчеркнем, что, несмотря на выделяемую исследователями дейксиса ситуативную значимость дейктических (местоименных) словесных знаков как основную их характеристику, следует помнить, что дейктические словесные знаки обращены к определенному фрагменту внеязыковой действительности. Поэтому необходимо, в первую очередь, анализировать их содержательную структуру и ставить вопрос об их языковом статусе.

Современный этап развития семасиологических исследований все чаще опровергает существовавшую систему взглядов на местоимения как на «неноминативные», «лексически безличные», свободные от референциальной соотнесенности с реальной действительностью перманентные знаки, не имеющие своего самостоятельного или виртуального парадигматического значения, приобретающие смысл только в речи и противопоставленные номинативным знакам языка, называющим объект и выражающим понятие об объекте (Г. Суит, У. Коллинсон, Г. Керм, Э. Бенвенист, Л. Теньер, В. Плунгян и др.) [9]. Немного менее категоричную, однако, по сути, аналогичную точку зрения высказывает А. И. Смирницкий. Отмечая, что «по самому характеру своей семантики местоимения оказываются как бы *лишенными постоянного и закрепленного* (выделено нами. – Е.Е.) за ними значения в том смысле, что местоимения не выступают как постоянное обозначение того или иного определенного предмета или признака», А.И. Смирницкий тем самым фактически связывает свой вывод с отсутствием у местоимений постоянного класса денотации, постоянной денотативной отнесенности /Смирницкий, 1959: 177/. Трактовку местоимений как слов «насквозь грамматических», лишенных «собственного лексического, материального значения», находим у Р. Якобсона, рассматривавшего разряд личных местоимений как знаков

особого рода, лежащих на пересечении кода и речевого акта /Якобсон, 1972/.

В настоящее время в теории местоимения достаточно аргументированным является положение о том, что местоимения не являются «пустыми» знаками, употребляющимися вместо имени, как это можно было бы заключить, исходя из этимологии термина «место-имение» /вместо-имение/ (В.В. Виноградов). Местоимения, как и все дейктические слова, обладают вполне определенным, постоянным значением (Г. Штейнталь, К. Бюлер, А.А. Потеня, А.М. Пешковский, У. Вейнрейх, М.И. Стеблин-Каменский). Наличие у местоимений постоянного значения отмечается и в ряде других работ (см., например, Уфимцева, 1974; Вольф, 1974; Селиверстова, 1988; Николаева, 1985). Согласно О.Н. Селиверстовой представление об отсутствии у местоимений значения могло возникнуть по следующим трем основным причинам: а) местоимения не характеризуют объект в соответствии с его собственными свойствами; б) местоимения не имеют постоянного класса денотации, т.е. местоимения не выступают как постоянные обозначения того или иного определенного предмета или признака; в) значение местоимений не исчерпывается характеристикой участника события через его отношение к акту речи или через его отношение с элементами контекста, в их значении есть что-то еще, что при этом не удается определить. Этим можно объяснить частые ссылки на конкретизацию местоименного значения в речи. Исследователь заключает, что отсутствие «устойчивой» денотативной отнесенности есть одно из следствий, к которому приводит своеобразие местоименного значения, но это следствие не доказывает изменчивости самого значения /Селиверстова, 2004: 409-410/.

Сложность и «трудноуловимость» семантики местоимений отразились в существовании разных концепций значения местоимений. В наших более ранних работах /Ерзинкян, 1988;

Ерзинкян, 2013/ мы пытались обосновать наличие дейктического значения у дейктических слов как особого типа словесных знаков и у местоимений, в частности, которое выделяется наряду с лексическим (понимаемом как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д.» /ЛЭС, 1990: 261/) и грамматическим (понимаемом как «обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов, словоформ, синтаксических конструкций и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение» /ЛЭС, 1990: 116/) и занимает промежуточное положение между ними.

О трудности и даже невозможности проведения четкой границы между лексическим и грамматическим элементами в значении местоимений написано немало. Высокая степень абстрактности их значения, его обобщенность и отвлеченность признаются всеми. Еще А.М. Пешковский называл местоимения единственной и совершенно парадоксальной в грамматическом отношении группой слов, в которой такие неграмматические части слов, как корни, передают чисто грамматическое значение, определяемое им как значение отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит /Пешковский, 1938: 163-164/. В.В. Виноградов считал местоимения выразителями наиболее общей идеи предметности, качественности и т.д. /Виноградов, 1972/. Однако признание близости местоименного значения значению грамматическому, как представляется, не обязательно ведет к отрицанию наличия у данного класса лексического значения. Возможно поэтому другие исследователи приписывали местоимениям чрезвычайно конкретное, но не постоянное, ситуативно изменчивое значение /Смирницкий, 1959/. Вместе с тем содержание лексического значения местоимений (а местоимения, как известно, являются основным дейктическим классом) довольно единообразно, так как местоимения «определяются как слова,

которые по содержанию своего лексического значения выражают отношение говорящего к действительности, которое требует уточнения в процессе речи или иначе – самоориентации субъекта речи по отношению к предмету речи» /Стеблин-Каменский, 1974: 22/. Ряд других авторов считает, что семиологическая специфика местоимений заключается в том, что они функционируют как единицы субъективной системы, отличительным признаком которой является релятивность устанавливаемых в ее границах семантических отношений /Рассел, 1957: 97-98; Бюлер, 2001: 87-105)/.

Рассмотрение местоимений с точки зрения их отражательной специфики подтверждает обоснованность вывода о том, что они образуют особую группу языковых знаков, выполняющих в высказывании (вследствие присущей им опосредованной номинативной функции) индивидуализирующие функции, реализующиеся на базе указательности. Поскольку, в отличие от других частей речи, местоимения не именуют, не называют, а указывают на объект, выделяя его релятивные признаки, определяемые по отношению данного объекта к говорящему или к иной точке отсчета, они функционируют как *прагматические переменные*, актуальные смыслы которых складываются под влиянием параметров речевого акта, в котором они функционируют.

4.3.5 Личные местоимения как индикаторы социальных отношений

Как уже отмечалось выше, поведение человека представляет собой социально значимые действия. В своих действиях человек всегда руководствуется взглядами, убеждениями, привычками. Социально значимые качества личности проявляются в ее поступках, в отношении к другим людям, социальным

группам, обществу в целом. Общество, в свою очередь, через моральные социальные нормы оказывает давление на человека, предъявляя определенные требования к его поведению. Эти нормы определяют содержание поведения человека, то, как принято поступать в той или иной ситуации. Повседневная деятельность людей воспроизводится силой традиции, общественным мнением, определяя социальные модели поведения, в том числе и речевого.

Отношения между участниками коммуникации кодируются в языке и индексируются в речи через систему местоимений, точнее через адекватный выбор говорящим и слушающим местоимений, которые играют важную социально-дейктическую роль: на выбор дейктической рамки высказывания влияет ряд социальных факторов, параметров, таких как ролевые и социальные отношения коммуникантов, общая векторная направленность коммуникации, официальность/неофициальность обстановки общения, размер персонального (личного) пространства, степень знакомства коммуникантов и т.п. Через личные местоимения можно «контролировать» межличностные отношения коммуникантов и регулировать поведение партнера по коммуникации.

Личные местоимения – самый универсальный класс местоименных слов. Микросистема личных местоимений занимает в структуре любого языка, английского в том числе, особое место. Личные местоимения характеризуются «неопределенностью», они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы «беспредметным» /Виноградов, 1972: 270/. Так, личное местоимение *Я* в зависимости от ситуации речи может относиться к ребенку, к взрослому человеку, к мужчине, к женщине, т.е. к каждому человеку, лицу, индивиду, который в данный момент является го-

ворящим лицом. Аналогично местоимение *you* может обозначать любого человека (человека любого пола, возраста, профессии, статуса и т.д.), который в данный момент является слушающим и воспринимает речь говорящего. Вместе с тем местоимения *I* и *you* в любой ситуации речи указывают на говорящего и слушающего, отвлекаясь от других признаков, характеризующих человека.

В большинстве языков личные местоимения представлены формально трехчленной системой. Такова система личных местоимений и в английском языке. Другие языки имеют более развитую систему местоимений, где релевантными оказываются пол, социальный статус, степень близости собеседников и т.д. В рамках местоименной парадигмы концептуализируются и категоризируются знания человека об участии в речевой ситуации, одушевленности/неодушевленности объектов, об их вхождении/невхождении в личную сферу говорящего/наблюдателя и т.п.

В современной лингвистике давно уже утвердилось положение о том, что передаваемое личными местоимениями *I* и *you* значение связано с выражением понятий «уникальности», «субъективности», «индивидуализации». Как известно, впервые это положение было представлено в работах В. фон Гумбольдта, который связывал понятие «я» с осознанием личности, осознанием индивида /Гумбольдт, 1984/. Аналогичную точку зрения находим у Э. Бенвениста, для которого личные местоимения явились той опорной точкой, на которой основывалась развиваемая им теория субъективности в языке. Один из основных постулатов этой теории выражается в следующем: «Идентифицируя себя как единственное лицо, произносящее «я», каждый из говорящих поочередно становится «субъектом»... Это свойство и лежит в основе индивидуальной речи, когда каждый говорящий как бы берет язык для

личного пользования» /Бенвенист, 1974: 288/. По определению Ю. С. Степанова, «Я» – это высшая степень индивидуализации, которая может быть достигнута средствами языка» /Степанов, 1981/. Характеристика участника коммуникации как *индивидуальности, личности*, взятой в ее единственности, и составляет главное отличие местоимения «я» от такого синонимичного выражения, как «произносящий данные слова», а местоимений «ты» и «вы» – от «моя собеседница», значение которых сводится к указанию на отношение участников события к тому акту речи, в котором это событие описывается. Значения местоимений «я» и «ты», самым общим образом характеризую участника события (актанта ситуации в терминологии О.Н. Селиверстовой) как индивидуальность, личность, лишь указывают на то, *кто* получает данную «характеристику»: в случае с «я» – это говорящий, в случае с «ты» – это слушающий. При этом центральное место в значении занимает информация об индивидуализированном представлении актанта ситуации, а информация о его соотнесенности с говорящим или слушающим отесняется на задний план /Селиверстова, 2004: 410-411, 413/.

Как уже отмечалось, I и you являются единственным средством *указания* на говорящего и слушающего. Сема «отнесенность к говорящему лицу» является категориальной (обязательной и центральной) семой в содержательной структуре всех личных местоимений, т.е. все личные местоимения соотносятся с точкой «я» (эго), поэтому смысловое содержание этих знаков может быть установлено исключительно прагматически, то есть из ситуации речевого акта. Личные местоимения первого и второго лица, являясь «устойчиво дейктическими элементами» /Кибрик, 1990/, отсылают к единственному референту, личность которого при каждой отсылке определяется прагматическими факторами: местоимение 1-го

лица указывает на того, кто в данный момент производит высказывание, местоимение 2-го лица – на того, кому адресовано данное высказывание. Как пишет Э. Бенвенист, «личное местоимение «я» имеет референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего. Каждое «я» имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. <...> «Я» не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит, и только посредством него. «Я» – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы *я*; *ты* – это индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы *ты*» /Бенвенист, 1974: 285-287/.

Значимость местоимения второго лица *you* в реализации фатической (контактоустанавливающей) функции языка трудно переоценить. Как правило, в большинстве языков именно местоимения второго лица оказываются наиболее дифференцированными по категории вежливости. Так, в русском и армянском языках в речевом этикете различаются формы обращения к собеседнику: выбор между местоимениями 2 лица единственного числа «*ты*»/«*դու*» и вежливой формой (местоимения 2 лица множественного лица) «*Вы*»/«*Ձեր*» обусловлен, в частности, относительным социальным статусом говорящего и адресата, а также регистром общения [10].

Средства выражения фатического значения разнообразны, они имеются на всех уровнях языка, реализуют в речи значение адресованности речи другому лицу и образуют постоянно действующую систему, состоящую из специализированных и неспециализированных средств обозначения адресата или средств, говорящих о направленности ему речи. Ад-

ресованность понимается как отнесенность данного высказывания к субъектной сфере слушателя с целью воздействия на него, побуждения к определенным ответным действиям, поступкам. В английском языке, как и во многих других, существуют специализированные средства выражения адресованности речи, маркеры направленности ее конкретному или обобщенному адресату. Организующим центром при этом является личное местоимение *you*: общий показатель адресованности речи выражается указанием на 2-е лицо. Эта категория 2-го лица выполняет несколько функций, из которых следующие две представляют интерес в контексте нашего исследования: 1) собственно семантическая дейктическая функция соотнесения участников обозначаемой ситуации с участниками речевого акта (соотнесение как пересечение или непересечение); 2) семантико-прагматические функции, связанные с передачей точки зрения говорящего на соотношение обозначенной ситуации и ситуации речи /Бондарко, 1990: 7/.

Специфика личных местоимений объясняется также и наличием у них особой личностной сферы: местоимение *I* обладает рефлексивной персональной сферой, указывает на лицо говорящего; местоимение *you* имеет переходный статус в том смысле, что для него характерна сфера и субъекта (*you* рефлексивно указывает в акте речи на адресата), и объекта по отношению к личному местоимению *I*.

Поскольку личные местоимения и вся дейктическая лексика способны транслировать прагматические особенности общения, являющиеся главным фактором, организующим высказывание, как и весь дискурс в целом, переведем все вышесказанное в плоскость социопрагматики и рассмотрим роль личных местоимений с этой точки зрения.

Как показывают современные психолингвистические исследования, любое общение следует рассматривать как знаковую «активность *сотрудничающих личностей* /выделено

нами. – Е.Е./, конечная цель которой – организация совместной деятельности» /Тарасов, 1996: 20/. Опираясь на такие важные координаты речевой ситуации, как лицо, место и время, говорящий своими речевыми действиями, соответствующими его коммуникативным намерениям и цели, а также выбранной общей коммуникативной стратегии и тактике, управляет деятельностью (действиями) слушающего.

Прагматические отношения, возникающие при речевой коммуникации у адресата (слушающего), не менее сложны, и последний, можно сказать, в некоторой степени даже определяет деятельность говорящего. Принимающий сообщение (слушающий/адресат) занимает определенную интеллектуально-эмоциональную позицию по отношению к адресанту (говорящему), а также воспринимаемому высказыванию и сообщаемой информации, результатом чего может быть какая-то реакция или ответные действия. Весьма принципиально в этом отношении адекватное видение прагматической ситуации *обоими* участниками коммуникативного акта, соотнесение точек зрения говорящего и слушающего с помощью развитой системы дейктических языковых средств и, в первую очередь, личных местоимений как «социальных» дейктиков.

Показатели социального статуса коммуникантов – их служебное положение, личностные характеристики, возраст, пол и т.п. – так или иначе находят свое отражение в процессе коммуникации. Все они учитываются говорящим при выборе адекватных ситуации общения языковых средств, в значение которых включена информация о социальной роли и статусе референтов – участников коммуникации.

Поэтому правила построения высказываний «выполняются» во многом благодаря правильному выбору говорящим *дейктических* элементов, в которых кодируется разнообразная информация, способствующая идентификации коммуникан-

тов, социального статуса и социальной роли говорящего и адресата, их взаимоотношений, личной и групповой идентичности, т.е. всех тех элементов, которые позволяют оценить степень вежливости высказывания.

Исходя из того, что помимо дейксиса лица, места и времени, существует и дейктическая маркированность социальных параметров коммуникации, некоторыми лингвистами, кроме традиционных и общепризнанных типов дейксиса (личный, пространственный, темпоральный), выделяется также и социальный дейксис как один из его видов.

Впервые понятие социального дейксиса было введено в лингвистический оборот Ч. Филлмором /Fillmore, 1975/. Впоследствии находим эту мысль и у других авторов /Levinson, 1983; Renkema, 1993; Yule, 1996/. По их определению, социальный дейксис охватывает «те аспекты предложений, которые отражают или обусловлены какими-то реальностями социальной ситуации, где совершается речевой акт»; он связан с кодированием социальных различий между участниками коммуникации и, в первую очередь, отношений между говорящим и адресатом /см.: Fillmore, 1975: 76; Bean, 1978: 9; Levinson, 1983: 87-89/. В этом контексте функционирование категории вежливости в языке можно рассматривать как составляющую социального дейксиса и наоборот.

Заметим, что во многих языках (особенно это характерно для языков Юго-Восточной Азии) градация отношений между коммуникантами кодируется через морфологическую систему, включающую так называемые онорифики “honorifics”, которые можно описательно выразить как слова, выражающие почтение /Levinson, 1983: 63/. Отсутствие таких систем в некоторых европейских языках отражает разницу в способах «кодирования» социальной информации и восполняется использованием иных средств.

Следует отметить, что далеко не все исследователи сходятся во мнении относительно этого вопроса – выделения социального дейксиса как отдельной категории, хотя и признают, что взаимоотношения участников речевого акта определенным образом индексируются в речи через языковые элементы, обозначающие степень социальной дистанции и характер общения между коммуникантами, тем самым выделяя социальный дейксис как компонент, дополняющий традиционную триаду дейктических категорий /Head, 1978; Rauch, 1983; Leech, 1983; Holmes, 1992; Thomas, 1995/.

Социальный дейксис, включающий дейктические формы вежливости, перекликается с личным дейксисом, поскольку оба вида дейксиса имеют одни и те же средства выражения, а именно личные местоимения: последние, кроме указания на ролевые отношения в акте коммуникации, несут в себе также и указание на социальные факторы, такие как степень близости, дистанции в отношениях между коммуникантами, коррелирующие с отношениями солидарности, власти и подчинения и т.п.

В литературе встречаем попытку «разведения» категорий личного и социального дейксиса через различение двух типов контекстов – ситуативного и социального. Ситуативный контекст актуализирует непосредственных участников коммуникации (адресанта и адресата) в контрасте с третьим лицом, не участвующим в коммуникации, а также локализацию участников коммуникации в пространстве и времени (личный, пространственный и временной дейксис). Социальный контекст актуализирует взаимоотношения между коммуникантами и их отношение к окружающей действительности через референцию к социальной стратификации и дистанции (социальный дейксис) /Колобова, 2008/.

Как бы то ни было, любой дискурс, каждое высказывание маркировано с точки зрения кодирования социальных разли-

чий между участниками коммуникации, и рассмотрение этого факта как проявления личного дейксиса или социального не меняет сути дела. Очевидной и не вызывающей сомнения является способность личных местоимений как дейктических единиц кодировать социальные различия между говорящим и слушающим: личные местоимения содержат в себе информацию о социальном статусе коммуникантов, указывают на «характер общения и на степень социальной дистанции между говорящим и адресатом или говорящим и теми, о ком идет речь» /Head, 1978; Rauch, 1983: 38; Leech, 1983: 126, 137; Holmes, 1992: 12; Thomas, 1995: 129; Макаров, 2003/, а это непосредственно связано с категорией вежливости, что делает «социальные» дейктики типичными маркерами вежливости.

Как пишет С.С. Дрига, «асимметричные социальные отношения позволяют собеседнику с более высоким социальным статусом «регламентировать», то есть осуществлять «мониторинг» мены коммуникативных ролей как в официальном дискурсе, так и неофициальном. Необходимо отметить, что в подобных речевых ходах по способу инициации мены коммуникативных ролей часто манифестируются элементы социального дейксиса. С одной стороны, в речевых сигналах мены коммуникативных ролей может содержаться относительная информация социально-дейктического характера, символически обозначающая степени социальной дистанции. С другой стороны, в регуляции мены коммуникативных ролей участвует абсолютная информация социально-дейктического характера, в том числе и символы социальных ролей коммуникантов, имеющих в данном институте особый статус или особые полномочия» /Дрига, 2010/.

Уместное и правильное, т.е. соответствующее конкретной ситуации речевого акта употребление дейктиков дает возможность говорящему наиболее точно передать партнеру по ком-

муникации свою интенцию и добиться желаемого результата, а слушающему, находящемуся в той же ситуации общения и имеющему с говорящим общий язык, культуру, традиции, т.е. общий фонд знаний, понять, воспринять и адекватно среагировать.

4.3.6 Роль дейксиса в реализации категории вежливости

В реализации категории вежливости особо важную роль играют регулирующие межличностные отношения дейктические языковые средства. В первую очередь, социальную дейктическую функцию несут элементы, связанные с категорией первого и второго лица.

Типичная ситуация высказывания носит эгоцентрический характер – ведется от первого лица. Семантические явления, свидетельствующие об уникальности категории 1-го лица, довольно многочисленны и разнообразны. Одно из них восходит к способности данной категории 1-го лица оказывать особое семантическое влияние на контекст, в котором оно употребляется.

Высказывания от 1-го лица, на первый взгляд, лучше всего отвечают потребности в самовыражении говорящего. Однако именно этот ярко выраженный «эгоцентризм» таких высказываний может оказаться в ряде случаев определенной помехой в общении, так как «я»-высказывания нередко воспринимаются как подчеркивающие, выпячивающие роль говорящего. По этому поводу И.С. Кон пишет: «Подобно прямому взгляду в глаза, который у многих животных служит знаком вызова, да и у людей тщательно регламентируется, обращение от 1-го лица, независимо от своего содержания, имеет оттенок

самоутверждения» /Кон, 1978: 134/. Поэтому не случайно в языке выработаны формы, позволяющие смягчить, затушевать «эгоцентризм» и категоричность «я»-высказываний. Анализ материала показывает, что существует ряд языковых форм, которые помогают говорящему как бы отойти на задний план и «укрыться за ними». Например, за обобщающим «мы» или характерным для английского языка обобщенно-личным *one* или *you*. Такие формы позволяют нейтрализовать, уравновесить эгоцентричность «я»-высказываний, хотя и следует учитывать, что свойственная им стилистическая ограниченность, а также некоторая претенциозность, характерная особенно для предложений с местоимением *one*, во многих случаях просто исключает их употребление в качестве форм для «я»-высказываний. Так, когда говорящий сообщает что-либо о себе лично, такая замена на *we* или *one* будет давать искаженную информацию и может просто привести к недоразумениям, к непониманию.

Тем не менее наличие в современном английском языке ряда языковых форм, которые помогают хотя бы минимизировать эгоцентризм высказываний от 1-го лица, представляя пропозицию с нескольких сторон, а значит и более объективно, свидетельствует о «продуктивности» данного способа преодоления нежелательных «столкновений» между коммуникантами и острых углов при общении.

Как уже отмечалось, Принцип вежливости, направленный на сохранение «лица» коммуникантов, реализуется посредством ряда речевых стратегий, среди которых особенно значимыми являются следующие: «солидаризирующие» (через конструирование атмосферы внутригрупповой идентичности и вовлечение говорящего и слушающего в совместную деятельность) и «дистанцирующие» (через минимальное регулирование действий адресата и принятие на себя долга по отношению

к адресату). В основе сближения и дистанцирования, которые являются гиперстратегиями вежливости (ибо достигаются более частными стратегиями и тактиками), лежат разнонаправленные коммуникативные действия, используемые для достижения наиболее общих коммуникативных целей. Различие в данных стратегиях вежливости соответствует различию в статусно-ролевом представлении на индивидуальном и социальном уровнях: индивидуальная/коллективная идентичность участников коммуникации также маркируется социальными дейктиками.

Рассмотрим подробнее, какими дейктическими средствами объективируются данные стратегии в английском языке.

Наиболее ярко указанные стратегии коммуникативного поведения реализуются через личное местоимение *we*, которое относится к числу распространенных средств смягчения категоричности высказывания в английском языке.

Прежде чем перейти к рассмотрению местоимения 1-го лица множественного числа *we* в указанной функции, приведем краткую характеристику данного местоимения, свидетельствующую о своеобразии семантики разных форм личных местоимений в целом.

Помимо роли, выполняемой тем или иным участником речевого акта, во многих случаях бывает необходимо более точно охарактеризовать состав его участников: прежде всего указать, является ли данный участник речевого акта индивидуальным ('одно лицо') или коллективным ('группа лиц') и кто именно составляет этот «коллектив», т.е. определить его индивидуальную или групповую идентичность. Следует отметить, что в количественной оппозиции единичности/множественности отражается противопоставление определенного/неопределенного лица. Эта оппозиция является основной организующей оппозицией во всем поле персональности и в од-

ной из его подсистем – Указательном Поле Лица. В коммуникативной сфере она базируется на количественной оппозиции единичности/множественности. Данная сфера поля представляет единичный и множественный личный субъект.

Множественный (коллективный) характер участника речевого акта обозначается с помощью категории числа; более точные указания относительно «состава» участников возможны с помощью так называемой категории «кклюзивности» (*clusivity*).

Как пишет В.А. Плунгян, «категория *числа* различает на множестве локуторов (участников речевого акта. – Е.Е.) те же две или три граммы, что свойственны ей и на множестве обычных существительных: ‘единственное число’, ‘двойственное число’, ‘множественное число’. В системах местоимений граммема двойственного числа встречается чаще, чем у существительных, и во многих языках местоимения – единственный класс лексем, различающих двойственное число. Семантика категории числа у местоимений имеет некоторую специфику; так, комбинации граммем 1 дв соответствует значение ‘говорящий и другое лицо’; комбинации 1 мн – значение ‘говорящий и несколько других лиц’; комбинация 2 дв – как значение ‘два адресата’, так и значение ‘адресат и другое лицо’ и т.п. Иначе говоря, значение несингулярных личных местоимений может быть (а в первом лице регулярно бывает) несимметричным: оно устроено не по принципу ‘X в количестве n’, а по принципу ‘группа из лица X и других лиц в количестве n’» /Плунгян, 2011: 313/. Разумеется, так называемая кклюзивность в языке может выражаться и при отсутствии категории двойственного числа, равно как и наоборот; в таких случаях возникают более редуцированные системы.

Уточнение состава участников речевого акта с помощью категории *кклюзивности* происходит, главным образом, за счет

того, что дополнительно сообщается, входит ли в состав коллективного первого лица также и второе [11]. Во многих языках выделяются две формы первого лица множественного числа, так называемая инклюзивная форма множественного числа (при обязательном вхождении адресата в коллективное первое лицо) и эксклюзивная форма множественного числа (при обязательной исключенности его из коллективного первого лица) [12]. Теоретически возможным оказывается целый ряд других комбинаций. Однако, по свидетельству В.А. Плунына, не все теоретически возможные «комбинации» в настоящее время надежно засвидетельствованы в языках.

Местоимения «я» и «ты», идентифицирующие говорящего (адресанта) и слушающего (адресата), обладают уникальной референцией и характеризуются максимальной определенностью. Реальная коммуникативная содержательность противопоставления по лицам и признак определенности снижаются в форме множественного числа *we*, обозначающей совокупность *неоднородных* референтов. Как мы уже отмечали, «мы», образно говоря, – это не ‘я + я + я’, а «вы» – не ‘ты + ты + ты’, т.е. здесь множественное число обозначает вовсе не множество ‘я’ или множество ‘ты’ (ср. столы – это стол + стол...), поскольку они единичны по природе. Это возможно, ‘я + ты’ или ‘я + вы’ или ‘я + ты + он’ и т.п. Примечательно, что В. В. Виноградов предлагал трактовать ‘мы’ как ‘я – другие’, где ‘другие’ мыслится как переменная /Виноградов, 1972: 266/.

В ряде теоретических работ можно найти спорадические замечания о сущности этих местоимений. Так, Э. Бенвенист приходит к выводу о том, что в значении эксклюзива подчеркнута ‘я’, а инклюзива – ‘ты’. По мнению О.А. Гульги, семантические толкования местоимений множественного числа основаны на том, что личные местоимения единствен-

ного числа обязательно соотносятся с участниками речевого акта, в то время как местоимения множественного числа могут называть также людей, в нем не участвующих /Гулыга, 1979/. Следовательно, толкование местоимений множественного числа должно состоять из двух частей – собственно дейктической, связанной с речевым актом и указывающей на непосредственных участников речевого акта, и факультативно дейктической. Каждая из этих частей представлена множеством своих вариантов, комбинируя которые можно исчислять различные значения/смыслы у местоимений множественного числа. Ввиду того, что каждый участник речевого акта наделен определенной коммуникативной ролью, собственно дейктические части в семантике местоимений множественного числа могут быть представлены как комбинации этих ролей.

В английском языке при отсутствии категории двойственного числа имеются более редуцированные системы, различающие пары лексем со значением ‘мы, включая тебя’/‘мы без тебя’ или ‘мы двое’/‘мы многие’ и т.п. Так, инклюзивная форма (we-inclusive-of-addressee) обозначает говорящего вместе со слушающим в смысле I и you вместе, we, включая и you тоже. Такое 1-е лицо множественного числа (инклюзивное) отличается от 1-го лица множественного числа, которое обозначает говорящего вместе с другими людьми, однако, исключая слушающего (we-exclusive-of-addressee). Рассмотрим вышесказанное на примерах:

1. говорящий и другие люди (в том смысле, что они не должны обязательно участвовать в речевом акте), но не адресат(ы) речи – *первое лицо множественного числа, эксклюзив (1 мн.экс):* т.е. ‘мы без тебя’, ‘я и другие люди, но не ты’, как, например, в

(1) “We are committed, myself and the woman,” said Blackbeard (BNC: Staples M. Sergeant Joe. London, 1992).

(2) “We were two of the seventy people who took part in that course, you know” (BNC: APJ Report on visit to Peto Institute).

(3) We enclose a copy of this and we hope that you will find time to read it and see what CPRW has been up to during the past year (BNC).

(4) “I hope we do not interrupt you” he said with mock formality. “We, not you, did it. And how can you dare to behave so?” (BNC: Rowlands B. Over the edge. London, 1993).

Как видно из приведенных примеров, дополнительная информация о том, что в состав *we* не входит второе лицо (слушатель), может быть выражена по-разному: *имплицитно*, как в предложении (1) – myself and the woman; *опосредованно*, как в предложении (2) – об этом говорит обращение you know и в предложении (3) – посредством противопоставления we enclose... and you will find time...; а также *эксплицитно*, как в предложении (4) – we, not you... .

2. говорящий, адресаты речи и другие люди – *первое лицо множественного числа, инклюзив* (1 мн.инк): т.е. ‘мы, включая тебя’, ‘я, ты и кто-то еще’, ‘мы многие’, как, например, в

(1) That, Dr Jardine, is not challenge, many of us can say we have met (BNC: Appignanesi L. Memory and desire. London, 1992).

(2) We know that Michelangelo regarded the marble he worked in as his own personal enemy (BNC: Osborne R. Conversations with Karajan. Oxford, 1991).

Несколько неоднозначно предложение ‘We all are here – both of us, and Fagin, Sikes, Nancy...all of us’ (BNC: Dickens Ch. Oliver Twist. Oxford, 1992). Оно может быть интерпретировано как ‘мы многие’ с двумя возможными вариантами: both of us может указывать как на включение слушающего в состав *we*, также и на его невключение в *we*.

3. говорящий, адресат речи и только они – *первое лицо двойственного числа, инклюзив*. Таково традиционное на-

звание лексемы с этой семантикой: 1 дв. инк ‘я и ты’, ‘мы двое’ [13].

(1) “I think we’ve passed the point of shaking hands, Fran, don’t you?” (BNC: Taylor J.R., *Destined to love*. Surrey, 1992);

(2) “We know a lot of things,” I retorted, “but we can't prove anything” (BNC: Clynes M. *The white rose murder*. London, 1992).

Общая ситуация, описываемая в рассказе, указывает на двух участников события – говорящего и слушающего – и имеет здесь смысл ‘мы двое’. Аналогично предложение I suggest we forget all about it. Her living image (BNC: Rogers J. London, 1990).

Рассмотрим еще одно высказывание: ‘What are we supposed to do?’, имеющее, по крайней мере, два возможных варианта интерпретации в зависимости от прагматической ситуации. Если это высказывание звучит в устах учителя, обращаясь к студенту/студентам в аудитории, то *we* будет инклюзивным (имеются в виду я-говорящий и слушатели-студенты). Если же высказывание адресовано преподавателю со стороны студентов, то *we* будет эксклюзивным, т.е. исключаящим слушателя, в данном случае преподавателя.

Заметим, что различие инклюзивной и эксклюзивной форм 1-го лица множественного числа охватывает широкий круг языков. Противопоставление по «кклюзивности» обычно характеризует целые языковые ареалы (как это имеет место на Кавказе, в Австралии и Новой Гвинее, в Южной Америке и др.). Структурно-типологический анализ местоименных систем различных языков мира, проведенный С.Ф. Членовой, свидетельствует о том, что исходной (ядерной) системой личных местоимений (три лица и два числа) характеризуется большинство языков. Для остальных языков характерны трансформации трех типов: расширение, сокращение и углуб-

ление ядерной системы. Это так называемое «углубление» системы личных местоимений за счет дифференциации инклюзивного и эксклюзивного местоимений внутри первого лица множественного числа можно рассматривать как способ внутреннего уточнения неопределенного характера множественности у личных местоимений. В отличие от расширения, уточняющего понятие множественного числа механически, углубление и, в частности, различие по инклюзивности указывают на способ составления или на внутренний состав самой неопределенной множественности /Тронский, 1946/.

Эксклюзивная форма определяется очерчиванием границы понятия, т.е. указанием того, что в него не входит. Так, эксклюзивное «мы» обозначает группу людей, в которую входит говорящий, но не входит слушающий. Инклюзивное «мы», напротив, определяется изнутри, перечислением состава множества, и обозначает группу людей, в которую входят как говорящий, так и слушающий. Заметим, что это различие не находит в английском языке прямого непосредственного выражения, однако, по свидетельству Ч. Филлмора, возможно его косвенное выражение /Fillmore, 1971/. Так, «свертывание» *let us* в *let's* возможно лишь в случае, если *us* употребляется инклюзивно: ср. '*Let's go to the cinema.*' и '?*Let's go to see you tomorrow*'.

В целом местоимение первого лица множественного числа в английском языке является, в основном, инклюзивным. Реальное содержание, выражаемое формой множественного числа *we*, представляет собой совокупность лиц: 'I' – говорящего лица, 'you' – его собеседника (слушающего), в отдельных случаях – группу, аудиторию слушающих, потенциальных собеседников.

Использование инклюзивных местоимений позволяет вызвать положительное отношение у адресата и сформировать мотивацию к сотрудничеству. Классическим примером такого

«мы» является употребление врачами местоимения первого лица множественного числа для выражения милосердия, сродобольности, сочувствия больному – *Как мы себя чувствуем?, Что нас беспокоит?*, рассчитанное на дальнейшее «сотрудничество». Как видим, здесь реализуется стратегия солидаризации с пациентом/адресатом через моральную его поддержку. Стратегия солидаризации с адресатом заключается в максимальном привлечении говорящего к сфере переживаний собеседника, а моральная поддержка – это попытка улучшить эмоциональное состояние собеседника и оказать помощь в случае его психологического дискомфорта.

Хотя в английском языке, как известно, говорящий может «проигнорировать» количество собеседников (единственное и множественное число второго лица передаются одинаково местоимением ‘you’), заметим, что содержание местоимения второго лица множественного числа отличается простотой значения и может включать, кроме конкретного адресата, другие определенные лица (ты + ты + ты) и передавать дейктическое значение ‘адресаты речи и только они’, ‘с кем я сейчас говорю и больше никто’, как в общеизвестном высказывании «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор» (Н. Гоголь) или в “So you need to find, you can, I actually did it with Paul's class in one week!” (BNC: Teachers' conference: discussing tutorial programme (Educational/informative)). В случае *обобщенно-личного you* оно может включать и неопределенное множество однородных референтов ‘ты + они’, ‘адресаты речи и другие люди’ /см. подробнее об обобщенно-личном *you*: Тонян, 2007/.

В английском языке местоимениям *we* и *you* (в значении «вы») противопоставляется местоимение *they*, представляющее множество однородных референтов. Это местоимение 3-го лица множественного числа, кроме привычной анафорич-

ческой функции, может выражать в тексте неопределенное множество лиц. Вот такая «размытость границ» значений личных местоимений и их способность указывать как на конкретное лицо, так и на неопределенные в количественном отношении группы обуславливает их высокий прагматический потенциал, который и служит основанием для выполнения ими функции смягчения категоричности высказывания.

Языковое поведение рассматриваемых местоимений, «характеризуемое синкретизмом и именуемое как «передвижение лиц», отражает в своей глубинной структуре сложные формы социальных взаимоотношений людей», выражая информацию социально-дейктического характера. Эти вторичные номинативные семантические функции местоимений носят ярко выраженный *прагматический* характер, при этом соединяя денотативную (объективную) и коннотативную (субъектно-оценочную) информацию. Таким образом, местоимения становятся индикаторами социально-психологических сдвигов.

После рассмотрения общих референциальных характеристик личных местоимений и, в частности, местоимения 1-го лица множественного числа *we* с помощью так называемой категории «кклюзивности» вернемся к анализу последнего с точки зрения его роли в выражении категории вежливости.

Высказывание, содержащее местоимение *we*, иначе «*we* (мы)-дискурс», или «мы»-высказывание, носит социальный характер и потому основано на социально-дейктических маркерах, к которым, прежде всего, относятся личные и притяжательные местоимения. Заметим, что конструирование групповой (социальной) идентичности соотносится с описанным в Главе 2 настоящей работы Принципом Кооперации Г. Грайса, следование которому является залогом успешности протекания диалогового взаимодействия. Как известно, нарушение, несоблюдение постулатов Принципа Кооперации может при-

вести к коммуникативной неудаче, сбою в общении, при котором «определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения, т.е. имеет место неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» /Городецкий и др., 1985: 64/. Немного более развернутое, но в целом аналогичное определение применительно к коммуникативной неудаче дают О.Н. Ермакова и Е.А. Земская, характеризуя ее как «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, а также возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» /Ермакова, Земская, 1993: 602/.

«Построение» групповой идентичности, соблюдение принципа сотрудничества через совместную деятельность участников коммуникации по достижению взаимопонимания и изначальная установка на избежание конфликта представляются основополагающими принципами для конструирования и ведения дейтически маркированного «*we*-дискурса».

Помимо описанных выше особенностей местоимения *we*, свидетельствующих о его семантическом своеобразии, оно несет в себе широкий спектр прагматических оттенков и имеет разное истолкование в литературе. Так, кроме терминов «инклюзивное»/«эксклюзивное», определяющих семантику данной языковой единицы, встречаем также и другие понятия, характеризующие данное местоимение в прагматическом ключе: «величественное», «торжественное», «царское», «королевское» ('royal') /Brown&Levinson, 1987; Булыгина, Шмелев, 1997/, «научное», «скромное», «авторское», «солидарное» /Апресян, 1988: 35/. По этому не случайно К. Уэлс пишет, что референты местоимения *we* практически неисчерпаемы: "The

actual discourse referents of 'we' are seemingly limitless, for 'we' can include first, second and third persons /Wales, 1996: 63/. Основное различие, как уже отмечалось, выражается через оппозицию «инклюзивное» – «экслюзивное». Следует заметить, что семантика и прагматика настолько тесно переплетены в данном местоимении, что трудно провести четкое разграничение между ними, часто одно является следствием другого и наоборот.

В свете Теории лингвистической вежливости считается, что «инклюзивное», или, в терминологии Х. Хаверкейта, «псевдоинклюзивное» *we* /Haverkate, 1992/, указывая на вовлеченность как говорящего, так и адресата в каузируемое действие, является показателем скромности и внутригрупповой солидарности /Brown&Levinson, 1987; Haverkate, 1992; Wales, 1996/. Так, укреплению авторитета слушающего, т.е. удовлетворению его стремления быть принятым в данной коммуникативной ситуации и вообще в обществе, способствует предложение сделать что-либо вместе, например: *Can we begin the work tonight?* или *When would it be convenient for us to discuss the matter in more detail?*. Ср. также *'We don't sit on tables, Harry'* как выражение обобщения, смягчающее «директивность» побуждения к действию.

Употребление обобщающего «мы» встречаем и в конструкциях с 'I wonder if': *"I wonder if we could persuade you to come and eat a chop with us."*: здесь очевидно, что первое *we* со значением причастности (involvement) – экслюзивное, оно используется говорящим для большей убедительности.

«Экслюзивное» *we* употребляется, когда говорящий старается не употреблять 'I' или 'my' во избежание выпячивания своего «я» и резкости суждения. Примером этого может служить так называемое «royal» *we*, которое может обозначать непосредственно царствующую особу (ср. знаменитое «*Мы, Николай Второй...*») или всю эту машину в целом (institutional

'we'); при этом второе *we* также может иметь две интерпретации: весь этот институт, *включая* правителя или *исключая* его. Сравним также «научное» *we*, которое часто употребляется в современных научных текстах как средство авторизации. Считается, что это *we* знаменует авторскую скромность, а также является свидетельством опоры на идеи коллег и т.п.

Примером разного 'we' являются распространенные в английском языке конструкции 'let's' («инклюзивное») и let us («инклюзивное» и «эксклюзивное»). Например, высказывание 'Let's go to the cinema' включает как говорящего, так и слушающего; с другой стороны, в высказываниях 'Let us alone.', 'Let us see him alone.', 'For god's sake, let us go inside.' наиболее вероятно «исключение» слушающего из 'we', поэтому здесь имеем дело с «эксклюзивным» значением местоимения. Как отмечалось выше, по наблюдениям Ч. Филлмора, стяжение *let us* в *let's* уместно только в том случае, если *us* «воспринимается» инклюзивно /Fillmore, 1971/.

Рассмотрим следующее высказывание с «инклюзивным» *we* в ситуации, где студент просит своего однокашника помочь ему: "Andy, let's tidy up the kitchen a little". Говорящий, употребляя *we (us)*, направляет просьбу как бы и к себе, и к адресату одновременно, тем самым избегая прямого обращения к нему. Конечно, вовлечение говорящим самого себя в предлагаемое действие вряд ли можно считать однозначным, так как нам неизвестно его истинное намерение. Тем не менее, поскольку интенцией говорящего является побудить адресата к действию (clean the kitchen), наиболее вероятной является именно эта цель и, несмотря на то, что 'I' и 'you' практически сливаются в 'we', просьба адресована именно к слушающему. И здесь адекватная интерпретация высказывания возможна лишь с опорой на более широкий контекст. Как пишет К. Уэлс, "although in general the inclusive 'we' implies joint activity, in

different contexts there is actually a greater pull either towards egocentricity <...> or a directive or vocative function /Wales, 1996: 63/. Другими словами, “depending on the context the use of ‘we’ which (on the surface) shows involvement in the activity, would mean either ‘you’ or ‘I’” /Brown&Levinson, 1987: 127/. И тем не менее «директивность» высказывания здесь довольно ослаблена, выражена неявно, поскольку, говорящий, как бы «принимая на себя обязательства» по выполнению действия совместно с адресатом, выражает свою причастность к побуждаемому действию. Поэтому конструкцию *‘let’s’* можно считать продуктивной при реализации солидаризирующей стратегии объединения говорящего и адресата в единый дейктический центр высказывания.

В высказываниях типа *‘Let’s discuss this further at your convenience’* употребление говорящим «инклюзивного» *‘s* и *let* в РА предложения смягчает побуждение к действию и повышает степень вежливости высказывания: данная стратегия демонстрирует единство и солидарность говорящего и слушающего, уменьшает социальные различия между ними, подчеркивает повышенное внимание и интерес говорящего к адресату в процессе коммуникации, создает атмосферу внутригрупповой идентичности. Вместе с тем, как известно, эта конструкция более характерна для разговорного стиля, что значительно ограничивает возможности ее употребления. Кроме того, при употреблении этой конструкции говорящим должны быть учтены такие прагматические параметры, как: 1) говорящий по своему социальному статусу не может быть ниже адресата; 2) говорящий и слушающий должны быть знакомы друг с другом.

Следующее высказывание может служить примером «эксклюзивного» *we*: *“Friends, we are collecting money for students who are financially not well off.”* Здесь описывается ситуация, в

которой звучит обращение к классу с просьбой пожертвований с благотворительной целью для Красного Креста. «Эксклюзивное» *we* употребляется для обозначения говорящего и организации 'Red Crescent' (BNC), представителем которой он является. Очевидно, что *te*, к кому обращена просьба, не «входят» в значение *we*.

Так, на примере местоимения *we* мы попытались выявить семантический и прагматический заряд личных местоимений и показать их потенциальные возможности в трансляции говорящим своих намерений с целью достижения наибольшего эффекта и желаемого результата относительно вербального и невербального поведения партнера по коммуникации.

4.3.7 Дейксис как маркер категории «свой-чужой»

Принципы, регулирующие процесс общения, выступают некими ориентирами, на основе которых адресат декодирует высказывание, извлекая его значение. Они в наиболее обобщенном виде выражают принятые в обществе правила, моральные нормы и отвечают ожиданиям коммуникантов при речевом общении. Эти правила и моральные нормы находят отражение на лингвистическом уровне в отборе языковых средств, используемых говорящим при конструировании высказываний во время общения.

Как отмечалось выше, одной из наиболее характерных и важных коммуникативных стратегий, широко используемых в качестве средств негативной вежливости, столь характерной для английской лингвокультуры, является стратегия дистанцирования.

Коммуникативная стратегия дистанцирования имеет динамический характер и актуализируется по мере развертыва-

ния дискурса. Данная стратегия, как, впрочем, в определенной степени и стратегия сближения, выражается в оппозиции «свой – чужой», на которую ориентируется говорящий при оценивании ситуации общения. Ее целью является изменение ценностной ориентации адресата в соответствии с языковым выражением целей, намерений и коммуникативных установок говорящего. Напомним, что негативная вежливость предполагает соблюдение нужной дистанции, подчеркивающей отсутствие давления на собеседника, проявление уважения его независимости, его личной автономии и в определенной степени повышение статуса адресата посредством «уничуждения» собственного положения говорящего. Образно говоря, в определенном смысле негативная вежливость это общение среди «чужих».

Заметим, что в реализации оппозиции «свой-чужой» значительную роль играет социальный дейксис, который непосредственно связан со спецификой общения между говорящим и слушающим и выражением этикетных отношений между ними. Дейксис четко разграничивает «своих» и «чужих» по параметру принадлежности/непринадлежности к личному пространству говорящего (своего Я): то, что вовлекается в личную зону, ядром которой является говорящий Я, становится «своим», то, что находится за пределами личной зоны, характеризуется как «чужое».

Рассмотрим подробнее понятие личной сферы говорящего, реконструирование которой в каждой данной коммуникативной ситуации является ориентиром для кодирования и декодирования основного смысла высказывания и его вклада в успех коммуникации.

Прагматическую основу языковой системы составляет оппозиция «я–не-я», «я–другой». Личность существует только в своем стремлении к «другому», познает себя только через

«другого» и обретает себя только в «другом». Как пишет Э. Мунье, первичный опыт личности – это опыт «другой» личности. «Признавая существование другого субъекта, Я осознаю свои границы, следовательно, определяю себя» /Мунье, 1992: 39/. Особенностью познавательной способности человека/говорящего является то, что он воспринимает окружающую действительность по принципу «мое/не-мое», т.е. в зависимости от того, входит ли это в мое пространство (личную сферу) или нет. Здесь имеет место четкое разграничение между пространством говорящего (here) и пространством, удаленным от него, «чужим» (there).

Вышесказанное подводит нас к одной из проблем теории дейксиса, к вопросу о существовании некоторой сферы (пространства), в рамках которой функционируют дейктики. Это понятие *пространства говорящего* – необходимый элемент для адекватного описания дейктических систем и понимания контекста их употребления. В литературе встречаем разные названия того, что Ч. Филлмором определяется как home-base factor: «личная сфера» (Ю.Д. Апресян), «окрестность говорящего» (Е.С. Яковлева), «личное пространство говорящего» (А.В. Кравченко), «коммуникативное пространство» (В.Е. Гольдин) и т.п.

Введенный Ю.Д. Апресяном в лингвистический обиход термин «личная сфера говорящего» определяется исследователем как все, что находится в момент высказывания в сознании говорящего: сюда входит сам человек и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально. В более широком понимании «пространство человека может быть представлено в виде сферы, в которой он мыслит себя в момент речи или действительности, с которой тесно связано его поле зрения. Личная сфера подвижна – она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации» /Апресян, 1995: 645-646/. Это пространство являет-

ся не постоянной, а переменной величиной, зависящей от различных психологических и социальных факторов. Очевидно, что в семантике дейктиков I, this и here содержится идея близости, которая релевантна как для восприятия конкретных (физических) расстояний, так и для передачи умозрительной близости и для осознания социальной близости.

Аналогичную точку зрения высказывает А.В. Кравченко, который со ссылкой на работы психологов отмечает, что «личное пространство – это психологический феномен, указывающий на пространство, которое человек ассоциирует с собой, т.е. под личным пространством подразумевается окружающая тело человека область пространства с невидимыми границами, которые посторонним не разрешается пересекать» /Кравченко, 1992: 29/. Личным пространством обладает каждый человек, а значит и говорящий слушающий/адресат. В речевом акте личное пространство говорящего может совпадать с личным пространством адресата, а может и не совпадать. Третьим возможным вариантом может быть их пересечение. В канонической ситуации речи при взаимодействии говорящего и слушающего, делящих общее поле восприятия, значение местоимений указывает на включенность объекта/предмета в поле чувственного восприятия говорящего/наблюдателя или в поле зрения слушающего/адресата: I, this и here становится включенным в его личное пространство, you, that, there – исключается из этого пространства.

Немного специфичная точка зрения высказана Е.С. Яковлевой, которая при определении пространственных характеристик объектов относительно субъекта использует термин «окрестность говорящего», указывающий на окружающую человека область пространства, располагающуюся по горизонтали от него приблизительно на одном с ним уровне и при этом, как правило, совпадающую с поверхностью Земли. Кроме того, «окрестность говорящего» подразумевает известность, ос-

военность говорящим описываемого участка пространства. Применительно к «окрестности» признак «горизонтальность» выступает в «совокупности с эгоцентрической ориентацией объектов, и поэтому понятие «окрестность говорящего» не соотносится прямо с признаком «геоцентрическая ориентация». Проводя исследование на материале русского языка, Е.С. Яковлева замечает, что такая картина мира вырисовывается потому, что «категория дистанции в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией в пространстве, в этой области языковой семантики находит отражение «плоскостное», «равнинное» мышление говорящих, картина мира может быть другой, например, для языков горных народов /Яковлева, 1994: 26-30/.

Сравнивая приведенные интерпретации пространства человека, замечаем, что, если для первых двух понятий («личная сфера говорящего» и «личное пространство говорящего») релевантны как фактор конкретных расстояний, т.е. протяженности физического пространства, так и фактор *социальной близости/дальности*, то для понятия «окрестность говорящего» основным является принцип «освоенности», «известности» на уровне горизонтальной поверхности Земли. Отсюда можно заключить, что понятие «окрестность говорящего» актуально для исследования представлений лишь о физическом пространстве.

Позиционирование говорящего как доминирующего субъекта, оценивающего, регулирующего и контролирующего деятельность слушающего, можно считать вторжением в его личную сферу. И для того чтобы избежать «столкновения», конфликта между собеседниками следует минимизировать ущерб лицу адресата. Это становится возможным не в последнюю очередь с помощью различных дейктических элементов, которые позволяют избежать прямого давления на адресата. Поэтому оппозиция «свой – чужой» релевантна и при описании

категории вежливости. Так, в тех случаях, когда речевая ситуация является коммуникативно-опасной, т.е. угрожающей лицу адресата, используются дейктики, дистанцирующие адресата от данной ситуации, а также другие указатели, приближающие адресата и адресанта. Это уже рассмотренные выше инклюзивное и эксклюзивное *we* и так называемые онорифики, прямое обращение к адресату и в целом те языковые средства, которые прямо или косвенно связаны с субъектно-объектными отношениями.

Важную роль в организации вежливого высказывания играют механизмы деперсонализации, иначе имперсонализации, речевого акта, или дефокализации ('defocalization' по Х. Хаверкейту), состоящие в дистанцировании говорящего и слушающего от речевого акта, от содержания высказывания по времени, пространству и дейктическому центру.

Стратегия дистанцирования через дефокализацию имеет целью минимизировать роль говорящего в побуждаемом действии, во избежание конфронтации с адресатом. Последнее достигается удалением во времени и в пространстве от дейктического центра *здесь и сейчас*, который, как известно, в первую очередь, детерминируется его непосредственными участниками – говорящим и слушающим («я» и «ты»).

Среди основных языковых средств выражения данной стратегии можно выделить безличные конструкции, исходя из того, что безличное именование объекта, действия уменьшает угрозу лицу адресата, например: *Would it be possible to make an appointment for later today?*; *Will it be possible (for me) to see her tomorrow?*; *Would it be possible (for me) to take next Monday off?* *Will it be possible (for me) to get a job?* Деперсонализация высказывания через выведение адресата из ситуации делает побуждение к действию «безадресным» и, как следствие, менее категоричным и неимпозитивным.

Обращение к собеседнику в третьем лице может означать желание говорящего дистанцироваться, проявлять уважение в определенных принятых в языке формах, например: *“What does the lady want to order?”* или «А как у Наташи дела?», «А как Наташа поживает?». Интересно, что в Швеции и Польше считается недостаточно вежливым обращаться к другим, особенно к старшему по возрасту или вышестоящему по положению/статусу, на «вы». Для этого используется форма третьего лица, на русском этому могло бы соответствовать следующее высказывание: «*Не хочет ли доктор сказать мне о своем мнении...*», что звучит не совсем естественно. На польском и шведском такое обращение к собеседнику, т.е. обращение в третьем лице – обычная вежливая форма. Так, в польском вместо вежливых Вы-форм при обращении к собеседнику используются лексемы ‘пан’ и ‘пани’, например: *‘Могла бы пани дать мне эту книгу?’*; *‘Не хочет ли пан отвесть это блюдо?’*

Кроме того, хорошо известно, что обычно в третьем лице говорят с детьми: «А почему девочка плачет? Что хочет девочка?» и т.п. И если в указанных выше случаях обращение к собеседнику в третьем лице есть проявление уважения к нему, то в данном случае – это так называемая «участливая совокупность», которая в разговорной речи предполагает наличие позитивного, одобрительного отношения говорящего к адресату, в данном случае к ребенку.

Употребление пассивных конструкций также позволяет говорящему реализовать стратегию дистанцирования, т.е. вывести адресата из ситуации: *‘The book has to be returned in 2 weeks’* (ср. *‘You should return the book in 2 weeks.’*). Эта стратегия широко используется в правилах поведения в общественных местах, а именно в объявлениях, регулирующих общественное поведение: *‘This door should only be used in emergencies’*; *‘Litter should be deposited in the appropriate bins’*; *‘Alcho-*

hol may not be consumed except at the bar’; *Alcoholic beverages may not be sold in such a room unless a permit has been issued under Article 10 authorising sale there*’; *During busy times E-mail and Internet usage should be restricted to academic work only*’ и др. С той же целью используется пассивная конструкция в следующих высказываниях: *Pedestrians are kindly requested to abide by the rules*’; *We would like to remind passengers that smoking is not permitted until you are in the airport building*’; *We are now beginning our descent. Would passengers please make sure that their seat belts are fastened*’. Здесь «вывод адресата из ситуации» обеспечивается также и использованием непрямого, косвенного обращения вместо прямого (*pedestrians, passengers*).

Общим для всех перечисленных выше средств является то, что они, реализуя стратегию дистанцирования, избегают прямого побуждения адресата к действию, что является важным средством сохранения лица. Рассмотрим еще несколько примеров. В таких высказываниях, как *‘It is parked illegally.’* и *‘You are parked on a double yellow line.’* действие, выраженное в пассивном залоге, представляется не как нарушение правил дорожного движения, совершенное адресатом, а как положение, в котором он по каким-то причинам оказался, в результате чего данные замечания носят безличностный характер и, естественно, не представляют угрозы какому-либо лицу. В высказываниях типа *‘It has to be moved.’/ ‘It should be done.’* пассивный залог позволяет представить побуждение не как действие, которое должен совершить адресат, а как действие, которое будет совершено независимо от него, таким образом, побуждение теряет «адресованность», т.е. направленность на адресата и, как следствие, категоричность. Аналогичный смысл и коммуникативное намерение (иллокутивную силу) имеет высказывание *‘<...>before they come the kitchen has to be cleaned’*.

Довольно часто встречаем пассивные конструкции с глаголом *suppose (to be supposed)*, которые позволяют смягчить категоричность запрета: *'You are not supposed to smoke here'*; *'You are not supposed to park your car here'*. Обратим внимание также на употребление обобщенно-личного *you* в этих высказываниях.

Таким образом, представляя ожидаемое от адресата действие не как его обязанность, а как общепринятое правило, как руководство к действию, говорящий избегает прямого давления на него, поэтому и значение долженствования передается максимально завуалированно.

Отметим также, что говорящий может сам дистанцироваться от действия и от слушающего, на которого направляет казулируемое действие. Подобное дистанцирование как средство смягчения категоричности высказывания, минимизации вторжения в личное пространство адресата через деперсонализацию наблюдается и в следующих высказываниях:

- (1) *'Your assistance would be welcome'*
(Ср. *'We need your assistance'*);
- (2) *'It is our regret that we cannot join you ...'*
(Ср. *'We regret to inform you that...'*)

Заметим, что в (2) эффект «смягчения» категоричности высказывания достигается через номинализацию выражения (*it is our regret*).

(3) *'I wonder if we could ask you to come and have dinner with us'*. Здесь функцию «смягчения» берут на себя сослагательное наклонение и обобщающее местоимение *we*, а также начальное *'I wonder'*, которое, предваряя просьбу, косвенный речевой акт, как бы отдаляет ее от себя, таким образом минимизируя вторжение в личную сферу слушающего.

Учитывая сложную картину социальных и этических условий, усиливающую дифференциацию в отношениях

между собеседниками, которая не может не отражаться и на вербальном уровне, а также тот самый «переменный радиус коммуникаций» Э. Сепира /Сепир, 1993/, можно предположить, что говорящий будет стремиться по-разному заполнять каналы, образованные этими радиусами, т.е. по-разному представлять информацию и свое коммуникативное намерение.

В современном английском языке также можно отметить стремление к созданию своего рода «стереоскопических» структур, когда определенное положение дел в высказываниях определяется объемно, как бы представляется с разных сторон, «многомерно», по меньшей мере, с двух различных точек зрения, основанных на различной «перспективе». В данном случае это могут быть точки зрения говорящего и слушающего, а высказывания соответственно – «субъектно-ориентированными» (иначе «*я-ориентированными*») и «объектно-ориентированными» (иначе «*ты-ориентированными*»).

Рассмотрим эти в определенной степени конвенционализованные высказывания с различным фокусом личностной ориентации и попытаемся выявить характерные особенности их функционирования в английском языке.

Деление моделей на адресантно-ориентированные (*speaker oriented*) и адресатно-ориентированные (*hearer oriented*) четко прослеживается в выражении реквестивными высказываниями просьбы, которая предполагает действие слушающего в интересах говорящего. К ним, в первую очередь, относятся высказывания типа '*Can/ Could I help you?*' и '*Can/ Could you help me?*', которые представляют значительный интерес с точки зрения прагматической интерпретации.

В данных высказываниях ориентация на говорящего выражается личным местоимением 'I', ориентация на слушающего – личным местоимением 'you', которые, как уже отмечалось, могут служить дейктическим центром высказывания.

Отдавая предпочтение «субъектно-ориентированным» высказываниям типа ‘*Can I see your passport?*’ и ‘*Can I draw your attention to...?*’ вместо «объектно-ориентированных» ‘*Can you show me your passport?*’ и ‘*Can you pay attention to ...?*’, говорящий как бы выводит собеседника из дискурса и таким образом дистанцирует, отдаляет его от побуждаемого действия. Выбор того или иного местоимения в качестве точки отсчета/дейктического центра предопределяет степень вежливости высказывания за счет различного «видения» ситуации говорящим и различного представления его с точки зрения его перспективы.

Заметим, что Дж. Лич также обращает внимание на тот факт, что такие высказывания, как ‘*Could I borrow this electric drill?*’ являются более вежливыми, чем ‘*Could you lend me this electric drill?*’ /Leech 1983: 134/. Соответственно, также различаются и следующие высказывания ‘*Could I leave a message for her?*’ и ‘*Could you give her a message?*’.

В тех высказываниях, где дейктическим центром (точкой отсчета) является говорящий и предполагаемое действие подается с его позиций, т.е. под особым углом зрения, способствующим выделению фокуса интереса говорящего и цели его смыслового замысла, говорящий выводит адресата из ситуации, тем самым способствуя реализации стратегии дистанцирования при конструировании высказывания. Как следствие, в семантике такого высказывания отсутствует направленность на адресата и прямое указание на действие, к которому говорящий побуждает своего собеседника (в приведенных примерах это действия, «побуждаемые» глаголами *lend* и *give*). Такие высказывания лишь заключают в себе вопрос о возможности говорящего (*Can/ Could I...?*). Другими словами, в результате переноса дейктического центра высказывания на говорящего оказываются завуалированными как предполагае-

мый исполнитель действия, так и само действие, к которому его побуждают.

В работе М.А. Егоровой на основании дифференциации интенциональных вариантов просьбы («просьба о предмете» и «просьба о действии») делается попытка выявить внутриязыковые закономерности при реализации различных типов просьбы, в частности, в употреблении адресантно-/адресатно-ориентированных конструкций. По наблюдениям автора, в английском языке «просьба о предмете» преимущественно выражается при помощи адресантно-ориентированных моделей (Can/ Could I ... ?), в то время как «просьба о действии» – при помощи адресатно-ориентированных структур (Can/ Could you ... ?). Кроме того, на основании различия в «перспективе» дифференцируются «вопрос-побуждение» и «вопрос-разрешение». Вместе с тем подчеркивается, что между интенциональными вариантами просьбы и реализующими их языковыми структурами нет жесткого соответствия. Например, просьба о предмете может быть реализована как вопросом-разрешением, выраженным модальным компонентом и указанием на искомое действие *говорящего* ('Can I borrow your camera?'; 'Can I use your pen?'; 'Could I take your light?'), так и вопросом-побуждением, выраженным модальным компонентом и указанием на искомое действие *адресата* ('Can/ Could you lend me your camera?'; 'Could you lend me your pen for a moment?'). Также отмечается, что отличие просьбы о действии от просьбы о предмете отчетливо видно в противопоставлении следующих глаголов: *pass – lend*, вне контекста данное противопоставление нейтрализуется у глагола *give* /Егорова, 1995/.

Заметим, что в работе /Blum-Kulka et al, 1989a/ вопрос-побуждение и вопрос-разрешение представлены как один стратегический тип 'query preparatory' на основании того, что и в том, и в другом случае осуществляется запрос о наличии

тех или иных предварительных условий просьбы – способности, желания, возможности (“*The utterance contains reference to preparatory conditions, such as ability or willingness, the possibility of the act being performed, as conventionalized in any specific language*”). В ряде других работ /см. например, Ervin-Tripp, 1976/ данные структуры (вопрос-побуждение и вопрос-разрешение) рассматриваются как две различные модели просьбы: они имеют в английском языке различные сферы употребления – вопрос-побуждение является ядерным способом реализации *просьбы о действии*, в то время как вопрос-разрешение является основным способом реализации *просьбы о предмете*. При реализации различных интенциональных вариантов просьбы доминируют различные с точки зрения перспективы языковые модели: *hearer-based* – когда *you* субъект действия, *speaker-based* – когда *I* субъект действия. Но, как было отмечено выше, между интенциональными вариантами просьбы и реализующими их языковыми моделями нет однозначного соответствия. По нашему мнению, основную роль здесь играет различие в «перспективе», в «точке зрения» (а именно ‘*speaker-listener centredness*’), т.е. различие в точке отсчета в дейктической системе координат: в одном случае – это ориентация на говорящего, в другом – на адресата, что неизбежно предполагает ориентацию на действие говорящего и на действие адресата. Отметим, что различная «перспектива» вопроса-побуждения и вопроса-разрешения, т.е. структурная ориентация модели либо на действие адресата, либо на действие говорящего, обуславливает различную дистрибуцию указанных моделей по социальным контекстам употребления (обращение с просьбой к «старшему» или к «младшему» по статусу, возрасту, положению, по гендерному признаку и т.п.) и соответственно различную степень вежливости высказывания. (Ср.: ‘*Could I have my book back?*’ и ‘*Could you give my book*

back’ или ‘*Can I get a signature?*’ и ‘*Can you sign this?*’, аналогично ‘*Could I get back my photos?*’; ‘*Could I have your telephone number?*’ вместо ‘*Could you return my photos?*’; ‘*Could you give me your telephone number?*’). Как было отмечено выше, в английской языковой культуре предпочтение отдают адресантно-ориентированным моделям как более вежливым, поскольку такие реквестивные высказывания менее категоричны, они оказывают менее импозитивное воздействие на слушающего в силу приведенных выше факторов. Это означает, что вопросы, ориентированные на говорящего, т.е. на самого себя, являются более вежливыми, чем вопросы, направленные на собеседника.

Рассмотрим следующие предложения, которые представляют интерес с точки зрения взаимосвязи и взаимообусловленности степени дейктивности и степени вежливости высказывания:

- (1) Can I see you tomorrow?
- (2) Can you see me tomorrow?

В обоих предложениях говорящий просит адресата встретиться с ним на следующий день, после того как было произнесено высказывание. С точки зрения временной перспективы оба предложения одинаковы. Тем не менее центр личностной ориентации в каждом из них разный: они содержат различные дейктические знаки, указывающие на исполнителя искомого действия, чем и обусловлена различная степень вежливости данных высказываний.

Приведенная выше интерпретация предопределена ядерным дейктическим значением двух личных местоимений I и you. Оба слова категоризируются как типичные дейктические знаки, ориентированные на говорящего. Иначе говоря, I указывает на говорящего с точки зрения говорящего, you указывает на адресата также с точки зрения говорящего, т.е. для you

центром является говорящий I. В данном контексте интерес представляет следующее высказывание Э. Бенвениста: “Тот, кого я определяю как «ты», сам мыслит себя в терминах «я» и обращаясь в «я», превращает мое «я» в «ты»” /Бенвенист, 1974: 264/. Основная идея состоит в том, что употребление *you* не может быть актуализировано без понятия I, другими словами, *you* всегда имеет дейктическим центром говорящего I, вместе с тем, как *you* не может быть идентифицировано без существования I, так и I нуждается в «присутствии» *you*, особенно в типичных канонических речевых ситуациях.

Обобщая вышесказанное с точки зрения дейктической перспективы (проекции) и относительно понятия вежливости, можно утверждать, что побудительные вопросительные предложения, в которых употребляется I – более вежливы, чем предложения с *you* из-за их ориентации на адресата. Другими словами, употребление I в коммуникативном акте (адресантно-ориентированные высказывания) оказывает менее импозитивное воздействие на слушающего, поскольку это делает волеизъявление адресанта менее категоричным. С другой стороны, употребление *you* более импозитивно по сравнению с I, так как оно ограничивает сферу адресата с точки зрения позиции говорящего, т.е. у адресата оказывается меньше возможности выбора «совершать или не совершать действие», равно как и меньше возможностей и вовсе отказаться от выполнения волеизъявления адресанта.

Таким образом, при определении степени вежливости высказываний, выражающих просьбу, необходимо учитывать различительный признак агентивности, признак исполнителя искомого действия, особенно в одинаковых коммуникативных типах предложений. Так, в приведенных ниже высказываниях мы имеем дело с вопросительной формой выражения идентичного пропозиционального содержания – *Speaker wants*

Addressee to do X. Обратим внимание на эксплицитную агентивность в предложении (2):

(1) Can I ask you to do X?

(2) Can you do X?

Эксплицитное *you* в (2) в позиции подлежащего как бы «относится» к говорящему и подразумевает, что говорящий «контролирует» поведение адресата. С другой стороны, эксплицитное *I* в (1) указывает на некоторую неуверенность говорящего, его сомнения в выполнимости своей просьбы.

Различие в рассматриваемых высказываниях, обусловленное совместным употреблением модального глагола *can* с личными местоимениями *I* или *you*, объясняется локализацией дейктического центра в каждом из них. Оба высказывания, имея одинаковое пропозициональное содержание просьбы к адресату выполнить некоторое действие *X*, указывают на возможность выполнения искомого действия адресатом, при этом в (1) имеем просьбу-разрешение для этого, а в (2) запрос о способности адресата выполнить просьбу адресанта.

Другими словами, интерпретация возможности в (1) исходит от разрешения, а в (2) возможность выполнения побуждаемого действия предопределена способностью. Хорошо известно, что разрешение всегда «переносится» с психологически подчиненного на вышестоящего, независимо от актуального социального статуса коммуникантов. С другой стороны, способность не всегда передается в направлении от нижестоящего к вышестоящему; она скорее имеет тенденцию «проявляться» в ситуациях, в которых говорящий и слушающий психологически равны. Вот почему просьба разрешить что-то сделать более ориентирована на слушателя, чем просьба о способности: суть разрешения «есть помещение говорящего в относительно подчиненную позицию от слушающего»; а просьба о способности что-либо сделать, выполнить некоторое действие имеет своим дейктическим центром говорящего

и имплицитно эгоцентричность. Разница в локализации дейктических центров и есть ключ к интерпретации высказывания (1) как более вежливого, чем высказывание (2).

Итак, в выборе и употреблении личных местоимений I и you в реквестивных высказываниях-просьбах мы наблюдаем различную степень вежливости, выраженную в различии в перспективе, на основании которой дифференцируются вопрос-разрешение и вопрос-побуждение.

Сравним реквестивные высказывания-просьбы с альтернативной возможностью выбора – перформативным употреблением глагола в автоинтерпретации, передающим ту же иллюкутивную силу побуждения, например, *'I ask/want you to do X'* и *'Can you do X?'*. Предпочтение в выборе говорящим той или иной структуры, как правило, связано с прагматическими условиями РА, вытекающими из межличностных отношений говорящего и адресата, степени их знакомства, близости и т.п. Определенную роль в этих условиях играют и социальные статусы участников, а также соблюдение общего этикета общения.

Вместе с тем, очевидно, что ты-ориентированные вопросы типа *'Can you do X?'*, предоставляя право выбора слушающему совершать или не совершать побуждаемое действие, более вежливы, чем *'I ask/want you to do X'*, в котором не предоставляется такого права адресанту; здесь говорящий открыто и прямо выражает свое волеизъявление, эксплицируя его в форме перформативного речевого акта.

Как отмечалось выше, рассматриваемые реквестивные конструкции представляют собой полуконвенциональные образования, так как их вводная часть (модальный компонент) в значительной мере утрачивает свое конкретно-лексическое значение и превращается в весьма формального рода дополнение (formal addition) /Ervin-Tripp, 1976: 33/. В этой связи заметим, что тезис Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, о том, что

«в английском языке выражение просьбы с помощью общего вопроса *'Can/ Could you help me?'* является *абсолютно закрепленным и однозначно интерпретируемым именно как просьба* (выделено мною. – Е.Е.), а не запрос информации» /Булыгина, Шмелев, 1997: 282-291/, т.е. что модальный элемент *полностью* утрачивает свое лексическое значение, не представляется бесспорным. По нашему мнению, следует говорить не о полной десемантизации и нейтрализации прямого значения данного типа высказываний, а о высокой степени их конвенционализации, ибо нередки случаи, когда имеет место собственно вопросительная ситуация, что подтверждается ответами, направленными на *прямое* значение высказывания-просьбы, как, например, в:

"Can you leave me alone? / Can I be left alone with him for a while?" she asked. "Only for a minute." (просьба)

"Certainly, if you wish it."

Цель данных вопросительных высказываний можно определить как выяснение условий успешности побудительного акта, а именно условий пропозиционального содержания того речевого акта, который говорящий планирует осуществить в случае положительного ответа.

Вывод адресата из ситуации речевого акта возможен и в повествовательных высказываниях, например, при запросе информации: *'I wonder what we will have for dinner today.'*; *'I'm just wondering till what time the office will be open on Monday.'*; *'I'm wondering if you know where Republican Square is.'*; *'I wonder if you want to go to the movies this weekend.'* и т.п.

Дистанцирование адресата от побуждаемого действия, наблюдаем также в субъектно- (адресантно-) ориентированных высказываниях типа *'I wonder if you can help me with it'*, где имеем «просьбу о действии». В них акцент перемещается со слушающего на говорящего. Таким образом снижается сте-

пень воздействия на адресата, и побуждение звучит в еще более завуалированной, косвенной форме, что, естественно, повышает степень вежливости высказывания.

Рассмотрим следующий ряд высказываний с глаголом *wonder*, которые расположим по мере возрастания степени их вежливости:

- (1) *I wonder* if you can help me find my car.
- (2) *I'm wondering* if you would like to join us.
- (3) *I wondered* if you have a projector I can borrow.
- (4) *I wondered* if *you'd help* me out in the garden.
- (5) *I was wondering* if would you be in your office on Saturday.
- (6) *I was wondering* if *you would mind* writing me a letter of recommendation.

Семантика глагола *wonder* позволяет говорящему использовать его как: а) смягчающий элемент, предвещающий просьбу, которая предположительно должна быть выполнена в ближайшем будущем; б) попытку «нащупать» возможную реакцию слушателя на просьбу говорящего, его потенциальную готовность выполнить ее, тем самым уменьшая риск угрозы как лицу говорящего, так и лицу слушающего. Кроме того, употребляя мыслительный глагол *wonder* в прошедшем времени (*I wondered* и *I was wondering*), говорящий как бы ждет от слушающего косвенного участия в процессе его размышлений. Целью говорящего в данном случае является ослабление прямолинейности, настоятельности и категоричности просьбы.

Помимо адресантно-ориентированности, рассматриваемые высказывания характеризуются различной степенью удаленности от временного дейктического центра *сейчас/now* (настоящее время – прошедшее время), что также определяет степень вежливости высказывания, ибо чем дальше побуждаемое действие от временного дейктического центра, тем оно менее

импозитивно. Как видим, во временном плане наивысшая степень «удаленности» наблюдается в высказываниях (5) и (6), в которых категория времени (Past) вместе с категорией аспекта (Continuous) оказывают существенное влияние на структуру обозначаемой ситуации и отражают ее видение говорящим. Здесь глагол в прошедшем времени также выражает отношение говорящего к ситуации, его неуверенность и сомнения: *'I wondered if you'd help me out in the garden.'*, а не собственно действие в прошедшем времени. Сравним вышеизложенное с высказыванием Дж. Лича по этому поводу: "The past tense can convey a tentative state of mind currently held by the speaker" /Leech, 2004/.

Выбирая форму *I was wondering* в (5) и (6), говорящий как бы имплицитно подразумевает, что его просьба есть результат «долгих раздумий» относительно того, обращаться ли с этой просьбой к слушающему или нет. Приведем высказывание Дж. Лайонза, подтверждающее наш вывод относительно выбора говорящим длительного (в другой терминологии 'прогрессивного') аспекта (ср.: *'I was wondering if you'd help me out in the garden.'*): "the choice between a progressive and a non-progressive depend[s] upon the degree, or manner, of the speaker's subjective involvement in his utterance" /Lyons, 1982: 104/. Приведенное положение, оперируя понятием "involvement" (вовлеченность), косвенно указывает на связь категории дейксиса с категорией вежливости. Использование прошедшего времени в (3)-(6), имплицитно «удаление» от дейктического центра, приводит к повышению степени как позитивной, так и негативной вежливости, обусловленному степенью этой «вовлеченности» говорящего в свое высказывание. (Заметим, что просьба о предмете и действии, в основном, представляет угрозу негативному лицу слушающего, в случае же запроса об информации наблюдается угроза также и его позитивному лицу.)

Данная стратегия удаления от дейктического центра высказывания, дистанцирование от нее укрепляет право выбора адресата, позволяя ему воздержаться от выполнения просьбы, и уменьшает возможную потерю «лица» говорящим в случае отказа адресата выполнить его просьбу. Отсюда можно сделать следующие выводы: а) чем меньше ожиданий у говорящего относительно выполнения его просьбы, тем меньше риск потерять свое лицо или нанести ущерб лицу адресата; б) чем дальше пропозициональное содержание высказывания от дейктического центра, тем выше степень вежливости высказывания.

Следует также заметить, что в высказываниях часто выбор говорящего или слушающего в качестве дейктического центра может варьировать в зависимости от самого типа речевого акта. Так, в английской лингвокультуре РА приглашения строятся с ориентацией на адресата, то есть в них «отсутствует» говорящий: *'Would you like to come to my birthday party?'*, *'Do you want to join us ...?'*; *'Would you be interested to...?'*; *'Are you interested in coming?'*. Данные высказывания «интересуются» желанием адресата принять приглашение, как бы спрашивая о его намерениях, т.е. об интенции приглашаемого.

В пределах адресатно-детерминированных (ты – ориентированных) РА можно выделить высказывания, содержащие запрос о *желании* адресата совершить то или иное побуждаемое действие, выполнить определенную просьбу, например: *'Would you mind taking these upstairs?'*, *'Do you mind moving your car, please?'* или *'Shall we sit down a little?'*; *'Will you...?'*; *'Would you...?'* и т.д. При побуждении к действию параллельно функционируют адресантно-детерминированные РА, которые включают указание на желание говорящего добиться выполнения действия адресатом, например: косвенные РА типа *'I wish you would...'*, *'I'd like...'*, *'I hope...'* и т.п.

Часто встречаются высказывания, содержащие вопрос о *способности* адресата выполнить то или иное действие, например: *'Will/Would you be available...?'*; *'Are you free?'* и уже подробно рассмотренные выше *'Can/Could you do ...?'*. Для подобного рода вопросов способность к выполнению некоторого действия заранее задана. Такие высказывания обычно употребляются в ситуации, когда известно, что адресат способен выполнить то действие, о котором его просит адресант, поэтому и спрашивается, нет ли препятствий выполнить это волеизъявление говорящего: *'Could you clean up the kitchen, please?'*; *'Would it be asking too much of you to register the parcel when you arrive at ...?'* и т.д.

Высказывания, объединенные в этой группе, относятся к полуимплицитным косвенным высказываниям – они эксплицируют предварительные условия успешности директивных актов. Эта группа высказываний обладает высокой степенью конвенционализации, и основной причиной подобного употребления вопросительных высказываний является вежливость, которая реализуется через оптимальный выбор говорящим адекватных его коммуникативному намерению дейктических средств. Подобного рода высказывания предоставляют слушающему более приемлемую возможность «выйти из игры» по сравнению с прямым отказом выполнить просьбу или требование.

Вербализация стратегии дистанцирования часто происходит через имплицитное выражение говорящим своей позиции, своего мнения и не прямое выражение оценки действий, поведения и взглядов слушающего. Коммуникативное намерение говорящего выражается через вербальные сигналы, которые эксплицитно или имплицитно указывают на его позицию в данной ситуации общения. Для того чтобы слушающий мог интерпретировать высказывание собеседника, он должен рас-

познать стоящие за ним цели, истинное намерение говорящего, его планы. Однако эти планы редко выражаются прямым текстом на поверхностном уровне предложения, порой иллюкативная цель речевого акта менее очевидна и не всегда непосредственно связана с содержанием высказывания. Подробнее о косвенных (имплицитных) РА в следующем разделе работы.

4.4 Категория вежливости в структуре косвенных речевых актов

В лингвистической литературе уже давно активно обсуждаются вопросы не прямой (косвенной) номинации на разных уровнях языкового выражения. Большой вклад в ее разработку был внесен в рамках теории речевых актов. Вместе с тем следует признать, что эта проблема не получила еще исчерпывающего освещения в лингвистике.

Косвенные речевые акты (КРА) занимают значительное место среди различных проявлений вежливости, которая считается основной причиной выражения коммуникативной, в частности, побудительной, интенции говорящего с помощью КРА. Последние могут служить цели завуалирования истинного намерения говорящего.

Предпочтение косвенных форм речевого воздействия является общей тенденцией в развитии языка, но в различных коммуникативных культурах она выражается по-разному. Имплицитность, некатегоричность и стремление к косвенности в выражении коммуникативных намерений интерактантов являются характерными чертами английской языковой личности.

Наиболее распространенной в английском языке является косвенная форма реализации директивных (побудительных) речевых актов, поскольку, как неоднократно отмечалось, по-

буждение адресата к действию является потенциальной угрозой свободе его действий, его лицу.

Исходя из того, что высказывания, регулирующие межличностные отношения, могут быть прямыми и косвенными, вопрос о косвенных речевых актах становится наиболее широко обсуждаемой проблемой, тесно связанной с категорией вежливости. В прямых речевых актах семантическое значение высказывания совпадает с прагматическим значением, и адресат без труда распознает намерение адресанта и реагирует на него в рамках заданного коммуникативного задания, в то время как в косвенных речевых актах семантическое значение высказывания не совпадает с прагматическим значением: они расходятся за счет различий между языковой формой высказывания и его иллокутивной силой и коммуникативной направленностью. Заметим, что границы между прямым семантическим значением высказывания и прагматическим нечетки. Прагматическое значение может полностью вытеснить прямое семантическое, а может и в разной степени переплетаться с последним, определяя тем самым степень косвенности высказывания. В косвенных речевых актах наблюдается противоречие между изначальной невыраженностью смысловых прагматических компонентов и их косвенным перекодированием, а иногда и непосредственным их проявлением на поверхностном уровне.

Действие принципа вежливости при осуществлении директивного речевого акта распространяется как на говорящего, так и на слушающего (адресата). Так, в РА просьбы адресат, следуя принципу вежливости, должен удовлетворить желание говорящего и выполнить каузируемое действие. В тех случаях, когда адресат не может этого сделать, возможны два типа вежливой реакции: а) прямой вербально выраженный отказ, за которым следует объяснение причины: *"May I see the picture*

myself before you go?” – “No, I don’t think so. It’s not very good.” (I. Murdock) и б) косвенный отказ, представляющий собой речевую импликатуру, которая следует из вербально выраженной причины: *“I want to see you”. – “My dear, I’m awfully busy, I’m working.”* (S. Maugham).

Изучая универсальные черты лингвистической вежливости, П. Браун и С. Левинсон выдвинули тезис о том, что вежливость имеет прямое отношение к косвенности высказывания, и тем самым подтвердили позицию Дж. Серля, выраженную в следующем положении: «В силу принятых требований вежливости в речевом общении нередко бывает неуместным высказывание прямых повелительных предложений или эксплицитных перформативных предложений (при побудительных предложениях), и поэтому мы имеем косвенные средства для осуществления наших иллокутивных целей» /Серль, 1986: 201/.

Как показано в работе А. Дэвисон, использование косвенных РА для выражения иллокутивной силы обусловлено наличием в акте общения «фактора беспокойства» (disturbing topic) /Davison, 1975: 116/, имплицитно желание говорящего смягчить неблагоприятный эффект такого РА. Как следствие, создается определенная социальная дистанция между говорящим и слушающим, повышающая роль адресата в высказывании, и через косвенный РА реализуется функция вежливости.

Таким образом, используя косвенные РА в качестве альтернативы перформативных РА, учитывается фактор адресата с помощью адресатно-детерминированных речевых актов (hearer-based speech acts), в которых подчеркивается эмпатия со слушающим [14]. Иллокутивная сила, выраженная таким способом, имеет так называемый «прагматический довесок вежливости» – желание говорящего показать, что он осознает неблагоприятные последствия для адресата, неизбежно выте-

кающие из его высказывания, и поскольку это не входит в его замысел и не соответствует его коммуникативным намерениям, он старается их смягчить. Перформативные РА, наоборот, концентрируют внимание на факторе говорящего. Это адресантно-детерминированные речевые акты (speaker-based speech acts), в которых наблюдается эмпатия с говорящим и которые не имеют этого «довеска вежливости». Эксплицитное выражение побудительного намерения говорящего подчеркивает его интенсивность по сравнению с косвенным РА. Можно предположить, что коммуникативная и стилистическая роль перформативных побудительных высказываний заключается в усилении воздействия побуждения за счет его эксплицитности и/или интенсивности.

Поэтому вежливость можно рассматривать как одну из «движущих сил» использования косвенных форм выражения речевых актов. И поскольку принцип вежливости, принятый в речевом общении, требует смягчения побуждений, вместо того чтобы прямо обратиться с просьбой о выполнении определенного действия, спрашивают: *'Would you mind doing it again?'* или, например, задают все тот же модализованный, косвенно выражающий просьбу вопрос о способности адресата осуществить то или иное действие: *'Could you find such a specialist?'* или *'Could you give me that book?'*

Говорящий, как правило, избегает прямо формулировать те свои желания, осуществление которых может затруднить собеседника. Такое замещение коммуникативной цели отвечает тому, что Д. Гордон и Дж. Лакофф называют «смягчением коммуникативного намерения» (ср. *"softened suggestion postulate"*), последнее в конечном итоге служит воплощению принципа вежливости в речи /Гордон, Лакофф, 1985/.

Р. Конрад в виде классического примера приводит косвенный речевой акт, выражающий просьбу в форме вопроса-

тельного предложения: “*Can you pass me the salt?*”. Здесь возникает вопрос о связи между прямым значением предложения и его прагматическим значением, то есть тем, что говорящий имеет в виду на самом деле. Поскольку прагматическая функция данного предложения не вопрос, а просьба, то на этот вопрос нельзя ответить просто ‘*Yes.*’ или ‘*No.*’ Общий вопрос, представляющий собой косвенный речевой акт просьбы, требует от адресата ответного действия, а не словесной реакции /Конрад, 1985/.

Прагматика, не отрицая зависимости явности и косвенности речевых актов от совокупности многих факторов, связывает это явление напрямую со знанием-намерением говорящего и, исследуя прямые и косвенные речевые акты, имеет целью рассмотрение соответствия/несоответствия явного значения (*expressed meaning*) и скрытого значения (*implied meaning*) для достижения определенной цели.

В английском языке существует большая категория косвенных речевых актов, иллюкутивная сила которых присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной и языковой компетенции, а также социально-культурной и национальной принадлежности.

Итак, те речевые акты, «смысл или иллюкутивная сила которых выводится адресатом по правилам имплицатур», именуются косвенными /Арутюнова, Падучева, 1985: 29/.

В лингвистической литературе встречаем и другие определения и характеристики косвенных речевых актов, такие как: 1) «косвенный речевой акт как речевой акт содержит показатели одной иллюкутивной силы, произносимые для осуществления иллюкутивного акта другого типа» /Searl, 1975/, 2) «иллюкутивная цель косвенного речевого акта не находит прямого отражения в языковой структуре употребленного высказывания» /Кобозева, 1986: 19/; 3) «косвенный речевой акт –

явление речевой многозначности, когда имеет место «нарушение сущностного условия успешности» – «условия назначения речевого акта» /Кобозева, 1988: 39/; 4) косвенные речевые акты «в самом общем виде характеризуются расхождением формы (синтаксического, графического и отчасти просодического оформления) и коммуникативной направленности» /Поспелова, 1988: 141/.

Разные определения косвенных речевых актов объясняются, прежде всего, их разнообразием. Степень косвенности может варьироваться от низкого уровня, в котором она определяется лексическим составом предложения, до высокого уровня, где прагматическое значение высказывания может быть определено только с опорой на окружающий контекст.

Лежащая в основе высказывания интенция говорящего может быть манифестируемой (проявляемой) и латентной (скрытой). Латентная интенция, как пишет О.Г. Почепцов, лингвистическому анализу не подвергается, а манифестируемая интенция может быть заданной и выводимой. Косвенные речевые акты соотносятся с выводимой интенцией. Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники общения всегда что-то домысливают /Почепцов, 1986/. Однако мера явно выраженного и мера подразумеваемого смысла могут выходить за рамки ожиданий адресата. Многое зависит от жанра и условий общения. Повышенное использование в речи имплицатур, выводимых смыслов, по мнению В.В. Богданова, повышает статус говорящего в глазах адресата и статус адресата в собственных глазах: говорящий выглядит умным, разбирающимся в тонкостях речевого общения, а адресат понимает, что говорящий доверяет его догадливости /Богданов, 1990/.

Проблеме косвенных высказываний посвящено немало работ, выполненных в русле смежных дисциплин /Austin, 1962; Searle, 1975; Wunderlich, 1976; Почепцов, 1981; Падуче-

ва, 1982; Пospelова, 1988 и многие др./, из которых следует, что косвенным высказывание является лишь тогда, когда соответствующий ему иллокутивный акт производится посредством другого иллокутивного акта. При этом допускается, что каждое высказывание, обладая базисной иллокуцией, несет в себе способность к ряду косвенных реализаций.

По свидетельству Г.Г. Почепцова, в основе порождения косвенности лежит явление транспонирования предложений, согласно которому предложение, являющееся единицей одного коммуникативно-прагматического типа, в речевой реализации может приобретать иллокутивную силу предложений другого типа /Почепцов, 1981: 278/. Это означает, что косвенность высказываний создается при помощи транспонирования одной синтаксической структуры в речевые условия, типичные для другой структуры.

Косвенные высказывания объединяет два типа значений: а) значение, вытекающее непосредственно из языкового содержания высказывания, и б) значение, заключающееся в его функциональной направленности.

Анализ лингвистического материала показывает, что использование косвенных форм выражения дает возможность говорящему успешно варьировать языковую реализацию своих намерений, создавая приятную атмосферу речевого общения. Использование косвенных высказываний может быть обусловлено не только и не столько языковой компетенцией коммуникантов, сколько особенностями их личности, текущим психологическим состоянием, глубиной переживаемых в данный момент чувств, а также характером ситуации общения.

Косвенные речевые акты связаны с семантическим содержанием предложения, но только косвенным образом. Они обязаны своим существованием «вещественным предпосылкам коммуникации» /Падучева, 1985: 45/, т.е. тому, что участники общения связаны общей коммуникативной целью, имеют об-

щий фонд знаний о мире. Эти фоновые знания, определяемые как «обоюдное знание говорящим и слушающим, являющееся основой общения» /Ахманова, 1966: 498/, очень важны для адекватного декодирования высказывания. Понимание косвенных высказываний требует знаний, выходящих за их пределы, учета условий и обстоятельств, в которых имеет место РА.

Таким образом, для правильной интерпретации косвенности огромную роль играет контекст речевого высказывания, т.е. коммуникативный контекст, который является центральным понятием прагматики, наряду с понятием личности говорящего и его интенции.

Прагматика рассматривает коммуникативный контекст как комплекс знаний, которым предположительно владеют говорящий и слушающий. Это могут быть как знания норм, обычаев, условностей, традиций, социальных институтов конкретного речевого сообщества, так и знание желаний, интересов, потребностей и ценностей собеседника. Владение такого рода знаниями «направляет» использование средств языка и позволяет правильно интерпретировать высказывание говорящего.

Приведем также следующую характеристику коммуникативного контекста, предложенную Е.И. Беляевой в работе «Грамматика и прагматика побуждения»: «коммуникативный контекст употребления языковой формы составляют лингвистически релевантные факторы ситуации общения, которые определяют ее функционирование в той или иной коммуникативной ситуации». В качестве базовых факторов, определяющих коммуникативный контекст побудительных РА (в терминологии автора директивных РА), Е.И. Беляева предлагает рассматривать три экстралингвистических фактора: 1) ролевые отношения (статус, отец, мать, ребенок, мужчина, женщина), социальные отношения (начальник-подчиненный; учитель-ученик, преподаватель-студент); 2) отношение социально-психологической дистанции (близкая – далекая); 3) обстановка

общения: официальная, нейтральная, непринужденная /Беляева, 1992/.

В целом соглашаясь с приведенными выше определениями коммуникативного контекста, в настоящей работе мы, вслед за Т. ван Дейком, под контекстом понимаем условия коммуникации, включающие в себя место и время ситуации общения, социальные, профессиональные и прочие статусы участников коммуникации, их отношения, намерения, установки и т.д. Важно отметить, что прагматика изучает не все реально неисчисляемые ситуации общения, а лишь те факторы, которые *систематически* (выделено нами. – Е.Е.) определяют уместность, пригодность данного употребления /ван Дейк, 1989/. Иными словами, речь идет о тех «качествах» контекстов, которые обеспечивают прагматическую успешность высказывания. Адекватно, уместно употребленное слово будет иметь желаемый эффект воздействия на слушающего.

Важным для изучения косвенных высказываний в их тесной связи с контекстом представляются положения, выдвинутые И.В. Арнольд и Г.В. Колшанским. По их мнению, «высказывание не складывается как простая сумма из слов с их значениями» /Колшанский, 1979: 52/, элементы текста значимы не только сами по себе, но и в своих отношениях с другими элементами, в том числе с элементами внетекстовыми, получающими свое выражение на вербальном и невербальном уровнях /Арнольд, 1981: 44-45/. Значение предложения не есть смысл высказывания. Высказывание дает значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании.

Значение косвенного высказывания реализуется в рамках контекстно-обусловленной ситуации, которая определяет информативно-смысловое содержание коммуникации. Его значение определяется интенцией говорящего, и «доминирующим для самого содержания высказывания <...> оказывается то-

тальный смысл, а не алгоритм сложения слов и словосочетаний в единую фразу» /Колшанский, 1979: 153/.

Степень зависимости интерпретации косвенных речевых актов от контекста будет зависеть от представленности/непредставленности в пропозициональном содержании исходного предложения элементов пропозиции подразумеваемого косвенного речевого акта.

Итак, в процессе коммуникации говорящий выражает эксплицитно далеко не всю информацию, которую хочет передать собеседнику, часть ее имплицитруется. Для высказываний, в которых смысл выражается имплицитно, характерно превалирование прагматического компонента значения.

Как отмечалось выше, интерпретация косвенного речевого акта основана на извлечении импликатур, под которыми понимается часть смысла высказывания, которая выводится по определенным правилам из буквального значения сказанного. Этот вывод может основываться на знаниях о ситуации (неконвенциональная импликатура) и на общих знаниях о мире (конвенциональная импликатура). Субъектом импликатуры является говорящий или взятое в контексте речи высказывание. Возникновение импликатуры может привести и к преднамеренной неоднозначности речевого высказывания, когда говорящий ожидает, что неоднозначность его слов будет отмечена слушающим.

Определяющим фактором осмысления косвенного речевого высказывания является наличие типичных «схем поведения», которые очевидны и естественны для говорящего и слушающего. Источником употребления косвенных речевых высказываний является в наиболее общем случае последовательность нескольких речевых ситуаций, предлагающая определенную заключительную реакцию со стороны адресата. В этом случае слушающий не только дает требуемый ответ, но и с помощью своей реакции дает понять, что он воспринял выра-

женный косвенно речевой акт. При этом слушающий определяет смысл косвенного высказывания на основе своей способности ориентироваться в ходе событий и мысленно предугадывать, предвосхищать их дальнейшее развитие. Говорящий предполагает, что слушающий имеет такую способность, и, следовательно, ожидает от него совершения определенных действий (речевых или неречевых), т.е. говорящий имеет конкретное предположение (пресуппозицию) относительно последующего развития событий.

В лингвистической литературе отмечается, что факторы, управляющие использованием косвенности, являются универсальными для любой культуры. Среди последних выделяются следующие:

– относительная власть (*the relative power*) говорящего над слушающим, которая делает употребление непрямых высказываний предпочтительным по отношению к собеседнику, обладающему определенным типом власти;

– социальная дистанция (*the social distance*) между говорящим и слушающим, которая представлена такими реальными характеристиками как статус, возраст, пол, степень близости и т.п., определяющими степень почтительности, уважительности в данной речевой ситуации;

– оценка степени значительности (*the size of imposition*) используемого речевого акта. Некоторые высказывания обладают большей степенью косвенности, чем другие, что определяется мотивацией косвенности. Например, отказ от предложения выпить чашку кофе требует меньшей степени косвенности (либо вообще не требует использования косвенных форм), чем отказ поделиться какой-либо информацией или несогласие с высказанным мнением;

– взаимные права и обязанности (*rights and obligations*) между говорящим и слушающим, зависящие от официальности или неофициальности ситуации.

Таким образом, для развития полноценной коммуникации говорящий, используя косвенные речевые высказывания, пытается изменить или сохранить определенные социальные отношения с целью получения коммуникативных преимуществ и во избежание негативных последствий в процессе общения /Thomas, 1995: 125-133/.

Диалогическое общение строится по гибким моделям. Для того чтобы правильно построить высказывание, необходимо «владеть принципом вариативности, позволяющим выбирать адекватные средства выражения мыслей и чувств, <...> эффективные в данных условиях тактические приемы достижения желаемого результата» /Гарасова, 1992: 49/. И, несмотря на большую степень стереотипности диалогической речи, она не только допускает, но иногда и «поощряет» отступление от норм, т.е. их частичное нарушение. На фоне общей нормированности речи использование косвенных речевых актов несет наиболее существенное и нетривиальное значение, которое обладает большей иллокутивной силой, чем прямой речевой акт. По свидетельству М.В. Никитина, косвенные речевые акты являются способом решения прагматических задач общения: «прагматическая функция – главный *raison d'être* косвенных речевых действий /Никитин, 1997: 624/.

Как считают П. Браун и С. Левинсон, одним из источников отклонения от рационального общения может быть вежливость; в подобных случаях действие постулатов продолжается на более глубоком уровне, слушающий вынужден искать скрытый смысл высказывания и источник наблюдаемых отклонений /Brown&Levinson, 1978: 100/. Косвенный способ передачи определенного содержания делает его оригинальным, дает говорящему возможность успешно варьировать языковую реализацию своего намерения, а адресату предоставляет большую свободу «выхода из игры».

Итак, снижение категоричности высказывания в английском языке осуществляется также с помощью увеличения косвенности выражения директивного коммуникативного намерения. С точки зрения типов РА наиболее продуктивная форма существования косвенных высказываний – это косвенные побудительные акты, которые реализуют, в основном, смягченное или нейтральное побуждение, выраженное вопросительным высказыванием, если «высказывание отражает заинтересованность адресата в выполнении ожидаемого действия», или констатирующим высказыванием, «если учитывается желание говорящего, чтобы адресат выполнил ожидаемое действие» /Герасимова, 1986: 12/.

Обычно косвенные вопросительные предложения – это вопросы с полной семантической структурой, то есть с номинацией коммуникативного действия /Чахоян, 1979: 77/, в связи с этим все они полиинтенциональны, что означает следующее: в таких косвенных РА могут быть частично представлены признаки прямого РА, т.е. имеет место взаимодействие прямой и косвенной иллюкций в РА /Поспелова, 1988: 143/.

Отметим, что основная часть косвенных высказываний в исследуемом материале представлена именно вопросительными предложениями, транспонированными в область директивного употребления. Английский язык располагает довольно богатым арсеналом для конвенционального косвенного выражения побуждения посредством вопросительного высказывания: это модальные глаголы и их формы в сослагательном наклонении. Частично примеры представленных в языковом материале косвенных РА были уже рассмотрены нами для иллюстрации ряда выдвинутых положений в предыдущих разделах настоящей работы. В первую очередь, это наиболее многочисленная группа (более половины выборки) косвенных высказываний, которые рассматриваются большинством лингвистов

как конвенциональные или, по крайней мере, находящиеся на «пути к конвенционализации»: РА просьбы с “*Will you...?*”, “*Would you...?*”, “*..., if you will*”, “*Do you mind...?*”, “*Would you mind...?*”, “*Can you...?*”, “*Could you...?*”; РА совета с “*You’d better...*”, “*If I were you I’d ...*”, РА предложения с “*We’ll*, “*shall we?*”, “*Why don’t you...?*”, “*How about ...?*”, “*What about ...?*” и т.п. Кроме вопросительных высказываний, для косвенного выражения побуждения употребляются и утвердительные высказывания, обычно в сослагательном наклонении.

Рассматривая проблему конвенционализации, многие лингвисты сводят прагматику к набору имплицатур, которые носят неконвенциональный характер. По мысли К. Баха и М. Харниша, конвенциональные иллокутивные акты не являются коммуникативными, так как задача адресата состоит только в том, чтобы распознать в том или ином иллокутивном акте конвенцию. Конвенциональные имплицатуры включают все те аспекты информации, которые передаются высказыванием только в силу значения содержащихся в нем слов. Неконвенциональные имплицатуры связаны с языковым содержанием косвенным образом. Они выводятся из содержания предложения и обязаны своим существованием тому факту, что участники речевого акта связаны «общей целью коммуникативного сотрудничества, имеют общий фонд знаний о мире и общую оперативную память, касающуюся диалога» /Bach, Harnish, 1979: 117/.

В однотипных ситуациях говорящие употребляют сходные высказывания, которые приобретают определенную устойчивость и со временем могут превратиться в стереотипные формулы, например, формулы вежливости, которые, по мнению ряда исследователей, характеризуются в семантическом плане такими признаками, как повеление+вежливость и являются показателем реквестивных высказываний, их «иллокутивным индексом» /см., например, Почепцов, 1981: 227/.

Приведем несколько примеров косвенных высказываний, иллюкативная сила которых не выводима из суммы значений компонентов, а является производной от них. Но прежде для сравнения начнем с прямого РА:

(1) Mabel Chiltern: *Gertrude, I wish you would speak to Tommy Trafford.*

Данное высказывание является примером прямого РА просьбы, когда РА не подвергается функциональному сдвигу в процессе коммуникации /Чахоян, 1988: 131/.

(2) (In a dark room)

A: *Can I see it?*

B: *Turn on that light above you.*

В (2) реализуется косвенная просьба-разрешение, выраженная конвенционально.

(3) A: *Can we talk quietly, please?*

B: *I'm not sure.*

Наличие в (3) лексемы *please* свидетельствует о побудительном характере высказывания, причем прямое значение – запрос информации – не снимается полностью, доказательством чего служит ответная реплика (*I'm not sure.*)

Одной из наиболее распространенных является модель-запрос о наличии или отсутствии того или иного предмета, например:

Sarah: *Is there any sugar on this table?... Norman, darling, do see if you can find the sugar.*

Norman: *Here.*

Данная модель представляет собой результат компрессии: говорящий хочет попросить передать сахар, но сначала он должен осведомиться, есть ли он в наличии (на столе). Причем этот тип косвенных высказываний меньше всего подвержен конвенционализации. Использование таких высказываний в качестве побуждения к действию происходит только при оп-

ределенных условиях, при наличии определенных предварительных знаний собеседников о ситуации.

Рассмотрим еще один пример:

Rose (calls into hall): *Dear Sophie, where is coffee?*

Sophie: *Aunt Constance is most sorry for the delay. We bring it immediately.*

Подразумеваемое побуждение (просьба) является довольно неопределенным в отношении конкретного языкового выражения. Адекватная интерпретация будет осуществлена только с опорой на контекст, при помощи коммуникативно-прагматических факторов. Предшествующий текст (контекст) позволяет правильно установить, что смыслом высказывания не является запрос информации, хотя вопросительная ситуация в данном случае налицо. Косвенное осмысление данного высказывания как просьбы произойдет только в случае положительного ответа на прямое значение, в этом случае возникает ситуация побуждения.

Вопросительное высказывание *'Where is the newspaper?'* допускает: а) прямую интерпретацию с соответствующим ответом на запрос информации – *'On the table'*; б) косвенную интерпретацию как просьбы – найти и принести. Ответом в пользу такой интерпретации может быть: *'Just a minute'*.

Аналогично:

'Haven't you seen my glasses?' – *'They suit you perfectly'*.

'Haven't you seen my glasses?' – *'I'll get it for you'*.

Особо следует выделить группу высказываний-просьб, объединенных на основе того, что их иллокутивная сила выводится исключительно благодаря контексту употребления. Это так называемые намеки (*'requestive hints'*), которые характеризуются как *"the most nonconventional and indirect of all request strategies"* /Weizman, 1989: 73/. Например,

I have so much work to do (when used as a request to be left alone).

I've just missed my bus (when used as a request for a ride).
Are you going home now (when used as a request for a ride).
It's cold in here (when used as a request to close the window).

Сравним также:

1. *Excuse me, I wonder if you could give me a dime?*
2. *I've spent all my money.*
3. *I need to make a telephone call.*
4. *My wallet has been stolen.*

Все четыре предложения представляют косвенные высказывания с соответствующей просьбой-намерением говорящего. Адекватное восприятие и декодирование данных высказываний как просьбы, за исключением первого предложения (*Excuse me, I wonder if you could give me a dime?*), возможно лишь с опорой на коммуникативный контекст, конкретную речевую ситуацию.

Анализ косвенных речевых актов, нацеленный на выявление различий между языковой формой высказывания и его иллокутивной силой, которая устанавливается на основе знания контекста, свидетельствует о наличии в английском языке, благодаря своей способности ослаблять, усиливать или менять иллокуцию, общего функционального класса РА, который не может быть идентифицирован изолированно, а лишь с опорой на конкретную речевую ситуацию, коммуникативный контекст.

Рассмотрим приведенный Дж. Серлем /Searle, 1975: 61-62/ диалог двух студентов:

Student X: *Let's go to the movies tonight.*

Student Y: *I have to study for an exam.*

Текстовый смысл приведенного ответа, т.е. собственно семантическое значение высказывания – передача фактуальной информации («Я должен готовиться к экзамену»), подтекстовый смысл, имплицитно указывающий на позицию адресата в данной ситуации общения – это отрицательное отно-

шение к предложению говорящего. Чтобы понять это, адресант должен совершить прогноз относительно «иллокутивных сил», т.е. коммуникативных намерений «говорящего» слушающего (в данном случае *Student Y*), которые стоят за текстом высказывания. Для этого он активизирует свои пресуппозиции (фоновые знания) о предмете речи, партнере, его «смысловом мире», как правило, идентифицируя себя с ним. Вывод, к которому он должен прийти, состоит в том, что посещение кино и подготовка к экзаменам как одновременные события несовместимы, и, следуя своим представлениям об обязанностях и долге, партнер, вероятно, предпочтет второе; таким образом, будем иметь косвенный отказ адресата, а не просто сообщение о факте (в данном случае о подготовке к экзамену). Подобного рода акты Н.И. Формановская называет «контекстуально-ситуативными косвенными речевыми актами» /Формановская, 1998: 44/.

Рассмотренные выше высказывания неоднородны и могут быть распределены по трем основным группам, различающимся по степени «косвенности»:

прямые РА, где семантическое и прагматическое значения высказывания находятся в относительной гармонии и иллокутивная сила высказывания выводится из суммы составляющих высказывание элементов; прямой речевой акт имеет буквальное значение; воздействие на адресата осуществляется с опорой на его знания о правилах, лежащих в основе конструирования высказывания; показателем иллокутивного намерения говорящего является эксплицитно выраженное перформативное выражение;

полумплицитные РА, которые не обладают четко обозначенной коммуникативной интенцией, автор придает им дополнительный смысл; в них могут быть частично представлены признаки прямого РА, т.е. в РА такого типа возможно взаимо-

действие прямой и косвенной иллокуций; для подобных РА характерна невысокая степень косвенности и многие из них, как уже отмечалось, находятся на пути к конвенционализации;

косвенные РА, в которых буквальная, «базисная» иллокутивная сила нейтрализуется, «гасится» актуальной, вторичной иллокутивной силой. Базисная иллокутивная сила оказывается несоответствующей ситуации общения, что заставляет слушающего искать истинный смысл высказывания, соответствующий коммуникативному намерению говорящего. В таких высказываниях, где смысл выражен имплицитно, прагматический компонент значения превалирует над семантическим.

Использование косвенных форм выражения речевых актов, в том числе и побудительных, происходит по причинам различного характера: этическим, эстетическим, социальным, ситуативным. И одной из таких причин, как уже отмечалось, является вежливость.

Большинство лингвистов склонны видеть прямую связь между косвенностью и вежливостью. Более того, они считают, что выбор говорящим косвенных речевых актов в качестве способа выражения своих намерений всегда предопределен принципом вежливости /см.: Locher, 2004/.

Как пишет И.В. Соловьева, достижения теории речевых актов в плане вежливости связаны с ее сильной ориентацией на изучение формальной стороны высказывания. Преимущественное изучение речевых актов повелительного характера способствовало интересу к средствам, модифицирующим иллокуции, которые в сочетании с универсальными разговорными формами служат ослаблению, смягчению категоричности требования и тем самым ассоциируются с умением «вести себя». Это привело к идентификации косвенности и вежливости и еще раз подчеркнуло ее традиционные стороны – уважение, внимание к собеседнику, дистанцированность и, наконец, в целом – умение вести себя /Соловьева, 2000/. Описывая прак-

тические формы уклонения от конфликтов, П. Браун и С. Левинсон, отмечают, что вежливость есть система поведенческих стратегий, которые можно классифицировать в иерархическом порядке *прямо пропорционально* отношению между уклонением от конфликта и косвенностью /Brown&Levinson, 1978; 1987/.

Однако не все исследователи признают связь между косвенностью (некатегоричностью) и вежливостью и считают, что она не столь однозначна. Образно говоря, «такая связь сохраняется только тогда, когда благоприятное для говорящего действие требует усилий от слушающего» /Шаронов, 1991: 130/. А. Davison (1975) также отказывается видеть в вежливости единственную причину для употребления косвенных речевых актов. Она также говорит о «факторе беспокойства», вызываемом косвенным речевым актом. Таким образом, приравнивание и отождествление понятий вежливости и косвенных речевых актов вряд ли можно считать однозначным, хотя и следует признать и еще раз отметить, что использование косвенных речевых актов является одной из форм проявления вежливости в языке.

Итак, вежливость как языковая категория включает различные способы воплощения принципа вежливости в высказывании. Виды и формы вербального взаимодействия между говорящим и слушающим разнообразны, они зависят от характера межличностных и социальных отношений между коммуникантами, типа и формы общения, явных и скрытых интенций участников речевого взаимодействия, от социально-культурного опыта и коммуникативной компетенции интерактантов, от национальных традиций, существующих в данном языковом сообществе, и т.д.

Действие принципа вежливости, направленное на смягчение коммуникативного намерения говорящего и реализуемое путем снижения категоричности побуждения в английском

языке, осуществляется с помощью увеличения косвенности выражения побудительного коммуникативного намерения.

Косвенность как прагматическое явление является универсальным феноменом, который наблюдается во всех языках и имеет универсальные черты. Необходимо отметить, однако, что универсальное употребление косвенных речевых актов не говорит о том, что во всех языках косвенность речевого высказывания употребляется в тождественных ситуациях, следовательно, требуется знание определенных норм и обычаев, условностей, принятых в данном речевом сообществе. Каждая языковая система предлагает свои конвенции и инструментарий, смысл и значение которых становятся ясными лишь при анализе интенций коммуникантов и результатов их речевого взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Р. Якобсоном выделены и определены шесть функций языка, которые характеризуют вербальный акт коммуникации. Эти функции определяются Р. Якобсоном как ориентации на шесть элементов ситуации: *референтивная (коммуникативная)* – это ориентация на контекст/референт (ср.: The Referential Function corresponds to the factor of context and describes a situation, object or mental state. The descriptive statements of the referential function can consist of both definite descriptions and deictic words, e.g. “The Earth is round”, “The autumn leaves have all fallen now.”); *экспрессивная (эмотивная)* – это ориентация на адресанта, предполагающая использование языка для выражения личного (субъективного) отношения говорящего к содержанию сообщения или к собеседнику (ср.: The Emotive (alternatively called “expressive” or “affective”) Function relates to the Addresser (sender) and is best exemplified by interjections and other sound changes that do not alter the denotative meaning of an utterance but

do add information about the Addresser's (speaker's) internal state); *конативная (апеллятивная)* – это ориентация на адресата (ср.: The Conative Function engages the Addressee (receiver) directly and is best illustrated by vocatives and imperatives, e.g. “Tom! Come inside and eat!”). Кроме этих трех основных функций языка, Р. Якобсон также выделяет: *фатическую*, т.е. ориентацию на контакт (ср.: The Phatic Function is language for the sake of interaction and is therefore associated with the Contact/Channel factor. The Phatic Function can be observed in greetings and casual discussions of the weather, particularly with strangers. It also provides the keys to open, maintain, verify or close the communication channel: “Hello?”, “Ok?”, “Hummm”, “Bye”), *метаязыковую* как направленность на код, язык – the code itself, and how it is used (ср.: The Metalingual (alternatively called “metalinguistic” or “reflexive”) Function is the use of language (the “Code”) to discuss or describe itself), *поэтическую*, ориентированную на сообщение (ср. The Poetic Function focuses on “the message for its own sake” and is the operative function in poetry as well as slogans). /См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Jakobson%27s_functions_of_language/

- [2] В настоящее время в лингвистике все настойчивее звучит мысль о том, что иногда высказывание нельзя правильно интерпретировать, если во внимание принимаются только факторы говорящего (адресанта) и слушающего (адресата). Заметим, что в речевом общении встречаются ситуации, когда высказывание приобретает ту или иную форму, наполняется некоторым содержанием под влиянием лица, не являющегося формально адресатом конкретного высказывания или дискурса. Дихотомию адресант – адресат «осложняет» третье лицо, *наблюдающее*. Учет этого фактора порой приводит к определенным сдвигам в понимании сообщения. Поэтому, как представляется, рассмотрение когнитивной модели высказывания с точки зрения третьего лица – наблюдателя – является весьма перспективным и может дополнить наши знания об особенностях восприятия высказывания в зависимости от выбора перспективы, точки отсчета при кодировании и декодировании высказывания. Приведем точку зрения С. Левинсона по этому вопросу: “In addition to speaker,

addressee and audience (third person, being, of course, definable in terms of the first two), there are a number of further distinctions in person deixis that probably need to be made. We know that, interactionally, important distinctions are often made between overhearers, unratified vs. ratified participants, those of the latter who are addressees and those who are non-addressed participants, and so on” /Levinson, 1983: 72/.

- [3] Заметим, что несовпадение тезаурусов коммуникантов, обусловленное неповторимым индивидуальным опытом каждого из них, может привести к определенному недопониманию и стать семантическим барьером, однако это не значит, что взаимопонимание невозможно вообще. Следует иметь в виду, что «при любом общении в процессе понимания всегда есть какое-то несоответствие – каждое слово, каждое высказывание будет иметь для воспринимающего чуть-чуть другой, новый смысл. Однако важно, чтобы «это «чуть-чуть» не превращалось в «совсем» и не мешало общению и взаимопониманию». Если партнер по коммуникации понял совсем не то, что ему было сказано, то можно говорить о неэффективной коммуникации и даже о коммуникативном сбое. И чтобы преодолеть семантический барьер, необходимо чтобы коммуниканты говорили бы «на одном языке» и имели общий фонд знаний.
- [4] Несколько особняком в плане дейксиса стоит личное местоимение 3-го лица единственного числа. Это местоимение 3-го лица имеет референтную соотнесенность с объектом, находящимся вне речевого акта. Оно существует и получает характеристику лишь в силу противопоставления с лицом Я говорящего субъекта, который, произнося данную форму, определяет ее как «не-лицо» (термин Э. Бенвениста). Это означает, что формы он/она/оно получают свою значимость благодаря тому, что они принадлежат высказыванию, произносимому неким говорящим Я. Обоснованность противопоставления личных местоимений третьего лица личным местоимениям первого и второго лица объясняется также и тем, что местоимения третьего лица отличаются внутренней объективированностью и анафорическим характером, а также обладают меньшими (по сравнению с ме-

стоимениями первого и второго лица) возможностями для индивидуализации образа человека. Очевидно, что изучение анафорической функции местоимений третьего лица, как и других дейктических знаков, затрагивает иной круг вопросов. Выявление типов анафорических структур, определение внутри последних antecedентов и составляющих повторов, определение их типов, анафорических по форме (собственно анафора и катафора) и по содержанию (отождествляющие и идентифицирующие анафоры), и целый ряд других вопросов могут стать предметом специального анализа, нацеленного, в частности, на текстообразующую роль дейктиков.

- [5] Примечателен тот факт, что в ряде современных исследований по грамматике, например, модальности и грамматическому времени, анализ проводится с обязательным учетом категории говорящего /см., например, Lakoff, 1970; Kuryłowicz, 1972; Meunier, 1974; Tanz, 1980/.
- [6] В ряде языков указание на говорящего и слушающего может сочетаться с другими характеристиками человека. Так, в мадагаскарском языке указание на говорящего обязательно комбинируется с указанием на его принадлежность к жителям Мадагаскара /Keenan, 1971: 50/. Дейксис может отмечать также участие/неучастие лица в акте коммуникации. Например, в одном из языков Новой Гвинеи отмечено параллельное существование двух глаголов «давать», различающихся в зависимости от того, кто выступает в качестве «получателя» – один из участников речевого акта или человек, не принимающий участия в коммуникации /Fillmore, 1971: 239/. В японском языке также имеются два глагола – *ageru* и *kureru* – со значением «давать», выбор которых зависит от взаимоотношений говорящего и получателя в акте действия: если говорящий сам есть получатель или же «чувствует себя ближе к реципиенту по сравнению с тем, как он чувствует себя по отношению к дающему», то он употребляет глагол *kureru*. В противном случае он употребляет *ageru* /Downing, 1980/. Следует заметить, что японский язык очень чувствителен в выражении вежливости: отличительной особенностью японского языка является наличие в нем специ-

альной грамматической категории вежливости, различающей три степени вежливости. В литературе имеется множество других примеров, свидетельствующих о том, что языки сильно различаются по способу лексикализации и грамматикализации дейксиса вообще и, личного, в частности. Однако здесь ограничимся вышесказанным, не имея целью более подробное освещение этого вопроса.

- [7] Здесь уместно вспомнить предложенную Робин Лакофф несколько иную субкатегоризацию дейксиса при определении функций указательных местоимений *this* и *that*, включающую, кроме традиционно выделяемых дейктических категорий лица, места и времени, также и категорию эмоционального дейксиса ('emotional deixis' /Lakoff, 1974/, ср. также термин Дж. Лайонза 'empathetic deixis', определяемый как "the use of deictic forms to encode emotional proximity (this), or (that) between a speaker and a referent" – /Lyons, 1977: 677/). Что касается эмоционального дейксиса, то он, по свидетельству Р. Лакоффа, возникает тогда, когда «стирается» собственно ситуативное указательное значение дейктических элементов (близко-далеко), т.е. нейтрализуется физическая (пространственная) оппозиция и проявляется функция метафорической близости – удаленности референта от говорящего, сопровождающаяся оценочностью. Под влиянием эмоций, представляющих собой единство интеллекта и аффекта, говорящий не соблюдает «закономерностей» функционирования дейктических единиц, а использует, например, *this* для выражения «эмоциональной солидарности» ('emotional solidarity') с партнером по коммуникации и для создания у слушателя атмосферы близости и участия (в терминологии Р. Лакоффа 'shared familiarity with referent'). И наоборот, указательное местоимение *that*, вопреки своему основному темпорально-локальному значению, часто используется говорящим для выражения «отрицательного» отношения к лицам, предметам, явлениям, событиям, действиям вне зависимости от того, находятся ли они близко или далеко от говорящего, тем самым указывая на эмоциональную отдаленность от референта, от сообщаемого. Аналогичную мысль находим у Дж. Лайонза: "Empathetic deixis is the meta-

phorical use of deictic forms to indicate emotional or other psychological “distance” or “proximity” between a speaker and a referent. The use of *this* to indicate the speaker’s empathy. The use of *that* to indicate the speaker’s emotional distance” /Lyons, 1977/.

Таким образом, эмоциональный дейксис объясняет использование тех или иных дейктиков как результат аффекта говорящего или его негативного отношения к сообщаемому. Так, в литературе отмечается, что *that*, вопреки своему основному темпорально-локальному значению, часто используется говорящим для обозначения частей собственного тела, вызывающих у него неудовольствие или другие отрицательные эмоции (боль, дискомфорт и т.д.: *Look at that dishevelled hair of mine!*). *That* используется для выражения отрицательного отношения к лицам вне зависимости от того, находятся ли они близко или далеко от говорящего: *I don’t like that husband of yours.*

- [8] Главное свойство дейктических слов – отсылать к акту речи – лежит в основе предложенной Ш. Балли теории актуализации. Актуализация рассматривается Ш. Балли как использование языковых средств в речи, а актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего. Актуализация понятия заключается в его количественном определении и локализации. Локализация включает ограничение понятия в трех аспектах: 1) по отношению к говорящему, 2) в пространстве и 3) во времени /Балли, 1955/.
- [9] Ср. также часто встречаемые в литературе термины: «неполнознаменательные», «грамматикализованные», «делексикализованные», «десемантизированные», «опустошенные», «слова с диффузным значением», «ущербные» и под.
- [10] Появление обращения к одному лицу в форме множественного числа связывают с разными гипотезами. Историки утверждают, что впервые обращение на вы (во множественном числе) появилось в Римской империи примерно в четвертом веке. (Заметим, что в латинском языке есть *и tu* (ты), и *vos* (вы)). Но, когда единая империя распалась на Западную и Восточную, появилось два императора, которые занимали престолы в Риме и Константинополе, и к каждому из них стали обращаться во множественном числе.

На «вы» принято обращаться, например в русском и армянском языках, а также в ряде других европейских языков. Однако, в немецком и норвежском языках вежливая форма это множественное число, но в третьем лице, то есть не «вы», а «они» (Sie, De). Интересно, что в испанском в качестве вежливого обращения используют специальное местоимение Usted, а не Vosotros (двое и более человек). В итальянском языке для вежливой (формальной) формы обращения служит местоимение Lei.

- [11] Существует и другая трактовка противопоставления по «ключивности» – не как дополнительного параметра в системе лиц, который отвечает, прежде всего, за включенность адресата в коллективное первое и второе лицо, а как особого лица. Так, Д. Хаймз предлагает называть лексему «мы» с семантикой «я и ты» четвертым лицом единственного числа, поскольку она не связана с идеей двойственности. При таком понимании инклюзивные местоимения выражают отдельный тип коллективного участника речевого акта, в составе которого говорящий и адресат равноправны. Аргументы в пользу такой трактовки приводятся в ряде работ М.А.Даниэля /см., в частности: Даниэль, 2002 и Daniel, 2005/.
- [12] Заметим, что если «ключивность» применяется ко второму лицу (что бывает значительно реже в языках), то обычно уточняется, входит ли в состав коллективного второго лица также и третье: соответственно, при этом коллективное второе лицо с обязательно включенным третьим лицом будет инклюзивным, а при невключенном третьем лице – эксклюзивным.
- [13] Ср. 1 дв.инк 'я и ты' с русск. *мы с тобой*, обозначающим именно двух лиц. Аналогично, сочетания типа *мы с братом* означают 'я и <мой> брат вдвоем', а не 'мы и <мой> брат' (как можно было бы предположить на основе их буквального прочтения); иначе говоря, в этих конструкциях сначала задается число участников, а потом конкретизируется их состав. Участник, вводимый предлогом *с*, как бы «уже посчитан» заранее. Для обозначения этого явления М. А. Даниэлем предложен термин «поглощение референта» /см.: Плунгян, 2011: 313-314/.

[14] Термин «эмпатия» используется в лингвистике для описания одного из способов передачи информации с точки зрения говорящего или того, кто воспринимает эту информацию и предусматривает возможность варьирования способов упаковки такой информации /Василюк Ф.Е. Семиотика и техника эмпатии // Вопросы психологии, 2007, № 1, с. 4/. Смена ориентации *на говорящего или адресата* описывается в литературе под разными терминами: например, *point of view* /Fillmore, 1975/, *view-of-extended-self* /Morita, 1977/, *deictic projection* /Lyons, 1977/, *empathy* /Kuno, Kaburaki, 1977; Kuno, 1987/, *pivot* /Sells, 1987/. Согласно С. Куно и И. Кабураки, “*empathy is the speaker’s identification, with varying degrees, with a person who participates in the event that he describes in a sentence*” /Kuno, Kaburaki, 1977: 628/. Когда говорящий в какой-то степени идентифицирует (эмпатизирует) себя со слушающим или другим участником описываемого события, он может сместить дейктический центр (центр дейктической ориентации) на слушающего и описать событие (денотативную ситуацию) с его точки зрения (*from the person’s ‘camera angle’ rather than his own, or by ‘standing in the person’s shoes’* /Sells, 1987/. Тем не менее, нельзя утверждать, что смещение дейктического центра абсолютно произвольно и никак лингвистически не регламентировано. Эти ограничения можно определить, используя так называемую иерархию эмпатии речевого акта (*Speech Act Empathy Hierarchy*), которая заключается в том, что, говоря словами С. Куно, “*the speaker cannot empathize with someone else more than with himself – empathy with himself > empathy with others*” /Kuno, 1987: 212/. Иерархия С. Куно гласит, что степень идентификации, или эмпатия, в наивысшей степени свойственна говорящему и в меньшей степени слушающему или какому-либо другому лицу, что и подтверждается при речевом развертывании семантики дейктиков и, естественно, отражается на степени их дейктичности, и, как следствие, на степени вежливости высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный этап развития лингвистики закономерно выдвигает на передний план ориентацию научного знания на комплексное изучение человека, раскрытие его целостной сущности в качестве субъекта межличностных отношений. Доминирующая в современной лингвистике ориентация на динамические аспекты языка – коммуникативный и прагматический – имеет непосредственное отношение к решению практических задач обучения языку как средству реализации речевой деятельности человека. Весьма актуальными являются в связи с этим проблемные вопросы функционально-семантических особенностей языковых единиц разных уровней, коммуникативных типов речи и иерархии составляющих ее единиц, прагматических установок, теории речевых актов и коммуникативно-прагматических категорий высказывания и текста/дискурса.

Одной из важнейших задач, решаемых в современной лингвистике, является оптимизация речевого общения. В настоящее время в центре внимания исследователей находится изучение эффективности общения, под которой понимается достижение говорящим своих коммуникативных целей. Этим обусловлен интерес к средствам и способам оказания речевого воздействия, среди которых не последнее место занимают различные стратегии и тактики вежливости. Эффективность речевой коммуникации связана также с проблемой выбора, восприятия и интерпретации языкового знака. Кроме того, в зависимости от стратегий и тактик ведения диалога, выбираемых

коммуникантами, можно судить о типе языковой (говорящей) личности.

Среди факторов, определяющих правила функционирования языка, значительную роль играет понятие вежливости. Вежливость в работе рассматривается как специфическая категория коммуникативно-прагматического характера, регулирующая речевое поведение человека. Подчеркивается, что категория вежливости является *влиятельным* регулятором речевого поведения коммуникантов, ибо соблюдение/нарушение правил вежливости, облеченное в форму речи сознательными и намеренными действиями говорящего, имеет определенную цель и производит определенный эффект, как позитивный, так и негативный.

Категория вежливости, являясь важнейшей коммуникативной категорией, представляет собой национально-специфичную систему коммуникативных стратегий, направленных на достижение гармоничного, бесконфликтного общения и определяющих выбор наиболее оптимальных для этого речевых средств.

Одним из условий полноценного коммуникативного взаимодействия является доброжелательное отношение к партнеру в любой ситуации межличностных контактов. Регулируемые Принципом Вежливости отношения между говорящим и слушающим проявляются в условиях конкретного РА, в ее иллокутивной, локутивной и перлокутивной частях: вежливые отношения между собеседниками устанавливаются благодаря коммуникативному намерению говорящего (иллокуции), проявляющемуся в правильном выборе языковых средств речевого этикета и реализации этих средств в процессе говорения (локуции).

Известно, что нарушение социо-культурных норм воспринимается носителями языка особенно чувствительно. Куль-

турный шок, вызванный такими нарушениями, может стать причиной конфликтных ситуаций, порой ведущих к конфронтации. Успешность взаимодействия представителей разных культур и лингвокультурных общностей предопределяется как владением языком, так и знанием национально-культурной специфики вербального и невербального поведения, знанием социально-культурных норм, среди которых особое место занимают стратегии вежливости, направленные на поддержание гармонии в межличностном взаимодействии при помощи вербальных средств.

Итак, вежливость – это, прежде всего, соблюдение норм общения путем использования культурно-специфических коммуникативных стратегий, которые отражают социально-культурные ценности и соответствуют коммуникативным ожиданиям партнера.

В каждой культуре существуют принятые в данном обществе нормы и правила коммуникации и соответственно свой концепт вежливости. Каждая языковая культура обладает определенным набором специфических средств вежливого/невежливого коммуникативного поведения. Поэтому о вежливости следует говорить как о культурно обусловленном явлении. Как и коммуникативное сознание в целом, категория вежливости имеет национально-культурную специфику, и рассматривать ее можно только путем комплексного подхода к данной проблеме: через тип культуры и структуру социальных отношений – к основным культурным ценностям и принятым нормам и правилам коммуникации.

Принятые в обществе нормы и правила коммуникации обеспечивают коммуникативную деятельность человека. Эти нормы базируются на тех культурных ценностях, которые имеют особое значение для данного народа и во многом определяют поведение людей. Они проливают свет на особенности

коммуникативного поведения, и их знание имеет большое значение для успешного межкультурного общения.

В английском коммуникативном сознании концепт вежливости является четко оформленным, хорошо структурированным и содержит небольшое количество ярких когнитивных компонентов. Английская вежливость является адресатно-ориентированной, она направлена на партнера по коммуникации: быть вежливым значит демонстрировать внимание к другим, и, в первую очередь, почтительное, уважительное отношение к адресату.

Характерные для английской лингвокультуры автономия личности 'privacy' и относительное равенство всех членов общества определяют специфику английского речевого поведения и соответственно особенности проявления вежливости как ее неотъемлемой составляющей. Вежливость, понимаемая в англоязычном обществе, главным образом, как отсутствие посягательства на свободу собеседника, в основном, ориентируется на негативную вежливость.

Существенная социальная дистанция, разделяющая английских коммуникантов и проявляющаяся в наличии той самой зоны личной автономии 'privacy', куда посторонним вход запрещен, не позволяет оказывать прямое воздействие, давление на адресата. Это правило распространяется даже на ситуации, предполагающие действие в пользу адресата (например, такие, как приглашение, совет). Предпочтение отдается косвенному, непрямому выражению побуждения. Неимпозитивность (недопустимость воздействия на адресата) является одной из доминантных черт английского коммуникативного поведения, а право на личную автономию и уважение этой автономии окружающими – важнейшей национально-культурной ценностью.

Вежливость как реализация межличностных отношений, на основе которой формируется высказывание, является не-

отъемлемой составляющей *социальной* интеракции. Рассматривая речевую деятельность как подсистему человеческой деятельности в социальном плане, вполне закономерно ориентироваться на то, что в речевой деятельности реализуются парадигматические и синтагматические правила, диктуемые соответствующей языковой системой.

Вежливые высказывания – это особый подкласс речевых единиц, объединяемый на основе общности функционирования, формы и содержания. Содержание категории вежливости определяется сложившимися в общественном сознании требованиями поведения, основной смысл которых заключается в выражении уважительности, почтительности и положительного отношения собеседников друг к другу.

При изучении семантических и прагматических потенциалов «реагирующих» на вежливость речевых актов следует учитывать, что понимание семантического потенциала говорящего адресатом основано на наличии у них некоторого общего семантического поля. Оно представляет собой область конвенциональных, т.е. приведенных к некоторому общему знаменателю, знаний говорящего и адресата как членов определенного языкового сообщества.

Вместе с тем, для того чтобы быть вежливым в общении, недостаточно знать этикетные формулы, существующие в данном языке. Необходимо также знать, в каком коммуникативном контексте они могут быть использованы, каково их прагматическое значение. Поскольку предвидеть, а тем более запомнить все ситуации общения с учетом особенностей коммуникативного контекста практически невозможно, наиболее перспективным и действенным представляется знание стратегий вежливости, типичных для изучаемой культуры, и умение их использовать в речевом общении. Регулярное употребление тех или иных стратегий приводит к выработке определенных коммуникативных доминант и в итоге – к формированию лин-

говольтурной традиции и национального стили вербальной коммуникации.

Английская коммуникативная культура выработала целый комплекс стратегий, направленных на демонстрацию уважения личной автономии собеседника, его зоны независимости. Данные стратегии наиболее активно реализуются в побудительных речевых актах, связанных с оказанием воздействия на собеседника и направленных на то, чтобы побудить слушающего совершить определенное действие, и тем самым представляющих собой угрозу для коммуникации.

Для английской коммуникации характерно значительное расхождение между семантическим и прагматическим значением высказывания, поскольку в силу культурологических причин имеется необходимость в сильной завуалированности коммуникативной интенции говорящего, проявляющейся в снижении иллокутивной силы высказывания и смягчении ее категоричности. Национально-специфичное содержание концепта вежливости находит свое отражение в языке и речи и проявляется в лексико-грамматических, функциональных, прагматических, дискурсивных особенностях.

Как языковая категория вежливость включает различные способы воплощения принципа вежливости в высказывании. В основе реализации категории вежливости лежит так называемая модель вежливости, компоненты которой имеют разные способы выражения на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, образующие в совокупности Поле Вежливости в современном английском языке и объединенные в поле на основе их способности передавать общую интенцию. Поэтому можно говорить о том, что категория вежливости структурирована в английском языке и может быть представлена в виде прагматического функционально-семантического поля со своим центром и периферией.

В Макрополе Вежливости входят микрополя побуждения (побуждение-просьба, побуждение-совет, побуждение-предложение), характеризующиеся вполне определенными средствами языкового выражения.

Это, прежде всего, конститuentы поля модальности, широкий спектр субъективно окрашенной семантики которых дает возможность говорящему передать целую гамму прагматических оттенков, позволяет при передаче информации, выражении просьбы, совета, требования или предложения продемонстрировать свое отношение к партнеру по коммуникации, различную степень близости в общении, различную степень настоятельности побуждаемого действия, а также уверенности/неуверенности в истинности/достоверности сообщаемого.

Другой, не менее яркой, возможностью отразить гипотетичный характер высказывания обладают формы сослагательного наклонения, которые являются главным показателем того, что говорящий, учитывая конкретного собеседника, предпочитает выбрать форму, позволяющую ему отразить свое внутреннее состояние, с одной стороны, и почтительное, уважительное отношение к адресату, с другой. Это именно та форма, которая становится регулятором речевого поведения. Высокая частотность форм сослагательного наклонения со значением предположения в английской речи объясняется их ролью в создании общей некатегоричной, доброжелательной тональности диалога и в реализации принципа вежливости как одного из ведущих для обеспечения успешного вербального взаимодействия в целом; в английской же речи его значимость возрастает в силу особенностей национальной психологии англичан.

Наличие формально-языковых маркеров и даже употребление перформативных глаголов не всегда может способствовать достаточно полному определению иллокутивного потен-

циала высказывания: очень важно учитывать не только структурно-грамматические и логико-семантические факторы, но и коммуникативно-прагматические условия, при которых совершается данное речевое действие.

При сопоставлении характеристик форм вежливости обращает на себя внимание тот факт, что повышение степени вежливости напрямую связано с нейтрализацией семантических признаков и, как результат, с уменьшением однозначности и ясности: выражение становится многозначным, и для его понимания адресату необходима опора на контекст. Этот феномен хорошо согласуется с тем положением теории П. Браун и С. Левинсона, которое гласит, что при большом количестве возможных интерпретаций остается меньше возможности «нанести ущерб лицу партнера». Возможность широкой интерпретации предоставляет адресату определенную свободу действий и таким образом соответствует потребностям негативно-го лица собеседника.

Будучи относительным и вариативным понятием, вежливость определяется относительно некоторой нормы, которая представляет собою правила выбора социально одобренных (нормативных) форм из числа возможных вариантов. Вариант, в котором выражено подчеркнуто уважительное отношение к собеседнику, является вежливой формой выражения коммуникативного намерения. Следует еще раз подчеркнуть, что вежливость той или иной формы определяется в зависимости от параметров ситуации, контекста коммуникации. Одна и та же форма может быть оценена как нормативная в одной ситуации, как вежливая – в другой и как невежливая – в третьей. Если выбранные говорящим для реализации своих коммуникативных намерений языковые средства соответствуют конкретному коммуникативному контексту и коммуникативным ожиданиям собеседника, высказывание будет воспринято и

интерпретировано как вежливое, независимо от того, какова семантика составляющих его языковых единиц. Последнее положение лежит в основе так называемого дискурсивного подхода в исследованиях вежливости, который ознаменовал поворот в рассмотрении данного феномена в динамическом аспекте как некоего конструкта, создаваемого в процессе общения.

Учитывая, что вежливость является коммуникативно-прагматической категорией и степень вежливости высказывания можно определить только в контексте, представляется вполне оправданным и целесообразным различение *абсолютной вежливости*, определяемой на уровне семантики высказывания, и *относительной вежливости*, определяемой на уровне прагматики высказывания. В первом случае степень вежливости высказывания можно определить вне контекста на уровне семантики высказывания. Во втором случае степень вежливости определяется в контексте на уровне прагматики, т.е. в соответствии с нормами конкретной социальной группы и конкретной ситуацией общения. Как отмечает Дж. Лич, абсолютная вежливость имеет место быть, когда требуется минимизировать невежливость невежливых иллокуций и максимизировать вежливость вежливых иллокуций. Относительная вежливость согласуется с нормами конкретной культуры, конкретного языкового сообщества и во многом зависит от коммуникативного контекста или ситуации общения. Эта относительность и есть тот фактор, который отличает поведение людей и объясняет, почему «применяемый ими принцип вежливости» по-разному реализуется в их повседневной деятельности.

Выбор говорящим адекватной языковой единицы определяется целым рядом экстралингвистических факторов социального, биологического, психологического, когнитивного

характера, связанных с личностью коммуникантов, их личностными характеристиками. С одной стороны, каждая языковая личность принадлежит к определенной группе: социальной, профессиональной, возрастной, гендерной, этнической и т.д., и каждый конкретный выбор определяется конвенционально закрепленными стереотипизированными нормами общества. С другой стороны, прагматика выбора определяется тем, что говорящий, осуществляющий адекватный выбор, должен иметь знания правил употребления и ограничений на употребление, знания о различных параметрах контекста, о личности партнера по коммуникации, без чего не может быть успешного общения.

Немаловажную роль в реализации категории вежливости играют регулирующие межличностные отношения дейктические языковые средства. Поскольку прагмалингвистическая категория вежливости является действенным инструментом, регулирующим *диалоговое* взаимодействие коммуникантов посредством выбора наиболее уместной формы реализации речевой интенции говорящего, а дейксис является одним из средств языка, которое с помощью дейктиков различных типов репрезентирует ситуативные и социальные параметры коммуникативной ситуации, в работе сделан вывод о тесной связи этих двух «антропологических категорий», проявляющейся в том, что функционирование категории вежливости в языке можно рассматривать как составляющую социального дейксиса, и наоборот, дейктические языковые средства, будучи основными «проводниками» вежливости, могут рассматриваться как проявление категории вежливости в языке.

Разные понимания вежливости, характеризующие ту или иную культуру, определяют разные тональности и «ритуалы» общения, что необходимо учитывать и при обучении иностранным языкам, т.к. перенос системы вежливости из родно-

го языка в иностранный часто ведет к тому, что речь иностранца звучит как невежливая для носителей языка и служит источником национальных предрассудков и стереотипов, а незнание норм общения даже при хорошем знании языка приводит к прагматическим ошибкам и, как следствие, к коммуникативным неудачам. Поэтому современный подход к обучению иностранным языкам уделяет большое внимание формированию коммуникативной компетенции (помимо компетенции лингвистической), которая проявляется именно в знании стереотипов речевого поведения в культуре изучаемого языка, в умении правильно «прочитать» ситуацию общения и правильно отреагировать на нее (это то, что принято называть ‘cultural literacy’).

Итак, речевореческая деятельность коммуниканта социально обусловлена, всякое речевое действие сопряжено с социальными факторами, и оно совершается согласно конвенции употребления языка. Для достижения своих коммуникативных целей говорящий использует определенные конвенциональные средства, связанные с максимами и этикетными нормами общения. Однако сфера действия такого типа конвенций довольно ограничена: она действует в основном в строго регламентированных системах общения. Речевое общение регулируется больше всего правилами, которые познаются в процессе практической деятельности, в практике языкового общения. Соблюдение такого рода правил предполагает знание коммуникантами специфических условий их использования и границ коммуникативных сфер их распространения.

Вежливая коммуникация – это взаимная работа обоих коммуникантов, состоящая из обоюдных уступок и шагов навстречу ожиданиям партнера. Вежливое общение представляет собой определенный набор стратегий, речевое воплощение которых может подвергаться наибольшим модификациям в зависимости от целей и задач коммуникантов и их языковой

интуиции, от конкретной ситуации общения и других субъективных причин.

Установление существенных характеристик высказывания, регулирующих межличностные отношения, выявление состава и средств категории вежливости, основанное на их семантической и прагматической интерпретации, которая понимается как толкование смысла высказывания при помощи как пропозиционального, так и пресуппозиционного анализа, учитывающего факторы, характеризующие структуру и обстановку РА, межличностные и социальные отношения партнеров по речевому общению, является актуальным в свете изучения функционально-прагматических свойств языка и описания языковой картины мира в целом. Все это позволило выявить семантическую и прагматическую значимость проявления категории вежливости в современном английском языке.

Дальнейшее исследование вежливости может быть продолжено в разных направлениях. Наиболее перспективными являются следующие: изучение коммуникативного взаимодействия с точки зрения невежливости; изучение степени (не)вежливости высказывания с точки зрения восприятия его адресатом (слушающим); исследование вежливости в кросс-культурном пространстве с целью выявления национально-культурной специфики проявления данной категории в разных языках, включая армянский. Большой научный интерес представляет исследование особенностей проявления категории вежливости в речи представителей разных социальных, возрастных, профессиональных групп, включая гендерные исследования в этой области.

В заключение заметим, что тесные связи лингвистики, прагматики и когнитивной науки бесспорны: в центре их интересов находятся язык, мышление и поведение человека, а

целью является изучение коммуникативно-концептуальной системы человека и «процесса образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия». Учет этих характеристик, отраженных в образах коммуникантов (говорящего и слушающего), позволяет им эффективно взаимодействовать и успешно достигать своих целей при общении.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапова С.Г.** Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык). Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.
- Алпатов В.М.** Категория вежливости в современном японском языке. М.: Наука, 1973.
- Алференко Е.В., Быкова О.И.** Специфика семантики и прагматики междометий современного немецкого языка // Национально-культурная специфика социума и механизм ее вербального воплощения. Воронеж: ВГУ, 1994. – С. 23-33.
- Американское коммуникативное поведение:** Научное издание / Под ред. И.А. Стернина и М.А. Стерниной. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001.
- Апресян Ю.Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С. 7-44.
- Апресян Ю.Д.** Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка, 2-е издание. Л.: Просвещение, 1981.
- Арнольд И.В.** Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: Либроком, 2010.
- Арутюнова Н.Д.** Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке // Научные доклады высшей школы, Филологические науки, 1970, № 3. – С. 44-58.
- Арутюнова Н.Д.** Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 32, 1973, № 1. – С. 84-89.
- Арутюнова Н.Д.** Фактор адресата // Известия АН СССР, Сер. Литературы и языка, т. 40, 1981, № 1. – С. 356-367.

- Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.** Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – С. 3-42.
- Арутюнова Н.Д.** Диалогическая цитация // Вопросы языкознания, 1986, № 1. – С. 50-54.
- Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Арутюнова Н.Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- Арутюнова Н.Д.** Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века: Тезисы докладов международной конференции, т. 1. М., 1995. – С. 32-33.
- Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека (изд. 2-е, исправленное). М.: Языки русской культуры, 1999.
- Арутюнова Н.Д.** Феномен молчания // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 417-436.
- Астафурова Т.Н.** Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: Лингвистический и дидактический аспекты. Дис. ... докт. педагогических наук. М., 1997.
- Атаян Э.Р.** Язык и внеязыковая действительность. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1987.
- Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1955.
- Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.** Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания, 1992, № 1. – С. 84-99.
- Барташова О.А.** Стилистические особенности коммуникативных неудач в англоязычном политическом дискурсе. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.
- Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

- Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Бахтин М.М.** Человек в мире слова. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995.
- Бахтин М.М.** Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998.
- Белл Р.Т.** Социолингвистика. Цели, методы, проблемы / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1980.
- Беляева Е.И.** Принцип вежливости в речевом общении // Иностранные языки в школе, 1985, № 2. – С. 3-10.
- Беляева Е.И.** Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Изд-во Воронеж. университета, 1985.
- Беляева Е.И.** Социолингвистический аспект изучения категории модальности // Принципы и методы исследования единиц языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. университета, 1985. – С. 94-103.
- Беляева Е.И.** Коммуникативная ситуация и речевой акт просьбы // Иностр. языки в школе, 1987, № 1. – С. 6-10.
- Беляева Е.И.** Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1987.
- Беляева Е.И.** Грамматика и прагматика побуждения: Английский язык. Воронеж: Изд-во Воронеж. государственного университета, 1992.
- Бенвенист Э.** Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Берн Э.** Игры, в которые играют люди: Психология человеческой судьбы. Л.: Лениздат, 1992.
- Богачев Р.Е.** Отражение английской языковой картины мира в концептах “home”, “freedom”, “privacy”, “common sense”. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007.
- Богданов В.В.** Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
- Бондарко А.В.** К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания, 1967, № 2. – С. 18-31.

- Бондарко А.В.** Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования: Мещаниновские чтения. М., 1974. – С. 54-79.
- Бондарко А.В.** Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1971.
- Бондарко А.В.** Семантика лица // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург: Наука, 1991. – С. 5-40.
- Брутян Л.Г.** Беседы о межкультурной коммуникации. Ереван: Изд-во Эдит Принт, 2014.
- Брутян Л.Г.** Речевой этикет в поликодовом пространстве // Коммуникация в поликодовом пространстве: лингво-культурологические, дидактические, ценностные аспекты: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург: Изд-во политехн. университета, 2015. – С. 46-48.
- Бубер М.** Я и Ты. М.: Высшая школа, 1993.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Диалогические функции некоторых типов вопросительных местоимений // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 41, 1982, № 4. – С. 314-326.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Бурдые П.** Социальное пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт социальной психологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. – С. 14-48.
- Бурлакова В.В.** Дейксис // Спорные вопросы английской грамматики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 74-88.
- Бюлер К.** Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2001.
- Васильева Т.В.** Проблема дейксиса и семантика местоимения // Исследования по семантике. Уфа, 1984. – С. 25-27.
- Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М.: Русские словари, 1996.

- Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под редакцией Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Вежбицкая А.** Понимание культуры через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Вейнрейх У.** О семантической структуре языка // Новое в лингвистике, 1970, вып. 5. – С. 163-250.
- Верещагин Е.Н., Костомаров В.Г.** Язык и культура. М.: Русский язык, 1990.
- Виноградов В.В.** Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.-Л.: Высшая школа, 1972.
- Винокур Т.Г.** Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
- Виссон Л.** Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Пер. с англ. М.: Р. Валент, 2003.
- Власова Е.В.** Речевая агрессия как одно из выражений власти в СМИ // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 4: Власть и речь. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. – С. 190-195.
- Власян Г.Р.** Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета, 2011, № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. – С. 36-38.
- Волков Н.Н.** Семантика и дейктические функции личных местоимений в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Волкова В.И.** Интонация вежливого вопросительного высказывания в бизнес-общении. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998.
- Вольф Е.М.** Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974.
- Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

- Выготский Л.С.** Индивид и общение. М.: Прогресс, 1983.
- Гак В.Г.** К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. – С. 230-294.
- Герасимова О.И.** Косвенные высказывания в английской диалогической речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Головина И.В.** Семантика императива и способы его выражения в современном русском и английском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Гольдин В.Е.** Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978.
- Гольдин В.Е.** Речь и этикет. М.: Просвещение 1983.
- Гольдин В.Е.** Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987.
- Горелов И.Н.** Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003.
- Гордон Д., Лакофф Дж.** Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – С. 276-303.
- Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г.** К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985. – С. 64-78.
- Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
- Грацианова Н.Н.** Вежливость речи как правило речевого поведения и его языковая реализация // Текстовые реализации категориальной грамматической семантики: сб. науч. трудов. М.: МГЛУ, 1996. – С. 27-36.
- Гудков Д.Б.** Теория и практика межкультурных коммуникаций. М.: Гнозис, 2003.
- Гулыга О.А.** Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.

- Гумбольдт В. фон.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. – С. 37-298.
- Гумбольдт В. фон.** Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
- Давиденко Л.Г.** Коммуникативная модальность предложений с глаголами can/could, may/might в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1984.
- Даниэль М.А.** Является ли инклюзив местоимением первого лица? // Языки мира. Типология. Уралистика. М.: Индрик, 2002. – С. 232-251.
- Девкин В.Д.** Диалог: Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М.: Высшая школа, 1981.
- Дейк Т.А. ван.** Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Дейк Т.А. ван.** Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Дементьев В.В.** Непрямое общение – не прямое сообщение – не прямое воздействие (к проблеме системного представления не прямой коммуникации) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2000. – С. 20-38.
- Демьянков В.З.** Конвенции, правила и стратегии общения (Интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 41, 1982, № 4. – С. 327-337.
- Демьянков В.З.** Загадки диалога и культура понимания // Текст в коммуникации. М., 1991. – С. 109-146.
- Демьянков В.З.** Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Сборник к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34-55.
- Дорошенко А.В.** Побудительные речевые акты и их интерпретация в тексте (на материале английского языка). Автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 1986.

- Драздаускене М.Л.** Контакттоустанавливающая функция речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
- Дрига С.С.** Социальный дейксис дискурса массовой коммуникации (на материале ток-шоу). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008.
- Егорова М.А.** Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиции. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995.
- Ерзинкян Е.Л.** Дейктическая семантика слова. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1988.
- Ерзинкян Е.Л.** Принцип вежливости в диалогической речи: межкультурный аспект // Материалы международной конференции, посвященной 70-летию русистики в Армении и 30-летию факультета русской филологии ЕГУ. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2007. – С. 117-220.
- Ерзинкян Е.Л.** Концепт вежливости в межкультурном аспекте // Иностранные языки в высшей школе, № 9. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2008. – С. 90-95.
- Ерзинкян Е.Л.** Концепт вежливости в свете теории речевых актов // Иностранные языки в школе, № 4-5. Ереван, 2009. – С. 62-73.
- Ерзинкян Е.Л.** Категория вежливости и дейктические средства ее выражения // LATEUM-2011, Proceedings of the 10th International Conference “Linguistics and ELT Today: Tradition and Innovation”. М.: Макс Пресс, 2011. – С. 131-133.
- Ерзинкян Е.Л.** Дейксис слова: семантика и прагматика. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2013.
- Ерзинкян Е.Л., Суджян С.Л.** Роль конститuentов поля модальности в сфере вежливого общения // Иностранные языки в высшей школе, № 6. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2005. – С. 149-172.
- Ерзинкян Е.Л., Суджян С.Л.** Вежливость в структуре косвенных речевых актов // Иностранные языки в высшей школе, № 8. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2007. – С. 149-160.
- Ерзинкян Е.Л., Суджян С.Л.** Концепт вежливости в английской лингвокультуре // Иностранные языки в высшей школе, № 9. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 2008. – С. 96-102.

- Ермакова О.Н., Земская Е.А.** К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. – С. 30-65.
- Есперсен О.** Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
- Жельвис В.И.** Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке: сб. науч. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 258-289.
- Жельвис В.И.** «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения // Жанры речи: сб. науч. статей, вып. 8, памяти К.Ф. Седова. Саратов; Москва: «Лабиринт», 2012. – С. 99-109.
- Жельвис В.И.** Грубость и вежливость на уровне прагматики // Хвала и хула в языке и коммуникации. Составитель и отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2015. – С. 25-40.
- Жура В.В.** Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
- Зализняк А.А.** Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев (ред.) // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280-288.
- Звегинцев В.А.** Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал, 2001.
- Зверева Е.А.** Научная речь и модальность. Л.: Наука, 1983.
- Земская Е.А.** Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. – С. 131-136.
- Земская Е.А.** Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка // Zeitschrift für Slavische Philologie, 56 (2), 1997. – С. 271-301.
- Эггиймаа Ч.** Категория вежливости и ее выражение в русском и монгольском речевом этикете. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1998.

- Иванов А.О.** Английские разговорные формулы. М.: Просвещение, 1989.
- Иванов Вяч. Вс.** Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978.
- Иванов Н.В.** Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа // Вопросы языкознания, 1994, № 2. – С. 90-95.
- Иванова И.П., Чахоян Л.П.** История английского языка. М.: Высшая школа, 1976.
- Иоанесян Е.Р.** Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. – С. 116-133.
- Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Иссерс О.С.** Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении, № 2 (18). М.: Изд-во Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – С. 92-104.
- Иссерс О.С.** Речевое воздействие. М.: Флинта, 2009.
- Каган М.С.** Мир общения. М.: Политиздат, 1988.
- Карасик В.И.** Статус лица в значении слова. Волгоград: Изд-во ВГПИ, 1989.
- Карасик В.И.** О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. трудов. Волгоград: Изд-во «Перемена», 2000. – С. 5-20.
- Карасик В.И.** Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.
- Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Карасик В.И.** Выражение статусных отношений средствами русского языка // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики. Сб. обзоров/ РАН ИНИОН. М., 2006. – С. 30-51.
- Карасик В.И.** Языковые ключи. Волгоград: «Парадигма», 2007.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.** Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: Москва, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 50 -56.

- Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Карпова Е.В.** Стратегии вежливости в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2002.
- Кибрик А.А.** Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // Вопросы языкознания, 1987, № 3. – С. 79-90.
- Кибрик А.А.** Местоимения: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов. М.: ИНИОН, 1990. – С. 139-201.
- Кибрик А.Е.** Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 39, 1980, № 4. – С. 324-335.
- Киселева Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Кобозева И.М.** Теория речевых актов как один из вариантов речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике, вып.17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986а. – С. 7-21.
- Кобозева И.М.** Проблемы коммуникативного анализа речевых коллективов // Методологические проблемы социальной лингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1986б. – С. 78-92,
- Кобозева И.М.** О первичных и вторичных функциях вопросительных предложений // Текст в речевой деятельности (перевод и лингвистический анализ). М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – С. 39-46.
- Кобозева И.М.** Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ, Серия 9: Филология, 1995, № 3. – С. 102-116.
- Колобова А.А.** Социопрагматика корпоративного дискурса (на примере текстов корпоративных кодексов американских компаний). Дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2008.
- Колшанский Г.В.** Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

- Колшанский Г.В.** Проблемы коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания, 1979, № 6. – С. 51-62.
- Колшанский Г.В.** Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.
- Колшанский Г.В.** Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984.
- Колшанский Г.В.** Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.
- Кон И.С.** Открытие «я». М.: Политиздат, 1978.
- Кон И.С.** Многоликое одиночество // Социальная психология. М.: Просвещение, 1990. – С. 164-182.
- Конрад Р.** Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – С. 349-383
- Конт-Спонвиль А.** Малый трактат о великих добродетелях, или Как пользоваться философией в повседневной жизни. М.: Этерна, 2012.
- Кравченко А.В.** Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1992.
- Кронгауз М.А.** Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Изд-во «Индрик», 1999. – С. 124-134.
- Кубрякова Е.С.** Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1989.
- Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX в. М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 144-238.
- Кубрякова Е.С.** О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты / Сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания». М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 5-13.

- Кубрякова Е.С.** Об исследовании дискурса в современной лингвистике // *Филология и культура. Материалы 3-й международной научной конференции.* Тамбов, 2001. Ч. 1. – С. 8-11.
- Кубрякова Е.С.** Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Курбакова С.Н.** Языковой дейксис в речевой коммуникации (Основы интерактивной теории языкового дейксиса). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2009.
- Лазуткина Е.М.** Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы // *Культура русской речи.* М.: Изд-во «Норма», 1998. – С. 72-82.
- Ларина Т.В.** Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003.
- Ларина Т.В.** Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Ларина Т.В.** Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013.
- Ларина Т.В., Козырева М.М., Горностаева А.А.** О грубости и коммуникативной этике в межкультурном аспекте: постановка проблемы // *Вестник Рос. ун-та дружбы народов, Серия «Лингвистика»*, 2012, № 2. – С. 126-133.
- Ларина Т.В., Харлова М.Л.** Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // *Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, т. 13, вып. 3. Новосибирск, 2015. – С. 34-42.
- Леонтьев А.А.** Психология общения. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1974.
- Леонтьев А.А.** Языковое сознание и образ мира // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М.: Институт языкознания РАН, 1993. – С. 16-21.

- Леонтьев В.В.** Дискурсивный поворот в теории лингвистической вежливости: к образованию теории лингвистической невежливости (обзор зарубежных работ) // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 8. 02. 2012). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 222-228.
- Леонтьев В.В.** Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика, 2013, № 1. – С. 131-141.
- Леонтьев В.В.** Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика, 2016а, № 1. – С. 70-83.
- Леонтьев В.В.** Грубость грубости рознь: к 20-летию исследований речевой невежливости в лингвистике // Вестник ВолГУ, Серия 2, Языкознание, 2016б, т. 15, № 4. – С. 26-38.
- Луцева О.А.** Речевой этикет (категория вежливости) и его изменение на стыке двух эпох (конец XIX первая четверть XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1999.
- Любимов М.** Гуляние с Чеширским Котом: Мемуар-эссе об английской душе. М.: Изд-во «Б.С.Г.-ПРЕСС», 2004.
- Майол Э., Милстед Д.** Эти странные англичане / Пер. с англ. М.: Изд-во «Эгмонт Россия», 1999.
- Макаров М.Л.** Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
- Маркарян Э.С.** Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983.
- Мещанинов И.И.** Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков, 1945а, № 1. – С. 5-15.
- Мещанинов И.И.** Члены предложения и части речи. М.-Л., 1945б.
- Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово. М.: Просвещение, 1996.
- Михальская А.К.** Педагогическая риторика: история и теория. М.: Академия, 1998.

- Моррис Ч.** Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983. – С. 37-89.
- Мунье Э.** Персонализм. М.: Искусство, 1992.
- Никитин М.В.** Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога, 1997.
- Николаева Т.М.** Дейктические частицы и изолированная ситуация // Russian Linguistics, v. 9, 1985, № 2-3. – С. 281-288.
- Образ человека и человеческий фактор в языке:** словарь, грамматика, текст: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол», 29 сент. – 1 окт. 2004 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
- Овчинников В.** Корни дуба // «Новый мир», 1979, № 3, 4, 5.
- Ольшанский И.Г.** Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века. М., 2000. – С. 26-55.
- Орлов Г.А.** Современная английская разговорная речь. М.: Высшая школа, 1991.
- Остин Дж.Л.** Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129.
- Павловская А.В.** Как иметь дело с англичанами: несентиментальное путешествие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
- Падучева Е.В.** Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика, вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. – С. 91-124.
- Падучева Е.В.** Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 41, 1982, № 4. – С. 303-314.
- Падучева Е.В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Падучева Е.В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

- Пересада И.С.** О прагматических характеристиках структур с присоединенной вопросительной частью в английском языке. – Депон. ИНИОН АН СССР, 1984, № 8.
- Петрова О.В.** Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989.
- Пешковский А.М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938.
- Плунгян В.А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Попова З.Д., Стернин И.А.** Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2001.
- Поспелова А.Г.** О средствах смягчения коммуникативного намерения в современном английском языке // Вестник Ленингр. университета, вып. 16, 1985. – С. 67-72.
- Поспелова А.Г.** Косвенные высказывания // Спорные вопросы английской грамматики. Л.: Изд-во Ленинград. университета, 1988. – С.141-152.
- Поспелова А.Г.** Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка) / Отв. ред. Бурлакова В.В. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. – С. 68-85.
- Поспелова А.Г.** Речевые приоритеты в английском диалоге. Автореф. дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001.
- Почепцов Г.Г.** Предложение // Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. – С. 164-281.
- Почепцов Г.Г.** Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Научные доклады высшей школы, Филологические науки, 1984, № 4. – С. 29-36.
- Почепцов Г.Г.** О месте прагматического элемента в лингвистическом описании // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин: Изд-во Калинин. госуниверситета, 1985. – С. 12-18.

- Почепцов Г.Г.** Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища школа, 1987.
- Почепцов О.Г.** Основы прагматического описания предложения. Киев: Вища школа, 1986.
- Рассел Б.** Человеческое познание: Его сфера и границы. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
- Ратмайр Р.** Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы языкознания, 1997, № 1. – С. 15-22.
- Ратмайр Р.** Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Пер. Е. Араловой. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Ратмайр Р., Рисинзон С.А.** Речевой этикет и вежливость // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / Отв. ред. Т.А. Милехина, Р. Ратмайр. М.: Языки славянской культуры, 2017.
- Ревзина О.Г., Членова С.Ф.** К вопросу о семантике местоимений // Вопросы семантики. М., 1971. – С. 157-159.
- Рисинзон С.А.** Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2010.
- Романов А.А.** Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
- Романова И.А.** Концепт «вежливость» и его объективация в русском языке // Культура общения и ее формирование, вып. 8. Воронеж: Спутник+, 2001. – С. 95-97.
- Руднева Е.А.** Рецензия на книгу: Dániel Z. Kádár., M. Haugh “Understanding Politeness” // Антропологический форум, № 27, 2014. – С. 214-221.
- Руднева Е.А.** Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум, № 30 – 2016. – С. 215–242.
- Самохина Т.С.** Эффективное деловое общение в контекстах разных культур и обстоятельств. М.: Изд-во «Р. Валент», 2005.

- Селиверстова О.Н.** Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988.
- Селиверстова О.Н.** Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, 1993.
- Сердечный Ю.В.** Прагматические функции высказываний с модальным глаголом can/could // Прагматика и типология коммуникативных единиц языка. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1989. – С. 72-76.
- Серебренников Б.А.** Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
- Серль Дж.Р.** Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986а. – С. 151-169.
- Серль Дж.Р.** Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986б. – С. 170-194.
- Скибо В.Н.** Категория вежливости в языке // Коммуникативная лингвистика и лингводидактика. М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 69-76.
- Слышкин Г.Г.** Концепт чести в американской и русской культурах // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Изд-во «Перемена», 1996. – С. 54-60.
- Слюсарева Н.А.** Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986.
- Смирницкий А.И.** Морфология английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1959.
- Соколова Н.Л.** Английский речевой этикет. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991.
- Соколовская К.А.** Прагматическая интерпретация аспектуальной характеристики высказывания // Вопросы языкознания, 1983, № 5. – С. 59-69.

- Соловьева И.В.** Репрезентация категории вежливости в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- Сонич Т.П.** Реализация некатегоричности в тексте // Проблемы лингвистического анализа текста и коммуникации. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического университета, 1987. – С. 39-44.
- Сорокин Ю.А.** Лакуны как сигнал специфики лингвокультурной общности // Аспекты изучения текста. М.: Наука, 1981. – С. 93-101.
- Спорные вопросы английской грамматики** / Отв. ред. В.В. Бурлакова. Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1988.
- Стеблин-Каменский М.И.** Спорное в языкознании. Л.: Изд-во Ленингр. университета, 1974.
- Степанов Ю.С.** В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 40, 1981, № 4. – С. 325-332.
- Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
- Степанов Ю.С.** Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. – С. 35- 73.
- Стернин И.А.** О понятии коммуникативного сознания // Культура общения и ее формирование, вып. 8. Воронеж, ВОИПКРО, 2001. – С. 55-59.
- Стернина М.А.** Коммуникативно-релевантные черты английского национального характера и менталитета // Человек в информационном пространстве. Ярославль, 2003. – С. 129-134.
- Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А.** Очерк английского коммуникативного поведения: Научное издание. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003.
- Столнейкер Р.** Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. – С. 419-438.

- Стросон П.Ф.** О референции // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. – С. 55-86.
- Ступин Л.П., Игнатъев К.С.** Современный английский речевой этикет. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
- Сусов И.П.** К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1983. – С. 3-15.
- Сусов И.П.** Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1984. – С. 3-12.
- Сусов И.П.** Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1986. – С. 7-11.
- Сусов И.П.** Личность как объект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения / Под ред. И.П. Сусова. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1989. – С. 9-16.
- Сусов И.П.** Лингвистическая прагматика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006.
- Тарасов Е.Ф.** Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. – С. 38-54.
- Тарасов Е.Ф.** К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. – С. 21-25.
- Тарасов Е.Ф.** Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Изд-во «Эйдос», 1996. – С. 7-22.
- Тарасова И.П.** Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М.: Высшая школа, 1992.
- Татаринова Л.В.** Референциальные особенности английских указательных местоимений в когнитивном аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.

- Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- Тер-Минасова С.Г.** Язык и межкультурная коммуникация, часть II. Язык как орудие культуры. М.: Изд-во Московск. ун-та, 2008а.
- Тер-Минасова С.Г.** Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008б.
- Тонян М.А.** Семантика и прагматика обобщенно-личных местоимений английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 2007.
- Третьякова Т.П.** Английские речевые стереотипы: функционально-семантический аспект. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1995.
- Тронский И.М.** К семантике множественного числа в греческом и латинском языках // Ученые записки ЛГУ, Филология, 1946. – С. 10-57.
- Тягунова Ж.А.** Аспекты теории вежливости // Вопросы романо-германской и русской филологии: Межвузовский сборник научных статей, вып.1. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 80-86.
- Устинова Н.Ф.** Местоимение как часть речи в современном английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1951.
- Уфимцева А.А.** Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.
- Федоровская И.А.** К проблеме соотношения дейктических знаков, шифтеров и субститутов // Сб. научн. Тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, вып. 123, 1977. – С. 160-180.
- Фокс К.** Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения. М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2008.
- Формановская Н.И.** Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987.
- Формановская Н.И.** Беседы о речевом этикете // Русская речь, 1988а, № 2. – С. 48-51.
- Формановская Н.И.** Беседы о речевом этикете // Русская речь, 1988б, № 4. – С. 70-73.

- Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М.: Высшая школа, 1989.
- Формановская Н.И.** Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом, № 5-6, 1994. – С. 34-40.
- Формановская Н.И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1998.
- Формановская Н.И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
- Формановская Н.И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007.
- Фреге Г.** Смысл и денотат // Семиотика и информатика, вып. 8, 1977. – С. 181-210.
- Фрумкина Р.М.** Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., 1971.
- Харлова М.Л.** Концептуализация невежливости в английском и русском языках // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия «Лингвистика», 2014, № 4. – С. 119-131.
- Харлова М.Л.** Эмоции в невежливой и грубой коммуникации // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», 2015, № 3. – С. 84-98.
- Харчарек А.** Прагмалингвистическая категория вежливости как инструмент диалогового взаимодействия коммуникантов на русском языке (в сравнении с польским). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Хлебникова И.Б.** О путях разрешения проблемы сослагательного наклонения // Иностранные языки в школе, 1971, N 6. – С. 15-21.
- Храковский В.С.** О правилах выбора «вежливых» императивных форм // Известия АН СССР, Сер. литературы и языка, т. 39, 1980, № 3. – С. 269-278.
- Цивьян Т.В.** К описанию этикета как семиотической системы // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.79-83.
- Цивьян Т.В.** Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990.

- Цурикова Л.В.** Социально-культурная обусловленность знания и анализ дискурса в межкультурной коммуникации // Вестник ВГУ, Серия «Гуманитарные науки», 2001, № 2. – С. 17-25.
- Чаплыгина И.Д.** Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2002.
- Чаплыгина И.Д.** Ситуация адресатности и виды адресатов в тексте // Смысловое пространство текста. Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2003. – С. 131-150.
- Чахойн Л.П.** Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М.: Высшая школа, 1979.
- Чахойн Л.П.** Предложение, высказывание, текст // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1983. – С. 38-45.
- Чахойн Л.П.** Речемыслительные процессы и значение высказывания // Предложение и текст; семантика, прагматика и синтаксис / Отв. ред. В.В. Богданов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 10-15.
- Чернявская В.Е.** Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭиФ, 2001. – С. 11-22.
- Чернявская В.Е.** Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во ПТУ, 2002. – С. 122-135.
- Шведова Н.Ю.** Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998.
- Шведова Н.Ю.** Русская дейктическая форма СДЕЛАНО и означаемый ею тип сообщения // Слово в тексте и в словаре. М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 258-265.
- Шведова Н.Ю., Белоусова А.С.** Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых отношений. М.: Ин-т русского языка РАН, 1995.

- Швейцер А.Д.** Современная социалингвистика. М.: Наука, 1976.
- Швейцер А.Д., Мельников А.И.** К проблеме социально-коммуникативного анализа художественного текста. Опыт социалингвистического анализа диалогической речи // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза, вып. 158. М., 1980. – С. 33-40.
- Шендельс Е.И.** Практическая грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1982.
- Штеллинг Д.А.** Грамматическая семантика английского языка. М.: МГИМО, ЧерО, 1996.
- Шульженко Г.А.** Просьба и сопровождающие ее элементы речевого этикета (к проблеме интенционального смысла единиц речевого этикета в прагматике диалога). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992.
- Щерба Л.В.** Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974.
- Эрвин-Трипп С.М.** Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике, вып. 7: Социалингвистика. М.: Прогресс, 1975. – С. 336-362.
- «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания:** сборник научно-аналитических обзоров. М.: ИНИОН РАН, 1992.
- Якобсон Р.О.** Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. – С. 95-113.
- Якобсон Р.О.** Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. – С. 306-330.
- Яковлева Е.С.** Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.
- Якубинский Л.П.** О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. – С. 17-58.
- Adegbija E.** A Comparative Study of Politeness Phenomena in Nigerian English, Yoruba and Ogori // Multilingua, 8, 1989. – Pp. 57-80.

- Adler M.J.** Pragmatic Logic for Commands. Amsterdam: John Benjamins, 1980.
- Adler R.B., George R.** Understanding Human Communication. Fort Worth: Harcourt Brace College, 1997.
- Agar M.** Language shock: Understanding the Culture of Conversation. New York: William Morrow and Company, 1994.
- Agha A.** Honorification // Annual Review of Anthropology, 23, 1994. – Pp. 277-302.
- Aijmer K.** Conversational Routines in English: Convention and Creativity. London/New York: Longman, 1996.
- Alba-Juez L.** On the Impoliteness of Some Politeness Strategies: a Study and Comparison of Some Pragmatic Markers of Impoliteness in British and American English, Peninsular Spanish and Argentinian Spanish // P. Garcés-Conejos, M. Padilla Cruz, R. Gómez Morón, L. Fernández Amaya (eds.) Studies in Intercultural, Cognitive and Social Pragmatics. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2007. – Pp. 37-56.
- ALFattah, Mohammed Hasan Ahmed.** Pragmatic Analysis of Politeness Theory // Language in India, 10, 2010. – Pp. 133-157.
- Altman G., Riska A.** Towards a Typology of Courtesy in Language // Anthropological Linguistics, 8, 1966. – Pp. 1-10.
- Altman N.** Privacy: Culture Universal or Cultural Specific // Journal of Social Issues, 33, 1977. – Pp. 66-84.
- Ambady N., Koo J., Lee F., Rosental R.** More than Words: Linguistic and Nonlinguistic Politeness in Two Cultures // Journal of Personality and Social Psychology, 70, 1996. – Pp. 996-1011.
- Argyle M.** Social Encounters: Readings in Social Interaction. Chicago: Aldine, 1979.
- Arndt H., Janney R.W.** Politeness Revisited: Cross-Modal Supportive Strategies // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 23(4), 1985. – Pp. 281-300.
- Arundale R.** Culture Specific Assumptions and the Concept of Face: a Proposal toward a Cultural Universal for Studying Face Management

- in Using Language // Paper presented at the International Pragmatics Association Conference. Kobe, Japan, 1993.
- Arundale R.** An Alternative Model and Ideology of Communication for an Alternative to Politeness Theory // *Pragmatics*, 9 (1), 1999. – Pp. 119-154.
- Arundale R.** Pragmatics, implicature and conversation // K. Fitch, R. Sanders (eds.) *Handbook of language and social interaction*. Mahwan, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. – Pp. 41-63.
- Arundale R.** Face as Relational and Interactional: A Communication Framework for Research on Face, Facework, and Politeness // *Journal of Politeness Research*, 2 (2), 2006. – Pp. 193-216.
- Arundale R.** Constituting Face in Conversation: Face, Facework, and Interactional Achievement // *Journal of Pragmatics*, 42, 2010. – Pp. 2078-2105.
- Aston G.** Say ‘Thank you’: Some Pragmatic Constrains in Conversational Closings // *Applied Linguistics*, 16 (1), 1995. – Pp. 57-86.
- Austin J.L.** *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
- Austin J.P.M.** *The Dark Side of Politeness: A Pragmatic Analysis of Non-Cooperative Communication*. Unpublished PhD Dissertation. Canterbury: University of Canterbury, 1987.
- Austin J.P.M.** Politeness revisited – the dark side // Bell A., Holmes J. (eds.) *New Zealand Ways of Speaking English*. Clevedon, Philadelphia: Multilingual Matters, 1990. – Pp. 277-293.
- de Ayala P. S.** FTAs and Erskine May: Conflicting needs? Politeness in Question Time // *Journal of Pragmatics*, 33 (2), 2001. – Pp. 143-169.
- Bach K., Harnish R.** *Linguistic Communication and Speech Acts*. Cambridge, MA: MIT Press, 1979.
- Bahns J., Burmeister H., Vogel T.** The Pragmatics of Formulas in L2 Learner Speech: Use and Development // *Journal of Pragmatics*, 10 (6), 1986. – Pp. 693-723.
- Ballmer Th.** (ed.) *Linguistic Dynamics*. Berlin, 1982.

- Bates E.** Language and context. New York: Academic Press, 1976.
- Baxter L.** An Investigation of Compliance-gaining as Politeness // Human Communication Research, 10, 1984. – Pp. 427-456.
- Bayraktaroğlu A.** Politeness and Interactional Imbalance // International Journal of the Sociology of Language, 92, 1991. – Pp. 5-34.
- Bean S.S.** Symbolic and Pragmatic Semantics: A Kannada System of Address. Chicago, 1978.
- Beaulieu J.** The Language of Power and Empowerment. 1996 // URL: <http://www.biosonics.com>
- Beebe L.M.** Polite fictions: Instrumental rudeness as pragmatic competence // Linguistics and the Education of Language Teachers: Ethnolinguistic, Psycholinguistic and Sociolinguistic Aspects. Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1995 / J. Alatis (ed.). Washington, DC: Georgetown University Press, 1995. – Pp. 154-168.
- Benveniste E.** La Nature des Pronoms // For Roman Jakobson. The Hague: Mouton, 1956. – Pp. 34-37.
- Berger C.R., Bradac J.S.** Language and Social Knowledge: Uncertainty in Interpersonal Relationships. London: Edward Arnold, 1982.
- Berko G.J., Perlmann R.Y., Greif E.B.** What's the Magic Word: Learning Language through Politeness Routines // Discourse Processes, 7, 1984. – Pp. 493-502.
- Bialystok E.** Symbolic Representation and Attentional Control in Pragmatic Competence // G. Kasper and S. Blum-Kulka (eds.) Interlanguage Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1993. – Pp. 43-58.
- Blakemore D.** Understanding Utterances. An Introduction to Pragmatics. Oxford: Blackwell, 1994.
- Blommaert J., Verchueren B.** (eds.) The Pragmatics of Intercultural and International Communication. Amsterdam: John Benjamins, 1991.
- Blum-Kulka S.** Indirectness and Politeness in Requests: Same or Different? // Journal of Pragmatics, 11 (2), 1987. – Pp. 131-146.

- Blum-Kulka S.** Playing it Safe: The Role of Conventionality in Indirectness // S. Blum-Kulka, J. House and G. Kasper (eds.) Cross-cultural Pragmatics: Requests and apologies. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989. – Pp. 37-70.
- Blum-Kulka S.** You Don't Touch Lettuce with Your Fingers: Parental Politeness in Family Discourse // *Journal of Pragmatics*, 14, 1990. – Pp. 259-288.
- Blum-Kulka S.** The Metapragmatics of Politeness in Israeli Society // Watts R. J., Ide S. and K. Ehlich (eds.) *Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 255-280.
- Blum-Kulka S.** *Discourse Pragmatics* // T. A. van Dijk (ed.) *Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: a Multidisciplinary Introduction*, 2. London-Thousands Oaks-New Delhi, 1997. – Pp. 38-63.
- Blum-Kulka S., House J., Kasper G.** (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989a.
- Blum-Kulka S., House J., Kasper G.** Investigating Cross-Cultural Pragmatics: an Introductory Overview // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989b. – Pp. 1-34.
- Blum-Kulka S., Levenston E.** Lexical-Grammatical Pragmatic Indicators // *Studies in second language acquisition*, 9, 1987. – Pp. 155-170.
- Blum-Kulka S., Olshtain E.** Requests and Apologies: A Cross-Cultural Study of Speech Act Realization Patterns (CCSARP) // *Applied Linguistics*, 5, 1984. – Pp. 196-213.
- Bolinger D.** The Imperative in English // To Honor Roman Jakobson: Essays on Occasion of his 70th Birthday. *Janua Linguarum Ser. Major* 31. The Hague, 1967. – Pp. 335-362.
- Bond M., Brunner J., Wang Y.** Chinese Negotiating and the Concept of Face // *Journal of International Consumer Marketing*, 1, 1988. – Pp. 27-43.
- Bonikowska M.** The Choice of Opting Out // *Applied Linguistics*, 9 (2), 1988. – Pp.169-181.

- Bourdieu P.** Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Bourdieu P.** The Logic of Practice. Stanford: Stanford University Press, 1990.
- Bousfield D.** Impoliteness in Interaction. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
- Bousfield D., Culpeper J.** Impoliteness: Eclecticism and Diaspora. An Introduction to the Special Edition // Journal of Politeness Research, 4 (2), 2008. – Pp. 161-168.
- Braun F.** Terms of Address. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988.
- Brewer M. B., Gardner W.** Who is This “We”? Levels of Collective Identity and Self Representations // Journal of Personality and Social Psychology, 71 (1), 1996. – Pp. 83-93.
- Brown G.** Speaker, listeners and communication: Explorations in discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Brown G., Yule G.** Teaching the Spoken Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Brown P., Fraser C.** Speech as a marker of situation // Klaus R. Scherer and Howard Giles (eds.) Social Markers in Speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – Pp. 33-62.
- Brown P., Levinson S.** Universals in language usage: politeness phenomenon // Ester Goody (ed.) Questions and politeness: strategies in social interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – Pp. 56-310.
- Brown P., Levinson S.** Politeness: Some Universals in Language Usage, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Brown P., Levinson S.** Politeness: Some Universals in Language Usage, 13th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Brown R., Ford M.** Address in American English // Journal of Abnormal and Social Psychology, 62, 1961. – Pp. 375-385.
- Brown R., Gilman A.** The pronouns of power and solidarity // Th. Sebeok (ed.) Style in language. Cambridge: MIT-press, 1960. – Pp. 253-276.

- Brown R., Gilman A.** Politeness theory and Shakespeare's four major tragedies // *Language in Society*, 18, 1989. – Pp. 159-212.
- Bublitz W.** Höflichkeit im Englischen // *Linguistik und Didaktik*, 41, 1980. – Pp. 56-70.
- Bühler K.** Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena: Gustav Fisher Verlag, 1934/ 1965 (2 Auflage)/ 1985 (3 Auflage).
- Butler C.S.** Politeness and the semantics of modalised directives in English // J.D. Benson, M.J. Cummings, W.S. Greaves (eds.) *Linguistics in a Systematic Perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 1988. – Pp. 119-153.
- Caffi C., Richard W.J.** Towards a pragmatics of emotive communication // *Journal of Pragmatics*, 22, 1994. – Pp. 325-373.
- Carbaugh D.** Some Distinctive Features of U.S. American Conversation // Eadie W., Nelson P. (eds.) *The Changing Conversation in America*. CA: Sage, Thousand Oaks, 2002. – Pp. 61-75.
- Carter R., McCarthy M.** *Exploring Spoken English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Chambers J. K.** *Sociolinguistic Theory*, 2nd edition. Oxford: Blackwell, 2002.
- Chang W.-L. M., Haugh M.** Strategic embarrassment and face threatening in business interactions // *Journal of Pragmatics*, 43 (12), 2011. – Pp. 2948-2963.
- Cheepen C.** Small Talk in Service Dialogues: The Conventional Aspects of Transactional Telephone Talk // Couplend J. (ed.) *Small Talk*. London: Pearson Education Limited, 2000. – Pp. 288-311.
- Cheepen C., Monaghan J.** *Spoken English: a practical guide*. London and New York: Pinter Publishers, 1990.
- Chen R.** Responding to Compliments. A Contrastive Study of the Politeness Strategies between American English and Spanish Speakers // *Journal of Pragmatics*, 20, 1993. – Pp. 49-75.
- Chen R.** Self-politeness: a proposal // *Journal of Pragmatics*, 33, 2001. – Pp. 87-106.

- Christie Ch.** Editorial // *Journal of Politeness Research*, 1 (1), 2005. – Pp. 1-7.
- Clark H.H., Schunk D.** Polite Responses to Polite Requests // *Cognition*, 8, 1980. – Pp. 111-143.
- Cole P., Morgan J.** (eds.) *Syntax and Semantics, 3: Speech acts*. New York: Academic Press, 1975.
- Coulmas F.** “Poison to Your Soul”: Thanks and Apologies Contrastively Viewed // Coulmas F. (ed.) *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. The Hague-Paris, New York: Mouton Publishers, 1981. – Pp. 69-91.
- Coulmas F.** (ed.) *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. The Hague-Paris, New York: Mouton Publishers, 1981.
- Coupland J.** (ed.) *Small Talk*. Harlow: Pearson Education, 2000.
- Coupland J., Coupland N., Robinson J.** “How are you?”: Negotiating Phatic Communion // *Language in Society*, 21, 1992. – Pp. 201-230.
- Coupland N., Grainger K., Coupland J.** Politeness in Context: Intergenerational Issues // *Language in Society*, 17, 1988. – Pp. 253-262.
- Craig R.T., Tracy K., Spisak F.** The Discourse of Requests: Assessment of a Politeness Approach // *Human Communications Research*, 12 (4), 1986. – Pp. 437-468.
- Culpeper J.** Towards an Anatomy of Impoliteness // *Journal of Pragmatics*, 25 (3), 1996. – Pp. 349-367.
- Culpeper J.** (Im)politeness in drama // Verdonk P., Short M., Culpeper J. (eds.) *Exploring the Language of Drama: From Text to Context*. London: Routledge, 1998. – Pp. 83-95.
- Culpeper J.** Impoliteness and Entertainment in the Television Quiz Show: the Weakest Link // *Journal of Politeness Research*, 1 (1), 2005. – Pp. 35-72.
- Culpeper J.** Reflections on impoliteness, relational work and power // Bousfield D., Locher M.A. (eds.) *Impoliteness in Language: Studies*

- on its Interplay with Power in Theory and Practice. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2008. – Pp. 17-44.
- Culpeper J.** Conventionalised impoliteness formulae // *Journal of Pragmatics*, 42 (12), 2010. – Pp. 3232-3245.
- Culpeper J.** *Impoliteness: Using language to cause offence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011a.
- Culpeper J.** “It's not what you said, it's how you said it!”: Prosody and impoliteness. Linguistic Politeness Research Group (eds.) *Discursive approaches to politeness*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011b. – Pp. 57-83.
- Culpeper J.** *Impoliteness: Questions and answers* // D. Jamet, M. Jobert (eds.) *Aspects of Linguistic Impoliteness*. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. – Pp. 2-16.
- Culpeper J.** *Impoliteness Strategies* // Capone A., Mey J. (eds.) *Interdisciplinary Studies in Pragmatics, Culture and Society (Perspectives in Pragmatics, Philosophy & Psychology, vol. 4)*. New York: Springer, 2015. – Pp. 421-445.
- Culpeper J., Bousfield D., Wichmann A.** *Impoliteness revisited: with special reference to dynamic and prosodic aspects* // *Journal of Pragmatics*, 35, 2003. – Pp. 1545-1579.
- Culpeper J., Crawshaw R., Harrison J.** ‘Activity Types’ and ‘Discourse Types’: Mediating ‘Advice’ in Interactions between Foreign Language Assistants and their Supervisors in Schools in France and England // *Multilingua*, 27, 2008. – Pp. 297-324.
- Culpeper J., Demmen J.** Nineteenth-century English politeness: negative politeness, conventional indirect requests and the rise of the individual self // *Journal of Historical Pragmatics*, 12 (1-2), 2011. – Pp. 49-81.
- Culpeper J., Haugh M., Kádár D.** *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave Macmillan, 2017.
- Culpeper J., Kadar D.Z.** (eds.) *Historical (Im)politeness*. Bern: Peter Lang, 2010.

- Culpeper J., Marti L., Mei M., Nevala M., Schauer G.** Cross-cultural variation in the perception of impoliteness: a study of impoliteness events reported by students in England, China, Finland, Germany and Turkey // *Intercultural Pragmatics*, 7 (4), 2010. – Pp. 597-624.
- Culpeper J., Schauer G., Marti L., Nevala M.** Impoliteness and emotions in a cross-cultural perspective // *Swiss Papers in English Language and Literature*, 30, 2014. – Pp. 67-88.
- Currie H. C.** A projection of sociolinguistics: the relationship of speech to social status // *The Southern Speech Journal*, 18, 1952. – Pp. 28-37.
- D'Andrade R.** Cultural Meaning Systems // R.A. Shweder, R.A. Levine (eds.) *Culture Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Pp. 88-119.
- Daniel M.** Understanding inclusives // Filimonova E. (ed.) *Clusivity: Typology and case studies of the inclusive-exclusive distinction*. Amsterdam: John Benjamins, 2005. – Pp. 3-48.
- Davies E.A.** A contrastive approach to the analysis of politeness formulas // *Applied linguistics*, 8 (1), 1987. – Pp. 75-78.
- Davison A.** Indirect speech acts and what to do with them // Cole P., Morgan J. (eds.) *Syntax and semantics, 3: Speech acts*. New York, 1975. – Pp. 143-185.
- DeFleur M.L., Dennis E.E.** *Understanding Mass Communication*. Dallas: Houghton Mifflin, 1996.
- Di Eugenio B.** Speakers' Intentions and Beliefs in Negative Imperatives // O. Rambow (ed.) *Intentionality and Structure in Discourse Relations*. Proceedings of a Workshop Sponsored by the Special Interest Group on Generation of the Association for Computational Linguistics. Columbus, Ohio: Ohio State University, 1993. – Pp. 11-14.
- Discursive Approaches to Politeness** / Linguistic Politeness Research Group (eds.) Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2011.
- Dobs A., Blitvich P. G.-C.** Impoliteness in polylogal interaction: accounting for face-threat witnesses' responses // *Journal of Pragmatics*, 53, 2013. – Pp. 112-130.

- Dorsey L.G.** We are All Americans, Pure and Simple: Theodore Roosevelt and the Myth of Americanism. Tuscaloosa, Alabama: University of Alabama Press, 2013.
- Downing A., Locke Ph.** A University Course in English Grammar. New York, 1992.
- Downing P.** Factors influencing lexical choice in narrative // Chafe W.L. (ed.) The pear stories: Cognitive, cultural and linguistic aspects of narrative production. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1980. – Pp. 89-126.
- Dufon M.A., Kasper G., Takahashi S., Yoshinaga N.** Bibliography on Linguistic Politeness // Journal of Pragmatics, 21, 1994. – Pp. 527-578.
- Duranti A., Goodwin C.** Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Edelmann R.J.** Embarrassment and blushing: factors influencing face-saving strategies // Ting-Toomey S. (ed.). The Challenge of Facework. New York: State University of New York Press, 1994. – Pp. 231-267.
- Edmondson W.J.** On saying you're sorry // Coulmas F. (ed.). Conversational routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. The Hague-Paris, New York: Mouton Publishers, 1981. – Pp. 273-288.
- Edmondson W.J.** Spoken Discourse: A model for analysis. London: Longman, 1981.
- Eelen G.** Politeness and ideology // Pragmatics, 9 (1), 1999. – Pp. 163-173.
- Eelen G.** A Critique of Politeness Theories, 2nd edition. L., N.Y.: Routledge, 2014.
- Ehlich K.** On the Historicity of Politeness // R.J. Watts, S.Ide, K. Ehlich (eds.) Politeness in Language. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 71-107.
- Eisenstein M., Bodman J.** "I very appreciate": Expressions of Gratitude by Native and Nonnative Speakers of American English // Applied Linguistics, 7(2), 1986. – Pp.167-185.

- Enfield N.J.** Relationship thinking and human pragmatics // *Journal of Pragmatics*, 41, 2009. – Pp. 60-78.
- Ervin-Tripp S.** *Sociolinguistics // Advances in the sociology of language*. The Hague/Paris: Mouton, 1971. – Pp. 15-91.
- Ervin-Tripp S.** Is Sybil there? The structure of some American English directives // *Language in Society*, 5, 1976. – Pp. 25-66.
- Ervin-Tripp S.** How to make and understand request // Parret H., Sbisa M. (eds.) *Possibilities and Limitations of Pragmatics*. Amsterdam, 1981. – Pp. 195-209.
- Ervin-Tripp S., Nakamura K. J. G.** Shifting face from Asia to Europe // Shibatani M., Thompson S. (eds.) *Essays in Semantics and Pragmatics: in honour of Charles J. Fillmore*. Amsterdam: John Benjamins, 1995. – Pp. 43-71.
- Faerch C., Kasper G.** Internal and external modification in inter-language request realization // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989. – Pp. 221-247.
- Fairclough N.** *Language and Power*. London: Longman, 1989.
- Fairclough N.** *Analysing Discourse. Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge, 2003.
- Fasold R.** *The Sociolinguistics of Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
- Fasold R.** *The Sociolinguistics of Language*. Cambridge: Basil Blackwell, 1990.
- Felix-Brasdefer J. Cesar.** *Politeness in Mexico and the United States: A contrastive study of the realization and perception of refusals*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Ferguson Ch. A.** The Structure and Use of Politeness Formulas // *Language in Society*, 5 (2), 1976. – Pp. 137-151.
- Ferguson Ch. A.** The Structure and Use of Politeness Formulas // F. Coulmas (ed.) *Conversational routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. The Hague-Paris, New York: Mouton Publishers, 1981. – Pp. 21-35.

- Fetzer A.** *Recontextualizing Context*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2004.
- Fetzer A., Oishi E.** (eds.) *Context and Contexts: Parts Meet Whole?* Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, 2011.
- Fillmore Ch.** *Towards a theory of deixis // Working papers in linguistics*, University of Hawaii, 1971, 3 (4). – Pp. 219-242.
- Fillmore Ch.** *Santa Cruz lectures on Deixis 1971*. Bloomington: Indiana University Linguistic Club, 1975.
- Fillmore Ch.** *Lectures on deixis*. Stanford: CSLI Publications, 2001.
- Fishman J.** *Language and Ethnicity: The view from within // Coulmas F. (ed.) The Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Blackwell Publishers, 1997. – Pp. 327-343.
- Fletcher J.K.** *Disappearing Acts: Gender, Power, and Relational Practice at Work*. Cambridge: MIT Press, 1999.
- Forgas J.P.** (ed.) *Language and social situations*. New York: Springer – Verlag, 1985.
- Fox K.** *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder, 2004.
- France P.** *Politeness and its Discontents: Problems in French Classical culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Fraser B.** *On requesting: an essay in pragmatics*. Mimeo: Boston University, 1976.
- Fraser B.** *On apologizing // Coulmas F. (ed.) Conversational routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. The Hague-Paris, New York: Mouton Publishers, 1981. – Pp. 259-271.
- Fraser B.** *Perspectives on politeness // Journal of Pragmatics*, 14, 1990. – Pp. 219-236.
- Fraser B.** *“Whither politeness” // Lakoff R & Ide S. (eds.) Broadening the Horizon of Linguistic Politeness*. Philadelphia: John Benjamins, 2005. – Pp. 65-83.

- Fraser B., Nolen W.** The association of deference with linguistic form // International Journal of the Sociology of Language, 27 (1), 1981. – Pp. 93-110.
- Fridrich P.** Social context and semantic feature: the Russian pronominal usage // Gumperz J.J., Hymes D. (eds.) Directions in sociolinguistics, 4, 1972. – Pp. 270-300.
- Garcés-Conejos Blitvich P.** Impoliteness and identity in the American news media: the “Culture Wars” // Journal of Politeness Research, 5 (2), 2009. – Pp. 273-303.
- Garcés-Conejos Blitvich P.** Introduction: Face, identity and im/politeness: Looking backward, moving forward: From Goffman to practice theory // Journal of Politeness Research, 9 (1), 2013. – Pp. 1-33.
- Garcia C.** Making a Request and Responding to It: A Case Study of Peruvian Spanish Speakers // Journal of Pragmatics, 19, 1993. – Pp. 127-152.
- Geertz C.** Linguistic Etiquette // J. B. Pride, J. Holmes (eds.) Sociolinguistics: Selected Readings. Harmondsworth: Penguin, 1982. – Pp. 167-179.
- Geis M.** Speech Acts and Conversational Interaction. New York/Melbourne: Cambridge University Press, 1995.
- Georgakopoulou A.** Arguing about the future: on indirect disagreements in conversations // Journal of Pragmatics, 33, 2001. – Pp. 1881-1900.
- Geyer N.** Discourse and Politeness: Ambivalent Face in Japanese. London/ New York: Continuum, 2008.
- Gluckmann M.** Essays on the Ritual of Social Relations. Manchester: Manchester University Press, 1962.
- Goddard C., Wierzbicka A.** Discourse and Culture // Teun A. van Dijk (ed.) Discourse as Social Interaction, 1997. – Pp. 231-257.
- Goffman E.** Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York: Anchor/Doubleday, 1967.
- Goffman E.** On face-work: an analysis of ritual elements in social interaction // J. Laver and S. Hutcheson (eds.) Communication in

- face-to-face interaction. Harmondsworth: Penguin, 1972. – Pp. 319-346.
- Goldsmith D., MacGeorge E.** The impact of politeness and relationship on perceived quality of advice about a problem // *Human Communication Research*, 26 (2), 2000. – Pp. 234-263.
- Goodwin M.H.** Tactical uses of stories: participation frameworks within girls' and boys' disputes // Tannen D. (ed.) *Gender and Conversational Interaction*. Oxford: Oxford University Press, 1993. – Pp. 110-143.
- Goody E.N.** 'Greeting', 'Begging' and the Presentation of Respect // J. S. La Fontaine (ed.) *The Interpretation of Ritual: Essays in Honour of A. I. Richards*. London, 1972. – Pp. 39-72.
- Goody E.N.** (ed.) *Questions and politeness: strategies in social interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Gordon D., Lakoff G.** Conversational postulates // *Papers from the 7th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: University of Chicago, 1971. – Pp. 63-84.
- Graham L.S.** Disagreeing to Agree: Conflict, (Im)Politeness and Identity in a Computer-Mediated Community // *Journal of Pragmatics*, 39, 2007. – Pp. 742-759.
- Grainger K.** "First order" and "second order" politeness: Institutional and intercultural context // *Linguistic Politeness Research Group* (eds.) *Discursive approaches to politeness*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2011. – Pp. 167-188.
- Greatbatch D.** On the Management of Disagreement between News Interviewees // Drew P., Heritage J. (eds.) *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Pp. 268-301.
- Green G.N.** How to get people to do things with words: the whimperative questions // Cole P. and J. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics*, 3: Speech acts. New York: Academic Press, 1975. – Pp. 107-141.
- Greenwald A. G.** The Totalitarian Ego // *American Psychologist*, 35, 1990. – Pp. 603-618.

- Grice P.** Meaning // *Philosophical Review*, 67 (3), 1957. – Pp. 377-388.
- Grice P.** Logic and Conversation // Grice P. (ed.) *Studies in the way of words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967. – Pp. 22-40.
- Grice P.** Logic and Conversation // Cole P. and J. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics*, 3: *Speech Acts*. New York: Academic Press, 1975. – Pp. 41-58.
- Grimshaw A.** *Conflict Talk: Sociolinguistic Investigations in Conversations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Gross M. A., Guerrero L. K., Alberts J. K.** Perceptions of Conflict Strategies and Communication Competence in Task-Oriented Dyads // *Journal of Applied Communication Research*, 32, 2004. – Pp. 249-270.
- Gruber H.** Disagreeing: Sequential Placement and Internal Structure of Disagreements in Conflict Episodes // *Text (An Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse)*, 18 (4), 1998. – Pp. 467-503.
- Grundy P.** *Doing Pragmatics*, 2nd edition. London: Arnold, 2000.
- Gu Y.** Politeness Phenomena in Modern Chinese // *Journal of Pragmatics*, 14 (2), 1990. – Pp. 237-257.
- Gudykunst W.B., Ting-Toomey S., Chua E.** *Culture and Interpersonal Communication*. Ney Bury Park, CA: Sage Publications, 1988.
- Gumperz J.J., Hymes D.** (eds.) *Directions in Sociolinguistics: the Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972.
- Hall K., Bucholtz M.** Epilogue: facing identity // *Journal of Politeness Research*, 9 (1), 2013. – Pp. 123-132.
- Hanks W.** *Referential Practice*. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
- Hanks W.** The Indexical Ground of Deictic Reference // Duranti A., Goodwin Ch. (eds.) *Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Pp. 43-77.

- Haugh M.** The importance of ‘place’ in Japanese politeness: implications for cross-cultural and intercultural analyses // *Intercultural Pragmatics*, 2 (1), 2005. – Pp. 41-68.
- Haugh M.** The discursive challenge to politeness research: An interactional alternative // *Journal of Politeness Research*, 3 (2). 2007. – Pp. 295-317.
- Haugh M.** When is an Email Really Offensive? Argumentativity and Variability in Evaluations of Impoliteness // *Journal of Politeness Research*, 6, 2010. – Pp.7-31.
- Haugh M.** Jocular Mockery, (Dis)affiliation and Face // *Journal of Pragmatics*, 42, 2010. – Pp. 2106-2119.
- Haugh M.** Intercultural (im)politeness and the micro-macro issue // Trosborg A. (eds.) *Pragmatics across Languages and Cultures*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 139-166.
- Haugh M.** Epilogue: The first-second order distinction in face and politeness research // *Journal of Politeness Research*, 8 (1), 2012. – Pp. 111-134.
- Haugh M.** Im/politeness, Social Practice and the Participation order // *Journal of Pragmatics*, 58, 2013. – Pp. 52-72.
- Haugh M.** Understanding Politeness // *Anthropological Forum*, 27, 2014. – Pp. 214-221.
- Haugh M.** *Im/Politeness Implicatures*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
- Haugh M., Carbaugh D.** Self-disclosure in initial interactions amongst speakers of American and Australian English // *Multilingua*, 34 (4), 2015. – Pp. 461-493.
- Haugh M., Kádár D.Z., Mills S.** Interpersonal pragmatics: issues and debates // *Journal of Pragmatics*, 58, 2013. – Pp. 1-11.
- Haverkate H.** *Impositive sentences in Spanish*. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Haverkate H.** *Speech acts, speakers and hearers*. Amsterdam: John Benjamins, 1984.
- Haverkate H.** Toward a Typology of Politeness Strategies in Communicative Interaction // *Multilingua*, 7, 1988. – Pp. 385-409.

- Haverkate H.** Deictic categories as mitigating devices // *Pragmatics*, 2 (4), 1992. – Pp. 505-522.
- Head B. F.** Respect Degrees in Pronominal Reference // J. H. Greenberg (ed.) *Universals in Human Language*, 3: Wordstructure. Stanford (CA.): Stanford University Press, 1978. – Pp. 151-211.
- Held G.** Politeness in Linguistic Research // Watts J.R., Ide S., Ehlich K. (eds.) *Politeness in language: Studies in its history, theory and practice*. Berlin: Mout De Gruyter, 1992. – Pp. 131-153.
- Held G.** On the role of maximization in verbal politeness // *Multilingua*, 8, 1992. – Pp. 167-206.
- Held G.** Beziehungsarbeit und Konversationsanalyse am Beispiel eines Bittgesprächs // *Folia Linguistica*, 23, 1989. – Pp. 349-356.
- Helmbrecht J.** Politeness Distinction in Personal Pronouns // Comrie B., Dryer M., Gill D., Haspelmath M. (eds.) *World Atlas of Language Structures*. Leipzig: Max Planck Institut für evolutionäre Anthropologie, 2001. – P. 187.
- Helmbrecht J.** Grammar and function of we // Anna Duszak (ed.) *Us and others: social identities across languages, discourses and cultures*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. – Pp. 31-49.
- Helmbrecht J.** *Personal Pronouns – Form, Function, and Usage*. University of Erfurt, 2002.
- Heritage J., Raymond G.** The terms of agreement: indexing epistemic authority and subordination in talk-in-interaction // *Social Psychology Quarterly*, 68, 2005. – Pp. 15-38.
- Hermeren L.** *On Modality in English. A study of the semantics of the modals*. Stockholm: Printab Lund, 1978.
- Hernández-Flores N.** Politeness and Other Types of Facework: Communicative and Social Meaning in a Television Panel Discussion // *Pragmatics*, 18 (4), 2008. – Pp. 689-706.
- Hickey L., Stewart M.** (eds.) *Politeness in Europe* // *Multilingual Matters Series*, 127. Multilingual Matters LTD, 2005.
- Hill B., Ide S., Ikuta A., Kawasaki T., Ogino T.** Universals of Linguistic Politeness: Quantitative Evidence from Japanese and American English // *Journal of Pragmatics*, 10 (3), 1986. – Pp. 347-371.

- Hirsch E.D., Jr.** Cultural Literacy. What Every American Needs to Know. New York: Vintage Books, 1988.
- Hirschon R.** Freedom, Solidarity and Obligation: the Socio-Cultural Context of Greek Politeness // Bayraktaroğlu A., Sifianou M. (eds.) Linguistic Politeness across Boundaries: The case of Greek and Turkish. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, 2001. – Pp. 17-42.
- Ho D.Y-F.** Face dynamics: from conceptualization to measurement // Ting-Toomey S. (ed.) The Challenge of Facework: Cross-Cultural and Interpersonal Issues. Albany: State University of New York Press, 1994. – Pp. 3-13.
- Hofstede G.** Cultural Constraints in Management Theories // Academy of Management Executive, 7 (1), 1992. – Pp. 81-94.
- Holmberg A.** On whimperatives and related questions // Journal of linguistics, 15 (2), 1979. – Pp. 225-244.
- Holmes J.** Apologies in New Zealand English // Language in Society, 19, 1990. – Pp. 155-199.
- Holmes J.** An Introduction to Sociolinguistics. London; New York: Longman, 1992.
- Holmes J.** Women, men and politeness. London: Longman, 1995.
- Holmes J.** Impoliteness as a means of contesting power relations in the workplace // Bousfield D., Locher M. (eds.) Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2008. – Pp. 211-229.
- Holmes J.** Politeness in intercultural discourse and communication // Paulson C., Kiesling S., Rangel E. (eds.) The handbook of intercultural discourse and communication. Oxford: Blackwell, 2012. – Pp. 205-228.
- Holmes J., Marra M.** Relational practice in the workplace: women's talk or gendered discourse? // Language in Society, 33, 2004. – Pp. 377-398.
- Holmes J., Schnurr S.** Politeness, humor and gender in the workplace: negotiating norms and identifying contestation // Journal of Politeness Research, 1 (1), 2005. – Pp. 121-149.

- Holmes J., Stubbe M.** Power and Politeness in the Workplace: a Sociolinguistic Analysis of Talk at Work. London: Pearson Education, 2003.
- Holtgraves Th., Yang J.-N.** Politeness as universal: cross-cultural perceptions of request strategies and inferences based on their use // Journal of Personality and Social Psychology, 594, 1990. – Pp. 719-729.
- Holtgraves Th.** The linguistic realization of face management: implications for language production and comprehension, person perception, and cross-cultural communication // Social Psychology Quarterly, 552, 1992. – Pp. 141-159.
- Holtgraves Th.** Social psychology, cognitive psychology, and linguistic politeness // Journal of Politeness Research, 1 (1), 2005. – Pp. 73-93.
- Hong W.** Request Patterns in Chinese and German. Munich: Lincom Europa, 1998.
- House J.** Politeness in English and German: the function of Please and Bitter // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.) Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989. – Pp. 96-119.
- House J., Kasper G.** Politeness markers in English and German // F. Coulmas (ed.) Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech. The Hague-Paris, New York: Mouton Publishers, 1981. – Pp. 157-185.
- Hu H.Ch.** The Chinese concepts of ‘face’ // American Anthropologist, 46, 1944. – Pp. 45-64.
- Huang Y.** Politeness Principle in Cross-Culture Communication // English Language Teaching, 1, (1), 2008. – Pp. 96-101.
- Hudson R.** Sociolinguistics, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Hudson T.** The Discourse of Advice Giving in English: ‘I wouldn’t Feed Until Spring No Matter What You Do’ // Language and Communication, 10 (4), 1990. – Pp. 285-297.
- Hunter A.** Etiquette. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1994.

- Hutchby I.** Power in Discourse: the Case of Arguments on a British Talk Radio Show // *Discourse and Society*, 7, 1996. – Pp. 481-497.
- Hutchby I., Wooffitt R.** *Conversation Analysis*. Cambridge: Polity Press, 1998.
- Hymes D.H.** Models of the interaction of language and social life // Gumperz J. J., Hymes D. (eds.) *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – Pp. 35-71.
- Hymes D.H.** On Communicative Competence // Pride J.B., Holmes J. (eds.) *Sociolinguistics*. Harmondsworth: Penguin, 1972. – Pp. 269-293.
- Hymes D.H.** *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London: Tavistock, 1977.
- Hymes D. H.** Discourse: Scope without Depth // *International Journal of the Sociology of Language*, 57, 1986. – Pp. 49-89.
- Ide S.** Formal Forms and Discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness // *Multilingua*, 8 (2-3), 1989. – Pp. 223-248.
- Ide S.** How and Why Do Women Speak More Politely in Japanese? // S. Ide, N. H. McGloin (eds.) *Aspects of Japanese Women's Language*. Tokyo: Kuroshio Publishers, 1990. – Pp. 63-79.
- Ide S.** Preface: The search for integrated universals in linguistic politeness // *Multilingua*, 12, 1993. – Pp. 7-11.
- Ide S., Hill B., Carnes Y.M., Ogino T., Kawasaki A.** The Concept of Politeness: An Empirical Study of American English and Japanese // R.J. Watts, S. Ide and K. Ehlich (eds.) *Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 281-297.
- Jamet D., Jobert M.** (eds.) *Aspects of Linguistic Impoliteness*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Janney R.W., Arndt H.** Intracultural Tact versus Intercultural Tact // R.J. Watts, S. Ide and K. Ehlich (eds.) *Politeness in Language*:

- Studies in Its History Theory and Practice. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 21-41.
- Janney R.W., Arndt H.** Universality and Relativity in Cross-Cultural Politeness Research: A Historical Perspective // *Multilingua*, 12 (1), 1993. – Pp. 13-50.
- Jaszczolt K.** *Semantics and Pragmatics: Meaning in Language and Discourse*. Pearson Education, 2002.
- Jefferson G.** On Exposed and Embedded Correction in Conversation // Button G., Lee J. (eds.) *Talk and Social Organization*. Clevedon: Multilingual Matters, 1987. – Pp. 86-100.
- Ji S.** ‘Face’ and Polite Behaviours in Chinese Culture // *Journal of Pragmatics*, 32 (7), 2000. – Pp. 1059-1062.
- Joos M.** *The English Verb: Forms and Meanings*. London, 1968.
- Juker A.** The Relevance of Politeness // *Multilingua*, 7, 1988. – Pp. 375-384.
- Kádár D.Z., Haugh M.** *Understanding Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Kádár D.Z., Márquez-Reiter R.** (Im)politeness and (Im)morality: Insights from Intervention // *Journal of Politeness Research*, 11 (2), 2015. – Pp. 239-260.
- Kakavá C.** Opposition in Modern Greek discourse: cultural and contextual constraints // *Journal of Pragmatics*, 34, 2002. – Pp. 1537-1568.
- Kampf Z., Blum-Kulka Sh.** Why are Israeli Children Better at Settling Disputes than Israeli Politicians? // Bargiela-Chiappini F., Kádár D.Z. (eds.) *Politeness across Cultures*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – Pp. 85-105.
- Kangasharju H.** Alignment in Disagreement: Forming Oppositional Alliances in Committee Meetings // *Journal of Pragmatics*, 34, 2002. – Pp. 1447-1471.
- Kasher A.** Politeness and rationality // J.D. Johansen and H. Sonne (eds.) *Pragmatics and linguistics: Festschrift for Jacob Mey*. Odense: Odense University Press, 1998. – Pp. 103-114.

- Kasper G.** Linguistic Politeness: Current Research Issues // *Journal of Pragmatics*, 14 (2), 1990. – Pp. 193-218.
- Kasper G.** Linguistic Etiquette // Coulmas F. (ed.) *The Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Blackwell, 1997. – Pp. 374-385.
- Kasper G.** Interlanguage pragmatics // H. Byrnes (ed.) *Learning second and foreign languages*. New York: The Modern Language Association of America, 1998. – Pp. 183-208.
- Kasper G.** Politeness // R. Mesthrie (ed.) *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2001. – Pp. 187-193.
- Kasper G.** Speech Acts in Interaction: towards Discursive Pragmatics // Bardovi-Harlig K., Félix-Brasdefer C., Omar A. (eds.) *Pragmatics and Language Learning*, 11. Honolulu, HI: National Foreign Language Resource Center, 2006. – Pp. 281-314.
- Kasper G., Blum-Kulka S** (eds.) *Interlanguage Pragmatics*. New York/Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Kasper G., Kellerman E.** (eds.) *Communication Strategies: Psycholinguistic and Sociolinguistic Perspectives*. London and New York: Longman, 1997.
- Keckes I.** The Paradox of Communication: Socio-Cognitive Approach to Pragmatics // *Pragmatics and Society*, 1 (1), 2010. – Pp. 50-73.
- Keenan E.** Two kinds of presupposition in natural language // Ch. Fillmore and T. Langendoen (eds.) *Studies in linguistic semantics*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971. – Pp. 45-54.
- Keenan E.** The universality of conversational postulates // *Language in Society*, 5, 1976. – Pp. 67-80.
- Kerbrat-Orecchioni C.** A Multilevel Approach in the Study of Talk in Interaction // *Pragmatics*, 7 (1), 1997. – Pp. 1-20.
- Kienpointner M.** Impoliteness and Emotional Arguments // *Journal of Politeness Research*, 4 (2), 2008. – Pp. 243-265.
- Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L.** *Variations in value orientations*. Evanston, IL: Row, Peterson, 1961.
- Koike D.A.** On politeness in Spanish and Portuguese // *Journal of Pragmatics*, 10, 1986.

- Koike D.A.** Requests and the Role of Deixis in Politeness // *Journal of Pragmatics*, 13, 1989. – Pp. 187-202.
- Kotthoff H.** Disagreement and Concession in Disputes: on the Context Sensitivity of Preference Structures // *Language in Society*, 22, 1993. – Pp. 193-216.
- Koutsantoni D.** Greek Cultural Characteristics and Academic Writing // *Journal of Modern Greek Studies*, 23, 2005. – Pp. 97-138.
- Krashen S.** We acquire vocabulary and spelling by reading: Additional evidence for the input hypothesis // *Modern Language Journal*, 73, 1989. – Pp. 440-464.
- Kuno S.** *Functional syntax: Anaphora, discourse and empathy.* Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- Kuno S., Kaburaki E.** Empathy and syntax // *Linguistic inquiry*, 8 (4), 1977. – Pp. 627-672.
- Kurylowicz J.** The role of deictic elements in linguistic evolution // *Semiotica*, 5 (2), 1972. – Pp. 174-183.
- Kwarciak B.J.** The acquisition of linguistic politeness, and Brown and Levinson's Theory // *Multilingua*, 12, 1993. – Pp. 51-68.
- Labov W., Fanshel D.** *Therapeutic discourse: Psychotherapy as Conversation.* New York: Academic Press, 1977.
- Lakoff G.** *Thinking Points: Communicating Our American Values and Vision.* N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2006.
- Lakoff R.** Language in context // *Language*, 48, 1972. – Pp. 907-927.
- Lakoff R.** The logic of politeness, or minding your P's and Q's // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society.* Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. – Pp. 292-305.
- Lakoff R.** Remarks on this and that // *Berkeley Studies in Syntax and Semantics.* L.: The MIT Press, 1974. – Pp. 345-356.
- Lakoff R.** What you can do with words: politeness, pragmatics and performatives // R. Rogers, R. Wall & J. Murphy (eds.) *Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presuppositions and Implicatures.* Arlington, VA.: Center for Applied Linguistics, 1977. – Pp. 79-106.

- Lakoff R.** The limits of politeness: therapeutic and courtroom discourse // *Multilingua*, 8 (2/3), 1989. – Pp. 101-129.
- Lakoff R.** Talking power. New York: Basic Books, 1990.
- Langlotz A.** Social cognition // Locher M.A., Graham S.L. (eds.) *Interpersonal Pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 167-202.
- Langlotz A.** Creating Social Orientation through Language: A Socio-cognitive Theory of Situated Social Meaning. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Langlotz A., Locher M.** Ways of communicating emotional stance in online disagreements // *Journal of Pragmatics*, 44 (12), 2012. – Pp. 1591-1606.
- Langlotz A., Locher M.** The role of emotions in relational work // *Journal of Pragmatics*, 58, 2013. – Pp. 87-107.
- Langlotz A., Locher M.** (Im)politeness and emotion // Culpeper J., Haugh M., Kádár D.Z. (eds.) *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London: Palgrave Macmillan, 2017. – Pp. 287-322.
- Lavandera B.R.** The Social Pragmatics of Politeness Forms // U. Ammon, N. Dittmar and K. Mattheier (eds.) *Sociolinguistics/Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*, 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. – Pp. 1196-1205.
- Laver J.** Communicative Functions of Phatic Communion // *Organization of Behaviour in Face-to-Face Interaction*. The Hague: Mouton, 1975.
- Laver J.** Linguistic Routine and Politeness in Greeting and Parting // Coulmas F. (ed.) *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. The Hague-Paris, 1981. – Pp. 289-304.
- Laver J., Hutcheson S.** (eds.) *Communication in face-to-face interaction*. Harmondsworth: Penguin, 1972.
- Lazaraton A.** Preference Organization in Oral Proficiency Interviews: the Case of Language Ability Assessments // *Research on Language and Social Interaction*, 30 (1), 1997. – Pp. 53-72.

- Leech G.** Language and tact. Trier: University of Trier, 1977.
- Leech G.** Explorations in Semantics. Amsterdam: John Benjamins, 1980.
- Leech G.** Principles of pragmatics. London and New York: Longman, 1983.
- Leech G.** Meaning and the English Verb. London: Longman, 2004.
- Leech G.** Politeness: Is there an East-West divide? // Journal of Politeness Research, 3 (2), 2007. – Pp. 167-206.
- Leech G.** The Pragmatics of Politeness. New York: Oxford University Press, 2014.
- Leech G., Larina T.** Politeness: West and East // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика», 2014, № 4. – С. 9-34.
- Leech G., Starvik J.** A Communicative Grammar of English, 2nd edition. London and New York: Longman, 1994.
- Leech G., Thomas J.** Language, meaning and context pragmatics // Collinge N.E. (ed.) An encyclopedia of language. London: Routledge, 1990. – Pp. 173-207.
- Lee-Wong S.M.** Imperatives in Requests: Direct or Impolite: Observations from Chinese // Pragmatics, 4 (4), 1994. – Pp. 491-515.
- Lerner G.H.** Finding “Face” in the Preference Structures of Talk-in-Interaction // Social Psychology Quarterly, 59 (4), 1996. – Pp. 303-321.
- Levinson S.** Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Levinson S.** Deixis and pragmatics // L. Horn, G. Ward (eds.) The Handbook of Pragmatics. Oxford: Blackwell, 2004.– Pp. 97–121.
- Lipson M.** Apologizing in Italian and English // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 32 (1), 1994. – Pp. 19-39.
- Locher M.** Power and Politeness in Action. Disagreements in Oral Communication. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Locher M.** Advice Online. Advice-giving in an American Internet Health Column. Amsterdam: John Benjamins, 2006.
- Locher M.** Relational work, politeness, and identity construction // Antos G., Ventola E. and Weber T. (eds.) Handbooks of Applied

- Linguistics. Volume 2: Interpersonal Communication. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 509-540.
- Locher M.** Politeness research from past to future, with a special focus on the discursive approach // Fernández Amaya L., Hernández Lopez M., Gomez Moron R., Padilla Cruz M., Mejias Borrero M., Relinque Barranca M. (eds.) *New Perspectives on (Im)Politeness and Interpersonal Communication*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 36-60.
- Locher M.** The relational aspect of language: Avenues of research // Mergenthal S., Nischik R.M. (eds.) *Anglistentag 2013 Konstanz: Proceedings*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2014. – Pp. 309-322.
- Locher M.** Interpersonal pragmatics and its link to (im)politeness research // *Journal of Pragmatics*, 86, 2015. – Pp. 5-10.
- Locher M., Graham S.L.** Introduction to interpersonal pragmatics // Locher M.A., Graham S.L. (eds.) *Interpersonal Pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 1-13.
- Locher M., Langlotz A.** Relational work: at the intersection of cognition, interaction and emotion // *Bulletin VALS-ASLA*, 88, 2008. – Pp. 165-191.
- Locher M., Watts R.J.** Politeness Theory and Relational Work // *Journal of Politeness Research*, 1 (2), 2005. – Pp. 9-33.
- Locher M., Watts R.J.** Relational work and impoliteness: negotiating norms of linguistic behaviour // Bousfield D., Locher M. (eds.) *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. – Pp. 77-99.
- Locke J.** *A letter concerning toleration and other writings*. Indianapolis: Liberty Fund, 2010.
- Lyons J.** *Semantics*, vol. 1, 2, Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Lyons J.** *Language and linguistics: an introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

- Lyons J.** Deixis and subjectivity: Loquor, ergo sum? // R. J. Jarvella and W. Klein (eds.) *Speech, place, and action. Studies in deixis and related topics.* Chichester/New York: John Wiley & Sons. 1982. – Pp. 101-124.
- Macy M.W.** Social class // R. Mesthrie (ed.) *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics.* Amsterdam: Elsevier, 2001. – Pp. 362-370.
- Maitland K., Wilson J.** Pronominal Selection and Ideological Conflict // *Journal of Pragmatics*, 11, 1987. – Pp. 495-512.
- Mao Lu Ming R.** Beyond politeness theory: “Face” revisited and renewed // *Journal of Pragmatics*, 21. 1994. – Pp. 451-486.
- Markkanen R.** *Cross-language studies in pragmatics.* Jyväskylä: University of Yyväskylä, 1985.
- Markkanen R., Schröder H.** Hedging: A challenge for pragmatics and discourse analysis // Markkanen R. and Schröder H. (eds.) *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts.* Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1997. – Pp. 3-20.
- Marquez-Reiter R.** *Linguistic politeness in Britain and Uruguay: a contrastive study of request and apologies.* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2000.
- Matsumoto Y.** Reexamination of the Universality of Face: Politeness Phenomena in Japanese // *Journal of Pragmatics*, 12 (4), 1988. – Pp. 403-426.
- Matsumoto Y.** Politeness and Conversational Universals – Observations from Japanese // *Multilingua*, 8, 1989. – Pp. 207-221.
- Matsumoto D., Juang L.** *Culture and Psychology.* New York: Wadsworth, 2004.
- Meier A.J.** Passages of Politeness // *Journal of Pragmatics*, 24 (4), 1995. – Pp. 381-392.
- Meunier A.** *Modalités et communication* // *Langue française*, 21. Paris: Larousse, 1974. – Pp. 8-25.
- Mey J.** *Pragmatics. An Introduction.* Oxford: Blackwell, 2001.

- Mey J.** Pragmatics and Sociolinguistics // R. Mesthrie (ed.) Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. Amsterdam: Elsevier, 2001. – Pp. 50-58.
- Mills S.** Rethinking Politeness, Impoliteness, and Gender Identity // Litosseliti L., Sunderland J. (eds.) Gender Identity and Discourse Identity. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2002. – Pp. 69-89.
- Mills S.** Gender and Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Mills S.** Gender and impoliteness // Journal of Politeness Research, 1 (2), 2005. – Pp. 263-280.
- Mills S.** Discursive approaches to politeness and impoliteness // Discursive Approaches to Politeness / Linguistic Politeness Research Group (eds.). Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2011. – Pp. 1-17.
- Ming-Chang Y.** On the Universality of Face: Evidence from Chinese Compliment Response Behaviour // Journal of Pragmatics, 35 (10-11), 2003. – Pp. 1679-1710.
- Minna-Riitta L., Markkanen R.** Impersonalization as a form of hedging // Markkanen R., Schröder H. (eds.) Hedging and discourse. Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts. Berlin/New York: de Gruyter, 1997. – Pp. 168-187.
- Mitchell N., Haugh M.** Agency, Accountability and Evaluations of Impoliteness // Journal of Politeness Research, 11, 2015. – Pp. 207-238.
- Morris C.** Foundations of the theory of signs. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938.
- Morrita Y. Kiso** Nihongo [Basic Japanese]. Tokyo: Kadokawa, 1977.
- Muntigl P., Turnbull W.** Conversational structure and facework in arguing // Journal of Pragmatics, 29 (3), 1998. – Pp. 225-256.
- Murphy M.L.** Semantic Relations and the Lexicon: Antonymy, Synonymy and other Paradigms. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

- Nelson Ch. K.** If it sounds too good to be true, it is: a Wittgensteinian approach to the conflict literature // *Language & Communication*, 21 (1), 2001. – Pp. 1-22.
- Nwoye O. G.** Linguistic politeness and socio-cultural variations of the notion of face // *Journal of Pragmatics*, 18 (4), 1992. – Pp. 309-328.
- Ochs E., Schieffelin B.B.** *Language Acquisition and Socialization* // Schweder R.A. and LeVine R.A. (eds.) *Culture Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Pp. 276-320.
- O'Driscoll J.** About face: a defence and elaboration of universal dualism // *Journal of Pragmatics*, 25, 1996. – Pp. 1-32.
- O'Driscoll J.** What's in an FTA? Reflections on a chance meeting with Claudine // *Journal of Politeness Research*, 3 (2). 2007a. – Pp. 243-268.
- O'Driscoll J.** Brown and Levinson's face: how it can – and can't – help us to understand interaction across cultures // *Intercultural Pragmatics*, 4 (4), 2007b. – Pp. 463-492.
- O'Driscoll J.** Some issues with the concept of face: when, what, how and how much // Bargiela-Chiappini F., Kadar D.Z. (eds.) *Politeness across Cultures*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – Pp. 17-41.
- O'Driscoll J.** Face and (Im)politeness // Culpeper J., Haugh M., Kádár D. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)Politeness*. London: Palgrave Macmillan, 2017.
- Olshtain E.** Apologies across Languages // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.) *Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies*. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989. – Pp. 155-173.
- Papacharissi Z.** Democracy online: civility, politeness, and the democratic potential of online political discussion groups // *New Media & Society*, 6 (2), 2004. – Pp. 259-283.
- Parret H.** *Discussing language*. The Hague-Paris: Mouton, 1974.
- Parret H.** The Pragmatics of Semantic Theories // *Philosophica*, 27 (1), 1981. – Pp. 27-52.
- Partridge E.** *Usage and Abusage: A Guide to Good English*. London: Penguin Books, 1999.

- Paxman J.** *The English: A Portrait of a People*. London: Penguin Group, 1999.
- Peirce Ch.** *Selected writings*. New York, 1940.
- Penman R.** *Facework and politeness: Multiple goals in courtroom discourse* // K. Tracy, N. Coupland (eds.) *Multiple goals in discourse*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 1990. – Pp. 15-38.
- Perkins M.R.** *Modal expressions in English*. London: Pinter, 1983.
- Pizziconi B.** *Re-examining politeness, face and the Japanese Language* // *Journal of Pragmatics*, 35 (10-11), 2003. – Pp. 1471-1506.
- Pomerantz A.** *Compliment Responses: Notes on the Cooperation of Multiple Constraints* // Schenkein J. (ed.) *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. New York: Academic Press, 1978. – Pp. 79-112.
- Pomerantz A.** *Agreeing and disagreeing with assessments: some features of preferred/dispreferred turn shapes* // Atkinson M., Heritage J. (eds.) *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – Pp. 57-103.
- Post E.** *Etiquette. The Blue book of Social Usage*. New York: Funk and Wagnalls, 1995.
- Proctor K., I-Wen Su L.** *The 1st person plural in political discourse – American politicians in interviews and in a debate* // *Journal of Pragmatics*, 43, 2011. – Pp. 3251–3266.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Starvik J.** *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London and New York: Longman, 1985.
- Rathmayr R.** *Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme* // *Slavistische Beiträge*. Band 187. München: Verlag Otto Sagner, 1985.
- Rathmayr R.** *Hoflichkeit als kulturspezifisches Kozept: Russisch im Vergleich* // I. Ohnheiser (Hrsg.) *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Innsbruck, 1995. – Pp. 174-185.

- Rathmayr R.** Sprachliche Höflichkeit. Am Beispiel expliziter und impliziter Höflichkeit im Russischen // W. Girke (Hrsg.) Slavistische Linguistik 1995. München, 1996. – Pp. 362-391.
- Rauch G.** Aspects of Deixis // G. Rauch (ed.) Essays on Deixis. Tübingen: Narr, 1983. – Pp. 9-60.
- Rees-Miller J.** Power, severity, and context in disagreement // Journal of Pragmatics, 32, 2000. – Pp. 1087-1111.
- Reiter R.M.** Linguistic Politeness in Britain and Uruguay: A contrastive study of requests and apologies. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000.
- Renkema J.** Discourse Studies: An Introductory Textbook. Amsterdam, 1993.
- Reuscher C.C.** Politeness Distinction in Personal Pronouns and the Concept of Face. Munich, GRIN Verlag, 2006. URL: <https://www.grin.com/document/60171>
- Richards J.R., Schmidt R.W.** (eds.) Language and Communication. London: Longman, 1983.
- Rintell E.** Sociolinguistic Variation and Pragmatic Ability: A Look at Learners // International Journal of the Sociology of Language, 27, 1981. – Pp. 11-34.
- Ruhi S.** Higher-order intentions and self-politeness in evaluations of (im)politeness: the relevance of compliment responses // Australian Journal of Linguistics, 27 (2), 2007. – Pp. 107-145.
- Russell B.** An Inquiry into meaning and truth. London, 1940.
- Sacks H.** On the Preference for Agreement and Contiguity in Sequences in Conversation // Button G., Lee J. (eds.) Talk and Social Organization. Multilingual Matters, Clevedon, 1987. – Pp. 54-69.
- Sacks H.** Lectures on Conversation, vol. II. Oxford: Blackwell, 1992.
- Sadock J.** Towards a linguistic theory of speech acts. New York: Academic Press, 1974.
- Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R.** Communication between Cultures, 7th edition. Boston: Wadsworth, Cengage Learning, 2010.

- Scheerhorn D.R.** Politeness in Decision-Making // *Research on Language and Social Interaction*, 25, 1991-92. – Pp. 253-273.
- Schegloff E.A.** On talk and its institutional occasions // Drew P., Heritage J. (eds.) *Talk at Work*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Pp. 101-137.
- Schiffrin D.** Jewish argument as sociability // *Language in Society*, 13, 1984. – Pp. 311-335.
- Schiffrin D.** *Discourse markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – Pp. 228-265.
- Schiffrin D.** *Approaches to discourse*. Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell, 1998.
- Schneider K.P.** *Small Talk: Analysing Phatic Discourse*. Marburg: Hitzeroth, 1988.
- Scollon R., Scollon S.** *Narrative literacy and face in interethnic communication*. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1981.
- Scollon R., Scollon S.** Face in interethnic communication // Richards J. R. and Schmidt R.W. (eds.) *Language and Communication*. London: Longman, 1983. – Pp. 156-188.
- Scollon R., Scollon S.** *Intercultural Communication: A Discourse Approach*, 2nd edition. Padstow, UK: Blackwell, 2000.
- Scott S.** Linguistic feature variation within disagreements: an empirical investigation // *Text (An Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse)*, 22 (2), 2002. – Pp. 301-328.
- Searle J.R.** *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Searle J.R.** Indirect speech acts // Cole P., Morgan J. (eds.) *Syntax and Semantics*, 3: Speech acts. New York: Academic Press, 1975a. – Pp. 59-83.
- Searle J.R.** A taxonomy of illocutionary acts // *Language, mind, and knowledge. Minnesota studies in the philosophy of science*, 7, 1975b. – Pp. 344-369.
- Searle J.R.** The classification of illocutionary acts // *Language in Society*, 5 (1), 1976. – Pp. 1-24.

- Searle J., Vanderveken D.** Foundations of illocutionary logic. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Sedikides C., Brewer M. B.** Individual self, relational self, and collective self. Partners, opponents, or strangers? // Sedikides C., Brewer M. (eds.) Individual Self, Relational Self, Collective Self. Philadelphia: Psychology Press, 2001. – Pp. 1-4.
- Sell R.D.** Literary Texts and Diachronic Aspects of Politeness // Watts R.J., Ide S. and K. Ehlich (eds.) Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 109-130.
- Sells P.** Aspects of logophoricity // Linguistic inquiry, 18 (3), 1987. – Pp. 445-479.
- Shahrokhi M., Bidabadi F.** An Overview of Politeness Theories: Current Status, Future Orientations // American Journal of Linguistics, 2 (2), 2013. – Pp. 17-27.
- Shibatani M.** Honorifics // Jacob M. L. (ed.) Concise Encyclopedia of Pragmatics. Amsterdam: Elsevier, 1998. – Pp. 341-350.
- Shils E.** Deference // Jackson J. A. (ed.) Social Stratification. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. – Pp. 104-132.
- Sifianou M.** Politeness Phenomena in England and Greece: A cross-cultural perspective. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Sifianou M.** Off-record indirectness and the notion of imposition // Multilingua, 12, 1993. – Pp. 69-79.
- Sifianou M.** Linguistic politeness: laying the foundations // Locher M.A., Graham S.L. (eds.) Interpersonal Pragmatics. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2010. – Pp. 17-41.
- Sifianou M.** On the concept of face and politeness // Bargiela-Chiappini F., Kádár D.Z. (eds.) Politeness across Cultures. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – Pp. 42-58.
- Sifianou M.** Disagreements, face and politeness // Journal of Pragmatics, 44 (12), 2012. – Pp. 1554-1564.
- Slugoski B., Turnbull W.** Cruel to be kind and kind to be cruel: sarcasm, banter and social relations // Journal of Language and Social Psychology, 7, 1988. – Pp. 101-121.

- Smith L.E.** Introduction: discourse strategies and cross-cultural communication // Smith L.E. (ed.) *Discourse Across Cultures: Strategies Across Englishes*. New York: Prentice Hall, 1987. – Pp. 1-6.
- Song S.** *Politeness and Culture in Second Language Acquisition*. New York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Spencer-Oatey H.** Reconsidering power and distance // *Journal of Pragmatics*, 26, 1996. – Pp. 1-24.
- Spencer-Oatey H.** Rapport management: a framework for analysis // Spencer-Oatey H. (ed.) *Culturally Speaking: Managing Rapport through Talk across Cultures*. London: Continuum, 2000. – Pp. 11-46.
- Spencer-Oatey H.** Managing rapport in talk: using rapport sensitive incidents to explore the motivational concerns underlying the management of relations // *Journal of Pragmatics*, 34, 2002. – Pp. 529-545.
- Spencer-Oatey H.** (Im)politeness, face and perception of rapport: Unpackaging their bases and interrelationships // *Journal of Politeness Research*, 1 (1), 2005. – Pp. 95-119.
- Spencer-Oatey H.** Theories of identity and the analysis of face // *Journal of Pragmatics*, 39, 2007. – Pp. 639-656.
- Spencer-Oatey H.** Face, (im)politeness and rapport // Spencer-Oatey H. (ed.) *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*, 2nd edition. London, New-York: Continuum, 2008. – Pp. 11-47.
- Spencer-Oatey H.** Face, identity and interactional goals // Bargiela-Chiappini F., Haugh M. (eds.) *Face, Communication and Social Interaction*. London: Equinox, 2009. – Pp. 137-154.
- Spencer-Oatey H.** Conceptualising ‘the relational’ in pragmatics: insights from metapragmatic emotion and (im)politeness comments // *Journal of Pragmatics*, 43 (14), 2011. – Pp. 3565-3578.
- Spencer-Oatey H., Franklin P.** *Intercultural Interaction: A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.
- Spencer-Oatey H., Jiang W.** Explaining cross-cultural pragmatic findings: moving from politeness maxims to sociopragmatic

- interactional principles (SIPs) // *Journal of Pragmatics*, 35, 2003. – Pp. 1633-1650.
- Sperber D., Wilson D.** Mutual knowledge and relevance in theories of comprehension // N. Smith (ed.) *Mutual knowledge*. London: Academic Press, 1982. – Pp. 61-131.
- Sperber D., Wilson D.** *Relevance. Communication and Cognition*, 2nd edition. Oxford: Blackwell, 1995.
- Stalnaker R.** *Pragmatics* // *Synthese*, 22, 1970. – Pp. 272-289.
- Stalnaker R.** *Pragmatics // Semantics of natural language*. Dordrecht-Holland: D. Reidel Publishing Company, 1972. – Pp. 380-397.
- Stedman J. S.** *Durkheim Reconsidered*. Cambridge: Polity Press, 2000.
- Steiner P.** *La Sociologie de Durkheim*. Paris: La Decouverte, 2000.
- Stewart M.** Protecting speaker's face in impolite exchanges: the negotiation of face-wants in workplace interactions // *Journal of Politeness Research*, 4 (1), 2008. – Pp. 31-54.
- Story M., Childs P.** (eds.) *British Cultural Identities*. London, New York: Routledge, 2002.
- Strawson P.F.** On Referring // *Mind*, 59. Oxford: Oxford University Press, 1950. – Pp. 320-344.
- Stubbs M.** *Discourse analysis. The sociolinguistic analysis of natural language*. Oxford: Blackwell, 1983.
- Sujyan S.L.** *The Category of Politeness: Principal Theories* // *Foreign Languages in Higher Education*, 4. Yerevan: YSU Publishing House, 2003. – Pp. 47-63.
- Sujyan S.L.** *Politeness and Speech Acts* // *Foreign Languages in Higher Education*, 5. Yerevan: YSU Publishing House, 2004. – Pp. 61-66.
- Taavitsainen I., Jucker A.** *Diachronic perspectives on address term systems*. Amsterdam: John Benjamins, 2003.
- Takahara K.** *Politeness in English, Japanese and Spanish* // J.- H. Koo, R. N. St. Clair (eds.) *Cross Cultural Communication: East and West*. Seoul: Samji, 1986. – Pp. 181-194.

- Tanaka S., Kawade S.** Politeness Strategies and Second Language Acquisition // *Studies in Second Language Acquisition*, 5, 1982. – Pp. 18-33.
- Tannen D.** Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style // *Discourse Processes*, 4, 1981. – Pp. 221-238.
- Tannen D.** *Conversational Style: analyzing talk among friends.* Norwood, NJ, Ablex Publishing, 1984.
- Tannen D.** *That's Not What I Meant.* New York: William Morrow, 1986.
- Tannen D.** The relativity of linguistic strategies: rethinking power and solidarity in gender and dominance // Tannen D. (ed.) *Gender and Discourse.* Oxford: Oxford University Press, 1994. – Pp. 19-52.
- Tannen D., Kakavá Ch.** Power and solidarity in Modern Greek conversation: disagreeing to agree // *Journal of Modern Greek Studies*, 10 (1), 1992. – Pp. 11-34.
- Tanz Ch.** *Studies in the acquisition of deictic terms.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Terkourafi M.** Frames for politeness: a case study // *Pragmatics*, 91, 1999. – Pp. 97-118.
- Terkourafi M.** Beyond the micro-level in politeness research // *Journal of Politeness Research*, 1 (2), 2005. – Pp. 237-262.
- Terkourafi M.** Toward a unified theory of politeness, impoliteness and rudeness // Bousfield D., Locher M. (eds.) *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power and Practice.* Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. – Pp. 45-74.
- Terkourafi M.** Conventionalization: A new agenda for im/politeness research // *Journal of Pragmatics*, 86, 2015. – Pp. 11-18.
- Ter-Minasova S.** Crossroads of Cultures and Cultures of Crossroads // Lynch D. and Pilbeam I. (eds.) *Heritage and Progress: From the Past to the Future in Intercultural Understanding.* SIETAR Europe Congress, 2000. – Pp. 69-77.
- Thomas J.** Cross-cultural pragmatic failure // *Applied Linguistics*, 4, 1983. – Pp. 91-112.

- Thomas J.** Meaning in interaction: An introduction to pragmatics. London: Longman, 1995.
- Thomas J.** Conversational Maxims // R. Mesthrie (ed.) Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. Amsterdam: Elsevier, 2001. – Pp. 116-121.
- Thomas J.** Cooperative Principle // R. Mesthrie (ed.) Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. Amsterdam: Elsevier, 2001. – Pp. 121-125.
- Ting-Toomey S.** Communicating Across Cultures. New York/London: The Guilford Press, 1999.
- Ting-Toomey S.** The matrix of face: an updated face-negotiation theory // Gudykunst W.B. (ed.) Theorizing about Intercultural Communication. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2005. – Pp. 71-91.
- Ting-Toomey S., Chung L.C.** Understanding Intercultural Communication. Los Angeles: Roxbury, 2005.
- Ting-Toomey S., Korzeny F.** (eds.) Language, Communication and Culture: Current Directions. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1989.
- Ting-Toomey S., Kurogi A.** Facework competence in intercultural conflict: an updated face-negotiation theory // International Journal of Intercultural Relations, 222, 1998. – Pp. 187-225.
- Ting-Toomey S., Trubisky P., Lim S.** The influence of individualism-collectivism and self-monitoring on conflict styles // International Journal of Intercultural Relations, 15, 1991. – Pp. 65-84.
- Tomasello M.** The Cultural Origins of Human Cognition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
- Tracy K.** The Many Faces of Facework // H. Giles and W. P. Robinson (eds.) Handbook of Language and Social Psychology. Chichester: John Wiley and Sons, 1990. – Pp. 209-226.
- Tracy K.** ‘Reasonable hostility’: situation-appropriate face-attack // Journal of Politeness Research, 4 (2), 2008. – Pp. 169-191.
- Triandis H.** Culture and social behaviour. McGraw-Hill series in social psychology. New York: McGraw-Hill Inc., 1994.

- Triandis H.** Individualism and Collectivism. Boulder: Westview Press, 1995.
- Trommer A.-K.** Wondering about the intersection of speech acts, politeness and deixis: *I wondered* and *I was wondering* in the BNC // ICAME Journal, 35, 2011. – Pp. 185-204.
- Trosborg A.** Apology strategies in natives/non-natives // Journal of pragmatics, 11 (2), 1987. – Pp. 147-167.
- Trosborg A.** Interlanguage Pragmatics: Requests, Complaints and Apologies. Berlin/ New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Trudgill P.** Sociolinguistics: an Introduction to Language and Society. London: Penguin, 1983.
- Trudgill P.** Standard English: What it isn't // Bex T., Watts R. J. (eds.) Standard English: the Widening Debate. London/ New York: Routledge, 1999. – Pp. 117-128.
- Tsui Amy B.M.** English Conversation. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Turnbull W., Saxton K. L.** Modal expressions as facework in refusals to comply with requests: I think I should say 'no' right now // Journal of Pragmatics, 27, 1997. – Pp. 145-181.
- Turner K.** The principal principles of pragmatic inference: politeness // Language Teaching, 2, 1996. – Pp. 1-13.
- Usami M.** Discourse Politeness in Japanese Conversation. Some Implications for a Universal Theory of Politeness. Tokyo: Hituzi Syobo, 2002.
- van der Bom I., Mills S.** A discursive approach to the analysis of politeness data // Journal of Politeness Research, 11 (2). 2015. – Pp. 179-206.
- van Dijk T.A.** Studies in the pragmatics of discourse. The Hague: Mouton, 1981.
- van Dijk T.A.** Text and Context: Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. New York: Longman, 1989.

- van Dijk T.A.** (ed.) Discourse as social interaction // Discourse studies: a multidisciplinary introduction, vol. 2. London (UK) & Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1997.
- Vilkki L.** Politeness, Face and Facework: Current Issues // American Journal of Linguistics, 2(2), 2013. – Pp. 17-27.
- Wales K.** Personal pronouns in present-day English. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Watanabe Y.** Conflict, culture and face // Bargiela-Chiappini F., Kádár D.Z. (eds.) Politeness across Cultures. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – Pp. 216-236.
- Watts R.** Relevance and relational work: linguistic politeness as political behavior // Multilingua, 82 (3), 1989. – Pp. 131-166.
- Watts R.** Linguistic politeness and politic verbal behaviour: reconsidering claims for universality // Watts R.J., Ide S., Ehlich K. (eds.) Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 43-69.
- Watts R.** Linguistic politeness research // Watts R.J., Ide S., Enlich K. (eds.) Politeness in language: Studies in its history, theory and practice. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 131-153.
- Watts R.** From polite language to educated language: the reemergence of an ideology // Watts R.J., Trudgill P. (eds.) Alternative Histories of English. Part II. The history of communicative and pragmatic aspects of English. London; New York: Routledge, 2002. – Pp. 155-172.
- Watts R.** Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Watts R.** Rudeness, conceptual blending theory and relational work // Journal of Politeness Research, 4 (2), 2008. – Pp. 289-317.
- Watts R.** Linguistic politeness theory and its aftermath: Recent research trends // Interpersonal pragmatics / Locher M.A., Graham S.L. (eds.). Berlin; N.Y.: Mouton De Gruyter, 2010. – Pp. 43-70.
- Watts R., Ide S., Enlich K.** (eds.) Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992.
- Watts R., Ide S., Enlich K.** Introduction // Watts R.J., Ide S., Ehlich K. (eds.) Politeness in Language: Studies in its History, Theory and

- Practice, 2nd edition. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2005. – Pp. 1-17.
- Weizman E.** “Requestive hints” // Blum-Kulka S., House J., Kasper G. (eds.) Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood, NJ: Ablex Publishing, 1989. – Pp. 71-95.
- Werkhofer K. T.** Traditional and Modern Views: the Social Constitution and the Power of Politeness // Watts R.J., Ede S., Ehlich K. (eds.) Politeness in Language: Studies in Its History, Theory and Practice. Berlin: Mouton de Gruyter, 1992. – Pp. 155-199.
- Werth P.** A Functional Approach to Presupposition: Pulling the Plug on Holes and Filters // A. Bossuyt (ed.) Functional Explanations in Linguistics (Belgian Journal of Linguistics, 1, 1986). – Pp. 239-279.
- Wierzbicka A.** Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts // Journal of Pragmatics, 9, 1985. – Pp. 145-178.
- Wierzbicka A.** Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Wierzbicka A.** Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York, London: Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka A.** Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish and Japanese. New York, London: Oxford University Press, 1997.
- Wilson S. R., Kim M.-Su., Meischke H.** Evaluating Brown and Levinson’s Politeness Theory: a Revised Analysis of Directives and Face // Research on Language and Social Interaction, 25, 1991-1992. – Pp. 215-252.
- Wortham S.** Social identification beyond the speech event // Texas Linguistic Forum, 48, 2005. – Pp. 31-49.
- Wunderlich D.** Meaning and context-dependence // Semantics from different points of view. Berlin, 1975. – Pp. 183-208.
- Wunderlich D.** Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt am Mein, 1976.
- Wunderlich D.** Foundations of linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

- Yerznkyan Y.L.** Word meaning and context of situation // Semiotics and Language Teaching. Ann-Arbor: Caravan Books, 2001. – Pp. 193-197.
- Yerznkyan Y.L.** Pragmatic Competence as a Precondition for Effective Communication // Foreign Languages in Higher Education, 5. Yerevan: YSU Publishing House, 2004. – Pp. 78-83.
- Yerznkyan Y.L.** The Role of Deixis in Politeness // English Studies: theory and practice. AASE 1st International Conference. Yerevan, October 27-30, 2004, p. 54.
- Yerznkyan Y.L.** Deixis in Polite Interaction // International Journal of English Studies (Armenian Folia Anglistika), 1 (2). Yerevan: Lusakn Publishers, 2006. – Pp. 36-41.
- Yerznkyan Y.L., Sujyan S.L.** Pragmatic Competence: Indirectness and Politeness // LATEUM-2005: Proceedings of the 8th International Conference “ELT as Sustainable Development: Secondary and Tertiary Education”. Moscow: MAKS Press, 2007. – Pp. 84-85.
- Yerznkyan Y.L., Sujyan S.L.** Pronouns as deictic markers of politeness // LATEUM-2008: Proceedings of the 9th International Conference “Language. Speech. Communication. Culture”. Moscow: MAKS Press, 2008. – Pp. 139-141.
- Yule G.** The Study of Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Yule G.** Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Yule G.** The Study of Language, 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Zabotkina V.I.** Cognitive-pragmatic approach to lexicological studies // Proceedings of the XVI International Congress of Linguistics. Paris, 1998. – Pp. 901-907.
- Zhu Jiang, Bao Yuxiao.** The Pragmatic Comparison of Chinese and Western “Politeness” in Cross-Cultural Communication // Journal of English Teaching and Research, 1 (6), 2010. – Pp. 848-851.
- Zimin S.** Sex and Politeness: Factors in First- and Second-Language Use // International Journal of the Sociology of Language 27, 1981. – Pp. 35-58.

- Աբրահամյան Ս.Գ., Պառնասյան Ն.Ա., Օհանյան Հ.Ա.** Ժամանակակից հայոց լեզու, հ. 2, Եր., ՀՄՍՀ ԳԱ հրատ., 1974:
- Աղայան Է.Բ.** Լեզվաբանության հիմունքներ, Երևան, Երևանի համալսարանի հրատ., 1987:
- Առաքելյան Վ.Դ., Խաչատրյան Ա.Ա., Էլոյան Ս.** Ժամանակակից հայոց լեզու: Հնչյունաբանություն և բառագիտություն, Երևան, ՀՄՍՀ ԳԱ, 1979:
- Երզնկյան Ե.Լ., Աբրահամյան Ա.Ս.** Անուղղակի քաղաքավարական խնդրանքի առանձնահատկությունները անգլերենում և հայերենում // Օտար լեզուները բարձրագույն դպրոցում, № 11, Երևան, 2010. – էջ 103-115:
- Երզնկյան Ե.Լ., Աբրահամյան Ա.Ս.** Քաղաքավարական խնդրանքը անգլերենում և հայերենում // Օտար լեզուները Հայաստանում, № 5, 2010. – էջ 29-42:
- Ջահուկյան Գ.Բ.** Ընդհանուր և հայկական լեզվաբանություն, Երևան, ՀՄՍՀ ԳԱ, 1978:
- Ջահուկյան Գ.Բ.** Ժամանակակից հայոց լեզվի իմաստաբանություն և բառագիտություն, Երևան, ՀՄՍՀ ԳԱ, 1989:

Лексикографические источники

- Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др. М., 1999. (АРСС)
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. (БЭС)
- Бочкарев А.Е. Семантический словарь. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2003.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд. Моск. ун-та, 1996.

- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева.
М.: Сов. энциклопедия, 1990. (ЛЭС)
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
- Новый большой англо-русский словарь: в 3-х томах / Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова, А.В. Петрова и др. М.: Русский язык, 1999. (НБАРС)
- The American Heritage Dictionary of the English Language, 5th edition. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2011.
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. (CALD)
- Collins Cobuild English Language Dictionary. Harper Collins Publishers, 1995.
- The Concise Oxford Dictionary of Current English, 6th edition / J.B. Sykes. London: Oxford University Press, 1976. (CODCE)
- Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. Oxford: Blackwell Publishers Ltd, 1997.
- Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language, 3rd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 2003.
- Kiss G., Armstrong C., Milroy R. (eds.) The Associative Thesaurus of English. Edinburg, 1972.
- Longman Dictionary of Contemporary English. London: Longman, 1995. (LDCE)
- Oxford Popular English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000. (OPED)
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2002.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, 7th edition / S. Wehmeier, C. McIntosh, J. Turnbull. Oxford: Oxford University Press, 2005. (OALD)

The Concise Oxford Dictionary of English Etymology Oxford; New York: Oxford University Press, 1993

Oxford Guide to British and American Culture / Jonathan Crowther (ed.) Oxford: Oxford University Press, 2000.

The Random House Dictionary of the English Language. New York, 1976.

Shaw H. Dictionary of Problem Words and Expressions. Revised, Subsequent Edition McGraw-Hill, 1987 (DPWE)

Webster's New Dictionary of Synonyms. G.&C. Merriam Company Publishers, 2001. (WNDS)

Webster's New World Dictionary, 3rd edition. Cambridge University Press, 1989. (WNWD)

Cambridge Dictionaries Online: <http://dictionary.cambridge.org/>

Collins Dictionary | Definition, Thesaurus and Translations: <https://www.collinsdictionary.com/>

Longman English Dictionary Online: <http://www.ldoceonline.com/>

Macmillan Dictionary and Thesaurus: <http://www.macmillandictionary.com/>

The Oxford English Dictionary, 2009: <https://www.oxforddictionaries.com/oed>

Անգլերեն-հայերեն բառարան /Հ.Ա. Ասմանգուլյան, Մ.Բ. Հովհաննիսյան. Երևան, 1991: (ԱՀԲ)

Աղայան Է. Բ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան, Երևան, «Հայաստան» հրատարակչություն, 1976:

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Елена Леоновна Ерзинкян

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ ВЕЖЛИВОСТИ:
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА**

Научное издание

Компьютерная верстка К. Чалабян
Дизайн обложки С.Л. Суджяна

Подписано к печати 07.06.2018.
Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ. 25.625.
Тираж 100.

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1
www.publishing.yసు.am

Елена Левоновна Ерзинкян – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка Ереванского государственного университета.

Главный редактор научного журнала “Иностранные языки в высшей школе” и научно-методического журнала “Иностранные языки в Армении”.

Окончила английское отделение филологического факультета Ереванского государственного университета и аспирантуру Московского государственного лингвистического университета.

Автор более 170 научных и научно-методических трудов, в том числе более 30 монографий, учебников, словарей. Соавтор Первого армяно-английского словаря и Большого оборонно-безопасностного толкового армяно-русско-английского, русско-армянского, англо-армянского словаря.

Круг научных интересов Е. Л. Ерзинкян охватывает проблемы общей и сопоставительной лингвистики, лексической семантики, когнитивистики, прагматики, теории коммуникации и социолингвистики, прикладной лингвистики, методики преподавания иностранных языков, тестирования и измерения знаний.

